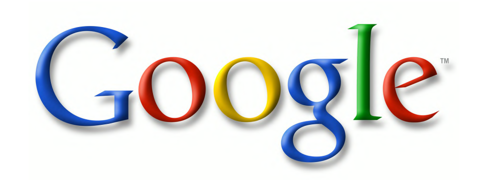

НА КУЛЬТУРНОЙ РАБОТѢ.

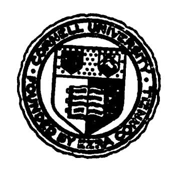
ОЧЕРКИ и ВОСПОМИНАНІЯ

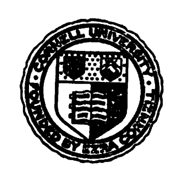
М. Слобожанина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.

1908.

CORNELL UNIVERSITY
FOUNDED BY EZRA CORNELL

CORNELL UNIVERSITY
FOUNDED BY EZRA CORNELL

НА КУЛЬТУРНОЙ РАБОТѢ.

ОЧЕРКИ и ВОСПОМИНАНІЯ

М. Слобожанина.

1. Школа жизни. (Изъ воспоминаній школьнаго учителя).
2. Какъ мы устроили мужицкую академію.
3. Въ горахъ и предгорьяхъ Сѣверн. Кавказа (Изъ путевыхъ замѣтокъ статистика).
4. Письма съ голоднаго края.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.
1907.

LOBOZHANIN

Нѣсколько словъ о культурной работѣ.

(Вмѣсто предисловія).

Никогда еще народное разореніе не достигало такихъ размѣровъ, какъ въ послѣдніе три-четыре года. Тяжелая и продолжительная война, повторные неурожаи и внутреннія неурядицы, надорвавъ народное благосостояніе, понизивъ, а въ иныхъ случаяхъ, и пріостановивъ хозяйственную и промышленную производительную дѣятельность, поставили милліоны людей лицомъ къ лицу съ наиболѣе тяжкими проявленіями крайней нужды. Бѣдствія безработныхъ въ промышленныхъ центрахъ, систематическое недоѣданіе въ деревняхъ, потрясающія нужды дѣтей въ голодныхъ губерніяхъ—все это ежедневно сообщаютъ намъ газеты почти всѣхъ лагерей и направленій, обо всемъ этомъ настойчиво свидѣтельствуютъ факты текущей жизни.

А наряду съ этимъ—полное „шатаніе" мысли, поразительная моральная неустойчивость. Старое міровоззрѣніе массы населенія шатается, какъ одинокая травинка въ бурю, а новое еще не выяснилось, не установилось. Въ народѣ идетъ грандіозная переоцѣнка цѣнностей. Самой жестокой и неумолимой критикѣ подвергается все—и религія, и мораль, и государство, и власть, и всѣ „незыблимыя основы", на которыхъ, какъ на сказочныхъ китахъ, держалась офиціально благоденствующая страна. Въ наступившемъ хаосѣ борьбы

мнѣній и воззрѣній—то глубокихъ и продуманныхъ, то дѣтски-легкомысленныхъ и безумно смѣлыхъ, то возвышенныхъ, то своекорыстныхъ, то практичныхъ, то наивно-мечтательныхъ, — столько скользкихъ позицій, столько соблазнительныхъ исходовъ, что удержаться на дѣйствительно разумномъ пути и избѣгнуть ошибокъ—нерѣдко самыхъ роковыхъ и ужасныхъ—до чрезвычайности трудно даже для людей, вооруженныхъ знаніями и привычныхъ къ критической мысли. Между тѣмъ, масса темнаго, безграмотнаго и малограмотнаго народа предоставлена въ этомъ огромной важности процессѣ смѣны старыхъ возрѣній новыми—самой себѣ, своимъ собственнымъ усиліямъ, да агитаціи крайнихъ правыхъ и лѣвыхъ партій. Въ борьбѣ политическихъ страстей активные дѣятели думали больше всего о разрушеніи, объ уничтоженіи врага. Одни говорили: нужно подавить революцію и тогда приниматься за реформы, а другіе утверждали: нужно сломить старый порядокъ и тогда уже подготовлять творческую работу. Въ ослѣпленіи политическихъ страстей, люди разныхъ полюсовъ копировали другъ друга, дѣйствуя по одному шаблону, идя по одной проторенной дорожкѣ.

А жизнь шла и идетъ своимъ особымъ путемъ. Вымираетъ голодающее и безработное населеніе, разрушаются старые идеалы, а на мѣсто ихъ, въ качествѣ руководящей нити, нерѣдко становится капризъ, несдерживаемое высшей мыслью болѣзненное желанье и случайное побужденіе; разрушительные инстинкты принимаютъ размѣры и формы эпидемическихъ психозовъ, вродѣ пресловутаго хулиганства, а для высшей творческой соціальной и политической работы, дѣйствительно способной вывести населеніе на прямую и открытую дорогу, по-прежнему нѣтъ силъ, нѣтъ знаній, умѣній, опыта, привычки. Все это было сведено старымъ режимомъ до минимума, а предвозвѣстники новой жизни, въ порывѣ борьбы, стали на старую точку зрѣнія сво-

ихъ враговъ: сначала разрушить, а потомъ запасаться средствами для созиданія.

При наличности отмѣченныхъ переживаній въ странѣ, спасеніе ея—въ обновленіи, основанномъ на творческой работѣ, въ мобилизаціи силъ для этой работы, въ спѣшной и основательной ихъ подготовкѣ.

Когда въ шестидесятыхъ годахъ, только что учрежденныя земства въ раздумьѣ стояли передъ вопросомъ о томъ, какъ создать земскую школу, не имѣя кадровъ подготовленныхъ учителей, извѣстный въ то время дѣятель по народному образованію баронъ Корфъ рѣшительно и энергично перешелъ отъ слова къ дѣлу. Онъ учреждалъ курсы для народныхъ учителей при уѣздныхъ и другихъ училищахъ, созывалъ съѣзды ихъ, устраивалъ собесѣдованія, самъ посѣщалъ школы и, привлекая къ работѣ всѣхъ желающихъ, въ короткое время создалъ въ одномъ изъ южныхъ уѣздовъ десятки новыхъ народныхъ училищъ, прекрасно поставленныхъ и послужившихъ прототипомъ для земскихъ школъ послѣдующаго времени.

Этотъ примѣръ наглядно доказываетъ, что, при извѣстномъ подъемѣ настроенія въ странѣ, подготовка работниковъ по ея обновленію можетъ идти параллельно съ самимъ обновленіемъ, что, при нуждѣ, живыя творческія силы мобилизируются быстро и успѣшно.

При этомъ условіи, а также при томъ исключительно быстромъ развитіи бѣдности массы населенія и при прогрессирующемъ моральномъ разложеніи ея, не только задерживать, но даже прямо не спѣшить съ обновительной работой просто преступно.

Страна нуждается въ крупныхъ и коренныхъ соціальныхъ преобразованіяхъ, въ политической реформѣ и въ цѣломъ рядѣ другихъ разнообразныхъ мѣропріятій общаго характера. Со всѣми ими, чтобы спасти народъ отъ гибели, слѣдуетъ спѣшить и спѣшить.

Но нужно совсѣмъ не знать жизни, или смотрѣть

на все въ узкихъ доктринерскихъ шорахъ, чтобы, добиваясь или ожидая возможности крупныхъ и коренныхъ преобразованій, игнорировать то, что обычно называютъ малыми дѣлами, культурной работой.

Жизнь такъ разнообразна, людскія потребности такъ различны, а нужды такъ необъятно обширны, что даже при самыхъ крупныхъ соціальныхъ преобразованіяхъ остается огромнѣйшее поле дѣятельности для всѣхъ видовъ культурной работы, направленной къ благу и отдѣльныхъ лицъ, и группъ ихъ и, даже обширной массы населенія.

Добиваться осуществленія хорошихъ законовъ и даже осуществить ихъ—это значитъ сдѣлать еще только полъ дѣла. Нужно еще, чтобы ихъ узнала и поняла самая нуждающаяся въ нихъ неграмотная и подавленная часть населенія. Нужно, слѣдовательно, чтобы помимо начальной школы, населеніе располагало другими образовательными учрежденіями, подготовляющими его къ сознательному отношенію въ области творческой государственной работы; нужно, чтобы эти учрежденія удовлетворяли не однимъ только казеннымъ и общепринятымъ шаблонамъ, а и свободному развитію человѣческой мысли; нужно, чтобы кто-нибудь взялъ на себя трудъ распространять свободную школу и вводить населеніе въ кругъ правовыхъ понятій; нужно розыскать нуждающихся въ этомъ, оказать имъ поддержку, подать имъ надежду, возбудить ихъ энергію, самодѣятельность. Никакая армія чиновниковъ неодолѣетъ этого дѣла. Оно посильно только живымъ общественнымъ силамъ, только одухотвореннымъ безкорыстной идеей служенія народу, высшей правдѣ и культурѣ, добровольнымъ дѣятелямъ. Имъ предстоитъ огромный трудъ, а—въ нашихъ условіяхъ общественной работы—иногда—и не малый подвигъ.

Для народа недостаточно еще написать хорошій продовольственный законъ. Нужно также примѣнить

его, и не офиціально и формально только, а мобилизовавъ добровольныхъ дѣятелей, вызвавъ у нихъ состраданіе и чувство долга, сорганизовавъ ихъ, сообщивъ имъ необходимыя свѣдѣнія и выработавъ самыя формы помощи, соотвѣтствующія даннымъ потребностямъ.

Для народа мало даже разрѣшить аграрный вопросъ, въ смыслѣ расширенія площади его землевладѣнія, или передачи ему всѣхъ земсль. Это лишь одна сторона дѣла. Наряду и одновременно съ ней нужно еще помочь народу въ разумномъ использованіи земли, нужно посодѣйствовать въ организаціи „подмоги", нужно устроить хозяйство, не отрывая отъ земли, и слабосильному старцу, и вдовѣ, и малолѣтнимъ сиротамъ; нужно организовать взаимопомощь, самодѣятельность и т. д., и т. п.

Въ массѣ предстоящей работы необходимо разобраться. Если всякое дѣло слѣдуетъ освѣщать общимъ идеаломъ и направлять въ соотвѣтствіи съ нимъ, то тѣмъ необходимѣе это для культурныхъ дѣлъ. Разумѣется, въ этомъ смыслѣ, можно въ нѣкоторой мѣрѣ не принимать въ разсчетъ, такъ сказать, экстренной работы въ экстренныхъ бѣдствіяхъ, вродѣ голодовокъ, во время которыхъ приходится спасать отъ медленной и мучительной смерти, не раздумывая о принципіальныхъ основахъ, опредѣяющихъ частности работы. Затѣмъ, необходимо различать тѣ виды культурной работы, которые одинако нужны для всѣхъ сторонъ человѣческаго прогресса. Такова, напр., работа по широкой постановкѣ народнаго образованія, медицины и проч. Но за всѣмъ тѣмъ, особое значеніе должна получить работа въ ближайшихъ цѣляхъ того именно идеала, которому служитъ самъ культурный работникъ.

Не входя въ разсмотрѣніе этого идеала, нельзя, однако, не отмѣтить, что, противупоставляясь, какъ всякій

идеалъ, современной печальной дѣйствительности, онъ не можетъ не касаться прежде всего важнѣйшихъ болячекъ современнаго строя: экономической обездоленности народныхъ массъ, ихъ правовой, интеллектуальной и моральной безпомощности и некультурности. Съ этой точки зрѣнія, и культурная работа во имя идеала, т. е. работа высшаго порядка, непремѣнно должна быть направлена на эти стороны жизни нашей страны и подготовить въ ней переходъ къ такимъ формамъ общежитія, въ которыхъ не будетъ уже мѣста этимъ болячкамъ и которыя приблизятъ общественный строй къ общечеловѣческому идеалу.

Въ этихъ видахъ, особенно необходимо культивированіе тѣхъ зачатковъ лучшаго будущаго, которые въ той или иной формѣ встрѣчаются въ современной дѣйствительности. Къ числу ихъ, въ экономической области, принадлежатъ нѣкоторыя хозяйственныя организаціи, болѣе или менѣе незаинтересованныя въ важнѣйшихъ, приносящихъ трудящейся массѣ наибольшую сумму зла, особенностяхъ современнаго производства: въ неограниченной спекулятивной погонѣ за наживой и въ настойчивой тенденціи къ пониженію разцѣнки труда, т. е. рабочей платы. Изъ такого рода организацій можно указать, стоя на безпартійной точки зрѣнія, съ одной стороны, на общины различныхъ наименованій, а съ другой, на коопераціи и артели, а также общественныя, частныя и государственныя предпріятія и учрежденія, по существу своему, не преслѣдующія цѣлей извлеченія предпринимательскихъ доходовъ. Если на практикѣ это послѣднее и не всегда наблюдается, то лишь въ виду явнаго извращенія основныхъ принциповъ указанныхъ предпріятій. По существу же, стремленіе къ спекуляціи и наживѣ совершенно противорѣчитъ основаніямъ общественнаго хозяйства и не должно имѣть въ немъ мѣста. Такое хозяйство необходимо всецѣло построить на интере-

сахъ работника и потребителя. При этомъ условіи, въ немъ отпадетъ и спекуляція, и борьба за разцѣнку труда, и само оно можетъ быть противопоставлено хозяйству нынѣ преобладающаго типа.

Общественно-хозяйственная и кооперативная формы производства и промышленной дѣятельности не чужды русской жизни. Наше государство имѣетъ обширные заводы и фабрики, которые, при желаніи, легко могутъ быть приспособлены къ указаннымъ выше цѣлямъ. Крупныя муниципальныя предпріятія, вродѣ желѣзноконныхъ дорогъ, водопроводовъ и т. п., еще ближе къ тѣмъ же цѣлямъ; а нѣкоторыя земскія подобныя же начинанія, какъ, напр., суджанская земская сапожная фабрика и др., уже практически осуществляютъ важнѣйшія задачи обобществленнаго производства. Рядъ сельскихъ общинныхъ предпріятій, вродѣ общественной разработки лѣса, общественныхъ кирпичныхъ заводовъ, запашекъ, мірскихъ кабаковъ, лавокъ и т. п. преслѣдуютъ въ маломъ масштабѣ тѣ же цѣли и, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ получить правильную постановку и широкое распространеніе. Извѣстны также попытки частнаго почина въ этой области. Таковы, напримѣръ, попытки организовать склады для продажи кустарныхъ издѣлій, такъ называемые, трудовые пункты, разнообразные виды коопераций и проч.

Формы обобществленнаго производства, и особенно коопераціи, помимо своего экономическаго значенія, очень важны въ общественно-воспитательномъ отношеніи. Онѣ создаютъ привычку къ самоуправленію, воспитываютъ въ терпимости, въ уваженіи къ человѣческому достоинству, въ альтруизмѣ и подготовляютъ естественный переходъ къ высшимъ формамъ соціальнаго строя. Естественнымъ дополненіемъ къ нимъ являются профессіональные рабочіе союзы и вообще союзы трудящихся, которые, помимо отмѣченнаго выше значенія, очень важны для правовой защиты тѣхъ

слоевъ населенія, которые наиболѣе нуждаются въ ней, а равно для развитія мѣръ, направленныхъ къ поднятію въ массахъ сознательности и общаго ихъ умственнаго и моральнаго уровня. Конечно, работу въ этомъ направленіи могутъ и должны принять на себя не одни только союзы трудящихся, а и всѣ идейные работники, но массовое значеніе и прочную основу она получитъ только опираясь на эти союзы, на желаніе и твердую волю трудящихся милліоновъ.

Направляясь на указанныя стороны, культурная работа будетъ служить лучшимъ вспомогательнымъ средствомъ въ общей работѣ по обновленію соціальнаго и политическаго строя и лучшимъ же способомъ для организаціи массъ, въ цѣляхъ скорѣйшаго осуществленія будущаго, намѣчаемаго высшими идеалами. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, она создастъ почву для сближенія и сліянія нашей современной интеллигенціи съ народомъ, отъ котораго ее отстранилъ и оторвалъ нашъ старый отжившій режимъ.

Въ наше время интеллигентому культурному человѣку, даже занятому полезной и важной для трудящагося населенія работой, невозможно оставаться одинокимъ, безпочвеннымъ, лишеннымъ опоры въ массѣ населенія, въ широкихъ народныхъ кругахъ и не имѣющимъ въ нихъ личныхъ связей. Нельзя сохранить въ себѣ печать великаго народа, будучи оторваннымъ отъ него, лишеннымъ постояннаго, живого и притомъ моральнаго—во всѣхъ случаяхъ культурной работы—общенія съ нимъ. Жить такъ изолированно отъ населенія, какъ жила наша интеллигенція послѣднія сорокъ лѣтъ, уже невозможно. Нужно въ концѣ концовъ прійдти къ тому, чтобы интеллигенція стала народомъ, а народъ — интеллигенціей. Это сознаютъ теперь всѣ искренніе поборники народныхъ правъ. Всѣ они желаютъ опереться на народъ, всѣ стремятся завязать съ нимъ прочныя и постоянныя связи, укрѣпить въ немъ

свое положеніе, и въ концѣ концовъ слиться съ нимъ. Но этого удастся достигнуть только тѣмъ, кто обоснуетъ свои связи съ народомъ дѣломъ, истинно полезной и необходимой для него культурной работой. Безъ этой же послѣдней, какъ и безъ общей работы по коренному переустройству политическаго и соціальнаго строя, — нѣтъ выхода изъ современной тяжкой дѣйствительности, нѣтъ надежды на прочное лучшее будущее...

Печатаемые ниже воспомининія и очерки уже видѣли свѣтъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ этой книжкѣ они помѣщены почти безъ измѣненій и только „Письма съ голоднаго края", печатавшіяся раньше въ газетѣ „Сынъ Отечества", переработаны и дополнены нѣкоторыми данными изъ другой моей статьи—„Очеркъ неурожайной губерніи"

Нисколько не претендуя на художественность изложенія въ моихъ очеркахъ и воспоминаніяхъ, я, въ оправданіе появленія ихъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ, могу сказать о цѣли его тоже, что говорилъ уже при первоначальномъ печатаніи въ журналѣ „Наблюдатель" моихъ воспоминаній подъ названіемъ „Школа жизни".

Я думаю,—писалъ я тогда—„что скажу не лишнее слово для той хорошей и честной нашей молодежи, среди которой никогда не смолкаетъ желаніе идти въ глушь провинціи и нести съ собой интеллектуальные и моральные свѣточи. Для нихъ-то по преимуществу, да для исторіи нашего общественнаго развитія, и пишу я свои воспоминанія, полагая при этомъ, что житейскій опытъ, какъ бы малъ и ничтоженъ онъ ни былъ, ни для кого не будетъ лишнимъ".

Съ тѣхъ поръ, какъ писалъ я приведенныя строки, времена сильно измѣнились, но какъ будто спеціально для того, чтобы еще съ большей силой, съ большей

настойчивостью подчеркнуть неотложнѣйшую и величайшую необходимость культурной работы, чтобы еще сильнѣй и ярче выдвинуть ея особенности, уяснить вѣковѣчное значеніе ея отдѣльныхъ видовъ, ея высшихъ задачъ.

Работѣ въ области этихъ особыхъ высшихъ видовъ культурной дѣятельности, открывающихъ въ нѣкоторой мѣрѣ завѣсу, скрывающую отъ насъ будущее, я надѣюсь посвятить слѣдующую за этой книжку, а теперь ограничиваюсь изданіемъ только того, что уже готово и написано.

Буду счастливъ, если зароню въ читателѣ хоть каплю сознанія въ неизбѣжной необходимости культурной работы, параллельно съ общегосударственной работой, и подвину хоть на іоту его готовность трудиться въ этой области. Буду счастливъ также, если хоть въ малой мѣрѣ поколеблю злобное шипѣніе оффиціозныхъ публицистовъ о громадномъ у насъ преобладаніи „дикой, хищной и необразованной крестьянской массы“ и посѣю хотя бы крупинку любви къ великому страдальцу—подвижнику, къ порабощенному и обнищалому русскому народу.

М. Слобожанинъ.

ШКОЛА ЖИЗНИ.

Изъ воспоминаній сельскаго учителя.

I. Первые шаги.

Въ 1879 году, покончивши всѣ счеты съ высшимъ техническимъ образованіемъ, къ которому у меня не оказалось ни призванія, ни даже склонности, я пріѣхалъ вмѣстѣ съ женой на родину, въ глухой уѣздный городишка черноземной полосы. Здѣсь мнѣ предстояло устроиться и начать свою практическую дѣятельность. До времени переѣзда, я не былъ на родинѣ лѣтъ пятнадцать, а потому сразу оказался здѣсь почти чужимъ человѣкомъ: изъ близкихъ остались только родные, знакомые же частью разбрелись по бѣлу свѣту, частью такъ измѣнились, что у меня съ ними не было ничего общаго. Приходилось искать новыхъ связей, новыхъ людей. Случаевъ къ тому представлялось не мало.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда, мнѣ нужно было навѣдаться въ почтовую контору. При входѣ въ нее, я чуть не былъ сбитъ съ ногъ юркимъ подвижнымъ старичкомъ, стремительно распахнувшимъ дверь на улицу и, какъ пуля, выскочившимъ прямо на меня. Извинившись и окинувъ меня бѣглымъ взглядомъ, онъ совершенно неожиданно быстро спросилъ—не я ли г. С.? Не давъ мнѣ отвѣтить, онъ снова заговорилъ:

— Да, да, это вы, я узнаю васъ: очень на матушку похожи. Я слышалъ о вашемъ пріѣздѣ и очень порадовался. Все таки, думаю, нашего полку прибыло. Вы, вѣдь, не думаете, что земля на трехъ китахъ стоитъ?

Нѣтъ?! Ну, значитъ, вы нашъ. Безъ этого условія съ человѣкомъ говорить нельзя. Вы хорошій человѣкъ, и я хорошій человѣкъ, слѣдовательно, намъ нужно познакомиться. Я — Вадимъ Николаевичъ Даниловъ, состоящій въ г. С. на положеніи короля Лира: королевство свое раздѣлилъ между дочерьми, а самъ обрѣтаюсь не у дѣлъ. Милости прошу сегодня же обѣдать. Я васъ познакомлю со своими же хорошими людьми.

Прежде, чѣмъ я могъ опомниться, онъ сильно потрясъ мою руку и также быстро скрылся за уголъ, какъ и появился на улицѣ.

Придя въ себя, я вспомнилъ, что Вадимъ Николаевичъ давно считается въ уѣздѣ большимъ чудакомъ. Это, впрочемъ, ему охотно прощали, въ виду его довольно обширныхъ помѣстій и внушительныхъ капиталовъ. Дома моя матушка, какъ коренная провинціалка, знавшая всю подноготную чуть ли не всѣхъ жителей уѣзда, пополнила мои свѣдѣнія о Даниловѣ. Онъ былъ отставной лейтенантъ гвардейскаго экипажа, давно вдовъ, имѣетъ за 60 лѣтъ; живетъ постоянно въ городѣ, а въ имѣніяхъ у него хозяйничаютъ зятья. Слыветъ добрякомъ, хлѣбосоломъ, джентльменомъ въ лучшемъ значеніи этого слова и „немножко краснымъ". Его очень уважаютъ дѣльцы уѣзда и побаиваются. Обо мнѣ онъ уже нѣсколько разъ справлялся у матушки, встрѣчая ее на базарахъ, которые аккуратно посѣщалъ, ничего, впрочемъ, не покупая, но все торгуя.

Я, разумѣется, болѣе, чѣмъ обрадовался предстоящему знакомству и поспѣшилъ къ обѣду, на который получилъ такое неожиданное и радушное приглашеніе. У Вадима Николаевича, дѣйствительно, я встрѣтилъ очень интересное для меня общество. Особенное вниманіе среди него обращали на себя предсѣдатель мѣстной земской управы — Клеоникъ Петровичъ Аршфельдъ и учитель уѣзднаго училища Семеновъ. Первому изъ нихъ суждено было играть немаловаж-

ную роль въ нашемъ земствѣ и личность его, вѣроятно, принадлежитъ будущей исторіи земскаго самоуправленія. Я же скажу о немъ нѣсколько подробнѣе, потому что вначалѣ онъ немало вліялъ и на мою судьбу вообще и на педагогическую дѣятельность въ частности.

Отецъ его—одинъ изъ генераловъ крымской кампаніи—оставилъ многочисленной семьѣ очень маленькое состояніе. Клеонику Петровичу пришлось удовлетворить изъ него нѣсколькихъ братьевъ и сестеръ. Для этого онъ оставилъ военную службу и поступилъ въ Петровскую академію. Прослушавъ года 2 лекціи, онъ возвратился въ с—кій уѣздъ и занялся хозяйствомъ въ небольшомъ имѣніи, въ которомъ едва насчитывалось 200 дес. земли. Чтобы выдѣлить братьевъ и сестеръ, имѣніе пришлось заложить и перезаложить и начать хозяйство безъ копѣйки оборотного капитала. Молодой Аршфельдъ не унывалъ. Первый урожай далъ ему возможность купить самый необходимый инвентарь, который затѣмъ постепенно увеличивался; въ концѣ концовъ онъ довелъ имѣніе до образцоваго состоянія. Но этимъ Клеоникъ Петровичъ не ограничивался. Онъ поступилъ сельскимъ учителемъ въ сосѣднее село, находившееся въ 4-хъ верстахъ отъ его хутора, и исправно, изо дня въ день, ѣздилъ въ школу. Генеральскій сынокъ, выросшій съ нянками, боннами, гувернерами и гувернантками, потянулъ тяжелую лямку рядового работника. При самомъ первобытномъ состояніи черноземныхъ дорогъ, въ осеннюю непогоду, въ дождь и слякоть ѣздилъ онъ ежедневно въ школу, гдѣ невозможно было согрѣться, гдѣ текло съ угловъ, а въ душномъ воздухѣ „хоть топоръ повѣсь“. Шесть лѣтъ работалъ онъ, не покладая рукъ, находя притомъ время для занятій въ ссудо-сберегательной кассѣ, имъ же устроенной и организованной, и посвящая немало труда и заботъ своему хозяйству. Въ то же время онъ

не переставалъ интересоваться литературой и земствомъ. Наконецъ, въ 75 г. Клеоникъ Петровичъ, при энергичномъ содѣйствіи Вадима Николаевича, попалъ въ земскіе гласные и въ члены управы, а наканунѣ моего пріѣзда, вслѣдствіе выхода въ отставку предсѣдателя управы, онъ былъ выбранъ на освободившееся мѣсто. Въ уѣздѣ тогда свирѣпствовалъ дифтеритъ, и Клеоникъ Петровичъ всѣхъ поражалъ своею неусыпною дѣятельностью. Ему удалось забить такую тревогу, что не только уѣздное, но и губернское земство и правительство обратили вниманіе на этотъ ужасный дѣтскій бичъ и напрягали усилія въ борьбѣ съ нимъ.

Я уже кое-что слышалъ объ Аршфельдѣ и очень интересовался поближе познакомиться съ нимъ, а потому разсѣянно слушалъ Вадима Николаевича, который, со свойственной ему шутливой болтливостью, изъяснялъ мнѣ, что его лакей получаетъ жалованья 7 р. 7 к., кучеръ—7 р. 17 к., а поваръ—17 р. 17 к.

— Все звѣриныя числа—говорилъ онъ.—Къ тому же я, какъ Наполеонъ I, вѣрю, что извѣстныя числа играютъ роль въ жизни человѣка. Судите сами. Семи мѣсяцевъ отъ роду меня въ первый разъ высѣкли, семи лѣтъ—въ седьмой разъ, семнадцати—въ семьдесятъ седьмой и послѣдній. Двадцати семи лѣтъ я женился, тридцати семи овдовѣлъ, сорока семи закончилъ кругосвѣтное плаваніе, пятидесяти семи раздѣлилъ свое королевство, шестидесяти семи окончу свое сочиненіе о человѣчно-человѣческомъ общежитіи или, какъ вы неправильно называете, соціологію, а семидесяти семи лѣтъ, семи мѣсяцевъ и семи дней умру,—такъ мнѣ цыганка предсказала.

— Дай Богъ всякому столько прожить, сколько вы себѣ назначили,—замѣтилъ кто-то изъ гостей.

— Еще бы!—подхватилъ Вадимъ Петровичъ,—для этого стоитъ только вести регулярную жизнь: вставать въ 7 минутъ седьмого; пить, по моему предписанію,

7 рюмокъ коноплянаго масла; играть на контрабасѣ соло, а кто женатъ, тому аккомпанировать своей половинѣ подъ трогательную арію: „о, ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ".

Всѣ улыбались этимъ, хотя и не особенно остроумнымъ, но бойкимъ рѣчамъ. Семеновъ подсѣлъ ко мнѣ и началъ распрашивать о моихъ видахъ на будущее. Узнавъ о моемъ желаніи поступить учителемъ, онъ сообщилъ, что въ уѣздномъ училищѣ предвидится вакансія, и предлагалъ мнѣ подать прошеніе на это мѣсто; но я упорствовалъ на народной школѣ. Разговоръ скоро сдѣлался общимъ.

— Максимъ Дмитріевичъ,—замѣтилъ обо мнѣ Даниловъ,—хочетъ попробовать россійской колбасы. Русскій народъ,—продолжалъ онъ,—пока еще онъ не знаетъ, на чемъ земля стоитъ, похожъ на колбасу: вездѣ однороденъ. Откуда ни попробуешь его, спереди, сзади, съ боковъ,—все свининой и чеснокомъ пахнетъ. Это, господа, я вамъ вызовъ бросаю.

Вызовъ дѣйствительно попалъ въ легко воспламеняющуюся среду. Всѣ заволновались, заговорили сразу. Когда первый пылъ прошелъ, кто-то спросилъ Вадима Николаевича:

— Что же по вашему дѣлать, куда идти? Вѣдь нельзя же утѣшаться тѣмъ, что мы порядочные люди, и сидѣть сложа руки?

— Разумѣется, нельзя,—опять быстро заговорилъ Даниловъ.—Я и порядочныхъ людей дѣлю на двѣ категоріи: съ порядочностью активной и пассивной. Къ первой категоріи относятся такіе люди, какъ Клеоникъ Петровичъ. Много у него недостатковъ,—надѣюсь, вы извините,—обратился онъ къ улыбающемуся Аршфельду и продолжалъ,—свинью онъ любитъ, навозъ тоже, клеверъ и т. п., а все же у него настоящая активная порядочность. Онъ—дѣятель, работникъ; школы открываетъ, кассы, дифтеритъ подавляетъ, въ земствѣ такія

мысли проводить, что мы только рты раскрываемъ; и мысль, и дѣло вокругъ него такъ и кипятъ. А съ человѣкомъ пассивной порядочности ничего, кромѣ разговоровъ, нельзя вести. Онъ всему хорошему сочувствуетъ, но больше 3 руб. на дѣло не дастъ; книжки хорошія читаетъ, но и проценты считаетъ; говоритъ не иначе какъ съ гражданской скорбью, но дальше словъ нейдетъ. Вотъ задача-то активныхъ дѣятелей въ томъ и состоитъ, чтобы изъ людей съ пассивной порядочностью сдѣлать такихъ же активныхъ...

— Но вѣдь эту же работу можно и въ народѣ дѣлать.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это двойная работа. Тамъ еще нужно доказать, что земля не на трехъ китахъ стоитъ. А это тоже не сразу уразумѣютъ. Вотъ ваши ученики,—обратился онъ къ Семенову,—кончивъ курсъ, пойдутъ народными учителями и сдѣлаютъ эту работу. Тогда уже наступитъ и намъ чередъ. Теперь же подождите. Неужели мы для того учились, думали, страдали, чтобы учить только тому, что земля не на китахъ стоитъ?! Для этой работы найдутся другіе люди, Мы же должны интеллигенцію шевелить, должны, такъ сказать, офицеровъ готовить, потому что въ нихъ сила. Нѣмецъ тѣмъ и страшенъ съ своей арміей, что у него на три солдата по офицеру приходится.

— А я утверждаю,—возражалъ Семеновъ,—что онъ страшенъ своимъ образованіемъ, тѣмъ, что у него всѣ солдаты въ школѣ были.

Споръ отклонился, какъ и всѣ русскіе споры, отъ главной темы и могъ продолжаться до безконечности. Я воспользовался этимъ, чтобы подсѣсть къ Аршфельду.

— Вы, кажется, тоже были сельскимъ учителемъ?— спросилъ я.

— Да,—отвѣчалъ онъ.—И если вы имѣете серьезное желаніе попробовать сельской школы, то не отказывайтесь отъ него. Я всегда помню слова одного умнаго

человѣка, по мнѣнію котораго сельская школа для интеллигентныхъ людей можетъ и должна служить лучшей школой жизни. Не забудьте этого, и вы увидете, что я правъ.

Я дѣйствительно не забылъ этого.

— Вадимъ Николаевичъ увлекается,—продолжалъ Аршфельдъ.—Сообщить ученикамъ народныхъ школъ законъ тяготѣнія вовсе не такъ легко, какъ онъ думаетъ. Дѣло только въ томъ, что сдѣлать это нужно не такъ, чтобы сообщеніе вылетѣло изъ головы при первой родительской оплеухѣ. Но, главное, крестьянскимъ дѣтямъ можно сообщить хорошія чувства, привычку мыслить и понимать—вотъ это-то еще труднѣй. Здѣсь нуженъ усидчивый, терпѣливый и знающій человѣкъ. Дѣло негромкое, но важное. Вадимъ Николаевичъ еще очень молодъ сердцемъ, онъ стремится къ менѣе усидчивому труду. А современная молодежь очень привыкла къ сильнымъ ощущеніямъ и ищетъ, хотя нелегкаго, но громкаго дѣла, бьющаго по нервамъ. Ихъ работа, какъ сказалъ тургеневскій Лаврецкій, вспыхнетъ, надымитъ, но не согрѣетъ. Провинціи же нужны трудолюбивые, усидчивые муравьи, исподволь, но непрестанно воздвигающіе свои постройки.

Онъ еще долго говорилъ на эту тему, а я, хотя далеко не во всемъ раздѣлялъ его мнѣнія, еще больше окрѣпъ въ своемъ рѣшеніи учительствовать въ сельской школѣ. Подъ конецъ я спросилъ его совѣта, какъ удобнѣе получить мѣсто. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ десяти верстахъ отъ его хутора, въ с. Княжевѣ, есть свободная вакансія и что онъ, какъ попечитель училища, можетъ просить о назначеніи меня туда.

— Обратитесь къ инспектору училищъ Щукину, а я на дняхъ поговорю съ нимъ, — добавилъ Клеоникъ Петровичъ.

— Да не говорите ему, — вставилъ отъ себя Семеновъ,—что вы были въ высшемъ учебномъ заведеніи.

— Почему?—недоумѣвалъ я.

— Почему?—переспросилъ Вадимъ Николаевичъ и и разсмѣялся. — Вы, въ своей столичной наивности, пожалуй, надѣетесь, что высшее учебное заведеніе у насъ рекомендаціей служитъ. Нѣтъ-съ, ошибаетесь. Щукинъ — изъ „божьихъ дудокъ", т. е. изъ архіерейскихъ пѣвчихъ, получилъ мѣсто учителя духовнаго училища, а теперь выслужился до инспектора. Не зная ничего, кромѣ do, re, mi, fa, онъ считаетъ личнымъ оскорбленіемъ для себя, если кто-либо изъ учителей его знаетъ еще что-нибудь. А ужъ если онъ смекнетъ, что вы были студентомъ, то распрощайтесь съ вашими мечтами объ учительскомъ мѣстѣ и россійской колбасѣ. Впрочемъ, отъ этого вы только выиграете.

Аршфельдъ былъ того же мнѣнія и я вынужденъ былъ принять къ свѣдѣнію это общее заявленіе.

Черезъ нѣсколько дней я собрался къ Щукину. Съ виду это былъ добродушный, довольно вѣжливый и приличный господинъ. Онъ принялъ меня радушно, но сразу же заявилъ, что свободныхъ вакансій въ уѣздѣ нѣтъ.

— Но мнѣ говорилъ Аршфельдъ,—возразилъ я,— что въ Княжевѣ теперь нѣтъ учителя.

— Да, но на это мѣсто у меня двадцать прошеній и по нѣкоторымъ изъ нихъ я нравственно обязанъ дать благопріятное рѣшеніе.

Несмотря на сопротивленіе инспектора, я видѣлъ, что ссылка моя на Аршфельда поколебала его, а потому поспѣшилъ добавить:

— Клеоникъ Петровичъ собирался поговорить съ вами объ этомъ и просить за меня.

— Я очень радъ сдѣлать что нибудь для него, но въ этомъ случаѣ ничего не могу. А вы гдѣ видѣлись съ нимъ?

— Мы встрѣчаемся въ частномъ домѣ у Данилова.

— Вы часто бываете у него?

— Да.

— Онъ, говорятъ, очень просвѣщенный человѣкъ?

Я понялъ, что г. инспекторъ снимаетъ допросъ съ меня и хочетъ собственно узнать, очень ли либераленъ Даниловъ, а потому отвѣчалъ:

— Да, онъ очень просвѣщенный и благонамѣренный человѣкъ.

Инспекторъ просматривалъ мои бумаги и продолжалъ допросъ.

— Вы гдѣ нибудь служили?

— Нѣтъ.

— Что жъ вы дѣлали, послѣ гимназіи? Вѣдь съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ!

Я былъ въ большомъ затрудненіи; къ счастью, онъ самъ выручилъ меня.

— На какія же средства вы жили?—спросилъ онъ вновь.

— Я имѣю небольшія средства къ жизни,—поспѣшилъ я отвѣтомъ.

Тутъ я подумалъ, что сказалъ какую-то ужасную вещь. Инспекторъ смотрѣлъ на меня во всѣ глаза и просто ротъ раскрылъ отъ удивленія и испуга.

— Но зачѣмъ же вамъ тогда мѣсто учителя?—выговорилъ, наконецъ, онъ.

Этотъ вопросъ я предвидѣлъ раньше, а потому, успокоивая его, быстро отвѣчалъ:

— Я подлежу военной службѣ и въ учительствѣ думаю найти выходъ въ моемъ положеніи.

— Но вы можете получить мѣсто уѣзднаго учителя. Если хотите, я напишу о васъ директору училищъ.

Инспектору, очевидно, очень хотѣлось избавиться отъ меня. Онъ краснорѣчиво сталъ описывать мнѣ всѣ невзгоды учительствованія въ сельской школѣ: матеріальныя лишенія, отсутствіе общества и т. п., предлагалъ свое содѣйствіе, если я пожелаю посту-

пить въ уѣздное училище, и опять повторялъ, что вакансій нѣтъ, или „почти нѣтъ“, какъ онъ сказалъ, а ищущихъ мѣстъ чрезвычайно много.

Тогда я, въ свою очередь, сообщилъ ему, что не разсчитываю изъ учительства сдѣлать свою профессію и пробуду въ школѣ, пока освобожусь отъ отбыванія воинской повинности; что я чувствую склонность къ сельскому хозяйству и надѣюсь служить по земству. Но, прежде чѣмъ купить землю, я долженъ присмотрѣться къ сельской жизни, что и выполню, если буду сельскимъ учителемъ.

Онъ, кажется, мало повѣрилъ мнѣ, потому что попрежнему отговаривался неимѣніемъ свободныхъ вакансій и едва согласился принять мои бумаги.

— Я понавѣдаюсь за рѣшительнымъ отвѣтомъ,— сказалъ я, прощаясь.

— Очень буду радъ, — отвѣчалъ инспекторъ,—но прошу васъ не надѣяться: вакансій нѣтъ и нѣтъ.

Пришлось уйти, несолоно хлѣбавши. Я поспѣшилъ къ Вадиму Николаевичу, чтобы разсказать о моей неудачѣ.

— Дѣло дрянь,—сказалъ онъ, выслушавши меня. — Аршфельда въ городѣ теперь нѣтъ, а инспекторъ, чтобы избавиться отъ васъ, можетъ поскорѣй назначить въ Княжево другаго учителя, и тогда, если вакансія дѣйствительно одна, дѣло совсѣмъ выдетъ плохо.

— Но онъ не можетъ назначить учителя безъ предсѣдателя училищнаго совѣта,—замѣтилъ я.

— Не можетъ? Ну, такъ еще посмотримъ: берите моихъ лошадей и поѣзжайте скорѣй къ нашему царю-Ироду, я извѣщу его. Вотъ это, скажу вамъ, птица! Вы о такихъ ни въ какой зоологіи не учили.

II. Изъ сферы земскихъ интересовъ.

Предсѣдатель мѣстнаго училищнаго совѣта—Кряжинъ, или царь-Иродъ, какъ называлъ его Даниловъ, былъ, по словамъ послѣдняго, въ своемъ родѣ замѣчательный субъектъ. Началъ онъ свою карьеру безъ гроша въ карманѣ, въ роли какого-то копіиста или помощника регистратора въ уѣздномъ судѣ. Образованія не получилъ никакого и, какъ я самъ видѣлъ впослѣдствіи, слово часы писалъ: „чѣсы". Ловкій и красивый собой, онъ успѣлъ очаровать въ сороковыхъ годахъ какую-то провинціальную барышню, ожидавшую наслѣдовать послѣ своихъ родителей большое состояніе. Отецъ, разумѣется, не соглашался на бракъ; но Кряжинъ и не нуждался въ согласіи: онъ обвѣнчался тайно. Затѣмъ, на основаніи завѣщанія матери своей молодой жены, потребовалъ отъ отца, владѣвшаго пожизненно имѣніями, солидное приданое. Отцу пришлось уступить. Онъ запилъ и умеръ скоро. Жену Кряжинъ убѣдилъ передать все имущество на его имя и, какъ только достигъ этого, круто перемѣнилъ обращеніе съ ней. Изъ ласковаго и любезнаго человѣка онъ превратилоя въ звѣря: билъ несчастную женщину и издѣвался надъ ней. Нѣжный организмъ выхоленной барышни не вынесъ этого: не проживъ и десяти лѣтъ за мужемъ, она умерла въ чахоткѣ. Кряжинъ остался богатымъ и молодымъ вдовцомъ. Скоро онъ женился вторично, но на этотъ разъ, видно, коса нашла на ка-

мень: года черезъ два онъ покинулъ жену, воспользовавшись только ея деньгами; землю же она благоразумно не уступила мужу. Ловкими аферами Кряжинъ удвоилъ свое и безъ того значительное состояніе. Со введеніемъ земскихъ учрежденій, онъ, благодаря безцеремонности въ выборѣ средствъ и интригамъ, нѣсколько трехлѣтій былъ предсѣдателемъ управы, а затѣмъ и предводителемъ дворянства. Землевладѣльцевъ онъ умѣлъ обойти, угостить, а крестьянъ запугать. Накунунѣ выборовъ онъ задавалъ нѣсколько обѣдовъ и баловъ. Выписывались музыканты, хоры пѣвчихъ, устраивался фейерверкъ, сжигались бенгальскіе огни, даже какая-то старая пушка палила нѣсколько разъ за-ночь. Лакей, подававшій за ужиномъ на тонкомъ фарфорѣ крупную свѣжую стерлядь, за которой заранѣе посылалась за 500 верстъ спеціальная экспедиція, долженъ былъ, по церемоніалу, упасть и разбить въ дребезги посуду. „Плохъ же ты!" снисходительно говорилъ Кряжинъ, и по его знаку выносили еще большую стерлядь и на лучшемъ блюдѣ. Въ этомъ былъ кряжинскій шикъ, передъ которымъ млѣли многіе дворяне, исправно клавшіе ему на выборахъ бѣлые шары. Съ крестьянами онъ не церемонился. Балотируясь отъ нихъ въ гласные, онъ входилъ въ волостное правленіе, сзывалъ туда же всѣхъ выборщиковъ и безъ обиняковъ говорилъ: „кто не хочетъ меня избирать—выходи вонъ". Предупредительный кучеръ его подпиралъ въ это время дверь коломъ и нѣсколько человѣкъ напрасно пытались отворить ее.

— Ваше в-скородіе!—обращается къ нему мужикъ посмѣлѣе,—тутъ что-то не по совѣсти: дверь припеpемши.

— Что ты врешь?—кричитъ Кряжинъ и бросается къ двери.

Кучеръ, все слышавшій за дверью, убираетъ колъ, а баринъ торжественно распахиваетъ обѣ половинки.

— Что ты врешь?—повторяетъ онъ - Я, значитъ, мошенничаю съ тобой? Ты меня подозрѣваешь?! Хорошо же! Старшина, составь протоколъ объ оскорбленіи такимъ-то предсѣдательствующаго на съѣздѣ и уведи его подъ арестъ.

Все быстро исполнено, и дверь снова подперта коломъ.

Ну, такъ повторяю,—снова говоритъ Кряжинъ,—недовольные можете выходить вонъ.

Мужики переминаются, посматриваютъ на дверь и въ окно, гдѣ уже виденъ строптивый, влекомый въ „холодную“ и краснорѣчиво молчатъ.

Итакъ,—снова возглашаетъ Кряжинъ,—я избранъ единогласно. Благодарю васъ. Вотъ вамъ на ведро водки.

Комедія избранія оканчивается солидной выпивкой.

Съ теченіемъ времени, Кряжинъ еще больше упростилъ выборы: онъ становился со старшинами въ дверяхъ пустой комнаты и предлагалъ нежелающимъ принять его кандидата пройти въ эту комнату. Охотниковъ, разумѣется, не было. Такими подвигами Кряжинъ зарекомендовалъ себя дѣльцомъ первой руки. Обойтись безъ него въ земствѣ считалось невозможнымъ. Но вотъ онъ почувствовалъ, что почва колеблется подъ нимъ. Въ земство проникли молодыя силы; ихъ поддерживали такіе старики, какъ Даниловъ. Всѣ говорили объ Аршфельдѣ, сравнивали его съ Кряжинымъ. Но послѣдній велъ себя, какъ искусный дипломатъ: онъ вездѣ хвалилъ Аршфельда и говорилъ о своей старости. Онъ сдѣлался отъявленнымъ либераломъ и къ своимъ рѣчамъ примѣшивалъ ядъ пессимизма. У насъ всегда такъ: чтобы прикрыть свою неискренность, или оправдать свои несовсѣмъ чистыя дѣлишки, лучшимъ средствомъ считаютъ разыгрываніе роли разочарованныхъ.

— Я старъ и извѣрился въ земство,—говорилъ Кряжинъ.—Ничего хорошаго у насъ не дадутъ сдѣлать. Пусть молодежь попробуетъ свои силы: она энергичнѣй и умнѣй насъ.

Эти разговоры закончились въ одинъ прекрасный день тѣмъ, что онъ заявилъ объ оставленіи имъ должности предсѣдателя земской управы. На его мѣсто избрали Аршфельда, а Кряжина за покладистость, уступчивость и сладкія рѣчи вновь избрали предводителемъ дворянства. Этого-то онъ и добивался, продолжая по прежнему напускнымъ либерализмомъ заигрывать съ „молодыми дѣятелями“ и съ такими стариками, какъ Даниловъ.

— Иродъ, настоящій Иродъ,—закончилъ Вадимъ Николаевичъ характеристику Кряжина.—Онъ не только жену утопитъ и чужихъ дѣтей зарѣжетъ ради своего честолюбія, но, вѣроятно, и передъ своимъ ребенкомъ не остановится.

Вотъ къ этому-то царю-Ироду и долженъ былъ явиться я.

Кряжинъ принялъ меня чрезвычайно любезно. Высокій, худой, съ подкрашенными волосами и усами, любезно расшаркивающійся и говорящій съ ужимками и тѣлодвиженіями, онъ напоминалъ мнѣ холодную змѣю, извивающуюся вокругъ своей жертвы. Сразу я и не замѣтилъ той ловкости, съ которою онъ такъ ведетъ рѣчь, что заставляетъ говорить одного меня. Разузнавъ мои намѣренія и сдѣлавшись еще любезнѣе, съ тѣхъ поръ какъ я сообщилъ о своемъ желаніи купить землю и принять участіе въ выборахъ, онъ слегка попытался отговорить меня отъ рѣшенія поступить сельскимъ учителемъ.

— Я прекрасно понимаю цѣль вашихъ исканій учительскаго мѣста,—говорилъ онъ.—Вы знаете жизнь и народъ по книжкамъ и естественно пожелали взглянуть на дѣйствительность. Это очень хорошо. Но я, какъ человѣкъ опытный, считаю своимъ долгомъ предупредить, что васъ ожидаетъ разочарованіе. Народъ нашъ дикъ, потому что бѣденъ. Вы, какъ поклонникъ нашихъ лучшихъ идей и тенденцій, разумѣется, осу-

дите меня за такія слова. Что жъ дѣлать! но я глубоко искрененъ и повторяю: народъ дикъ, потому что бѣденъ. Знанія, которыя вы дадите ученикамъ, скоро забудутся: бѣдность и нищета заглушатъ ихъ. Нашему народу прежде всего нуженъ хлѣбъ, а не школа. Это мое личное мнѣніе. Какъ общественный дѣятель, я долженъ руководиться общепринятыми теоріями и потому горячо стою за школу, но лично я не жду отъ нея ничего. Мнѣ жаль будетъ черезъ годъ встрѣтить въ васъ разочарованнаго человѣка.

— За это еще нельзя ручаться,—замѣтилъ я.

— Конечно, конечно,—быстро отвѣчалъ онъ.—Но, можетъ быть, вы предпочтете болѣе обезпеченное мѣсто, напримѣръ, секретаря крестьянскаго присутствія— 1,200 руб. жалованья.

— Благодарю васъ, но меня тянетъ въ деревню.

— Понимаю, понимаю, тамъ больше непосредственности; васъ утомила эта лакейская культура...

Въ концѣ концовъ, онъ обѣщалъ на слѣдующій же деня видѣться съ инспекторомъ и поговорить обо мнѣ.

— Надѣюсь,—прибавилъ онъ,—что мѣсто въ Княжевѣ будетъ за вами.

Я искренно поблагодарилъ его.

— Не за что,—отвѣчалъ Кряжинъ.—Вы всегда можете разсчитывать на меня. Я въ свою очередь буду разсчитывать на васъ и Вадима Николаевича.

— Ну, я едва-ли могу быть полезенъ вамъ.

— Не говорите этого. Васъ поддерживаютъ сильные люди, да и вы сами собираетесь имѣть у насъ осѣдлость, слѣдовательно, сами пріобрѣтете силу. Говорю вамъ это прямо для того, чтобы и вы не сомнѣвались въ искренности моей поддержки. Всѣ мы немножко эгоисты.

Какъ потомъ выяснилось, это былъ новый дипломатическій шагъ. Онъ невполнѣ разсчитывалъ на инспектора, и на случай неудачи, хотѣлъ убѣдить меня,

а вмѣстѣ и Данилова, въ искренности своихъ хлопотъ, чтобы не лишиться поддержки послѣдняго.

Несмотря на то, что цѣль моего визита окончилась, Кряжинъ отпустилъ меня не скоро, а накормивши отличнымъ тонкимъ обѣдомъ своего повара-француза. Зато, какъ же легко и свободно вздохнулъ я, когда сытая даниловская четверка вынесла меня въ старой покойной коляскѣ со двора этого современнаго царя-Ирода. Меня начинали уже утомлять эти дипломатическіе разговоры, эта неискренность и прямая ложь. Въ сосѣдствѣ извивающейся змѣи, какъ бы миролюбиво она ни была настроена, трудно чувствовать себя покойнымъ. Я боялся проговориться и, быть можетъ, навсегда потерять мѣсто, къ которому такъ горячо стремился.

У Вадима Николаевича меня уже ждали жена и Семеновъ, интересовавшіеся исходомъ моей поѣздки. Мнѣ все еще казалась загадочной эта особенная любезность Кряжина и я просилъ Данилова объяснить ее. Вмѣсто отвѣта, онъ разсказалъ исторію мѣстныхъ земскихъ партій и ихъ борьбу.

Испоконъ вѣку, въ С. было двѣ дворянскихъ партіи, боровшихся за преобладаніе. Одна „даниловская“,— получавшая свое названіе еще отъ отъ отца Вадима Николаевича,—гордилась родовитостью и богатствомъ своихъ членовъ; другая—„полицейская“—всегда умѣла поддерживать свои связи съ администраціей, за что и получила свое названіе. Борьба шла за предводительство“, за возможность предоставить болѣе бѣднымъ дворянамъ должности „дворянскихъ засѣдателей“ и т. п. Эти мѣста раздавались вмѣсто пенсіи. Счастье было перемѣнчиво и предводительство переходило изъ однѣхъ рукъ въ другія. Все искусство этихъ своеобразныхъ вождей партій должно было клониться къ тому, чтобы доставить возможно большее количество благородныхъ россіянъ въ губернскій городъ на время

дворянскихъ собраній. Поэтому, предводители возили на свой счетъ обѣднѣвшихъ дворянъ на выборы, кормили ихъ на славу, поставляли имъ мундиры, даже бѣлье. Вадимъ Николаевичъ увѣрялъ, что отецъ его отправлялъ въ губернскій городъ не менѣе 10 подводъ съ кроватями, бѣльемъ, посудой, провизіей, прислугой и т. п. Самъ же ѣхалъ на 6—8 тройкахъ съ цѣлымъ штатомъ своихъ придворныхъ дворянъ, жаждущихъ покормиться на чужой счетъ.

Но вотъ введены были земскія учрежденія, и группировка дворянскихъ партій перешла всецѣло въ земства. Правда, пришлось кое-что обновить, пришлось посадить рядомъ съ прокутившимися благородными людьми „хама“, разжирѣвшаго и растолстѣвшаго на народный счетъ; пришлось парадные обѣды, подававшіеся на серебрѣ, пополнить и замѣнить сивухой изъ глиняныхъ горшковъ на волостныхъ сходахъ и т. п., но большинство этимъ не пренебрегало и пошло новой дорожкой съ прежней же развязностью. Только старикъ Даниловъ брезгливо отклонился отъ новшествъ и передалъ руководящую роль старшему сыну, брату Вадима Николаевича. Это уже былъ человѣкъ инаго закала: вмѣстѣ съ Вадимомъ Николаевичомъ онъ занялся изготовленіемъ новаго вина для новыхъ мѣховъ. Въ первую же сессію земскаго собранія они перевели большинство натуральныхъ повинностей въ денежныя, сдѣлали довольно равномѣрную раскладку земскихъ сборовъ и т. д. Земствомъ до этого времени никто не интересовался, но когда были получены первые окладные листы, гг. помѣщики сейчасъ же завопили о потерѣ дворянскихъ традицій, о грабежѣ благороднаго сословія въ пользу сиволапаго мужика, который все равно пропьетъ, что ни дайте ему. Полицейская партія оживилась и на слѣдующихъ выборахъ сбила даниловскую на всѣхъ позиціяхъ. При всей видимости полной побѣды, новые властители не посмѣли однако измѣнить раскладки земскихъ сборовъ, а обратный переходъ отъ

денежныхъ повинностей къ натуральнымъ былъ воспрещенъ закономъ. Побѣда, такимъ образомъ, оказалась призрачной; она только затормазила дальнѣйшее развитіе земскаго дѣла, но не заглушила работы мысли. Средній классъ, создающій общественное мнѣніе, былъ на сторонѣ Даниловыхъ. Господство „полицейскихъ“ не было прочно и продолжительно.

Въ это-то „переходное время“ на сцену явился Кряжинъ. Онъ прекрасно понялъ положеніе дѣлъ и рѣшилъ, на чью сторону онъ долженъ былъ склониться. Онъ видѣлъ, что старое не удержится, но видѣлъ также, что и новое можно проводить съ обоюдной пользою: „и волки будутъ сыты, и овцы цѣлы“. Стоитъ только быть такимъ умнымъ, какъ онъ, Кряжинъ. Съ этими мыслями явился онъ на помощь даниловской партіи. Положеніе послѣдней казалось такимъ безнадежнымъ, что помощь была принята съ распростертыми объятіями. Родовитые и брезгливые дворяне позабыли на этотъ разъ и сомнительное происхожденіе Кряжина, и еще болѣе сомнительное прошлое въ пріобрѣтеніи богатства. Дѣла партіи онъ повелъ прекрасно: въ первое же земское собраніе,—въ которомъ даниловская партія, какъ мы уже говорили, была въ значительномъ меньшинствѣ,—онъ сумѣлъ втереться въ ревизіонную комиссію. Во всемъ составѣ ея онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, читавшимъ земское положеніе, а потому такъ успѣлъ запугать членовъ ея отвѣтственностью, что комиссія безпрекословно стала слушаться его. Результатомъ ревизіи управскаго дѣлопроизводства было единогласное постановленіе комиссіи о необходимости просить ревизіи отъ губернскаго земства и, если потребуется, о преданіи суду всего состава земской управы за какія-то въ сущности неважныя упущенія съ формальной стороны. Такимъ путемъ полицейская партія была устранена отъ дѣлъ, а Кряжинъ попалъ въ предсѣдатели управы. Онъ такъ

сумѣлъ поставить себя, что долго считался единственнымъ дѣльцомъ, безъ котораго нельзя обойтись. Даже Вадимъ Николаевичъ сознавался, что ради своихъ партійныхъ интересовъ не только мирился съ Кряжинымъ, но и считалъ его необходимымъ. Разъ или два онъ долженъ былъ уступить мѣсто полицейской партіи, но подъ конецъ уже считался несмѣняемымъ предсѣдателемъ управы, а—со смертію брата Вадима Николаевича—и предводителемъ дворянства. Онъ начиналъ уже мало церемониться и съ Вадимомъ Николаевичемъ, который избѣгалъ всякихъ должностей и черезчуръ видной роли; но тутъ обстоятельства опять измѣнились.

Дѣло въ томъ, что въ средѣ даниловской партіи была группа отставныхъ корнетовъ, штабъ-ротмистровъ, майоровъ и лейтенантовъ, которая носила огромные усы, брила бороды, курила изъ трубокъ съ длиннѣйшими чубуками съ неизбѣжнымъ испытаніемъ крѣпости послѣднихъ на спинахъ различныхъ Филекъ и Машекъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, держались той воинской чести и рыцарской порядочности, при которой бѣдный не угнетался, карманъ ближняго и земскій сундукъ не обворовывались, комерческія дѣла и аферы считались несвойственными благороднымъ людямъ, а современные Колупаевы, пробравшіеся уже кое-гдѣ и въ въ гостинныя, не пускались ими дальше переднихъ, съ задняго крыльца. Этотъ типъ вымираетъ постепенно, но въ провинціальной жизни онъ все еще встрѣчается и замѣтенъ всякому, присматривающемуся къ окружающей средѣ. Эти люди ушли въ самихъ себя, почти никуда не выѣзжаютъ изъ своихъ деревень, слѣдятъ за политикой, искренно ненавидятъ подлость и современное „меркантильное направленіе“ культурныхъ слоевъ общества; но по крѣпостной привычкѣ ничего не дѣлаютъ, пользуясь, однако, различными удобствами, а—главное—спокойствіемъ; всѣ эти штабъ-ротмистры

и имъ подобные ни на какое практическое дѣло не способны. Дома, въ деревнѣ, ихъ немилосердно обкрадываютъ, а на поприщѣ общественной дѣятельности всякій проходимецъ вертитъ ими по собственному усмотрѣнію. Эта группа дворянъ, „во время царствованія въ с—омъ уѣздѣ злого царя Ирода“, какъ выражался Вадимъ Николаевичъ, потеряла послѣдніе признаки самостоятельности. Но, сознавая всѣ достоинства Кряжина, она, тѣмъ не менѣе, по традиціи, безсознательно группировалась около послѣдняго представителя Даниловыхъ—около Вадима Николаевича.

Довольно неожиданно для себя, эта малочисленная группа земскихъ штабъ-ротмистровъ получила въ глазахъ дѣльцовъ и уѣздныхъ воротилъ особенное значеніе. Случилось это такъ. Въ уѣздѣ изъ обѣихъ партій выдѣлилась молодежь. Между ними были и дѣти прежнихъ партійныхъ вождей, получившія образованіе, и разночинцы, и купцы, пріобрѣвшіе въ семидесятыхъ годахъ землю, когда продукты сельскаго хозяйства достигли небывалыхъ цѣнъ. Среднее сословіе еще больше заботилось объ образованіи своихъ сыновей. Въ общемъ набралось человѣкъ 10 молодыхъ людей съ высшимъ образованіемъ, которые пожелали принять участіе въ земскихъ дѣлахъ. Группа малочисленная, но энергичная, солидарная и единодушная. Ихъ поддерживали отцы, родственники и доброжелатели; за ними было и общественное мнѣніе. Штабъ-ротмистры тоже встрепенулись: симпатіи ихъ были на сторонѣ молодежи, хотя, съ другой стороны, разстаться съ партійными традиціями тоже было не легко и нѣкоторые изъ нихъ колебались.

Въ воздухѣ запахло весной, и первыя ласточки, въ лицѣ Аршфельда и др., свили уже въ уѣздѣ прочныя гнѣзда.

Кряжинъ ясно увидѣлъ, что нужно перемѣнить политику. Онъ понялъ, что вся сила теперь въ штабъ-

ротмистрахъ, и началъ заигрывать съ ними, хотя раньше игнорировалъ ихъ. Подъ вліяніемъ этой политики онъ отказался отъ должности предсѣдателя управы въ пользу Аршфельда. Штабъ-ротмистры нашли это благороднымъ; „нечего отступаться отъ человѣка", говорили они, „который самъ понялъ, что пришло время уступить мѣсто молодымъ. Теперь нужно и его поддержать". И они дѣйствительно поддерживали Кряжина, избравъ его на новое трехлѣтіе предводителемъ дворянства. Но молодежь не унималась: она уже выставляла своего кандидата въ предводители—нѣкоего Жилина, человѣка богатаго, съ университетскимъ образованіемъ, умнаго, краснорѣчиваго, твердаго и, казалось, вполнѣ энергичнаго и порядочнаго человѣка. Кряжинъ зналъ, что новый кандидатъ имѣетъ значительные шансы на успѣхъ, а потому интриговалъ изо всѣхъ силъ. Ему нужно было заручиться „бѣлыми" (шарами) отъ штабъ-ротмистровъ, потому что только ихъ поддержка могла дать перевѣсъ тому или другому кандидату. Въ виду этого, онъ всячески старался угодить Вадиму Николаевичу, а ради него уже помочь и мнѣ.

— Разумѣется, вы для нашего царя-Ирода,—говорилъ Вадимъ Николавичъ,—ничего больше, какъ сельскій учитель, настоящій или будущій,—это все равно. Въ крайности онъ готовъ оцѣнить васъ, какъ шаръ: но и это ему не важно. Ему нуженъ десятокъ шаровъ моихъ старичковъ (это штабъ-ротмистры), а я, предупреждая его о вашемъ пріѣздѣ, намекнулъ ему въ этомъ родѣ. Я вѣрю, что онъ все теперь сдѣлаетъ для васъ, даже къ директору поѣдетъ, если инспекторъ заупрямится. Ай, да Иродъ! Вотъ такъ птица!

Вадимъ Николаевичъ весело потиралъ руки, не сомнѣваясь въ успѣхѣ моего дѣла, которое онъ, какъ истинно добрый и порядочный человѣкъ, близко принялъ къ сердцу и считалъ чуть ли не лично своимъ дѣломъ. Но я, къ сожалѣнію, не могъ раздѣлять его

восторговъ. Меня угнетала мысль о той сложной, хитрой механикѣ, въ которую я попалъ. Я всегда желалъ стоять въ сторонѣ отъ мѣстныхъ партій, а тутъ какъ нарочно попалъ въ самый центръ ихъ. Я боялся, что партійныя интриги не дадутъ мнѣ дѣлать мое дѣло въ школѣ. Въ одно прекрасное утро я могу также легко потерять мѣсто, какъ найти его. Эти опасенія я высказалъ и Вадиму Николаевичу. Но онъ утѣшилъ меня.

— Трудно стать въ позицію, а выбить изъ нея еще труднѣй,—говорилъ онъ.—Вы, разумѣется, будете хорошимъ учителемъ, такъ что съ этой стороны къ вамъ нельзя будетъ придраться, революціи проповѣдывать тоже не станете, слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи можете быть спокойны.

— Да развѣ трудно сплести какую-нибудь неблагонамѣренность на человѣка?—перебилъ я его.

— Положимъ, насъ всѣхъ считаютъ красными за то, что мы въ карты не играемъ и водки не пьемъ. Указываютъ пальцами, говорятъ: „они противъ правительства". Но дальше разговоровъ нейдутъ и не могутъ идти,—иначе всю интеллигенцію пришлось бы выслать въ мѣста не столь отдаленныя, а самимъ остаться въ мужицкомъ царствѣ до-петровскаго времени. Интеллигенція, батенька, тоже сила, и съ нею нужно считаться, особенно, если она опирается на имущественныя права. Тогда у нея получается сила въ квадратѣ, противники же имѣютъ только ординарную силу...

Вадимъ Николаевичъ распространился на свою любимую тему о значеніи интеллигенціи, но кончилъ практическимъ совѣтомъ:

— Покупайте скорѣй землю, тогда попадете въ сферу земскихъ интересовъ и съ вами будетъ труднѣе тягаться. А пока не безпокойтесь: перевѣсъ на нашей сторонѣ. Вотъ посмотримъ, что завтра нашъ Иродъ скажетъ.

III. Экзамены.

На слѣдующій день я удостоился отвѣтнаго визита Кряжина. Къ моему большему удовольствію, онъ не засталъ меня дома и просилъ передать, что инспекторъ „почти согласился“ на мое назначеніе въ с. Княжево, но предварительно желаетъ меня видѣть. Съ этой новостью я отправился къ Данилову и засталъ тамъ Аршфельда. Царь-Иродъ тоже побывалъ здѣсь и сообщилъ о положеніи моего дѣла. Клеоникъ Петровичъ, въ свою очередь, видѣлся съ инспекторомъ и просилъ за меня. Инспекторъ не могъ болѣе противиться такимъ заступничествамъ, но уступалъ, видимо, неохотно.

— Что за причина такого сопротивленія со стороны Щукина?—недоумѣвалъ я.

— Изъ его разговоровъ,—отвѣчалъ Аршфельдъ,—я догадался, что онъ кое у кого справлялся уже о васъ и, очевидно, не увѣренъ въ вашей „благонадежности“. Сплетня и провинціальное недоброжелательство уже сдѣлали свое дѣло. Онъ же, какъ я думаю, склоненъ къ такого рода свѣдѣніямъ.

— Вотъ онъ сдѣлаетъ вамъ экзаменъ,—добавилъ Вадимъ Николаевичъ.

— Вы не промахнитесь на немъ,—совѣтовалъ Аршфельдъ.—Вѣдь у страха глаза велики, а нашему школьному начальству вездѣ чудится политическая неблагонадежность.

— Но что же я долженъ дѣлать и говорить?—не безъ раздраженія спросилъ я.

— Видите, вы ужъ раздражаетесь. Еще, чего добраго, вы и на его вопросы сдѣлаете подобное замѣчаніе. А въ глазахъ начальства—это строптивость, непочтительность. По ихъ логикѣ отсюда можно вывести и отрицаніе власти, и недовольство существующимъ порядкомъ, и другіе „жупелы“.

Этимъ разговоромъ я не только былъ раздраженъ и разстроенъ, но мнѣ уже начинало казаться, что почва уходитъ изъ подъ моихъ ногъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть привлекательнаго въ положеніи человѣка, не чувствующаго за собой никакой вины, но уже заподозрѣннаго, причемъ это подозрѣніе неизвѣстно въ чемъ можетъ привести къ самому печальному послѣдствію: къ потерѣ надежды на осуществленіе давно взлелѣянной мечты. Кажется, что можетъ быть естественнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ скромнѣе моего искренняго желанія присмотрѣться къ народу и принести ему посильную пользу? Это желаніе такъ просто, такъ возможно въ человѣкѣ, живущемъ не одной только утробной жизнью, такъ естественно, что, казалось бы, не могло служить даже намекомъ на какую-то подозрительность... А между тѣмъ, за это-то желаніе меня и подозрѣваютъ, и притомъ такъ, что еслибъ не заступничество сильныхъ міра сего, я бы, вѣроятно, потерялъ и тѣнь надежды на полученіе мѣста. Положеніе было, дѣйствительно, незавидное.

Но какъ бы тамъ ни было, предаваться „терзаніямъ“, по выраженію Вадима Николаевича, было некогда и слѣдовало спѣшить по начальству. Инстекторъ принялъ меня такъ же любезно, какъ и въ первый разъ. Я заявилъ, что предупрежденъ относительно его желанія видѣть меня и потому поспѣшилъ къ нему.

— Да, я хотѣлъ познакомиться съ вами поближе,—

заговорилъ онъ.—Садитесь пожалуйста,—пододвинулъ онъ кресло,—и побесѣдуемъ.

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Вы, разумѣется, знакомы съ положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ,—продолжалъ мой мучитель,—и знаете о предстоящихъ вамъ задачахъ въ школѣ. Прежде всего вы должны имѣть въ виду религіозно-нравственнное развитіе вашихъ будушихъ учениковъ.

Тутъ инспекторъ вопросительно взглянулъ на меня, и я долженъ былъ выразить свое согласіе съ нимъ.

— Для этой цѣли, вы постараетесь быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ законоучителемъ; тогда, знаете, при взаимодѣйствіи, ваше вліяніе на учениковъ будетъ успѣшнѣе. Да, кстати, вы можете обучать церковному пѣнію?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— Ахъ, какъ это жаль; очень, очень жаль! Неужели вы не слышали о могущественномъ вліяніи церковнаго пѣнія на душу ребенка?!

„Божья дудка“, мелькнуло у меня выраженіе Вадима Николаевича; но я постарался исправить невыгодное впечатлѣніе и сказалъ:

— Я попытаюсь пополнить этотъ пробѣлъ въ моей подготовкѣ, что для меня не будетъ трудно, такъ какъ я почти все время моего пребыванія еще въ гимназіи пѣлъ въ хорѣ.

Мое заявленіе произвело благопріятное впечатлѣніе, и разговоръ продолжался еще больше часу. Я рѣшительно не въ силахъ передать его. Для этого нужно перо художника. Чего только не говорилъ инспекторъ! Съ религіознаго воспитанія онъ перешелъ къ вопросу о патріотизмѣ, о чинопочитаніи, о своей роли въ народномъ образованіи, о своихъ отношеніяхъ къ учителямъ, о нравственныхъ основахъ соціальнаго строя, объ обученіи грамотѣ, письму и т. п.

— Вы ничего больше не успѣете сдѣлать въ школѣ, какъ научить только грамотѣ, письму и счету,—сказалъ онъ, между прочимъ;—не увлекайтесь мыслью сообщить какія нибудь знанія изъ естественной исторіи, географіи и др. предметовъ. Во-первыхъ, все это не соотвѣтствуетъ установленнымъ правиламъ, во-вторыхъ,—безполезно, потому что забудется учениками за одно лѣто, а, въ-третьихъ, даже вредно, такъ какъ, гоняясь за обрывками знаній, вы потеряете въ главномъ,—въ обученіи грамотѣ.

Видя, что я молчу, онъ спросилъ:

— Вы не согласны со мной?

— О нѣтъ,—отвѣчалъ я, напрягая все свое самообладаніе.—Въ этомъ отношеніи я еще не составилъ себѣ взгляда на мои обязанности.

Къ стыду моему, я долженъ сознаться, что лгалъ, и тогда же покраснѣлъ отъ своей беззастѣнчивости. Къ счастью, инстекторъ не замѣтилъ моего смущенія и продолжалъ бесѣду. Вся она напоминала мнѣ заигрыванья кошки съ мышкой: та же бархатная лапка, такъ нѣжно и мягко гладящая васъ съ единственной цѣлью ощупать незащищенное мѣсто, въ которое удобнѣе бы было запустить острые когти. То же сладкое мурлыканье, чтобы схватить усыпленную и успокоенную имъ жертву тонкими зубами, пронизывающими насквозь живое тѣло. Но я не былъ уже неопытнымъ мышонкомъ и довольно счастливо избѣгалъ опасности.

Инспекторъ закончилъ разговоръ.

— Подождите минутку, покурите,—сказалъ онъ,—я сейчасъ изготовлю бумагу о вашемъ назначеніи.

Я понялъ, что первый „экзаменъ“ полицейскаго свойства выдержанъ. Минутъ черезъ пять, онъ вынесъ отношеніе на мое имя, которымъ я „допускался, по соглашенію съ предводителемъ дворянства, къ исполненію должности учителя начальнаго народнаго училища въ с. Княжевѣ“.

— Чтобы получить утвержденіе въ этой должности,— добавилъ Щукинъ,—вы должны выдержать повѣрочный экзаменъ при уѣздномъ училищѣ.

На этомъ мы и распрощались. Поздно вечеромъ того же дня ко мнѣ зашелъ Семеновъ.

— А вы будете держать у насъ экзаменъ?—спросилъ онъ.

— Откуда вы знаете?—отвѣчалъ я тоже вопросомъ.

— Я только что съ педагогическаго совѣта,—объяснялъ Семеновъ,—и слышалъ эту новость отъ смотрителя училища, видѣвшагося съ инспекторомъ. Нарочно зашелъ поговорить съ вами. Послушайте меня: не держите у насъ экзамена, поѣзжайте въ К—ъ или въ какой нибудь уѣздный городъ.

— Зачѣмъ? Ужь не собираются ли порѣзать меня?— не безъ нѣкоторой ироніи спросилъ я.

— Собираются и порѣжутъ,—просто отвѣчалъ Семеновъ. Я былъ нѣсколько обиженъ и, помолчавъ, спросилъ:

— Въ чемъ же будетъ заключаться экзаменъ?

— Вамъ придется держать такъ называемый повѣрочный экзаменъ, отъ котораго не освобождаются всѣ лица, не имѣющія спеціально-педагогическаго образованія. Будь вы хоть докторъ философіи или чего нибудь другого, но если желаете быть сельскимъ учителемъ, вы обязываетесь держать повѣрочный экзаменъ.

— Это мѣра спеціально для казенныхъ учителей.

— Да и она полезна, потому чтеніе лекцій съ профессорской каѳедры не предполагаетъ еще за лекторомъ искусства элементарнаго обученія. Это самое трудное дѣло во всемъ преподаваніи; къ нему необходима спеціальная подготовка. Съ этой точки зрѣнія, понятно требованіе повѣрочнаго экзамена, состоящаго изъ письменной работы, преимущественно на педагогическую тему, и пробныхъ уроковъ. Но нелѣпость заключается въ томъ, что судьями на этомъ экзаменѣ являются лица, сами не

занимающіеся элементарнымъ преподаваніемъ, и въ томъ числѣ мы—учителя уѣздныхъ училищъ.

— Но если экзаменъ такъ простъ, то я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы вашимъ коллегамъ удалось порѣзать меня.

— Не говорите этого. При желаніи, все можно. А желаніе несомнѣнно сильное. Старосвѣтовъ — учитель русскаго языка, мой личный врагъ, сейчасъ же спросилъ меня о васъ:—„но онъ, вѣроятно, имѣетъ высшее образованіе“? Я зналъ, что затѣвается уже какая нибудь мерзость, вспыхнулъ и неосторожно отвѣчалъ, что во всякомъ случаѣ С. получилъ лучшее образованія, чѣмъ большая часть учителей уѣздныхъ училищъ“. Старосвѣтовъ, какъ истый семинаристъ, принялъ это на свой счетъ и сказалъ, что онъ въ этомъ нисколько не сомнѣвается и что экзаменъ, вѣроятно, вполнѣ докажетъ это. При этомъ онъ такъ переглядывался съ другими учителями, что относительно его дѣйствительныхъ намѣреній не оставалось никакого сомнѣнія. Я убѣжденъ, что онъ замышляетъ какую нибудь гадость по отношенію къ вамъ, во-первыхъ, изъ личностей ко мнѣ, а во-вторыхъ, изъ злораднаго желанія насладиться неудачей человѣка, который, какъ онъ сознаетъ въ глубинѣ души, стоитъ неизмѣримо выше его. Большинство совѣта будетъ на его сторонѣ; только смотритель да я будемъ справедливы: остальные же порадуются вашей неудачѣ, просто изъ мелочной зависти, изъ недоброжелательства къ тому, кто выше ихъ.

— Но мнѣ все таки непонятно, на чемъ же они могутъ порѣзать меня?—спросилъ я уже съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— О, такой изощрившійся учитель, какъ Старосвѣтовъ, разумѣется, найдетъ не одинъ способъ. Теоретическія познанія его по предмету равны гимназическому курсу, слѣдовательно, съ этой стороны ваши шансы равны. Но вы были ученикомъ, а онъ учителемъ; вы учили

урокъ, а онъ долженъ былъ постичь, такъ сказать, философію предмета; вы учили разъ, повторили разъ, а онъ повторялъ одно и то же изо дня въ день 15 лѣтъ. У васъ не было времени и возможности обдумать всѣ тѣ тонкости предмета, которыя могъ замѣтить онъ, постоянно занимаясь однимъ и тѣмъ же. Отсюда вы видите, что относиться свысока къ познаніямъ учителей уѣздныхъ училищъ, хотя бы они имѣли и равное съ вами образованіе или даже ниже вашего,—нельзя. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, на его сторонѣ ловкость, выработанная практикой, привычка прижать й, наоборотъ, увильнуть. Возьмите для примѣра хоть тему письменной работы: она можетъ быть такъ обща и расплывчата, что и не найдешься сразу, что написать на нее. Онъ задаетъ напр., ученикамъ 3-го класса сочиненіе на тему: „гражданскія обязанности человѣка". Ну, что это за тема? Можетъ ли быть что нибудь неопредѣленнѣе и общѣе? Вы напишете обязанности къ центральной власти, а онъ скажетъ: отчего пропущено отношеніе къ мѣстному управленію; вы напишите то и другое, а онъ скажетъ, что управленіемъ и властью не исчерпывается понятіе о гражданственности. Словомъ, здѣсь самое широкое поле для произвола. Онъ умѣетъ подсиживать. Недавно съ ехидной улыбочкой смиренія, онъ спросилъ меня, какъ учителя исторіи: въ которомъ году уничтожено личное рабство въ Англіи? Я не зналъ. Разумѣется, я вправѣ сослаться на то, что этого нѣтъ ни въ одномъ учебникѣ исторіи, писанномъ для среднеучебныхъ заведеній. Но онъ трижды правъ, отвѣчая, что это ученическая отговорка, что не знать этого міроваго факта--для учителя очень стыдно. И онъ правъ. То же можетъ случиться и съ вами. Онъ предложитъ вопросъ не по учебнику, необязательный для ученика, но необходимый для учителя, а вы можете не знать его. Разумѣется, и ему можно задать такой же вопросъ, и онъ очутится не въ лучшемъ

положеніи, но дѣло въ томъ, что на экзаменѣ право задавать вопросы будетъ за нимъ, а не за вами.

Я видѣлъ, что Семеновъ много переувеличиваетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не сознаться, что кое въ чемъ онъ правъ и что учителя, враждебные ему, могли, что называется, подставить мнѣ ножку; но, съ другой стороны, ѣхать на экзаменъ въ другой городъ, т. е., иными словами, бѣжать отъ премудрости семинариста Старосвѣтова было ужъ очень обидно. Это послѣднее обстоятельство заставило меня отклонить предложеніе Семенова.

Когда я сообщилъ ему объ этомъ, онъ, очевидно, остался недоволенъ моимъ рѣшеніемъ.

— Ваше дѣло!—сказалъ онъ.—Хотя Старосвѣтовъ обрушится на васъ изъ-за меня, но я долженъ умыть руки, такъ какъ предупреждалъ васъ.

— Кровь моя на немъ и на дѣтяхъ его,—шутя, отвѣчалъ я. Послѣ этого разговора, я началъ дѣятельно готовиться къ экзамену. Больше всего я боялся за пробные уроки, а потому выпросилъ у инспектора позволеніе посѣщать начальныя училища и началъ хожденіе по нимъ. Я побывалъ въ двухъ городскихъ приходскихъ школахъ и въ трехъ сельскихъ народныхъ училищахъ, устроенныхъ въ пригородныхъ слободахъ. Новаго я ничего не видѣлъ; но это не значитъ, что школы были плохи.

У насъ распространено мнѣніе, по которому всѣ учителя низшихъ школъ—неудачники, а всѣ школы такъ плохи, что за нихъ приходится только краснѣть. Живучесть этого мнѣнія объясняется собственнымъ опытомъ зрѣлыхъ (по возрасту, разумѣется, а не по гимназическимъ аттестатамъ) людей. Всѣ мы помнимъ дореформенную школу, благополучно существовавшую до начала 70-годовъ. Я тоже, въ числѣ другихъ дѣтей небогатыхъ горожанъ, посѣщалъ два-три года приходское училище. Припоминая (и довольно отчет-

ливо) состояніе своего духа въ то время, я могу утверждать, что оно выражалось сплошнымъ недоумѣніемъ. Сѣчь насъ перестали, но оплеухи, удары линейкой, подзатыльники и т. п. раздавались моимъ товарищамъ такъ усердно, что всѣ мы только дрожали и трепетали. Какъ только завидишь учителя, такъ и начнутъ тебя „трясци трясты“, а какъ услышишь его, такъ и начнешь недоумѣвать. Всѣ его разговоры вызывали у насъ только это недоумѣніе. Я рѣшительно не помню ничего усвоеннаго въ приходскомъ училищѣ, между тѣмъ какъ прекрасно помню все, что училъ въ это время дома, съ матерью. Ясно представляю себѣ тѣ ощущенія, которыя волновали меня, когда я въ первый разъ въ жизни прочелъ всю „читательную“ книжку, какъ написалъ первое письмо, какъ поправляли мнѣ его и объясняли ошибки, напр., что въ словѣ апрѣль нужно писать *ѣ*, а не *е*. Эти объясненія не были остроумны или особенно удачны; они были только понятны моему дѣтскому разумѣнію, или же произносились при такой обстановкѣ, что я сразу запоминалъ ихъ. Не такъ шло обученіе въ приходскомъ училищѣ. О немъ я вспоминаю, что время отъ времени я выходилъ къ доскѣ или учительскому столу, при этомъ усиленно дрожалъ и, недоумѣвая, становился на колѣни, или, ожидая получить затрещину,—даваемую мнѣ, какъ „барчуку“, лишь изрѣдка,—съ несвойственной дѣтскому возрасту злобой смотрѣлъ вслѣдъ удаляющемуся учителю. И—что всего страннѣе—я не былъ плохимъ ученикомъ, а считался среднимъ, хотя на экзаменѣ, вмѣсто „Терентій, Терентій, я въ городѣ была“ читалъ:—„Тертій, Тертій, я въ горохѣ била“. Таково было вліяніе до-реформенной школы. Я обучался въ ней въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда она уже нѣсколько улучшилась: такъ, мы читали уже на урокахъ „Книгу для класснаго чтенія“ І. И. Пауль-

сона, а учителей нашихъ даже вызывали въ губернскій городъ слушать педагогическіе курсы.

Почти двадцать лѣтъ не былъ я въ заурядныхъ начальныхъ городскихъ школахъ (кромѣ столичныхъ и образцовыхъ, которыхъ въ общій счетъ не ставлю), а потому понятенъ тотъ интересъ, съ которымъ я посѣтилъ приходскія училища въ С. и начальныя въ пригородныхъ слободахъ.

Это было въ половинѣ августа, т. е. въ началѣ учебнаго года для городскихъ школъ. Въ это время можно было наблюдать дѣтей самыхъ различныхъ типовъ и возрастовъ; можно уловить самые разнообразные оттѣнки отношеній ихъ къ учителямъ и, наконецъ, можно было наблюдать послѣднихъ въ самый трудный моментъ ихъ дѣятельности—при началѣ занятій. Мнѣ оставалось около двухъ недѣль до экзамена и я почти цѣликомъ посвятилъ ихъ посѣщенію названныхъ училищъ. Я не стану подробно передавать то впечатлѣніе, которое вынесъ изъ осмотра школъ, потому что впечатлѣніе это впослѣдствіи, при большемъ ознакомленіи со школьнымъ дѣломъ и со школами, много измѣнилось. Въ виду этого, гораздо интереснѣе будетъ познакомиться съ нимъ, когда оно явилось результатомъ цѣлаго ряда фактовъ, а не на первыхъ порахъ. Однако, я и теперь не могу не указать на нѣкоторую разницу между осмотрѣнными школами и до-реформенными, въ которыхъ я обучался.

Прежде всего, въ школахъ, которыя я посѣтилъ, ученики только боятся учителей, но, даже провинившись, не „трепещутъ“ передъ ними такъ, какъ трепетали мы. Это произошло, во-первыхъ, оттого—что ученики стали понимать учителей, а, во-вторыхъ, учителя стали только наказывать, а не истязать учениковъ безъ причины и цѣли. Во второй половинѣ 60-хъ годовъ уже не сѣкли, но тѣмъ не менѣе истязали: ученики цѣлые дни оставались безъ пищи, цѣлые часы стояли

на колѣняхъ, цѣлые пучки своихъ волосъ оставляли въ рукахъ учителей и т. п. Въ современной школѣ наказанія не вывелись. Этого, пожалуй, трудно ожидать отъ русской школы за двадцать лѣтъ ея новой жизни, когда и въ просвѣщенной Европѣ варварскій обычай школьныхъ наказаній не искоренился за сотни лѣтъ. Въ Германіи и теперь физическія наказанія примѣняются съ болѣе жестокой систематичностью, чѣмъ у насъ. Наша школа возвысилась уже до того, что въ ней физическія наказанія перестали служить истязаніемъ: они, въ большинствѣ случаевъ, служатъ скорѣе для устыженія, чѣмъ для причиненія боли. Злобный учитель, неистовствующій въ классѣ только потому, что всталъ лѣвой ногой съ постели, или совсѣмъ вывелся изъ современной школы, или выводится. Ученикъ, невиновный ни въ какой продѣлкѣ, ни въ незнаніи урока, (а таковыхъ, разумѣется, громадное большинство) можетъ быть увѣренъ, что его не накажутъ, не исколотятъ, не обругаютъ. Въ мое же время всего этого можно было ожидать всегда, а потому мы дрожали, ничего не понимая. Современный ученикъ, если у него совѣсть спокойна, является въ школу въ ясномъ, веселомъ настроеніи, не омраченномъ предстоящей „лупкой“. Оттого онъ понимаетъ простую рѣчь учителя, учится сносно и знаетъ опредѣленно, чего отъ него требуютъ. Мы же не понимали учителей, во-первыхъ, потому что трепетали передъ ними, а во-вторыхъ потому, что они говорили съ нами или съ олимпійскимъ величіемъ, или съ кабацкой развязностью, употребляя даже трехъ-этажныя слова.

Уже одна указанная разница въ настроеніяхъ современнаго ученика и учителя и ихъ предшественниковъ за двадцать лѣтъ назадъ показываетъ, какъ далеко шагнула наша школа и какъ великъ прогрессъ, внесенный въ нее гласностью и земскимъ самоупра-

вленіемъ, создавшимъ современный типъ начальныхъ школъ.

Что касается учебной части,—главной цѣли моихъ шатаній по с—кимъ школамъ, то я почерпнулъ изъ нихъ только то, что можно почерпнуть изъ образцовыхъ уроковъ, дававшихся учителями ради меня. Впослѣдствіи я убѣдился, что гг. учителя и безъ постороннихъ свидѣтелей занимаются не хуже, чѣмъ при нихъ; но при обычномъ веденіи урока видна живая душа дѣла: видно, какъ учитель желаетъ научить то того, то другаго ребенка. На образцовомъ же урокѣ, чтобы все шло образцово, онъ или занимается съ лучшими учениками, или воображаетъ себѣ ученика, отсутствующаго въ дѣйствительности. Въ виду этого, для меня уже знакомаго съ образцовыми уроками, мало принесли пользы таковые же уроки въ с—кихъ школахъ, а потому я къ экзамену, съ этой стороны, пріобрѣлъ не больше, чѣмъ имѣлъ.

Наконецъ, наступило и 1-е сентября—время моего экзамена. Меня помѣстили въ отдѣльную комнату, занимаемую библіотекой, и предложили написать сочиненіе на тему: „объемъ и значеніе преподаванія пѣнія въ народной школѣ“. Уже сама тема показывала, что меня хотятъ, что называется, поддѣть: очевидно, мой разговоръ о пѣніи съ инспекторомъ сдѣлался извѣстнымъ, и Старосвѣтовъ настоялъ на темѣ, незнакомой мнѣ. Кое-какъ я справился съ ней. Смотритель, прочтя сочиненіе остался, повидимому, доволенъ имъ. Старосвѣтовъ также прочиталъ и молча положилъ мою работу на столъ. На вопросъ смотрителя, какъ онъ находитъ мое сочиненіе, онъ отвѣчалъ.

— Превосходно, превосходно. Я, съ вашего позволенія, возьму его домой, чтобы еще разъ обдумать эти прекрасныя мысли и насладиться ими. Вѣдь печать на бланкѣ есть? Да, да, есть; значитъ, сочиненіе не мо-

жетъ быть подмѣнено мною,—засмѣялся онъ непріятнымъ, жесткимъ смѣхомъ.

— Въ этомъ никто и не сомнѣвается, — замѣтилъ смотритель. Затѣмъ мнѣ было объявлено, что завтра я долженъ буду дать пробные уроки. Содержаніе уроковъ объявлялось, согласно съ правилами, заранѣе. На слѣдующій день я далъ ихъ въ общемъ настолько порядочно, что офиціальныхъ замѣчаній на вызвалъ. По окончаніи ихъ, смотритель, конфузясь и краснѣя, заявилъ, что мнѣ предстоитъ еще коллоквіумъ, назначаемый обыкновенно въ томъ случаѣ, когда письменная работа кѣмъ нибудь изъ экзаменаторовъ признавалась невполнѣ удовлетворительной. Мнѣ предстояло только пожать плечами и отправиться вслѣдъ за смотрителемъ на предстоящее собесѣдованіе. Въ учительской комнатѣ, за длиннымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, засѣдалъ педагогическій совѣтъ уѣзднаго училища въ полномъ составѣ. Мнѣ предложили сѣсть подлѣ Старосвѣтова, державшаго въ рукахъ мое сочиненіе. Подъ нимъ я замѣтилъ отмѣтки: двѣ пятерки (вѣроятно, Семенова и смотрителя) и три двойки. Такая разница въ отмѣткахъ не могла не показаться странной.

Старосвѣтовъ началъ съ того, что указалъ мнѣ важныя упущенія въ сочиненіи: я, видите ли, ничего не сказалъ о значеніи пѣнія для развитія въ ученикахъ религіозности, благочинія въ храмѣ, для практическаго ознакомленія съ литургіей. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Какая была ваша цѣль говорить о задаткахъ въ народѣ эстетическаго развитія? Къ чему было выставлять на видъ необходимость согласованія программъ училищъ съ народными требованіями? Вѣдь вы писали не проектъ. Безъ насъ знаютъ, почему вводятъ тотъ или другой предметъ въ обученіе, а потому разсужденіе на эту тему не входило въ вашу задачу. Затѣмъ,

я не согласенъ съ умиряющимъ вліяніемъ пѣнія. Оно можетъ носить разгульный характеръ или страстный и т. п. Все это нужно было объяснить.

Старосвѣтовъ наговорилъ еще цѣлую массу подобныхъ замѣчаній, которыя всѣ имѣли одинъ характеръ: они или были построены на игрѣ словъ, или указывали на неточное пониманіе темы. Выпаливъ свои замѣчанія въ одинъ разъ, педагогъ уѣзднаго училища надѣялся, вѣроятно, ошеломить меня массой ихъ, въ которой трудно было сразу оріентироваться. Но я, при помощи смотрителя, возстановилъ по порядку всѣ возраженія и отвѣчалъ на нихъ, доказывая каждый разъ, что всѣ они носятъ характеръ простыхъ придирокъ. Въ такомъ же именно смыслѣ высказали свое особое мнѣніе и тѣ члены совѣта, которые поставили подъ моей работой высшій баллъ. Въ заключеніе я спросилъ, не имѣютъ ли члены правленія совѣта сказать чего нибудь по поводу моихъ пробныхъ уроковъ. Всѣ промолчали, только одинъ Старосвѣтовъ сказалъ:

— Прекрасно, прекрасно, только вы постоянно ошибались и гласныя буквы называли согласными, а эти послѣднія—гласными, такъ что у учениковъ все перепуталось, и они едва ли что поняли. Но это были, разумѣется, простыя оговорки.

На этотъ разъ даже единомышленникамъ Старосвѣтова стало стыдно, и они прежде другихъ заявили, что не слыхали подобныхъ оговорокъ, что подтвердили и всѣ остальные члены совѣта.

— Если бы г. С. дѣлалъ подобныя оговорки, то ученики, дѣйствительно, ничего не поняли бы, какъ справедливо замѣтили вы,—обратился смотритель къ Старосвѣтову, — но дѣло въ томъ, что ученики все поняли, что̀ и доказали, повторивъ правило, подобравъ примѣры, избѣгая ошибокъ въ заданныхъ имъ письменныхъ работахъ. Очевидно, вы ошиблись.

Уѣздныя училища производятъ экзамены на званіе

приходскихъ учителей, но имъ не дано право своею властью признавать тотъ или другой исходъ экзаменовъ. Поэтому моя письменная работа, вмѣстѣ съ протоколами коллоквіума и пробныхъ уроковъ, была отослана въ дирекцію училищъ. Черезъ нѣсколько дней директоръ сообщилъ, что находитъ меня достойнымъ званія учителя приходскаго и начальнаго училища, въ чемъ мнѣ немедленно и было выдано свидѣтельство. Одновременно я получилъ увѣдомленіе отъ инспектора, что съ 15-го сентября мнѣ слѣдуетъ уже быть на мѣстѣ.

До отъѣзда оставалось всего два дня; но дѣла у меня были всѣ окончены. Я радовался предстоящему отъѣзду, но чувствовалъ себя вообще очень плохо. Къ чему нуженъ былъ этотъ рядъ оскорбленій, чтобы добиться такой простой цѣли? Неужели безъ этого нельзя было обойтись? Зачѣмъ нужно было лгать, скрытничать, притворяться, оглядываться и осматриваться за каждымъ словомъ; зачѣмъ нужно было вести борьбу съ явными выраженіями злобы, зависти, придирчивости; зачѣмъ нужно было пройти черезъ этотъ рядъ нравственныхъ униженій и паденій? Неужели это необходимая инстанція въ служеніи хорошему дѣлу? Да, теперь я понимаю, что не только сама сельская школа, но даже преддверіе къ ней служитъ хорошей школой жизни. „Школа жизни“—какая грустная иронія въ этихъ словахъ!

IV. Школа и ея блюститель.

Въ свѣжее, бодрое сентябрьское утро, въ троечномъ почтовомъ экипажѣ, подъѣзжали мы съ Клеоникомъ Петровичемъ къ Княжеву. Спускаясь съ горки, можно было видѣть небольшое село, вытянувшееся вдоль столбовой дороги, служившей главнымъ проспектомъ. Вторая и послѣдняя улица, пересѣкавшая первую подъ прямымъ угломъ, образовывала съ ней правильный крестъ. Широкое тридцатисаженное разстояніе между линіями дворовъ, которому могъ бы позавидовать не только уѣздный городъ, но и любой губернскій, чистенькія малороссійскія мазанки, плакучія вербы у хатъ, наконецъ, довольно новая каменная церковь, почти при самомъ въѣздѣ—все это производило пріятное впечатлѣніе скромнаго, уютнаго уголка на земномъ шарѣ, къ которому такъ часто стремятся люди, утомленные внѣшними шумными проявленіями городской жизни.

Улицы почти пустынны. „Поздняя сѣйба!"—пояснилъ ямщикъ. — Кой где у воротъ попадаются лишь дѣти, еще непригодныя къ какимъ нибудь хозяйственнымъ работамъ, да старики. Изрѣдка выглянетъ баба, привлеченнная звономъ колокольчика. Полная тишина; даже собаки перебрались въ поле, вслѣдъ за хозяевами.

— О, здѣсь, навѣрно, золотой уголокъ для работы!— громко подумалъ я.

— И да, и нѣтъ,—отвѣчалъ Аршфельдъ.—Да, потому

что здѣсь „не слышно шуму городскаго“, больше свободнаго времени, больше возможности поглубже заглянуть въ предметъ. Нѣтъ,—потому что здѣсь невозможно спокойное отношеніе къ „проклятымъ вопросамъ“. Вы, вѣроятно, думали иначе, но ошиблись, еще не зная деревни. Тихо въ ней, а вамъ кажется, что спокойно. Подождите, вы увидите, что подъ этой-то дѣловой гнетущей тишиной и скрываются настоящіе „проклятые вопросы“. Очень можетъ быть, что въ началѣ они будутъ мучить васъ еще больше, чѣмъ въ городѣ.

Въ это время мы въѣхали въ самое село. Церковная площадь оканчивалась школьнымъ домомъ. Снаружи онъ ничѣмъ не отличался отъ богатыхъ деревенскихъ построекъ. Также, какъ эти послѣднія, онъ былъ покрытъ соломой подъ глину, чистенько обмазанъ; окна красовались безъ наличниковъ и ставенъ. Общественный характеръ зданія выражался только въ отсутствіи двора и надворныхъ построекъ—черта общая многимъ школамъ уѣзда. Зданіе стояло въ сторонѣ, одинокое, непривѣтливое, не смотря на чистоту снаружи. Чувствовался пустырь, заброшенность.

— Школу-то прибрали къ нашему пріѣзду,—замѣтилъ Аршфельдъ, когда экипажъ остановился у крыльца.

— Развѣ вы предупреждали кого?—спросилъ я.

— Да, я писалъ священнику. А вотъ и Петръ. Это—сторожъ,—замѣтилъ для меня Клеоникъ Петровичъ.

На крыльцо выскочилъ бравый, высокій мужчина лѣтъ сорока, въ которомъ нельзя было не признать отставного унтеръ-офицера. Онъ почтительно раскланялся съ нами и помогъ спуститься на землю съ высокой, неуклюжей почтовой колымаги.

— Батюшка просили пожаловать къ нимъ,—доложилъ намъ Петръ, едва мы взошли на крыльцо.

Но мы пожелали предварительно осмотрѣть школу. Двѣ трети всего зданія занимала классная комната, отдѣлявшаяся отъ комнаты учителя и сторожки, пере-

сѣкавшимъ все зданіе коридоромъ. Впослѣдствіи мнѣ приходилось видѣть не одну школу, и я замѣтилъ, что лучшія изъ нихъ построены именно по этому типу. Мое новое помѣщеніе было не такъ плохо, какъ можно было ожидать по разсказамъ инспектора Небольшая комната въ шесть и семь аршинъ имѣла вполнѣ достаточно свѣта отъ четырехъ оконъ, обращенныхъ на сѣверъ и западъ; стѣны были выбѣлены, полъ покрашенъ и вымытъ. Только мебели было мало: деревянный, выкрашенный ничѣмъ не обитый диванъ, два стула, столъ и небольшой, шкафъ, запертый висячимъ замкомъ.

— Откуда это?—спросилъ Клеоникъ Петровичъ сторожа, указывая на ширму, раздѣлившую комнату на двѣ половины.

— Это батюшка свою прислали,—отвѣчалъ Петръ.— Слышали, что ихъ благородіе женаты,—указалъ онъ на меня,—а потому велѣли ширму поставить и кровать.

Мы взглянули за перегородку и увидѣли громадную старинную двойную кровать, занимавшую весь уголъ. Невольно пришлось расхохотаться надъ такой любезностью. Петръ вносилъ мои вещи. Мнѣ было досадно, что онъ называетъ меня „благородіемъ“. Очевидно, кто-то внушилъ ему эту мысль. Клеоникъ Петровичъ предполагалъ, что это „батюшкино“ вліяніе.

— Здѣсь священникъ очень вліятеленъ,—говорилъ онъ въ то время, когда Петръ выходилъ изъ комнаты.— Если вы сумѣете ладить съ нимъ, то вамъ и школѣ будетъ хорошо. Видите, онъ принимаетъ уже мѣры къ тому, чтобы жить съ вами въ мирѣ. Этого я, правду сказать, очень желаю, такъ какъ пользы будетъ больше, чѣмъ вреда. Предшественникъ вашъ игнорировалъ и задѣвалъ его самолюбіе, отъ этого у нихъ происходили столкновенія. Говорятъ даже, что священникъ писалъ на него доносъ за то, что онъ не соблюдаетъ постовъ.

— Этотъ поводъ и я, вѣроятно, дамъ ему, — замѣтилъ я, улыбаясь.

— Не думаю, возразилъ Аршфельдъ серьезно.—Несоблюденіе постовъ—только предлогъ къ доносу, а поводы были другіе: рядъ мелкихъ оскорбленій, неуваженіе къ заслугамъ священника, во всякомъ случаѣ значительнымъ для школы и т. д. Такихъ поводовъ вы, я увѣренъ, не подадите. У васъ слишкомъ много такта, чтобы пренебрегать мелочами въ ежедневныхъ сношеніяхъ.

— Мнѣ, значитъ,—не безъ горечи сказалъ я,—снова, какъ въ отношеніяхъ съ Кряжинымъ и инспекторомъ, предстоитъ быть настороже, оглядываться и осматриваться, какъ бы чего не сказать неугоднаго.

— Я понимаю вашу иронію и горечь, — отвѣчалъ Клеоникъ Петровичъ. — Вы слишкомъ молоды и очевидно думаете, что, не, приспособляясь къ средѣ, можно много сдѣлать. А по моему, даже прожить, ничего не дѣлая, безъ этого приспособленія трудно. Читать по этому поводу нравоученія едва ли удобно.

— Въ провинціи, по моему наблюденію, всѣ хорошіе люди щедры на нихъ,—иронизирую я.

— А вы имѣйте мужество не обижаться на нихъ,—возражаетъ Аршфельдъ.—Я убѣжденъ, что черезъ мѣсяцъ вы уже сознаете всю важность приспособленія къ средѣ.

— Т. е. нужно „угождать“ всѣмъ, — снова перебиваю я.

— Да, но до извѣстной мѣры. Угождать въ мелочахъ, но не покидать главнаго дѣла. Какая польза будетъ, если вы начнете, напр., смѣяться надъ нѣкоторыми педагогическими пріемами священника? Онъ ихъ не оставитъ, а единодушіе ваше поколеблется, и школа мало-по-малу разстроится. Вамъ это необходимо помнить теперь, такъ сказать, на порогѣ вашей самостоятельной гражданской жизни, на порогѣ общественнаго служенія.

Я замолчалъ. Спорить объ этомъ предметѣ мнѣ уже надоѣло, да и толку изъ этого не выходило. Вопросъ

обыкновенно сводился къ тому, въ какой мѣрѣ и степени необходимо это „приспособленіе къ средѣ“, какъ выражались наши провинціальные интеллигенты. Всѣ говорили, что нужно уступать въ мелочахъ, но предѣла ясно не обозначали. И я зналъ необходимость этого, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, зналъ, что почва здѣсь скользкая, что разъ начнешь приспособляться, то, при извѣстныхъ условіяхъ, легко можешь совсѣмъ ассимилироваться со средой, и тогда трудно уже будетъ удержаться отъ поглощенія провинціей.

Долженъ повиниться, что первое время пребыванія своего въ с—комъ уѣздѣ я на себѣ испыталъ опасность этого „приспособленія“.—Года за три своего пребыванія въ провинціи, я такъ привыкъ къ окружающему, такъ втянулся въ мелкіе интересы провинціальной жизни, борьбу земскихъ партій и т. п., что самъ долженъ былъ сознаться въ замѣтномъ ослабленіи своихъ интеллектуальныхъ и моральныхъ потребностей. Къ счастью, обстоятельства сложились такъ, что я снова могъ подтянуть себя въ этомъ отношеніи. Но для многихъ людей такихъ обстоятельствъ не бываетъ, а потому я и вывожу заключеніе, что къ вопросу о „приспособленіи“, даже „на порогѣ“ жизни, слѣдуетъ относиться чрезвычайно осторожно. Между тѣмъ, Клеоникъ Петровичъ продолжаетъ разсказывать о законоучителѣ.

Княжевскій священникъ и законоучитель мѣстнаго училища, отецъ Андрей Колинскій, былъ во многихъ отношеніяхъ,—какъ я убѣдился впослѣдствіи,—человѣкъ рѣдкій и очень интересный. Этотъ типъ среди сельскаго духовенства теперь уже мало распространенъ. Старики вымираютъ, молодежь слишкомъ развязна въ своемъ пастырскомъ служеніи, чтобы быть серьезной и дѣятельной. Отецъ Андрей совмѣщалъ въ себѣ оба послѣднія качества, хотя ему было около 50-ти лѣтъ и человѣкъ онъ тучный и „тяжелый“. Дѣятельность его въ пользу

княжевской школы очень поучительна. Село Княжево принадлежало нѣкогда князю Вильштейну. Умирая, онъ завѣщалъ его своей крестницѣ княгинѣ А—ной. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался отецъ Андрей, чтобы, съ одной стороны, открыть школу, а съ другой—увѣковѣчить память покойнаго князя. Онъ разсчитывалъ съ этой цѣлью использовать ярмарочную площадь, принадлежащую владѣльцамъ. На ней собирается въ годъ шесть однодневныхъ ярмарокъ, причемъ всѣ продавцы уплачиваютъ помѣстный сборъ за право торговли на площади въ пользу владѣльца. Такимъ путемъ собирается 100—150 р. въ годъ. Отецъ Андрей вздумалъ просить эту площадь въ пользу школы. Разсказывая мнѣ объ этомъ впослѣдствіи, онъ порылся въ своихъ бумагахъ и досталъ черновое письмо, адресованное княгинѣ. Вотъ оно:

„Ваше сіятельство! Милостивая благодѣтельница, княгиня В. К.! Зная доброту сердца вашего, наша милостивая попечительница, а наипаче расположеніе вашего сіятельства къ христіанскимъ щедротамъ, видѣхомъ заботы ваши о неимущихъ, я, смиренный служитель церкви Христовой и почтительнѣйшій слуга вашъ, дерзаю повергнуть передъ вами мою всепокорнѣйшую просьбу. Ревнуя о храмѣ Божіемъ, воздвигнутомъ отъ щедротъ покойнаго князя, благочестиваго воспріемника отъ купели вашего сіятельства, а также о вразумленіи Христовымъ ученіемъ ввѣренной мнѣ паствы, дерзаю надѣяться на милость вашего сіятельства, на благорасположеніе и щедроты ваши. Ваше сіятельство! Всемилостивѣйшая благодѣтельница наша! разрѣшите пользоваться ярмарочной площадью въ с. Княжевомъ, дабы доходы съ оной шли на иждивеніе княжевскаго Авраамовскаго училища, объ устроеніи коего, въ память вашего воспріемнаго отца и славу вашего сіятельства, нынѣ пекусь я. Милость Всевышняго наградитъ васъ сторицею за сію жертву вашу и почіетъ на васъ и дѣ-

тяхъ вашихъ. Съ сей всепокорнѣйшей просьбой остаюсь покорнѣйшій и почтительнѣйшій слуга вашего сіятельства и вѣчный молельщикъ за ваши благодѣянія, священникъ с. Княжева Андрей Колинскій".

— Недѣли двѣ думалъ я надъ этимъ письмомъ. Даже въ нощи, просыпаясь, къ нему въ мысляхъ обращался. И вотъ таки надумался,—съ наивной гордостью добавилъ отецъ Андрей, читая письмо.

— Я своей паствы не забываю,—говорилъ онъ, разсказывая объ открытіи училища,—пекусь о народномъ благѣ, и себя не забываю. Такъ и въ школѣ моя корысть не мала.

„Корысть" эта, какъ оказывалось, заключалась въ законоучительскомъ вознагражденіи, въ бо́льшемъ вниманіи со стороны „владыки" и епархіальныхъ властей къ священникамъ, открывающимъ школы, а также въ „доброхотныхъ приношеніяхъ" родителей обучающихся дѣтей.

Надежды отца Андрея сбылись. Княгиня оказалась не только щедрой, но и очень сочувствующей народному образованію. Она охотно отказалась отъ площади въ пользу школы и, кромѣ того, пожертвовала лѣсу и 300 р. на училищное зданіе. Присоединивъ къ этому 150 р. годоваго ярмарочнаго сбора, отецъ Андрей, при помощи прихожанъ, выстроилъ школьный домъ, благополучно существующій до сихъ поръ. Отъ школы поправились и дѣла священника.

— Менѣе ста рублей въ годъ отъ школы я еще не получалъ,—откровенничалъ онъ какъ-то со мной за чаркой зелена вина.—Да и прихожане щедрѣе стали; все отъ родителей учениковъ лишнее что и перепадетъ—то гороху мѣрочку, то пшенца, то хлѣбца принесутъ. Я стяжательствомъ и вымогательствомъ не занимаюсь, а отъ доброхотныхъ даяній не отказываюсь. Намъ этого нельзя, ибо жалованья мы не получаемъ, а питаемся отъ прихожанъ.

— А начальство васъ отличило?—полюбопытствовалъ я.

— Какъ же! Тогда я скуфью получилъ, а теперь, видите, уже пятый годъ камилавку имѣю. Въ мои годы изъ сельскихъ священниковъ, почитай, во всей епархіи нѣтъ съ такими отличіями.

Во всѣхъ „дѣяніяхъ“ отца Андрея замѣтно то же стремленіе принести возможную пользу населенію, съ тѣмъ однако, чтобы и самому ему было получше отъ этого. Такимъ именно способомъ устроился онъ, напр., съ книгами и журналами. Любилъ отецъ Андрей легкое душеспасительное чтеніе, а тратиться на выписку изданій не изъ чего, да и жалко. Вотъ онъ собираетъ грамотныхъ крестьянъ, бывшихъ учениковъ, и предлагаетъ въ складчину выписать одинъ или два духовныхъ журнала или книжку. Всѣ охотно даютъ: кто 20 к., кто полтину, а кто и рубль. Онъ жертвуетъ больше всѣхъ, но все таки остается въ выгодѣ. Благодаря ему, грамотность и „письменность“ процвѣтаютъ въ Княжевѣ. Въ требахъ онъ тоже не притѣсняетъ прихожанъ. Сосѣдніе священники меньше 25 р. за вѣнчанье не берутъ, а онъ и 10-ю доволенъ. По другимъ приходамъ за молебенъ платятъ 3 р., а отецъ Андрей беретъ 50 к. Оттого въ рѣдкомъ приходѣ бываетъ болѣе 10-ти молебновъ въ годъ, а отецъ Андрей осенью служитъ въ день по 10 молебновъ, а то и больше.

— Трудно,—говоритъ онъ,—да много выгоднѣй. У меня въ каждой хатѣ одинъ, а то и два молебна въ годъ бываетъ.

Въ церкви онъ служитъ исправно. Каждый праздникъ объясняетъ евангеліе и говоритъ поученіе. Правда, очень некраснорѣчивы его проповѣди, но онѣ понятны крестьянамъ и охотно выслушиваются ими. Голосъ у него громкій, непріятнаго тембра. Онъ организовалъ хоръ, поющій тоже очень громко. Горожанину такое служеніе кажется крикливымъ, но селяне очень любятъ

его, и отецъ Андрей, въ этомъ отношеніи. удовлетворяетъ только мѣстнымъ вкусамъ. Таковъ, съ положительной стороны, отецъ Андрей. Я видѣлъ въ своей жизни немало сельскихъ священниковъ и долженъ сознаться, что типъ, подобный отцу Андрею, въ настоящее время очень рѣдко встрѣчается среди нихъ. Но у отца Андрея имѣлись свои довольно крупные недостатки. Былъ онъ очень самолюбивъ и любилъ при случаѣ показать свою силу. Сына одного крестьянина, отказавшагося помогать при постройкѣ училищнаго дома, онъ не пустилъ въ школу и не далъ ему возможности выучиться грамотѣ. Моего предшественника-учителя, задѣвавшаго его самолюбіе, онъ взячески тѣснилъ: жаловался начальству, писалъ, говорятъ, доносы; какъ завѣдывающій хозяйственною частью школы, не исполнялъ требованій учителя относительно ремонта зданія, отговариваясь неимѣніемъ денегъ. Говорятъ, что въ учительской комнатѣ печь дымила цѣлую зиму и отецъ Андрей не спѣшилъ ее исправить. Но кто умѣлъ угодить ему, польстить его самолюбію, съ тѣмъ онъ ладилъ и умѣлъ дѣлать много пріятнаго. Особенно благоволилъ онъ къ тѣмъ, кто, ладя съ нимъ вообще, не прочь были хорошенько выпить, что и въ принципѣ, и на дѣлѣ очень одобрялъ отецъ Андрей. Признавался онъ мнѣ (въ несовсѣмъ трезвомъ видѣ), что съ пьющими чувствуетъ себя на болѣе равной ногѣ. Выпивъ, онъ дѣлался сообщительнѣе и нерѣдко распѣвалъ чувствительные романсы, въ родѣ „Гляжу какъ безумный, на черную шаль“ и „Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ“, или „Пой во мракѣ тихой рощи“ и т. п. Въ трезвомъ же видѣ онъ держался „прилично духовному сану и пастырскому служенію“. Въ приходѣ вліяніе его было очень велико. Только благодаря ему, ученье въ Княжевѣ начиналось за одинъ-два мѣсяца раньше, чѣмъ въ другихъ школахъ. Крестьяне во всемъ почти безпрекословно слушали своего „батюшку“. Деревни дру-

гихъ приходовъ, расположенныя недалеко отъ Княжева, всегда тяготѣли къ нему, предпочитая княжевскую церковь своимъ приходскимъ. Въ благочиніи отецъ Андрей тоже былъ замѣтенъ. Онъ былъ вторымъ лицомъ послѣ благочиннаго. Его выбирали слѣдователемъ и депутатомъ на съѣзды. Клеоникъ Петровичъ, съ своей стороны, уступилъ ему право завѣдыванія хозяйственной частью училища, принадлежащее первому по закону, а второму „по совѣсти".

Таковъ былъ отецъ Андрей, основатель и блюститель, — какъ называлъ онъ себя, — княжевской школы. Къ нему-то и направились мы съ Клеоникомъ Петровичемъ „въ гости".

Въ это время священникъ былъ уже вдовъ. Хозяйствомъ его завѣдывала старшая дочь. Онъ радушно вышелъ къ намъ на встрѣчу, когда мы съ Клеоникомъ Петровичемъ подходили къ его дому, расположенному черезъ улицу наискось отъ школы. Все помѣщеніе его состояло изъ трехъ маленькихъ, чистенькихъ комнатокъ. Первыя двѣ служили пріемными: одна для болѣе простыхъ посѣтителей и для отправленія требъ, а другая напоминала родъ гостиной. Первая была украшена иконами и угольничкомъ подъ ними—съ крестомъ, епитрахилью, двумя-тремя церковными книгами, портретами царствущей фамиліи, простымъ столомъ подъ клеенкою, и нѣсколькими стульями съ деревянными сидѣніями. У входной двери стояла окрашенная скамейка. „Гостиная", кромѣ обычныхъ образовъ, украшалась нѣсколькими олеографіями,—очевидно, преміями „Нивы",—портретами „сродственниковъ", деревяннымъ диваномъ, покрытымъ ковромъ, съ ломбернымъ столикомъ передъ нимъ и стульями съ сидѣньемъ, обитымъ ситцемъ, пестрѣвшимъ громадными розовыми цвѣтами. Подобную типичную обстановку мнѣ много разъ приходилось встрѣчать у старыхъ священниковъ. Молодежь изгоняетъ эти деревенскіе диваны и стулья,

замѣняя ихъ вѣнскою мебелью и пружинными креслами. Своеобразная обстановка, простые вкусы старичковъ замѣняются шаблонными „приличными“ издѣліями дешевыхъ мебельныхъ магазиновъ. — Насъ радушно усаживаютъ и довольно безцеремонно оглядываютъ. Начинается рядъ вопросовъ, которые непремѣнно задаетъ вамъ,—если вы незнакомый человѣкъ,—всякій сельскій батюшка, насчитывающій себѣ болѣе пятидесяти лѣтъ.

— Ваше имя, отчество?=спрашиваетъ онъ и, дождавшись отвѣта, продолжаетъ:—а по фамиліи?—Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ вопросовъ, задаваемыхъ по мѣрѣ того, какъ вы отвѣчаете.

— Гдѣ получили образованіе?—Кончили ли курсъ наукъ?—Что же не продолжали?—Женаты ли? Имя, отчество вашей супруги? Чьи онѣ и откуда будутъ?—Живы ли родители? Не родственники ли вамъ такіе-то (имя рекъ)? Давно ли въ нашихъ мѣстахъ и т. д. Я постарался удовлетворить любопытство отца Андрея довольно подробно, чѣмъ онъ, очевидно, остался доволенъ.

— Очень радъ, что васъ сюда назначили,—заключилъ онъ,—видно, вы человѣкъ образованный и нестроптивый.

Мнѣ оставалось только благодарить.—Разговоръ перешелъ къ школѣ и къ методамъ преподаванія.

— Новые методы куда лучше старыхъ, говорилъ отецъ Андрей.—Вразумленія отъ нихъ ученикамъ больше, сомнѣній меньше и успѣшность замѣтнѣе, когда по начальству представлять надлежитъ. Однако, кой въ чемъ вы, почтенные педагоги, зарвались. Взять бы, къ примѣру, предметные уроки. Къ чему ученику *ось* или *осу* показывать, когда онъ ихъ лучше насъ знаетъ и насъ же научитъ?

— Знать-то онъ знаетъ,—возражаю я,—да описать, разсказать не умѣетъ, а мы затѣмъ и показываемъ,

чтобы онъ смотрѣлъ, да въ системѣ говорилъ, что видитъ, и тѣмъ пріучался бы къ правильной рѣчи и наблюдательности.

— На этомъ рѣчи не обучишься,—спорилъ отецъ Андрей:—для сего надлежитъ въ предметахъ высшаго разумѣнія упражнять дѣтей.

— Въ какихъ это?

— Въ священномъ писаніи, напримѣръ, въ исторіи тожъ.

— А кстати,—перебиваетъ Клеоникъ Петровичъ, очевидно, не желающій допустить продолженіе спора,—у васъ какой учебникъ по закону божію?

— Прежде всего евангеліе. Читаю съ учениками евангеліе и объясняю. Христосъ указалъ лучшій методъ въ притчахъ, и я особенно на нихъ останавливаюсь.

— Это лучшій изъ методовъ,—замѣчаю я,—но очень маленькимъ ученикамъ, вѣроятно, это скучновато.

— Не безъ того,—соглашается отецъ Андрей,—да на это средства есть.

— Какія?

— Да велю другъ дружкѣ „чубарки“ дать.

— Это что же такое?

Отецъ Андрей лукаво улыбается, вѣроятно, отъ горделиваго сознанія универсальности своего средства.

— А вотъ увидите,—говоритъ онъ.

Но я настаиваю. Онъ, наконецъ, умилостивился.

— Велю,—говоритъ,—другъ дружкѣ въ чубъ вцѣпиться, вотъ и чубарка выйдетъ.

— Какъ?—недоумѣваю я, всему классу?

— А то какъ же! По два, одинъ другого схватятъ и встреплютъ—мое почтеніе. Самъ такъ не выдерешь. Одинъ рванетъ, а другой еще крѣпче. Тоже вѣдь соревнованіе.

Говорилось это такъ серьезно, что я не зналъ, что и думать.

„На шутку не похоже, но неужели это серьезно?“— спрашивалъ я себя.

— Но вѣдь...—начинаю я.

Клеоникъ Петровичъ, замѣчая, что я собираюсь возражать, усиленно моргаетъ мнѣ.

„А!—думаю—нужно приспособляться!“—и умолкаю.

— Вы употребляете и другія наказанія?—спрашиваю я черезъ минуту,—чтобы спросить что нибудь и замять неловкое молчаніе, котораго, кажется, нашъ хозяинъ не замѣтилъ.

— Не безъ того,—отвѣчаетъ онъ и смѣется,—чай зову пить къ себѣ.

— Какъ это?

— А послѣ обѣда призываю сюда,—указываетъ онъ на пріемную,—и заставляю уроки учить. Это у насъ называется чай пить.—Отецъ Андрей снова смѣется, Клеоникъ Петровичъ вторитъ ему, а я за нимъ, но смѣясь не столько надъ остроуміемъ наказанія, сколько изъ желанія „приспособляться“.

Сугубымъ наказаніемъ служитъ у меня,—словоохотливо продолжаетъ отецъ Андрей,—положеніе на полъ.

Я уже перестаю удивляться, а онъ продолжаетъ:

— Велю одному, а не то и всѣмъ, на полъ лечь пузомъ внизъ. Такъ и лежатъ минутъ пять...

Тутъ откровеннымъ изліяніямъ отца Андрея помѣшалъ какой-то прихожанинъ, и онъ вышелъ.

— Не смущайтесь,—обратился ко мнѣ Клеоникъ Петровичъ.—Онъ вовсе не такъ жестокъ, какъ вы думаете. Вы увидите, что онъ очень рѣдко примѣняетъ наказанія, но такія, которыя соотвѣтствуютъ его грубымъ понятіямъ и понятіямъ среды. Я уже пробовалъ спорить съ нимъ, но только напрасно раздражалъ: онъ не доросъ до иной системы и не понимаетъ другихъ наказаній. Онъ умѣетъ наказать и умѣетъ приласкать. Дѣти любятъ его.

Вошелъ отецъ Андрей и объявилъ, что уже поло-

вина 12-го, а потому пора обѣдать. Много разъ впослѣдствіи приходилось мнѣ пользоваться гостепріимствомъ сельскихъ священниковъ и раздѣлять всегда радушно предлагаемую ими трапезу. Всегда, или почти всегда, она одинакова. Такимъ именно обычнымъ обѣдомъ накормилъ насъ и отецъ Андрей. Намъ подали сначала жирный малороссійскій борщъ, затѣмъ лапшу изъ куриныхъ потроховъ, затѣмъ вареную курицу подъ бѣлымъ соусомъ и въ заключеніе молочный кисель. Этотъ обѣдъ мало разнообразится. Въ торжественныхъ случаяхъ прибавляется жареная птица, лапша замѣняется иногда рисовымъ супомъ, непремѣнно съ изюмомъ, а кисель—„вергунами“ съ вареньемъ или сладкимъ пирогомъ, съ молокомъ въ чашечкахъ. Всѣ блюда сопровождаются усиленнымъ упрашиваньемъ кушать побольше и выпивать водочки, наливки и церковнаго вина. Упрашиванья такъ настойчивы, что отказаться, напримѣръ, отъ вина,—нужно много мужества и стойкости. Мы съ Клеоникомъ Петровичемъ скоро испытали это на себѣ. За вторымъ блюдомъ мы выпили уже по третьей. Съ непривычки у меня закружилась голова. Въ концѣ обѣда, у отца Андрея языкъ развязался.

— Мы попики,—говорилъ онъ,—какъ соберемся вмѣстѣ, такъ послѣ жаркого уже не считаемъ рюмками.

— Стаканами пьете?—полюбопытствовалъ я.

— Нѣтъ, все же рюмками, только считаемъ-то вершками. Кто сколько рюмковъ выпьетъ—столько вершковъ. Окончить обѣдъ надлежитъ аршиномъ—значитъ 16 рюмокъ. А затѣмъ уже аршинами считаемъ. Кто полтора выпьетъ, кто два—могій вмѣстити, да вмѣститъ.

Послѣ обѣда слѣдовалъ чай. Отецъ Андрей устроилъ пуншъ: подливалъ себѣ въ чай простой водки; но намъ удалось отказаться.....

Короткій осенній день клонился къ вечеру, когда я

проводивъ Клеоника Петровича, возратился въ свою новую комнату. Хмѣль прошелъ, но голова была тяжела и въ вискахъ стучало. Въ комнатѣ неясно обрисовывались предметы моей новой скромной обстановки. Я былъ совершенно одинъ, Въ этомъ новомъ мѣстѣ, въ новыхъ условіяхъ жизни, вдали отъ близкихъ, на порогѣ еще незнакомаго общественнаго служенія, мнѣ, предоставленному собственнымъ силамъ, казалось, что я не только одинъ, но и одинокъ. Мракъ наступившей осенней ночи сгущался. Кругомъ не слышно было ни звука. Я чувствовалъ біеніе своего сердца,—и цѣлый рядъ гнетущихъ неотвязныхъ мыслей охватилъ меня.

Вотъ я переступилъ этотъ „порогъ жизни“, думалось мнѣ, и переступилъ не безъ усилія. Давно лелѣенная мечта идти въ деревню въ глушь провинціи, сбылась; я—у дѣла, къ которому стремился. И здѣсь, на первыхъ же порахъ, мнѣ пришлось перенести рядъ испытаній: пришлось молчать тамъ, гдѣ нужно было говорить, доказывать, спорить до слезъ; пришлось и унижаться, и лгать, и притворствовать, и окунуться въ ту удушливую атмосферу, освѣжить которую я надѣялся, живя и работая въ провинціи. До сихъ поръ я встрѣчалъ и нравственную поддержку, и заступничество, и помощь. Но теперь я одинъ, совершенно одинъ, и долженъ полагаться только на себя. Выдержу ли я это одиночество, устою ли передъ жизнью и не убѣгу ли назадъ въ столицу, какъ бѣгали десятки моихъ предшественниковъ?

Долго сидѣлъ я въ раздумьѣ надъ этими вопросами въ темной комнатѣ моей школы. Когда Петръ принесъ свѣчу, участливо предложилъ мнѣ поставить самоваръ и спросилъ, не будетъ ли какихъ приказаній, я не сразу пришелъ въ себя. Я едва догадался распорядиться, чтобы на завтра же было объявлено о моемъ пріѣздѣ и чтобы ученики сходились въ школу. Только послѣ этого, сознаніе дѣйствительности возратились ко мнѣ.

Я вспомнилъ, что десятки дѣтей и ихъ родителей будутъ искать теперь опоры во мнѣ и что малодушествовать, въ виду этого, невозможно и даже безнравственно. Теперь нужно собрать всю свою энергію, всѣ свои силы, забыть о тяжелой необходимости приспособляться и бодро идти по разъ начертанному пути. Въ средѣ дѣтей народа не нужно ни притворства, ни лжи, ни обмана, а при такихъ условіяхъ я могу сдѣлать свое дѣло. Тогда не будетъ ни тоски, ни одиночества, ни угрызеній совѣсти.

Мои надежды не обманули меня: совѣсть моя осталась чиста среди народа и его дѣтей; та грязь, черезъ которую я прошелъ на порогѣ общественной дѣятельности, не испачкала меня въ школѣ, когда я принялся за самое дѣло.

V. Школьный инвентарь

Очутившись у самаго предмета моихъ исканій — въ сельской школѣ, я естественно почувствовалъ необходимость разобраться, прежде всего, въ тѣхъ чисто внѣшнихъ условіяхъ, въ которыя было поставлено мое новое дѣло. Съ этой именно цѣлью я началъ осмотръ и приведеніе въ извѣстность училищнаго инвентаря и—главнымъ образомъ—школьной библіотеки. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, я приступилъ къ нему съ ранняго утра вслѣдъ за пріѣздомъ въ школу.

Библіотека помѣщалась въ простомъ шкафчикѣ, аляповато выкрашенномъ подъ одинъ цвѣтъ съ полками и пріютившемся между двумя окнами моей комнаты. Если бы Аршфельдъ не предупредилъ меня, что здѣсь именно помѣщается библіотека, я бы, заглянувъ въ шкафъ, не повѣрилъ этому. Отворивъ дверки, я былъ пораженъ массой мусора, представившагося моимъ глазамъ. Передо мной лежала груда отдѣльныхъ листковъ, рѣже книжныхъ тетрадокъ, измятыхъ и засаленныхъ до такой степени, что взять въ руки ихъ даже небрезгливому человѣку — было буквально противно. Многихъ мѣстъ невозможно было прочесть или за толстымъ слоемъ грязнаго сала, или просто потому, что часть листка, очевидно, пошла на „цыгарку“. Не подлежало никакому сомнѣнію, что эта своеобразная библіотека была въ не менѣе своеобразномъ употребленіи. Никакой описи ей не оказалось. Нужно было положить немало

труда, чтобы разобраться въ этомъ хламѣ. Къ счастью моему, сборъ учениковъ на слѣдующій день моего пріѣзда не могъ состояться, такъ какъ староста и сотскіе были вызваны въ „станъ“ (т. е. мѣстопребываніе станового пристава) и не возвращались, а безъ нихъ одинъ Петръ былъ безсиленъ „загадать“ ученикамъ. Я просидѣлъ надъ библiтекой около 10-ти часовъ и едва-едва привелъ ее въ такой видъ, при которомъ можно было составить каталогъ. Вся библіотека содержала въ себѣ 82 названія въ 360-ти экземплярахъ. Составъ ея,—какъ я убѣдился впослѣдствіи,—очень типиченъ для многихъ школъ, а потому считаю нужнымъ остановиться на немъ подробнѣе.

По отдѣламъ, библіотека распредѣлялась такъ: 1) по богословію было 30 названій въ 124 экземплярахъ. Изъ нихъ собственно учебныхъ 45, а для чтенія—79. Учебныхъ книгъ насчитывалось мало, потому что крестьяне,—какъ оказалось,—довольно охотно пріобрѣтали въ собственность евангелія, псалтыри, молитвенники и т. п. книги; 2) по русскому языку было только 5 названій въ 106 экземплярахъ; всѣ учебныя; 3) учебныхъ же книги по ариѳметикѣ состояло 45 экземпляровъ 4-хъ названій; 4) по церковному пѣнію 10 книгъ трехъ названій, а по свѣтскому пѣнію—2 названія въ 5 экземплярахъ; 5) по чистописанію 8 штукъ одинаковыхъ прописей; 6) по педагогикѣ и методикѣ 14 названій въ 20-ти экземплярахъ, и наконецъ, 7) собственно книгъ для „свѣтскаго“ чтенія—42 въ 23 названіяхъ. Всего же, за исключеніемъ, учебниковъ, для чтенія имѣлась 121 книга, причемъ на богословіе приходилось болѣе 65°/, а остальные 34°/₀ слишкомъ составляли книги по исторіи, географіи, естествовазнанію, собственно литературныя и др.

Богословскій отдѣлъ состоялъ изъ житій святыхъ, поученій и рѣчей митрополитовъ, архіереевъ, изъ разъясненій различныхъ догматовъ, церковныхъ обычаевъ и т. п. Чтобы судить объ остальныхъ книгахъ,

привожу очень несложный и краткій списокъ имъ. „Ручная книжка для грамотнаго поселянина“, изд. 1867 г., считалась въ 5 экземплярахъ, „Русская исторія по Карамзину въ картинкахъ“—въ 2 экземплярахъ, „Бесѣды о природѣ“, Зобова, изд. 1868 г.—въ 5 экземплярахъ, „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ“. Пушкина--въ 10 экземплярахъ, а „о купцѣ Остолопѣ“—въ 5 и „Начальный курсъ географіи по американской методѣ Корнеля“, изд. 1867 г. - въ 3-хъ экземплярахъ. Слѣдующихъ книгъ состояло по 2 каждой: „Какъ спасать и спасаться отъ смертныхъ случаевъ безъ помощи врачей и знахарей“, изд. 1866 г.; „Басни“ Крылова; „Мертвецъ и пьяница, или чудесное избавленіе отъ пьянства“, изд. 1869 г.; „Судъ людской и божій“; „Разсказы о Суворовѣ“ В. Новаковскаго, и, наконецъ,—„Изъ путевыхъ замѣтокъ миссіонера“ (переводъ съ нѣмецкаго).

Вотъ и вся библіотека, которой должны были пользоваться и учащіе, и учащіеся, и кончившіе курсъ школы, и вообще „грамотные поселяне“. Пораженный присутствіемъ такихъ книгъ, какъ „Мертвецъ и пьяница“, „Судъ людской“, „Изъ путевыхъ замѣтокъ“ и т. п., а равно и всѣмъ вообще составомъ книгъ для чтенія, я долго недоумѣвалъ надъ вопросомъ: откуда и какъ попали къ намъ въ школу эти своеобразныя произведенія всемірной словесности? Только позже, ознакомившись съ „каталогомъ“ книгъ для низшихъ училищъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, я понялъ, чѣмъ опредѣляется составъ такихъ библіотекъ. Этимъ каталогомъ, изданнымъ по распоряженію того же министерства въ 1878 г., въ библіотекахъ низшихъ школъ разрѣшается имѣть книгъ приблизительно до 655 названій (!), причемъ изъ нихъ значится: въ богословскомъ отдѣлѣ 186, въ отдѣлѣ русскаго языка 58, ариѳметики и геометріи 19, географіи 34, исторіи 71, естествознанія 51, въ отдѣлѣ сельскаго хозяйства, гигіены и скотовраченія 55, пѣнія

16, рисованія и черченія 17, въ „отдѣлѣ разныхъ книгъ“ 23, и, наконецъ, въ отдѣлѣ басенъ, повѣстей и разсказовъ—130. Но изъ послѣднихъ—до 20 книгъ вполнѣ богословскаго характера, такъ что, по отдѣламъ, книги, означенныя въ министерскомъ каталогѣ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: богословскія книги составляютъ 31% всѣхъ; басни, повѣсти и разсказы 17%, исторія 11%, *сельское хозяйство* 9% (!), русскій языкъ тоже 9%, естествовѣдѣніе 8%, а остальные отдѣлы содержатъ въ себѣ отъ 2½ до 5% общаго числа книгъ. Богословскія книги, по количеству, превосходятъ другіе отдѣлы въ 2½—10 разъ. Отсюда очевидно, что упрекъ современнымъ начальнымъ народнымъ училищамъ якобы въ слишкомъ „свѣтскомъ характерѣ“,—по меньшей мѣрѣ, не точенъ. Даже спеціальныя духовныя училища едва ли могутъ равняться съ народными школами по количеству книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. Въ этомъ отношеніи, каталогъ министерства народнаго просвѣщенія превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Книгъ по общественнымъ наукамъ, по устройству сельскаго быта, по законовѣдѣнію, по экономическимъ вопросамъ—въ немъ почти не значится. Большинство книгъ принадлежитъ перу совершенно неизвѣстныхъ авторовъ, нерѣдко пишущихъ тяжелымъ, неуклюжимъ и малопонятнымъ языкомъ, съ весьма сомнительной грамотностью. Изложеніе во многихъ книгахъ имѣетъ догматическій характеръ, содержаніе и бѣдно, и блѣдно, и очень мало говоритъ уму и сердцу. Лучшія произведенія отечественной словесности отсутствуютъ въ этомъ каталогѣ министерства народнаго просвѣщенія, изданномъ, какъ я уже говорилъ, въ 1878 году.

Содержаніемъ такого-то каталога и опредѣлялся прежде всего, составъ библіотеки княжевскаго начальнаго народнаго училища и нѣсколькихъ десятковъ другихъ, которыя пришлось мнѣ видѣть на своемъ вѣку.

Немалое вліяніе на этотъ составъ оказывалъ и недостатокъ средствъ. Отецъ Андрей, напримѣръ, говорилъ мнѣ, что давно собирается выписать полное собраніе сочиненій Жуковскаго, которымъ, разумѣется, можно было бы воспользоваться умѣлому учителю и которое разрѣшается министерствомъ, но, къ сожалѣнію, никакъ не можетъ урвать для этого 6—8 руб. изъ училищныхъ суммъ. Даже на переплетъ книгъ трудно найти средства, а потому большая часть библіотеки была найдена мной, какъ сказано выше, въ самомъ ужасномъ видѣ. По крайней мѣрѣ, половина книгъ не имѣла ни переплета, ни послѣднихъ страницъ. Во многихъ не доставало середины. Всѣ же онѣ, безъ исключенія, были невообразимо загажены и испачканы.

Знакомясь со школьными библіотеками въ другихъ училищахъ, я пришелъ къ заключенію, что княжевская еще изъ лучшихъ. Бѣдность нѣкоторыхъ изъ нихъ просто поразительна. А между тѣмъ спросъ на книги въ деревнѣ довольно великъ. Грамотный крестьянинъ,— особенно если онъ былъ ученикомъ той же школы,— охотно заходитъ къ учителю съ просьбой: „чего нибудь почитать". Ко мнѣ тоже нерѣдко обращались за книгами. Сначала, какъ видно изъ предыдущаго списка, книгъ было мало, да и многія изъ наличныхъ я не рѣшался давать для чтенія или по ветхости экземпляровъ, или по непригодности ихъ содержанія. Поэтому, въ первое время моего пребыванія въ княжевской школѣ, нѣкоторымъ изъ обращавшихся приходилось отказывать. Просьбы послѣ этого стали повторяться рѣже, но онѣ снова возрасли съ увеличеніемъ библіотеки. Въ первое же воскресенье, послѣ того какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что я получилъ книги для библіотеки, ко мнѣ явилось до десятка бывшихъ учениковъ съ просьбой дать новыхъ книжекъ для прочтенія. Затѣмъ число читателей постепенно возрастало.

Оно и понятно, такъ какъ библіотека при сельской шко-

лѣ не менѣе важна, какъ и эта послѣдняя. Курсъ одноклассныхъ народныхъ училищъ такъ незначителенъ, что, даже для начальнаго образованія, его нельзя считать законченнымъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, обученіе въ школѣ, за исключеніемъ праздниковъ и каникулъ. продолжается такъ недолго, что за весь трехлѣтній курсъ на него затрачивается немногимъ больше одного года, Разумѣется, за это время можно сдѣлать очень мало. Путемъ опыта я убѣдился, что добросовѣстный учитель едва-едва успѣваетъ научить учениковъ простой грамотности, да подготовить ихъ къ тому, чтобы они могли болѣе или менѣе свободно обращаться съ книгами, предназначенными для людей ихъ уровня. Одноклассное училище можетъ сообщить ученикамъ только одно знаніе — знаніе способовъ расширять свой кругозоръ въ будущемъ при помощи печатнаго слова. Отсюда очевидно, какое значеніе получаетъ библіотека въ селеніи. Она служитъ не только естественнымъ продолженіемъ школы, но и единственнымъ учрежденіемъ, при посредствѣ котораго грамотные крестьяне могутъ получить хоть какой нибудь запасъ общихъ и спеціальныхъ знаній, приложимыхъ въ ихъ жизни. Поэтому учреждать школы безъ хорошихъ библіотекъ—значитъ только дѣлать частицу народно-образовательнаго дѣла,—значитъ не понимать его значенія и практической важности. Въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться много разъ. Я наблюдалъ небольшія селенія, гдѣ школа существовала десятки лѣтъ и гдѣ нельзя было найти порядочнаго писаря для сельскаго правленія по малограмотности бывшихъ питомцевъ школы, успѣвающихъ за два-три года въ значительной мѣрѣ перезабыть пройденное. Я видѣлъ и такія селенія, гдѣ училище сдѣлало лишь 5—6 выпусковъ, но поставляетъ грамотѣевъ для всѣхъ сосѣдей, а—главное—даетъ немало учениковъ со столь значительной домашней подготовкой, что учителя сразу принимаютъ ихъ

во 2-ое отдѣленіе одноклассннаго училища. Въ этомъ селѣ многіе бывшіе ученики, по своей иниціативѣ, изучили ремесла и явились первыми ремесленниками у себя. Вся разница между собой этихъ селеній заключалась въ томъ, что въ первомъ при школѣ вовсе не было библіотеки, а во второмъ она была, и притомъ относительно хорошая. Въ ней брали книги почти всѣ ученики, окончившіе курсъ училища. И въ этомъ фактѣ заключалось главное условіе грамотности и, такъ сказать, практической дѣловитости бывшихъ учениковъ второго изъ этихъ селеній.

Такимъ образомъ, библіотека княжевскаго училища не удовлетворяла и не могла удовлетворить меня. Особенно тяжело было сознавать, что, руководясь министерскимъ „каталогомъ“, и пополнить-то ее, какъ слѣдуетъ, невозможно. Скрѣпя сердце, перешелъ я къ обозрѣнію учебныхъ пособій. Въ школѣ оказались: глобусъ, шесть геометрическихъ фигуръ, шведскіе счеты, ариѳметическій ящикъ, нѣсколько географическихъ картъ, два экземпляра картинъ по священной исторіи, подвижная азбука, складная сажень, четверикъ и гарнецъ. Пособія имѣли очень подержанный видъ, но пользоваться ими все-таки было можно. Только полушарія, карты Палестины, Россіи и нашей губерніи такъ истрепались и испачкались, что употребленіе ихъ для учебныхъ цѣлей было бы уже затруднительно. При этомъ только карта губерніи была хорошаго изданія, а остальныя сдѣланы такъ аляповато и грубо, что и держать-то ихъ въ школѣ казалось предосудительнымъ. Пріобрѣтались онѣ не потому, что въ нихъ созрѣла потребность, а больше по требованію начальства. Пріѣзжаетъ ревизоръ и находитъ все благополучно, но въ ревизорской книгѣ-то нужно же что нибудь записать... Вотъ онъ и пишетъ: „все, молъ, недурно, да плохо, что карты Палестины нѣтъ“. Отецъ Андрей спѣшитъ пріобрѣсть ее, вѣшаетъ на стѣнѣ, мальчишки тычатъ

по ней грязными пальцами, пыль не стирается, пропитывая ее вмѣстѣ съ сыростью, и къ концу учебнаго года она принимаетъ видъ грязной тряпки. Въ слѣдующій пріѣздъ ревизоръ запишетъ еще что нибудь и т. д. Съ нѣкоторымъ смысломъ учебныя пособія стали пріобрѣтаться только при послѣднемъ учителѣ, который требовалъ ихъ не прямо отъ отца Андрея, а черезъ посредство Клеоника Петровича. Учебныхъ пособій по естествовѣдѣнію, исторіи, по предметнымъ урокамъ и т. п. совсѣмъ не было.

Какъ ни плохи были, по количеству и качеству, учебныя пособія, но, откровенно говоря, и они утѣшали меня. Лѣтъ 15—16 тому назадъ, когда я впервые, въ день преподобнаго Наума, былъ водворенъ въ начальное городское училище одного изъ захолустнѣйшихъ уѣздныхъ городовъ матушки Россіи, ни я, ни мой учитель навѣрно не допускали даже и мысли и необходимости какихъ бы то ни было учебныхъ пособій. Ариѳметическій ящикъ, шведскіе счеты и даже картины изъ священнаго писанія не были извѣстны, по крайней мѣрѣ, 99-ти изъ сотни тогдашнихъ педагоговъ. Да и появленіе ихъ въ то время было бы признано святотатственнымъ покушеніемъ на школьное дѣло, нѣмецкой выдумкой, грѣховной для православныхъ людей. Дѣло обученія велось тогда еще очень просто: почти безъ труда для учителей и съ громаднымъ напряженіемъ дѣтскихъ силъ. Ученикамъ давались въ руки букварь и указка, а учителю—только указка въ десять разъ толще и длиннѣй ученической. Въ этихъ аттрибутахъ ученія заключалась альфа и омега педагогической премудрости. Самый процессъ обученія ограничивался повтореніемъ за учителемъ названій буквъ: *а*, *бе*, *ве*, и т. д., что называлось „проказываніемъ“, а затѣмъ—въ безсмысленномъ заучиваніи этихъ названій, потомъ словъ и т. п. Нужно замѣтить, что такія школы были уже лучшими и „передовыми“, во-первыхъ, потому

что въ нихъ буквы назывались *а*, *бе*, *ве*, и т. п., а не *азъ*, *буки*, *вѣди*, и т. д., а, во-вторыхъ, вслѣдствіе изгнанія изъ нихъ сѣченія розгами. Для ученическаго назиданія, въ рукахъ учителя оставалась лишь указка, которая время отъ времени и пускалась въ ходъ по головамъ и рукамъ совсѣмъ непривилегированныхъ и менѣе привилегированныхъ учениковъ. Нашего же брата—„барчуковъ“—указка обыкновенно почти не касалась, за исключеніемъ развѣ какихъ-либо особенныхъ случаевъ, въ родѣ, напр., пусканія въ учителя чернильницей. Да, читатель, и это бывало; но тогда господствовали „жестокіе“ нравы, и сама школа была не менѣе жестока! Поэтому, какъ ни какъ, а встрѣтить школу, да притомъ заурядную сельскую, въ которой, очевидно, хоть немного подумали о томъ, какъ бы облегчить учениковъ, было особенно пріятно. Вмѣсто букваря, оказалась подвижная азбука, вмѣсто указки—доска съ планочками, а тамъ и ариѳметическій ящикъ, и геометрическія фигуры, и другія, хотя и немудрыя, и не богъ знаетъ какія важныя вещи, но несомнѣнно показывающія, что о школѣ стали думать, что ученикъ пріобрѣлъ нѣкоторое право на заботу о себѣ, что „мученіе“ хотятъ превратить въ „ученіе“, а „корень“ его сдѣлать не столь горькимъ, какъ прежде. Для меня—ученика старой дореформенной школы,—это было важнымъ и радостнымъ открытіемъ.

Порадовало меня и классная мебель. Правда, парты были не крашены, грубо сколочены и даже плохо выструганы. Но, во первыхъ, ихъ было достаточно даже для большой школы и ученикамъ никогда не приходилось заниматься стоя, какъ было въ мое время и какъ практикуется до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ школахъ; а, во-вторыхъ, въ устройствѣ ихъ замѣчалась уже попытка принять во вниманіе требованія школьной гигіены. Прежде всего парты были разной высоты и приспособлялись, такимъ образомъ, къ различнымъ возрастамъ.

Затѣмъ, большинство ихъ имѣло такъ называемую нулевую дистанцію, при которой передній край стола находится на одной вертикальной линіи съ краемъ скамьи. Благодаря этому, ученику при занятіи чтеніемъ или письмомъ нѣтъ надобности ложиться грудью на столъ и тѣмъ искривлять себѣ позвоночникъ, натруждать грудь и портить глаза. Онъ можетъ читать и писать, сидя прямо и не налегая на доску стола. Это важное удобство классной мебели начинаетъ понемногу пріобрѣтать права гражданства и въ нашихъ сельскихъ школахъ. Дѣятельнымъ проводникомъ его въ уѣздѣ былъ все тотъ же Клеоникъ Петровичъ, истинный другъ и защитникъ школьнаго дѣла.

Школьное помѣщеніе гораздо меньше удовлетворяло меня. Хотя классная комната была велика и достаточно свѣтла, но вмѣстимость ея, по самому minim'альному разсчету, содержала воздуха только на 40 человѣкъ, учениковъ же почти всегда бывало до 80-ти. Свѣтло въ ней было только у оконъ да посрединѣ. Въ глубинѣ же комнаты, за десятками дѣтскихъ головъ и спинъ, читать можно было лишь съ нѣкоторымъ напряженіемъ глазъ. Тремя стѣнами своими комната выходила наружу, на широкую и обширную площадь, и ничѣмъ не защищалась отъ вѣтровъ и непогоды. Поэтому, какъ ни натапливалась голландская печь, примыкавшая къ четвертой стѣнѣ, въ комнатѣ все-таки было холодно и сыро. Зимой сѣверная стѣна промерзала, и по угламъ, отъ пола до самаго потолка, покрывалась иногда довольно толстымъ слоемъ обледенѣвшаго инея. Въ вѣтряные зимніе дни дѣти мерзнутъ, жмутся другъ къ дружкѣ, руки у нихъ коченѣютъ и писать дѣлается очень трудно. Въ такіе дни разрѣшаешь имъ надѣть тулупчики или свитки, но въ нихъ сидѣть тоже неловко, а писать совсѣмъ неудобно. Поневолѣ приходится при такихъ условіяхъ избѣгать письменныхъ занятій, всегда самыхъ важныхъ и необходимыхъ въ народной школѣ. Съ со-

стояніемъ воздуха тоже приходится считаться въ комнатѣ. Вентилировалась она двумя небольшими форточками въ окнахъ, но открывать ихъ на короткое время было безполезно, а держать постоянно открытыми—невозможно, такъ какъ онѣ сильно охлаждали и безъ того холодную комнату. Поэтому, пользовались мы ими только во время рекреацій. Черезъ два-три часа занятій, воздухъ приходилъ въ состояніе, при которомъ, какъ говорится, „хоть топоръ повѣсь". Духота, сырость, какой-то удушливый специфически-школьный, кислый запахъ, пыль, вонь отъ дегтя и рыбьяго жира на сапогахъ, отъ овчинныхъ полушубковъ и пр.—все это даже привычнаго человѣка доводило иногда до дурноты, до потери сознанія. Даже черезъ два года занятій, мнѣ дѣлалось иногда дурно, но преимущественно на четвертомъ урокѣ, при обходѣ послѣднихъ, забившихся въ уголъ, ученическихъ скамей.

Такимъ образомъ, хотя обстановка школы и доставила мнѣ,—особенно со стороны мебели и учебныхъ пособій,—нѣкоторое удовольствіе, тѣмъ не менѣе, всетаки въ общемъ она была очень плоха. Заниматься съ дѣтьми пришлось въ сырой и холодной комнатѣ, въ удушливой атмосферѣ, по изорваннымъ грязнымъ учебникамъ, часто безъ начала и конца, безъ многихъ необходимыхъ книгъ и учебныхъ принадлежностей. Но я не особенно унывалъ, зная, что есть школы и похуже, что княжевская, пожалуй, даже изъ лучшихъ. Я надѣялся кое-что обновить, кое-что пріобрѣсти вновь, а--главное—надѣялся на учениковъ, на ихъ неиспорченность и способность подчиняться вліянію учителя, независимо отъ той азбуки и отъ той тетрадки, какія будутъ въ ихъ рукахъ. Въ этомъ я не ошибся и съ увѣренностью могу сказать, что занятія вообще шли у меня недурно, особенно въ слѣдующіе годы, когда я привыкъ и приспособился къ сельской школѣ. Но объ этомъ рѣчь впереди. Отъ инвентаря перехожу къ людямъ, окружающимъ сельскую школу.

IV. Отцы.

Занятія начались только на третій день моего пребыванія въ Княжевѣ. Согласно установившемуся обычаю, отецъ Андрей долженъ былъ отслужить молебенъ. Школу подмели, протерли окна, зажгли лампадку передъ образомъ; учительскій столъ покрыли чистой скатертью; поставили „супникъ" со святой водой, прилѣпивъ къ нему три восковыхъ свѣчки, затѣмъ принесли священническое облаченіе, крестъ и евангеліе. Торжество было приготовлено, но отецъ Андрей медлилъ и еще не являлся.

Часовъ въ 7 утра, когда, по деревенскимъ обычаямъ, всѣ уже давно встали, дверь моей комнаты отворилась и ко мнѣ вошелъ мѣстный купецъ—Никаноръ Григорьевичъ, о существованіи котораго мнѣ уже сообщалъ Петръ. Въ рукахъ онъ держалъ какой-то свертокъ Поздоровавшись, онъ довольно безцеремонно, не дожидаясь моего приглашенія, усѣлся за столъ, на которомъ еще кипѣлъ самоваръ. По развязнымъ манерамъ этого господина, длиннополому суконному сюртуку и той безцеремонности, съ которой онъ сунулъ мнѣ руку и усѣлся за столъ,—я не могъ не догадаться, что имѣю дѣло съ вліятельнымъ человѣкомъ въ деревнѣ. Заговорила ли во мнѣ барская кровь, или сознательно воспитавшаяся нелюбовь къ деревенскимъ кулакамъ,—не знаю, но помню, что я немедленно ощетинился и готовъ былъ дать „достойный" отпоръ. Мой гость, оче-

видно, не замѣчалъ моего настроенія и, нисколько не смущаясь молчаніемъ хозяина, заговорилъ самъ.

— Познакомиться пришелъ. Отецъ Андрей говорили, что новый учитель у насъ изъ господъ,—такъ вотъ я думаю себѣ: дай зайду до молебствія побесѣдовать о томъ, о семъ, да вотъ и съ новосельемъ поздравить.

При этихъ словахъ, Никаноръ Григорьевичъ положилъ на столъ свертокъ, который держалъ въ рукахъ. Я вдругъ почувствовалъ, что самообладаніе покинуло меня, что кровь бросилась мнѣ въ лицо, и что я сдѣлаю какую нибудь глупость, большую нетактичность. Едва владѣя собой, съ большимъ усиліемъ, я проговорилъ неяснымъ охрипшимъ голосомъ:

— Я не нуждаюсь въ вашихъ подаркахъ.

Должно быть, видъ у меня былъ совсѣмъ особенный, потому что Никаноръ Григорьевичъ, взглянувъ на меня, очевидно, смутился, быстро сунулъ свертокъ въ задній карманъ сюртука и, вскочивъ со стула, тоже не безъ волненія, залепеталъ:

— Просимъ прощенія. Я вѣдь ничего, я такъ... Полфунтика чайку.. Потому мой сынишка тоже школяръ... Я не въ обиду... Просимъ прощенія.

Онъ готовъ былъ ретироваться. Но я уже успѣлъ овладѣть собой и гораздо спокойнѣе заявилъ ему, что никакихъ приношеній не беру и что если онъ не хочетъ обижать меня, а желаетъ жить со мной въ ладу, то пусть никогда не заикается о подаркахъ и другимъ, при случаѣ, посовѣтуетъ не приносить ихъ.

Говоря это, я все время чувствовалъ, что поступилъ въ чемъ-то не такъ, какъ слѣдовало. Струсившій же и недоумѣвающій Никаноръ Григорьевичъ всей фигурой своей подтверждалъ, что не понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло; но чувствуетъ, что задѣлъ за живое барскій гоноръ молодаго „панычаˮ. Изъ нахальнаго и развязнаго человѣка онъ превратился въ кроткаго и

почтительнаго. Повторивъ свои извиненія, что онъ не желалъ-де меня обидѣть, что и „батюшкѣ“ онъ отнесъ табачку, и что предшественникъ мой „одолжался“ у него,—онъ ушелъ уже, не посмѣвши протянуть мнѣ руки.

Я въ волненіи шагалъ по комнатѣ, мучаясь сознаніемъ, что вся сцена вышла глупой, что я вовсе не достигъ того, чего хотѣлъ. Мои терзанія были прерваны пріѣздомъ Клеоника Петровича, сюрпризомъ явившагося на открытіе школьныхъ занятій.

Я, разумѣется, поспѣшилъ передать ему только что разыгравшуюся сцену и излилъ свои терзанія по поводу и моего глупаго поведенія, и нахальства „Никанорки“.

— Вы, несомнѣнно, поступили такъ сгоряча,—замѣтилъ Клеоникъ Петровичъ,—но инаго и ожидать было трудно отъ человѣка вашихъ лѣтъ и вашихъ взглядовъ.

— Разсудите сами,—черезъ минуту продолжалъ онъ.—Изъ вашего кичливаго: „я не нуждаюсь“, Никанорка, какъ умный человѣкъ, совершенно послѣдовательно сдѣлалъ заключеніе, что вы обидѣлись его приношеніемъ не какъ попыткой подкупить ваше расположеніе и вниманіе къ его сыну, а какъ фактомъ, задѣвшимъ ваше барское самолюбіе. „Я принялъ его за голоштаннаго панка,—разсуждаетъ теперь Никанорка на своемъ жаргонѣ,—а онъ (т. е. вы) и кричитъ: „не нуждаюсь“, я, молъ, самъ капиталъ имѣю на $1/2$ ф. чаю“. Ну, а что, если Никанорка такимъ же логическимъ путемъ придетъ къ заключенію, что вашему „собственному капиталу“ есть предѣлъ, что поэтому въ приношеніи побольше и покрупнѣе вы уже будете нуждаться и, по его логикѣ, вытекающей изъ обращенной къ нему фразы, должны принять его подарокъ?!

— Мнѣ все это и въ голову не приходило,—въ полномъ отчаяніи воскликнулъ я. Но Клеоникъ Петровичъ не унимался и продолжалъ.

— Значитъ, вы не только совсѣмъ не сдѣлали того, что нужно было, т. е. не сообщили ему, что брать такія приношенія и предлагать ихъ не хорошо, не честно, но еще дали ему поводъ ложно понять вашъ отказъ, заподозрить васъ въ желаніи сорвать побольше.

Я былъ совсѣмъ удрученъ и молчалъ. Въ это время въ комнату вошелъ отецъ Андрей.

Извините, пожалуйста,—заговорилъ онъ, обращаясь къ Клеонику Петровичу,—что опоздалъ къ вамъ. Никаноръ Григорьевичъ задержалъ меня. На васъ жаловался, — полушутя, сообщилъ священникъ, поворачиваясь ко мнѣ и здороваясь.

— Мы только что объ этомъ говорили,—грустно замѣтилъ я.

— Не одобряю, не одобряю, — продолжалъ отецъ Андрей.—Пришелъ ко мнѣ Никаноръ Григорьевичъ и говоритъ: „такъ и такъ, принесъ это я учителю, по бѣдности своей, полфунтика хорошаго чаю, а онъ какъ затопочетъ, какъ закричитъ: „не нуждаюсь“, „не такія“, молъ, „приношенія видѣли“.

— Но позвольте...—вскакиваю я съ мѣста, чувствуя, что кровь опять приливаетъ мнѣ въ голову.

— Что тутъ: „позвольте“,—перебиваетъ меня священникъ,—въ нашемъ положеніи, батенька вы мой, и полфунтикомъ пренебрегать нельзя... Однако, пора молебствовать.

— Обождите минутку, отецъ Андрей, — останавливаетъ его Клеоникъ Петровичъ. Дѣло это требуетъ поясненія. Нашъ новый товарищъ—кивнулъ онъ на меня,—не потому отказался отъ полфунтика, что желалъ получить фунтикъ или два, а потому, что онъ въ принципѣ не согласенъ пользоваться приношеніями, даваемыми отцомъ съ очевидной цѣлью задобрить учителя къ сыну-ученику, независимо отъ качества послѣдняго. Такъ вѣдь можно установить большую несправедливость въ отношеніяхъ къ ученикамъ. Въ устра-

неніе этого учителямъ назначено жалованье, а потому всякое приношеніе для нихъ—уже взятка. Духовенство не получаетъ жалованья, а потому къ нему эта мѣрка не примѣнима. Но учитель долженъ относиться къ этому иначе. Никанорка вашъ приврaлъ, а нашъ новый товарищъ былъ совершенно правъ, отказавшись отъ его подарка. Я, какъ попечитель школы, вполнѣ одобряю такой отказъ и желалъ бы, чтобы въ будущемъ и поводовъ къ нему не было.

Клеоникъ Петровичъ проговорилъ это хотя и мягко, но достаточно внушительно. Священникъ посмотрѣлъ на меня не то съ сожалѣніемъ, не то съ недовѣріемъ; однако, увидя наши серьезныя лица, ограничился короткимъ нерѣшительнымъ замѣчаніемъ:

— А по мнѣ, такъ доброхотная благодарность за трудъ не есть взятка и стяжательство. Прошу покорно на молебенъ,—добавилъ онъ, вставая и выходя въ классную комнату.

Я съ благодарностью пожалъ руку Клеонику Петровичу.

— Не за что,—улыбнулся онъ.—Я охотно принимаю на себя роль Стародума, тѣмъ болѣе, что и резонерство-то мое ужъ очень элементарно.

По окончаніи молебна, отецъ Андрей сказалъ „прочувствованное слово“. Нужно сознаться, что онъ, очевидно, хорошо понималъ о чемъ говорилъ, а потому и рѣчь его вышла осмысленной, безъ витіеватостей, и видимо произвела впечатлѣніе. Впрочемъ, народу набралось на молебенъ немного: староста, десятскій, писарь, 2—3 старухи, 5—6 стариковъ, десятка два бывшихъ учениковъ школы, съ десятокъ вновь поступающихъ, да 40—50 „школяровъ“.

Обычное въ день открытія школы чаепитіе у отца Андрея не состоялось: Клеоникъ Петровичъ спѣшилъ въ городъ, а я, подъ предлогомъ головной боли, заперся въ своей комнатѣ. Священникъ объяснилъ уча-

*

щимся воскресное евангеліе и отпустилъ ихъ по домамъ. Я снова остался одинъ среди водворившейся кругомъ тишины. Къ счастію, меня не тревожили до вечера и я нѣсколько поуспокоился, придя къ заключенію, что послѣ глупой исторіи съ Никаноркой меня хоть на нѣкоторое время оставятъ въ покоѣ съ „доброхотными приношеніями". По отношенію къ мѣстнымъ богачамъ, это такъ и случилось. Только еще одинъ разъ сельскій „шинкарь" и мясникъ приходилъ сообщить, что для меня онъ будетъ отпускать самую лучшую говядину на 1 коп. дешевле за фунтъ, „а если прикажите",—добавилъ онъ,—„то привезу изъ города и столовой очищенной горилки". Отъ уступки на говядинѣ и отъ „горилки" я отказался, увѣривъ мясника, что его сыновьями,—кстати сказать, тупыми и наиболѣе испорченными изъ числа другихъ мальчиковъ,—я буду заниматься не менѣе, чѣмъ и другими дѣтьми.

Однако вопросъ о приношеніяхъ могъ считаться поконченнымъ только по отношенію къ „дукачамъ" и „богатырямъ", т. е. къ той наиболѣе зажиточной и вліятельной части сельскаго населенія, которая склонна оказывать нѣкоторое милостивое покровительство своему учителю. Сѣрый же заурядный мужичекъ оказался настойчивѣе, чѣмъ я ожидалъ.

Многіе изъ вновь поступающихъ въ школу дѣтей приходили сами, или съ братьями и товарищами, уже посѣщавшими училище. Придетъ, бывало, такой молодецъ въ классную комнату, усядется тамъ, гдѣ ему укажутъ школяры, или станетъ у дверей, дожидаясь учителя. На вопросы послѣдняго скажетъ, что его „послалы батько" или „маты", что зовутъ его Герасимомъ, Иваномъ или какъ нибудь въ этомъ родѣ. Всѣ формальности этимъ и оканчивались. Правда, отсутствіе родителей могло указывать на малый интересъ ихъ къ школѣ и этимъ удручать учителя. Но, говоря откровенно, такой

способъ поступленія въ школу, въ началѣ моего учительствованія, больше нравился мнѣ, такъ какъ первый и отчасти второй пріемъ убѣдили меня, что приходъ съ ученикомъ родителя или родительницы знаменуетъ собой „доброхотное приношеніе“ въ видѣ „паляныци“, куска сала, десятка яицъ, а то и прямо зажаренной въ видѣ лепешки яичницы. Появлялись иногда и нѣсколько пироговъ съ горохомъ или капустой, холодные блины, или же гарнецъ крупъ, подсолнечнаго сѣмени и т. д. Все это предлагалось такъ радушно, просто и, повидимому, безъ задней мысли, что заподозрить у приносившихъ какія либо практическія цѣли было мудрено. Отказаться отъ хлѣба-соли довольно трудно; но выбора не было: я долженъ былъ брать или со всѣхъ, или ни съ кого. Предпочитая послѣднее, я отказывался отъ всѣхъ приношеній наотрѣзъ. Многимъ я объяснялъ при этомъ причины, почему дѣлаю такъ, и большинство понимало или, быть можетъ, дѣлало видъ, что понимаетъ меня.

— Щобъ сумленія не було,—говорили мужики, глубокомысленно покачивая головами.

— Чтобы не вводити въ соблазнъ, — разсуждали сельскіе грамотѣи изъ разряда клиросныхъ чтецовъ и пѣвчихъ. Однако, нѣкоторые, особенно бабы, не проникались никакими резонами.

— Брезгаете нашимъ кухмистерствомъ, — обидчиво заявила мнѣ бывшая прачка въ семьѣ покойнаго князя, когда я отказался отъ горячихъ пшеничныхъ пироговъ, принесенныхъ ею. Другія, усиленно кланяясь, настойчиво просятъ принять и не стыдить ихъ „на все село“. Однако я остаюсь непреклоннымъ, сознавая, что отказъ иногда выходитъ довольно грубымъ. Но, узнавъ впослѣдствіи всю безысходность нужды и бѣдности во многихъ крестьянскихъ семействахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя присылали мнѣ эти самыя „доброхотныя приношенія“, я никогда не каялся, что подчасъ грубовато отказы-

вался отъ нихъ. Не только „жарена гуска“, но и тотъ десятокъ яицъ, который пошелъ на „смашну яешню“, во многихъ случаяхъ были единственнымъ рессурсомъ дневного пропитанія.

Во второй годъ моего пребыванія въ школѣ, всѣ подобныя приношенія повторялись уже, какъ единичные случаи, а съ третьяго года прекратились совершенно. Напрасно нѣкоторые радѣтели сельской школы, въ родѣ нашего инспектора Щукина, увѣряютъ, что, уклоняясь отъ подарковъ, учитель показываетъ свое нежеланіе сблизиться съ родителями и привлечь послѣднихъ къ школѣ и ея интересамъ. Поводы къ сближенію такого характера совершенно излишни, такъ какъ жизнь даетъ много болѣе серьезныхъ и болѣе важныхъ случаевъ заинтересовать крестьянъ школой и обученіемъ дѣтей. Нужно помнить, что учитель все еще остается единственнымъ вполнѣ грамотнымъ человѣкомъ въ селѣ и что послужить обществу онъ всегда можетъ. Съ этой точки зрѣнія, онъ надолго будетъ важнымъ и интереснымъ членомъ деревенской общины. Встрѣтится ли надобность прочесть письмо отъ солдата, написать прошеніе, или просто посовѣтоваться о какомъ либо дѣлѣ, и крестьянинъ всегда пойдетъ къ учителю, если только послѣдній не фыркаетъ и не избѣгаетъ его. Въ такихъ случаяхъ легко привлечь вниманіе населенія и къ самой школѣ. Напримѣръ, прошенія, подаваемыя въ крестьянское присутствіе, я заставлялъ переписывать старшихъ учениковъ, а письма писали подъ моимъ надзоромъ всѣ ученики 3-го отдѣленія школы. Крестьяне въ этихъ случаяхъ воочію убѣждались въ практической важности школы и, разумѣется, никогда не могли въ массѣ своей относиться къ ней недружелюбно или враждебно.

Наши „интеллигенты“ обыкновенно утрируютъ въ дурную или въ хорошую сторону отношеніе крестьянъ къ народной школѣ. Одни увѣряютъ, что сѣрая масса

населенія питаетъ къ школѣ какое-то любовное чувство, смотритъ на нее, какъ на святыню, относится къ ней съ рѣдкимъ вниманіемъ и заботливостью. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что крестьяне, какъ дикари, не понимаютъ значенія школы и чуть ли не ненавидятъ ее. Я убѣдился, что тотъ и другой взгляды не вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Малорусскій мужикъ, будучи отъ природы умнымъ, а часто и талантливымъ, сильно подавленъ условіями своей жизни, вѣчной заботой о кускѣ хлѣба, о дневномъ пропитаніи. Онъ, просто на просто, не думаетъ или мало думаетъ о школѣ и пользѣ, приносимой ею. Менькомъ слыхалъ онъ отъ стариковъ или отъ батюшки, что школа—дѣло хорошее, полезное. Онъ воспринялъ это, не анализируя, и лишь смутно представляя себѣ пользу школы. „Будетъ хлопецъ на клиросѣ читать", мелькаетъ у него въ головѣ. „Письмо напишетъ" и т. п. А потому, когда наступаетъ поздняя осень, полевыя работы оканчиваются, а хлопецъ только и дѣлаетъ, что скачетъ по огороду, дуетъ въ застывшіе пальцы, да „цкуе собакъ",—отецъ естественно вспоминаетъ, что въ школѣ не балуются, что тамъ чему нибудь полезному выучатъ. Не останавливаясь долго на этой мысли, сѣрый заурядный крестьянинъ грозитъ „сучьему сыну" здоровымъ кулакомъ и приказыватъ ему идти въ школу. „Сучій сынъ", разумѣется, немедленно повинуется. Если на дворѣ холодно морозно и сыро, у „хлопца" же нѣтъ „чоботъ" или „свитки", а между тѣмъ онъ все еще балуется, мѣшаетъ матери и старшимъ, и поминутно отъ бездѣлья проситъ хлѣба,—то „батько" попадаетъ въ болѣе затруднительное положеніе. Настойчивый и энергичный мужикъ постарается одѣть сына, а при невозможности позволитъ надѣть „ненькины чоботы" и ея же свитку. Въ такомъ костюмѣ, чуть не со шлейфомъ, хлопецъ является въ школу, не вызывая ничьего удивленія, ничьей насмѣшки. Но бѣда въ томъ, что „ненькѣ"

самой могутъ потребовать и свитка, и чоботы, чтобы идти „на ричку прать“. Тогда для хлопца наступаютъ каникулы, онъ снова балуется дома, щиплетъ меньшихъ братьевъ и сестеръ, и „цкуе собакъ“, пока чоботы и свитка опять поступятъ въ его временное распоряженіе.

Менѣе настойчивый и энергичный хозяинъ, затрудняясь въ „одёжи“ для сына, склоненъ махнуть рукой и примириться съ своей долей. Если онъ услышитъ въ шинкѣ или на улицѣ брань по адресу школы отъ какого нибудь шальнаго пропойцы, котораго въ пьяномъ видѣ вывели изъ классной комнаты за ненужное и непристойное краснорѣчіе, то онъ, пожалуй, и обрадуется этой брани, какъ оправданію собственной безпечности относительно сына.—А и то правда,—скажетъ онъ радостно,—чему доброму выучатъ въ школѣ?!.. только пуще разбалуютъ: ишь вѣдь учитель самъ съ дѣтьми по площади взапуски бѣгаетъ. — Случайно зародившаяся мысль о пользѣ школы также случайно забывается и погибаетъ у слабыхъ людей. Но они составляютъ меньшинство. Имъ можно противупоставить тоже малочисленную, но уже большую группу лицъ, которая горитъ нетерпѣніемъ имѣть въ своемъ селѣ школу, выучить въ ней дѣтей, довести ихъ „до разума“. Такое меньшинство тоже имѣется въ каждой деревнѣ, и принадлежитъ оно преимущественно къ числу сельскихъ грамотѣевъ — писарей, дьячковъ и т. п., а также къ наименѣе симпатичнымъ обывателямъ деревни—кулакамъ, торговцамъ и „дукачамъ“, которымъ требуется, чтобы дѣти ихъ знали счетъ и могли записывать. Эти люди и бываютъ въ большинствѣ случаевъ иниціаторами открытія школъ, постройки для нихъ зданія, ассигнованія жалованья учителю, если оно идетъ отъ общества, а не отъ земства. Большинство же сѣрыхъ заурядныхъ мужиковъ относится безъ особаго рвенія и особой заботливости къ школѣ, но доброжелательно. Это чувство развивается у нихъ въ сторону maximum'а или minimum'а въ зависимости отъ ихъ матеріальной

обзепеченности и нѣкоторыхъ другихъ факторовъ. Къ личности учителя тоже преобладаетъ пассивное отношеніе. Если онъ дѣйствительно учитъ, а не пьянствуетъ и развратничаетъ, если школяры у него не распущены и не дебоширятъ, если, наконецъ, самъ онъ не сторонится крестьянъ, то большинство доброжелательствуетъ ему; однако, имѣя въ виду всю массу учителей, крестьяне, по поводу замѣщенія ихъ на новыя мѣста, характерно говорятъ: „намъ все равно, кто учитъ, лишь бы училъ“, „что ни попъ—то и батька“. Но если учитель совсѣмъ дурной человѣкъ, то школа падаетъ во мнѣніи крестьянъ: число учениковъ уменьшается, повинности по отношенію къ школѣ отбываются еще неохотнѣе и съ большими затрудненіями. Хорошихъ учителей цѣнятъ и любятъ больше. Имъ нерѣдко приходится имѣть очень значительное вліяніе на многія общественныя дѣла и на отношенія населенія къ нуждамъ школы.

Того любовнаго отношенія къ ней, о которомъ сантиментальничаютъ нѣкоторые изъ нашихъ интеллигентовъ, очень мало въ массѣ крестьянскаго населенія. Но если вспомнить равнодушіе нашихъ культурныхъ слоевъ общества къ народному образованію, то крестьянство, примѣнительно къ своему умственному развитію, относится къ просвѣщенію нисколько не хуже. Даже, напротивъ, принявъ во вниманіе тѣ жертвы, которыя несетъ крестьянинъ, покупая школяру чоботы и свитку, зная, что стоитъ ему „жареная гуска“ для учителя, необходимо признать, что только очень немногіе культурные люди способны сдѣлать такія затраты на обученіе дѣтей, которыя находились бы въ одинаковомъ съ крестьянскими отношеніи къ ихъ средствамъ. Эта разница получаетъ особое значеніе при поголовномъ и, можно сказать, колоссальномъ невѣжествѣ малорусскаго мужика въ нашихъ глухихъ и захолустныхъ мѣстахъ. Для характеристики этой непро-

ходимой темноты, не могу не привести нѣсколькихъ примѣровъ, ясно сохранившихся въ моей памяти.

Нѣкоторая часть нашей печати и общества усердно ставитъ въ примѣръ интеллигенціи религіозность русскаго крестьянина. Не знаю, какіе крестьяне и какія мѣстности имѣются при этомъ въ виду. Но на пространствѣ всей слободской украины, а не въ одномъ только с. Княжевѣ, я встрѣчался съ поразительными, феноменальными случаями религіознаго невѣжества. Случаи эти, къ сожалѣнію, не рѣдки и не малочисленны. Въ курской и харьковской губерніяхъ, а также и въ самомъ Княжевѣ, я слышалъ такія искаженія молитвъ, что никогда не повѣрилъ бы существованію ихъ въ такомъ видѣ, еслибы самъ, собственными своими ушами, не слышалъ благоговѣйнаго ихъ произношенія. Вотъ, напримѣръ, вставка въ исковерканный вообще текстъ символа вѣры: „при понтыйстымъ Пилати прицилывся стриляты, да не влучывъ (т. е. не попалъ) бисивъ сынъ". А вотъ молитва за всѣхъ, встрѣчающаяся, по газетнымъ свѣдѣніямъ, и въ кіевской губерніи: „кэ въ поли, кэ въ мори, кэ въ животыни, кэ въ буркотыни, отсунь, засунь, прысунь, яко благъ и человѣколюбецъ". Не менѣе интересенъ текстъ первой заповѣди и многихъ другихъ молитвъ, на которыхъ я не останавливаюсь, чтобы не утомлять читателя.

Пораженный до чрезвычайности такими фактами изъ области народной религіозности, иду я подѣлиться впечатлѣніями къ отцу Андрею и поразспросить его въ качествѣ свѣдущаго человѣка. Оказывается, что онъ все это знаетъ и добавляетъ еще много новаго и интереснаго.

— Сижу я какъ-то на крылечкѣ,—разсказываетъ онъ мнѣ,—и сумерничаю. Уже совсѣмъ стемнѣло и плохо видно. Только вижу: идетъ мимо мужикъ съ поводкомъ и торбочкой, и хлопчишка за нимъ бѣжитъ. На ночное, коней пасти, шли. Узнаю по голосу, что это

Степанъ Грыценко съ сыномъ. Мужикъ хорошій, хозяйственный. Слышу: мальчишка и говоритъ: „Возьмить мене, тато, завтра пахать на зябь“.—„Тю-тю, дурный“,—отвѣчаетъ Степанъ,—„хиба жь у пятницу пашуть?“ А дѣло-то было подъ пятницу.—„А чему не пашуть?“ пристаетъ хлопчикъ, очевидно, очень балованный.—„Не можно, сынку“—объясняетъ отецъ—„свята пьятница покараетъ.“ Тутъ ужъ я не вытерпѣлъ и изъ незамѣтности своей вышелъ, подозвалъ Степана, да и спрашиваю: какая такая пятница святая? Я-то все это знаю, да такъ, для вразумленія, разговоръ завелъ. А Степанъ сейчасъ и отвѣчаетъ:—Святытельница пьятныца есть. Да се вамъ, батюшка, краще насъ звисно. Отъ позаторикъ (т. е. позапрошлый годъ) Семенъ Колодченко ставъ пахать у пьятныцю, а вона его и покарала: кобыла къ риздву здохла, та сама, на которой винъ пахалъ. Я съ воли (т. е. съ освобожденія отъ крѣпостной зависимости) николы не пахавъ по пьятныпамъ, а тры годы и косыть переставъ“. Тутъ ужъ я его сократилъ и объяснилъ, что никакой „святытельныци пьятныцы“ нѣтъ, а что день сей надлежитъ чтить въ воспоминаніе страданій и крестной смерти Господа нашего Іисуса Христа.

— Но, отецъ Андрей,—замѣтилъ я,—вѣдь православная церковь не установила празднованія пятницы. Отчего же вы не указали этого Степану. Лишній праздникъ въ рабочей недѣлѣ стоитъ иногда громадныхъ денегъ.

— Помолиться никогда не мѣшаетъ,—наставительно отвѣчалъ хитроумный „батюшка“.—Я по пятницамъ часто служу и церкви доходъ доставляю.

„Желательно знать,—чуть-чуть не сорвалось у меня съ языка,—что̀ тутъ играетъ большую роль: радѣніе ли о томъ, чтобы прихожане помолились, или же, чтобы доходъ поступалъ почаще“?!

Немного помолчавъ, отецъ Андрей разсказалъ мнѣ нѣсколько извращенный, но извѣстный малороссійскій

анекдотъ о томъ, какъ сельская „громада“ бога выбирала. По его словамъ, дѣло было такъ.

Какъ-то послѣ смерти императора Николая Павловича, въ глухой мѣстности Малороссіи, зашелъ мужичекъ въ корчму, одиноко стоявшую на „шляху“. Здѣсь онъ засталъ цѣлое общество, сильно подгулявшее, но взволнованное и огорченное. Вслушивается мужичокъ въ разговоры и слышитъ странныя слова: „отъиде въ вѣчность“, „умре“, „въ Бозѣ почилъ“. Слышитъ, какъ старый солдатъ съ отчаяніемъ восклицаетъ: „земной богъ... и... и... умре“. Компанія вторитъ ему: „да, да, истинный земной богъ... помре... почивъ“... Недовѣрчивый мужикъ сомнѣвается, но снова слышитъ тѣ же слова, тѣ же восклицанія. Огорченный въ свою очередь, спѣшитъ онъ въ сосѣднее село и приноситъ съ собой крупную новость: „земной богъ помре“, „богъ почивъ“, „богъ вмеръ“. Селяне заволновались: вѣсть, что „богъ вмеръ“, переходила изъ устъ въ уста. Собралась громада и перво-на перво заинтересовалась вопросомъ: какъ же будетъ съ урожаемъ, кто позаботится о немъ. Слѣдомъ появился и другой болѣе общій вопросъ: кто же будетъ управлять міромъ? Бабы, что вышли на громаду посмотрѣть, немедленно рѣшили вопросъ:—Хто! звістно хто — маты божа“. Но мужики не согласились.—„Се не жиноче діло“, замѣтили они. Тогда „замисто бога“ была поставлена кандидатура св. Николая. Но старики и къ этому отнеслись неблагопріятно, сообщивъ, что „св. миколай дуже молебны любе“. Долго толковали мужики и только къ вечеру порѣшили; „хай Георгій правыть“.

— Необычайно несуразный анекдотъ,—сказалъ отецъ Андрей, заканчивая разсказъ, сообщенный имъ не безъ юмора,—но долженъ сознаться, что понятія о вѣрѣ Христовой столь смутны у мужиковъ, что и сіи кощунственныя происшествія возможны, хотя, разумѣется, и въ менѣе несообразномъ видѣ.

— Вы не повѣрите,—продолжалъ онъ,—что у нихъ даже о Тріединомъ Божествѣ понятія должнаго нѣтъ, а ересь аріанскую, почитай, повсемѣстно встрѣтишь. Матерь Божія многими чтится болѣе своего Божественнаго Сына, а почитаніе святыхъ перемѣшивается съ почитаніемъ домовыхъ, русалокъ и т. п. Языческія празднованія всѣми признаются и исполняются. Храмъ божій, хотя и больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, посѣщается, а все въ будни иногда литургію совершаешь при пяти—шести молельщицахъ. Одинъ соблазнъ. Объ упокоеніи родителей не заботятся...—и т. д.

По обыкновенію, отецъ Андрей догматическіе вопросы перемѣшалъ съ обрядовою стороною и заключилъ все „скудостью средствъ", недостатками доходовъ и т. п. Я поспѣшилъ уйти. Сообщенные имъ факты, наряду съ тѣми, которые уже были извѣстны мнѣ, рисовали дѣйствительно непригляднуро картину религіознаго развитія. Зная это развитіе, перестанешь удивляться тѣмъ проявленіямъ дикаго суевѣрія, которыя обнаруживались во многихъ мѣстахъ, во время холеры 1892 г. Газеты сообщали, что казаки запрягали въ плугъ обнаженныхъ дѣвушекъ и опахивали ими станицу, въ наивной вѣрѣ, что за борозду холера не переступитъ; толпы горожанъ вѣрили, что холера ѣздитъ запрятанная въ ассенизаціонныя бочки или въ санитарные фургоны, что доктора отравляютъ воду, хоронятъ живыхъ людей. Что удивительнаго въ этомъ, если ужъ извѣстно, что „св. микола молебны любыть", и потому не можетъ безкорыстно управлять міромъ, а „припонтыйстый Пилатъ прицылывся стриляты"?!

Далеки отъ дѣйствительности и политическія воззрѣнія крестьянъ нашей мѣстности. По ихъ мнѣнію, „сынодъ" играетъ въ государствѣ первую роль. Не различаемый отъ сената,—не нѣкоторыми только крестьянами, а всѣми поголовно—этотъ „сынодъ" считается единственнымъ высшимъ учрежденіемъ, пожа-

луй, даже болѣе высокимъ, чѣмъ монархическое начало. Особаго, исключительнаго отношенія къ послѣднему я не наблюдалъ въ Малороссіи. Царскую власть, освободившую крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, чтутъ, но ея объемъ представляютъ себѣ довольно смутно. Вершителемъ всѣхъ дѣлъ и судебъ скорѣй считаютъ „сынодъ", чѣмъ единоличную власть. „Сынодъ"—высшій руководитель не только религіозной и гражданской жизни государства, но даже и вопросовъ войны и мира. „Паны хотилы зъ нимцемъ воюваты"—пришлось мнѣ слышать политическій разговоръ,—„а сынодъ не звеливъ". „Паны", въ воображеніи малорусскаго крестьянства,—источникъ всего зловреднаго, затѣваемаго вообще, а по отношенію къ мужику въ особенности.

„Паны" прежде всего виноваты въ крестьянскомъ малоземельи или вѣрнѣе въ томъ, что захватили землю, которая, по всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ, должна принадлежать тѣмъ, кто ее „робить" (обрабатываетъ), т. е. мужикамъ. Это убѣжденіе такъ сильно и всеобще, что не остается въ тайнѣ ни для кого, кто близко наблюдаетъ деревню. Оно живетъ въ народѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе и дѣйствительно составляетъ основной идеалъ крестьянства. Отказаться отъ раздѣла земли, это значитъ, въ области экономической жизни, отказаться отъ всего, отъ всѣхъ надеждъ и упованій. Послѣ этого и жить незачѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, незачѣмъ хлопотать работать: все равно ничего не выйдетъ—„лягай та вмирай, щобъ свита не поганыть". Объ отношеніи къ земельному вопросу я еще скажу ниже, теперь же отмѣчу что и въ политическихъ неудачахъ и даже въ преступленіяхъ, въ свою очередь, по убѣжденію нашихъ хохловъ, виноваты прежде всего паны. Поэтому и событіе 1 марта 1881 г. всецѣло было взвалено на головы бѣдныхъ пановъ. Когда пришло о немъ извѣстіе и народъ впервые былъ призванъ къ присягѣ,—

разговорамъ, толкамъ и нелѣпымъ угрозамъ по адресу „пановъ“ не было конца. Я слышалъ ихъ много разъ и въ различныхъ варіантахъ. Вотъ содержаніе одного изъ такихъ разсказовъ знакомаго старика крестьянина объ участіи „пановъ“ въ этомъ событіи. За нѣсколько мѣсяцевъ до того, по селамъ будто бы разъѣзжали какіе-то люди. То были отъ „велыкыхъ панивъ посланци“. Они заѣзжали рѣшительно ко всѣмъ панамъ въ усадьбы и долго „промежъ себя шепотались“. Имъ поручено было отобрать отъ „панивъ“ руки (т. е. подписи) на злодѣйское дѣло, чтобы послѣ него снова возстановить крѣпостное право. Вездѣ ихъ принимали. Всѣ давали свое согласіе. Только сосѣдъ Еремѣевъ—глубокій старикъ и добрый человѣкъ--сказалъ: «я уже старый, мени людской не воли не треба“. Когда посланци объѣхали всѣхъ, тогда и совершилось злодѣяніе. „Якъ тамъ хотять паны“,—рѣшительно добавилъ разсказчикъ,—„а громада на неволю не зогласна“. Народъ безсмысленно ждалъ попытки къ возстановленію крѣпостного права, но, разумѣется, не дождался и порѣшилъ, что паны „погрызлысь“ между собою, „а сынодъ не схотилъ знову людей губыть“.

О мѣстномъ начальствѣ понятія, въ свою очередь, неопредѣленныя. Исправника, станового и судью знаютъ всѣ, но остальныя лица, имѣющія отношеніе къ крестьянскому управленію — предводитель дворянства, предсѣдатель управы, члены ея, непремѣнный членъ, судебный приставъ и пр.—всѣ называются общимъ именемъ—„членъ“.

— Видъ члена бумага прыйшла,—говорятъ мужики,—щобъ гамазей (продовольственный магазинъ) засыпали.

— Прыиздывъ членъ, хлибъ у купця опысавъ, та продавать, кажуть, буде,—сообщаютъ другіе.

— Чи правда, що члены новаго учителя прислалы?—спрашиваютъ у священника третьи.

Волостныя и сельскія дѣла крестьяне знаютъ лучше, но и тутъ каждый пьяный писарь или старшина водитъ ихъ за носъ. Каждая смѣна волостного начальства сопровождается растратой общественныхъ суммъ, а выборные только затылки чешутъ, чувствуя свое полное безсиліе противъ этого общероссійскаго бѣдствія. Нельзя сказать, чтобы они не принимали противъ него никакихъ мѣръ, чтобы не старались выбирать въ старосты и старшины лучшихъ людей. Но старосты безсильны и находятся въ полной зависимости отъ старшинъ, а потому отъ обязанности „старостовать“ уклоняются всѣ лучшіе люди, исполняя ее лишь „по череду“, т. е. когда придетъ очередь. Старшины—въ такой же зависимости отъ становыхъ приставовъ, исправниковъ и другихъ начальствъ, Но у себя въ волости они имѣютъ значительную власть. Унижаясь передъ мелкимъ уѣзднымъ начальствомъ, они стараются наверстать свою власть у себя дома, ломаются и самоуправствуютъ. Поводовъ и соблазновъ очень много. Богачъ всегда и угоститъ, и попотчуетъ, и „уважитъ“ старшину. Поэтому, если въ числѣ ихъ и попадется порядочный мужикъ, но, по обыкновенію, неразвитой и не стойкій, то очень скоро сопьется, избалуется и изворуется. На повѣрку выходитъ, что бѣда не въ недостаткѣ порядочныхъ людей для занятія должностей старостъ и старшинъ, а въ тѣхъ неудобныхъ положеніяхъ, къ которымъ приводятъ ихъ обязанности, въ томъ униженіи, которое выпадаетъ на ихъ долю, смѣняясь вслѣдъ затѣмъ самодурствомъ; въ той массѣ соблазновъ, которыми наполнена жизнь исключительно въ темной средѣ, въ отсутствіи новыхъ элементовъ, способныхъ. если не освѣжить волостные порядки, то, по крайней мѣрѣ, косвенно повліять на нихъ. Будь учитель, священникъ, докторъ, помѣщикъ и другіе привилегированные люди членами одной всесословной волости, навѣрно тотъ же старшина, который валяется те-

перь пьяный въ судейской комнатѣ, нѣсколько подтянулся бы и повоздержался. Разумѣется, пока истинное образованіе и культура будутъ обходить деревню, до тѣхъ поръ значительныхъ улучшеній въ волостныхъ порядкахъ нельзя ждать, но нужно помнить, что всякій культурный человѣкъ, входящій въ составъ некультурной среды, несетъ за собой, даже помимо своей воли, новые элементы, воспитательнаго значенія которыхъ нельзя игнорировать.

Прогрессъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ несомнѣнно дѣлаетъ свое дѣло, но дѣлаетъ чрезвычайно медленно, совсѣмъ не пропорціонально потребности въ немъ. Умственная неподвижность и крайняя бѣдность въ этомъ случаѣ являются главными тормазами. Разъ заведенные порядки измѣняются чрезвычайно туго даже въ мелочахъ. Такъ, напримѣръ, мужики отгораживаютъ засѣянныя поля отъ выгона плетнемъ, съ цѣлью преградить къ полямъ доступъ скоту. Дѣлаютъ это они ежегодно; ежегодно собирается громада, шумитъ, споритъ объ очереди, о прочности «тына» и т. п. Наконецъ, плетень начинаютъ сооружать: одни дворы—что поисправнѣй—поставятъ свою часть скорѣе, другіе позже, а третьи вовсе отвиливаютъ по болѣе или менѣе резоннымъ причинамъ.

Въ незагороженныя части пробирается скотъ и дѣлаетъ потравы. Изъ-за нихъ снова поднимаются споры, „свары“, перебранка, а иногда и потасовка. Незагородившій свою часть крестьянинъ попадаетъ иногда и въ „холодную“ или отдѣлывается штрафами, пока наконецъ, среди лѣта, не поставитъ свою часть плетня. Съ такимъ трудомъ сооруженная постройка, казалось бы, должна сохраняться съ особенной тщательностью. Но въ дѣйствительности выходитъ какъ разъ наоборотъ. Едва успѣютъ снять хлѣбъ съ полей, какъ «царина»—такъ называется этотъ плетень—мгновенно разбирается тѣми же хозяевами, которые поставили ее. Единствен-

нымъ мотивомъ для этого служитъ лишь то обстоятельство, что на слѣдующій годъ царину должны ставить другіе хозяева .Сколько ни убѣждалъ Клеоникъ Петровичъ сдѣлать на тынъ „острипшку“, т. е. покрыть его плохенькой соломкой и тѣмъ сохранить года на четыре, крестьяне только почесывали затылки, говорили: „такъ-то воно такъ“, „сходнійше не разорять тына, а весты череду на четыре лита“, но въ концѣ концовъ все таки разбирали плетень и весной снова начинали старую исторію съ нимъ. Долго отстаивали крестьяне и безнавозное хозяйство. Говорили, что навозъ портитъ зерно, а только солому улучшаетъ, что всходы на навозной землѣ выпрѣваютъ и т. п.

— Якъ богъ дасть, то и безъ навозу урожай буде, а якъ не дасть, то и навозъ не поможе,—говорили мужики на разные лады, въ отвѣтъ на всѣ доводы болѣе свѣдущихъ людей.

Но мало, по малу, очевидность пользы навоза выступала все ярче и рельефнѣе; отрицать ее сдѣлалось невозможнымъ и болѣе подвижные и расторопные крестьяне стали сами дѣлать опыты. Теперь унавоживаніе полей признается всѣми, но дѣлаютъ его далеко не всѣ, и значительная часть драгоцѣннаго навоза идетъ на плотины, гребли, на заваливаніе лужъ и даже овраговъ. Иному приняться за вывозку навоза въ поле мѣшаетъ недостатокъ рабочей силы въ семьѣ, а другаго—плохой возъ, который развалится отъ тяжести, а третьему необходимо приберечь лошаденку до пахоты, а то она не вынесетъ всей тяжести работъ. Но большинству изъ числа не пользующихся навозомъ препятствуетъ неподвижность мысли, привычка къ традиціонному укладу жизни, къ обычнымъ, такъ сказать, заученнымъ работамъ. Это не лѣнь, а, именно, косность, боязнь новшествъ, пассивное отношеніе къ жизненнымъ явленіямъ. Хорошо бы было вывезти навозу—думаетъ мужикъ—да вотъ вилокъ или лопаты „нема“, отложу

еще на нѣсколько дней. Вилки и лопату легко достать у сосѣда, но для этого нужно бросить, напримѣръ, починку хомута, одѣться да пойти. Если же и вилки, и лопата есть, то является новый вопросъ: а сумѣетъ ли „жинка" разбросать и разгрести навозъ, да, пожалуй, изъ-за непривычной работы еще „лаяться" начнетъ. Итакъ, изо дня въ день, откладывается начало новаго дѣла, затягивается изъ-за самыхъ ничтожныхъ причинъ, уладить которыя ничего не стоитъ, но которыя служатъ оправданіемъ передъ другими и передъ собой. Пока мужикъ затягиваетъ дѣло да откладываетъ— смотришь—и весна пришла, навозить поздно, нужно уже приниматься за другія работы. „Ну,—думаетъ крестьянинъ,—теперь не собрался, Богъ дастъ и такъ уродитъ; вѣдь родило же до сихъ поръ; а на тотъ годъ непремѣнно унавожу". Но такъ проходятъ года и десятки лѣтъ. Эта умственная неподвижность, эта пассивность въ жизни народа, несомнѣнно даровитаго и жизнеспособнаго, проходитъ красной нитью въ всемъ его бытѣ. Она очевидна въ отношеніи крестьянъ къ школѣ, къ церкви, къ своему самоуправленію, къ хозяйству. Какъ только всколыхнется она, какъ только замѣнится болѣе активнымъ отношеніемъ къ окружающему,—такъ въ деревнѣ проявляется сейчасъ же новая жизнь. Несмотря на подавленность нуждой и невѣжествомъ народной массы, она все таки даетъ много поводовъ считать существующимъ въ ней — стремленіе выйти изъ умственной неподвижности и проявить себя активной жизнью. Наличность этого стремленія служитъ лучшимъ и важнѣйшимъ основаніемъ вѣры въ будущность русскаго народа, въ его способность идти по пути прогресса и занять со временемъ подобающее мѣсто въ культурной международной семьѣ.

---

*

VII. Дѣти.

Занятія въ школѣ наладились у меня довольно скоро. Сельскія дѣти не то, что городскія, и постановка школы съ ними зависитъ отъ учителя въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Наибольшее затрудненіе, разумѣется, доставляли новички. Возни съ ними было немало, такъ какъ на самые обычные и элементарные вопросы они обыкновенно не могли отвѣчать.

— Какъ твое имя? — спрашиваю я въ первый же свой урокъ одного изъ новичковъ.

— Володько,—робко отвѣчаетъ онъ.

— А отца твоего какъ зовутъ?—продолжаю я.

Новичокъ молчитъ. Товарищи объясняютъ ему, что мнѣ нужно имя его „батька". Но онъ, смущаясь, продолжаетъ молчать. Я повторяю вопросъ.

— Лысый,—со внезапной рѣшимостью произноситъ спрашиваемый.

Старшіе ученики хохочутъ, а новичокъ совсѣмъ робѣетъ. Я объясняю, что „Лысый"—это прозвище, а мнѣ нужно „хрещене имя". Только послѣ этого Володько говоритъ, что батька его—Макаръ. Но полнаго своего, а не уменьшеннаго, имени онъ не знаетъ и, кажется, очень удивился, когда ему объяснили, что онъ не Володько, а Владиміръ. Фамиліи же своей онъ такъ-таки и не могъ сообщить. Пришлось узнать ее отъ сосѣдей—старшихъ учениковъ.

Этотъ опросъ новичка оказался характернымъ. По

крайней мѣрѣ, двѣ трети вновь поступившихъ учениковъ знали только свое уменьшительное имя, а „не хрещене“, фамилій не зналъ почти никто, а многіе не знали и именъ своихъ отцовъ. Что же касается хозяйства, то большинство могло обстоятельно сообщить, сколько у нихъ „коній“, коровъ, овецъ и даже поросятъ. Только въ такомъ случаѣ, если счетъ превышалъ десятокъ, новички испытывали затрудненіе. Были, однако, и такіе, которые болѣе трехъ считать не могли.

Начиная ученіе, приходилось давать ученикамъ самыя элементарныя понятія. Такъ, многіе не знали правой и лѣвой стороны, не опредѣляли, гдѣ верхъ и гдѣ низъ. Послѣ первыхъ разспросовъ и ознакомленія съ подготовкой дѣтей, я былъ пораженъ ихъ малымъ умственнымъ развитіемъ. Поговорка, по которой „деревенскій ребенокъ, что городской теленокъ“, очевидно, оправдывалась. Слово: „Богъ“ было для нихъ однозначуще съ иконой; религіозныхъ понятій, можно сказать, не было никакихъ. Молитвы замѣнялись безсмысленнымъ шептаніемъ: „Господи Сусе“, „Господи Сусе“. Все, что выходило за предѣлы села, было для большинства совершенно непонятно. Скоро я убѣдился, что въ моихъ разговорахъ и объясненіяхъ немало мѣшаетъ моя русская рѣчь. „Потолокъ“ былъ непонятенъ для всѣхъ новичковъ, а „стелю“ знали всѣ. Точно также лѣстницы не знали, а что такое „дробына“ понимали. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и малорусскій говоръ, которымъ я владѣлъ, не помогалъ вполнѣ, такъ какъ о многомъ дѣти совсѣмъ не имѣли представленія. Прежде чѣмъ дать имъ въ руки грифель и аспидную доску, пришлось выучить названіе пальцевъ, частей руки; пришлось выучить, хоть отчасти, отдѣлять палецъ отъ пальца, а не совать ихъ вмѣстѣ, въ видѣ кулака.

Долженъ сознаться, что со стороны опрятности мои ученики держали себя, какъ настоящіе поросята. Воздухъ портили постоянно и вонь въ классѣ стояла въ

первое время невообразимая. Отъ непривычки кружилась голова и дѣлалось дурно. Отучить моихъ хлопцевъ отъ такихъ привычекъ было довольно трудно, тѣмъ болѣе что отецъ Андрей сначала не обращалъ никакого вниманія на это, какъ онъ выражался, „чревобѣсіе“, но въ концѣ концовъ все таки удалось значительно уменьшить это „свинство“. Тѣмъ не менѣе, почти всегда воздухъ въ классѣ былъ очень тяжелъ, а потому уроки для меня нерѣдко заканчивались головной болью. Противъ этого систематическаго отравленія воздуха дисциплина безсильна. Но въ то же время сельская патріархальная вѣжливость соблюдается. Всякій ученикъ, входя къ вамъ въ комнату, непремѣнно поклонится и скажетъ: „здравствуйте вамъ“, а развязные новички изъ богатыхъ домовъ даже руку протягиваютъ. О старшихъ, и особенно объ отцѣ и матери, школяры всегда говорятъ во множественномъ числѣ: „батько казалы“, „маты звелилы“. Ни насмѣшки, ни осужденія, ни даже простой непочтительности по отношенію къ родителямъ я никогда не слыхалъ отъ своихъ школяровъ. Въ этомъ отношеніи патріархальные нравы очень еще сильны въ малорусской деревнѣ.

Школьная дисциплина налаживается довольно легко. Но необходимое условіе для этого—пониманіе учениками цѣли требованій учителя. Я пишу на доскѣ элементы буквъ и спрашиваю дѣтей, видятъ ли они написанное. Многіе вскакиваютъ на своихъ мѣстахъ, перегибаются черезъ парту или же взбираются на нее съ ногами.

— Вася,—обращаюсь я тогда къ одному изъ сидящихъ за крупнымъ мальчикомъ, вскочившимъ на ноги,— тебѣ видно, что написано на доскѣ?

— Нѣтъ, не видно—Степанъ «затулывъ».

Нѣсколько такихъ случаевъ убѣждаютъ Степана и другихъ болѣе подвижныхъ дѣтей, что вскакивать не слѣдуетъ и что учитель, въ такихъ случаяхъ, предъ-

являетъ совершенно резонное требованіе—сидѣть по мѣстамъ смирно. Вообще всѣ требованія дисциплины исполняются новичками охотно, и привыкаютъ они къ веденію занятій скоро—дня въ два-три. Потомъ приходится только дополнять и уяснять частности. Вниманіе на урокахъ и интересъ къ нимъ со стороны учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Въ то время, когда я учился въ городскихъ школахъ, о такомъ вниманіи нельзя было и думать. Крупныхъ шалостей въ средѣ моихъ школяровъ тоже не бывало. Дѣтскія взаимныя потасовки случались, разумѣется, нерѣдко, но о такихъ дракахъ, какія происходили въ мое время въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ и нерѣдко заканчивались выбитіемъ зубовъ или инымъ членовредительствомъ—въ сельской школѣ не было и слуха. Не практиковалось здѣсь и то систематическое озлобленное дерганье за вихры, щипанье и награжденіе увѣсистыми „тумаками", которое примѣнялось великовозрастными учениками старой уѣздной школы по отношенію къ молодымъ членамъ ея, съ единственною цѣлью поддерживать авторитетъ «старшихъ» и держать въ постоянномъ страхѣ младшихъ, чтобы они не ябедничали и не «доказывали». Въ сельской школѣ нѣтъ старшихъ, которые угнетали бы младшихъ. Всѣ держатся между собою одинаково ровно, на товарищеской ногѣ. Никакого ябедничанья и докащичества тоже нѣтъ между учениками, и если они являются иногда къ учителю съ жалобами другъ на друга, то, во-первыхъ, въ исключительныхъ случаяхъ, а, во-вторыхъ, не съ цѣлью повредить товарищу и самому выдвинуться., а исключительно ради возстановленія попраннаго права. Поэтому такая жалоба не унижаетъ жалобщика, не приравниваетъ его къ ябеднику и доносчику, и нисколько не измѣняетъ отношеній къ нему товарищей. Для устраненія всякихъ поводовъ къ развитію ябеды, я уничтожилъ практикую-

щееся почти во всѣхъ сельскихъ школахъ нашей мѣстности назначеніе дежурныхъ учениковъ. На обязанность послѣднихъ обыкновенно возлагаютъ наблюденіе за цѣлостью школьнаго имущества: мѣлковъ, чернильницъ, грифельныхъ досокъ и т. п., надзоръ за соблюденіемъ учениками чистоты и опрятности, порядка выхода изъ класса, обтиранія ногъ и т. п. Еще при скитаніи моемъ по городскимъ школамъ, когда я готовился къ пробнымъ урокамъ, я замѣтилъ, что такое дежурство не особенно благотворно дѣйствуетъ на учениковъ. У нѣкоторыхъ оно развиваетъ повелительный тонъ, наклонность дать подзатыльникъ тому, кто послабѣе физически, и вообще держать товарищей въ томъ самомъ трепетѣ, въ котомъ пребывали и мы «у старшихъ» во время нашего ученія въ дореформенныхъ городскихъ училищахъ. Другихъ учениковъ—по преимуществу физически слабыхъ—дежурство пріучаетъ къ инымъ, еще менѣе желательнымъ способамъ поддержанія своего авторитета, какъ дежурнаго. Они начинаютъ «доносить» учителю, ябедничать и даже лжесвидѣтельствовать. Въ виду этого, я всѣ обязанности дежурныхъ принялъ на себя, а дежурство отмѣнилъ совсѣмъ. Всѣ ученики, независимо отъ своего возраста, общественнаго положенія родителей и отъ своихъ познаній, были всегда равны въ школѣ.

А разница между отдѣльными учениками была иногда довольно велика. Начать съ возраста. Были у меня семилѣтніе ученики. Были даже попытки приводить въ школу шестилѣтнихъ, но такихъ молодцовъ я безцеремонно отсылалъ назадъ,—еще годикъ посидѣть дома. Я пришелъ къ убѣжденію, что для воспріятія грамоты у дѣтей наступаетъ извѣстный періодъ зрѣлости, которымъ и необходимо пользоваться. Бывали случаи, когда ребенку грамота видимо не давалась. Бьешься, бьешься съ нимъ—и все безрезультатно. Ученикъ кажется тупымъ, совсѣмъ неспособнымъ. Но

стоитъ прекратить съ нимъ занятія на нѣсколько мѣсяцевъ и ребенокъ дѣлается неузнаваемымъ. Воспринимаетъ онъ быстро, запоминаетъ легко, прочно и скоро выучивается грамотѣ сознательно, безъ особаго усилія и труда. Это значитъ—наступила зрѣлость для воспріятія грамотности. До шести лѣтъ у деревенскихъ дѣтей такая зрѣлость является очень рѣдко, а потому, повторяю, я принялъ за правило отсылать ихъ домой. Возни съ ними много, толку же мало; между тѣмъ они задерживаютъ все первое отдѣленіе. Были случаи, когда и семилѣтнихъ приходилось отсылать. Но большинство учащихся является въ школу въ возрастѣ 8-ми даже 9-ти лѣтъ. Въ крестьянской средѣ это самые благопріятные для обученія годы. Мальчикъ учится безъ особаго труда, сознательно, а также и быстро. Но не всякому, разумѣется, приходится попасть въ школу въ этомъ возрастѣ. Бываютъ и такіе, которые приходятъ въ первый разъ въ 10—12 лѣтъ, а въ двухъ случаяхъ, за пять учебныхъ лѣтъ моей школьной практики, поступали и 14-лѣтніе ученики. Одинъ изъ нихъ кончилъ курсъ, а другой походилъ недѣли три и пересталъ. „Не понравилось", говорили о немъ другіе ученики. Большинство учениковъ, вслѣдствіе неисправнаго посѣщенія уроковъ, проходитъ курсъ не въ три, а въ четыре года, оставаясь на второй годъ преимущественно въ послѣднемъ отдѣленіи. Поэтому ученики въ возрастѣ 15—16-ти лѣтъ не составляютъ рѣдкаго исключенія. Школа, такимъ образомъ, вмѣщаетъ въ себѣ и чуть не младенцевъ 7-ми лѣтъ, и 10-лѣтнихъ „отроковъ", и затѣмъ почти юношей.

Большое разнообразіе въ сельской школѣ наблюдается въ дѣтяхъ и по имущественному положенію ихъ родителей. Нѣкоторые ходятъ едва одѣтые, почти въ рубищахъ, въ большихъ сапогахъ, въ женской свиткѣ. Были и такіе молодцы, которые прибѣгали въ школу зимой, по снѣгу, въ „черевыкахъ" и даже босикомъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ есть въ школѣ и „аристократія“, которая одѣвается въ суконныя „чинарки“, въ теплые полушубки и даже въ триковые „пинжаки“. Это дѣти мѣстныхъ торговцевъ, членовъ причта и болѣе зажиточныхъ крестьянъ изъ бывшихъ дворовыхъ. Къ чести ихъ нужно сказать, что они не держатся особнякомъ— что замѣчается иногда въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ,—не образуютъ отдѣльной группы, а все время пребыванія въ школѣ остаются такими же дѣтьми, какъ и всѣ остальные. Болѣе вкусные завтраки, которые приносятъ они съ собой, нерѣдко распредѣляются щедрой рукой между сосѣдями по партѣ или болѣе близкими товарищами. Все, чѣмъ выдѣляются они изъ товарищеской среды, заключается въ нѣкоторомъ относительно большемъ умственномъ развитіи, да въ большей чистотѣ и опрятности. Я помню только одинъ случай, когда ученикъ попытался перенести въ школу торгашескіе обычаи и привычки своей семьи. Это былъ одинъ изъ сыновей того самаго шинкаря-мясника, который являлся ко мнѣ еще въ началѣ моей учительской службы. Онъ вздумалъ, съ чисто ростовщическимъ процентомъ прибыли, вести въ школѣ торговлю стальными перьями, карандашами и т. п. письменными принадлежностями. Но когда я энергично и рѣзко остановилъ его поползновенія, мои школяры долго не давали проходу практичному мальчишкѣ, насмѣшливо называя его „купцомъ“. Впрочемъ, такіе случаи нисколько не разстраивали товарищеской среды моихъ учениковъ, державшихся всегда дружно, вмѣстѣ, какъ бы постоянно чувствуя ту связь, которую устанавливала общая для всѣхъ ихъ и, могу сказать, любимая ими школа. Даже дѣвочки,—число которыхъ рѣдко превышало 15-ть изо всѣхъ 80-ти учащихся,— не смотря на склонность „дівчатъ“ шушукаться „промежъ себе“, особенно не выдѣлялись, играя и разговаривая вмѣстѣ съ мальчиками. Боязнь, что ихъ нравы

и онѣ сами пострадаютъ отъ такого общенія, никогда не оправдывалась. Деревенскіе мальчики, рано какъ и дѣвочки, настолько чисты даже въ своихъ помышленіяхъ, настолько патріархальны въ своихъ нравахъ, что ничего грязнаго, развращающаго — допустить между ними совершенно невозможно. Даже такой блюститель мѣщанской нравственности, какъ отецъ Андрей, который, охраняя цѣломудріе молодежи, воспретилъ невиннѣйшія „вечерныци" и „вулыцю", и тотъ говорилъ мнѣ, что никогда не замѣчалъ даже и тѣни такихъ отношеній между учениками и ученицами, которыя подали бы поводъ къ какимъ либо „сальнымъ",—какъ выражался онъ,—подозрѣніямъ. Правда, ученикъ не постѣснится сходить при дѣвочкѣ „за естественной нуждой", не постѣснится снять рубашку или порты, если это потребуется, но въ деревенскомъ быту, гдѣ люди разныхъ половъ и возрастовъ живутъ въ одной хатѣ, такія явленія освящены обычаемъ, обусловливаются характеромъ братскихъ отношеній и, разумѣется, не возбуждаютъ никакихъ грязныхъ мыслей, на которыя такъ падокъ взрослый горожанинъ.

Прославленныхъ на Руси „ругательскихъ ругательствъ", съ постояннымъ упоминаніемъ родительницы, я никогда не слышалъ среди малорусскихъ крестьянскихъ дѣтей. Простонародное же названіе той части тѣла, къ которой теперь вдругъ почувствовали особую нѣжность современные педагоги, думающіе, по примѣру своихъ дореформенныхъ собратьевъ, путемъ воздѣйствія на нее, дѣйствовать и на душу ребенка,—только, говорю, эта часть тѣла, да физіологическія функціи, совершаемыя при ея участіи, свободно и безъ стѣсненія называются, при нуждѣ, своими именами, одинаково какъ мальчиками, такъ и дѣвочками. Но „скоромнаго" въ этомъ никто никогда не видѣлъ и отсутствіе стѣсненій на этотъ счетъ объясняется тою же простотой и патріархальностью нравовъ. Обычное малорусское ру-

гательство—„сучій сынъ", употребляемое, впрочемъ, и какъ ласкательное названіе, потеряло всякое значеніе, превратилось въ поговорку, въ пустой звукъ, который никакихъ грязныхъ представленій не вызываетъ даже у людей, уже соблазненныхъ „городской цивилизаціей". Что касается остальныхъ бранныхъ словъ, употребительныхъ въ малорусскомъ лексиконѣ, то, разумѣется, они грубы и непріятны, но въ общемъ нисколько не хуже по смыслу и значенію тѣхъ, которыя нерѣдко обильно расточаются нѣжными барынями и эфирными барышнями по адресу своей прислуги и зависимыхъ отъ нихъ людей. Если дѣти, обучающіяся въ сельской школѣ, во всемъ этомъ являются менѣе культурными, съ чисто внѣшней стороны, то дѣйствительная цѣломудренность ихъ значительно выше, чѣмъ у горожанъ всѣхъ возрастовъ, начиная со школьнаго.

Сельскіе школяры несомнѣнно стоятъ выше городскихъ и по своему отношенію къ школѣ и учителю. Я уже говорилъ, что они гораздо внимательнѣе, послушнѣе и дисциплинированнѣе городскихъ дѣтей. Но, кромѣ того, у нихъ и самыя чувства къ школѣ лучше и глубже, чѣмъ въ городѣ. На это мнѣ могутъ возразить ссылкой на извѣстный фактъ пропуска уроковъ. Эти пропуски несомнѣнно существуютъ и притомъ въ самомъ ужасномъ размѣрѣ, но объясняются они совсѣмъ иными причинами, чѣмъ въ другихъ высшихъ школахъ. Кромѣ пропусковъ, самый учебный годъ въ сельской школѣ очень не великъ. Занятія я всегда начиналъ съ первыхъ чиселъ сентября; но въ теченіе его школу посѣщало не болѣе четвертой части учениковъ. Всѣ остальные находились при исполненіи своихъ обязанностей: днемъ водили лошадь въ боронѣ, если отецъ пахалъ или сѣялъ, сгребали и вязали солому, если онъ молотилъ, возили съ нимъ копны и исполняли всѣ другія хозяйственныя работы, въ которыхъ нуждается крестьянская семья. Ночью они водили „коней пасты", или же,

при выѣздѣ взрослыхъ въ поле и въ лѣсъ, оставались присмотрѣть за скотомъ, за хозяйствомъ и за младшими дѣтьми. Упрекнуть крестьянъ въ томъ, что они предпочитаютъ эти дѣтскія работы школьнымъ занятіямъ— никакъ нельзя, уже въ силу самаго строя крестьянскаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бросить въ боронѣ одного двухлѣтняго жеребенка, когда онъ добровольно не желаетъ тянуть лямки своихъ родителей. Поставить же въ „погонычи“ къ этому жеребенку взрослаго—неразсчетливо, потому что полный работникъ и „на паньщини заробыть“. Отложить бороньбу невозможно, такъ какъ время упустишь, а его, и безъ того, въ страдную пору очень мало. Значитъ, ничего больше не остается, какъ поручить жеребенка съ бороной „хлопцю“. Хлопецъ же прекрасно сознаётъ, что своевременное выполненіе работъ въ сельскомъ хозяйствѣ очень важно, что иначе зерно не взойдетъ, колосъ проростетъ въ снопахъ, свиньи и птица солому и умолотъ переведутъ. Поэтому онъ чувствуетъ, что дѣлаетъ необходимое и важное дѣло; что онъ работникъ, кормилецъ, что, не смотря на свои семь лѣтъ, въ семьѣ,— какъ говорится у Некрасова,—всего „два мужика—отецъ мой да я“. Какъ только надобность въ его работахъ миновала, онъ отправляется въ школу, если нѣтъ другихъ препятствій. Къ октябрю сельско-хозяйственный годъ въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ заканчивается, а потому посрединѣ его три четверти учениковъ уже собираются въ школу. Остальная четверть собираетея и еще позднѣе, но уже по исключительнымъ причинамъ: крайней бѣдности, неимѣнію необходимой одежды, болѣзни работника, котораго нужно замѣнить, и т. п. Такимъ образомъ, до рождественскихъ праздниковъ учебное время для полной школы продолжается не болѣе двухъ съ половиной мѣсяцевъ. Съ новаго года, занятія тянутся обыкновенно до пасхи, т. е. въ среднемъ до начала апрѣля. Если изъ этого періода исклю-

чить часть рождественскихъ каникулъ, масляницу, а иногда и говѣнье, то опять на занятія останется тоже никакъ не болѣе двухъ съ половиной мѣсяцевъ. Слѣдовательно, весь учебный годъ продолжается только въ лучшихъ случаяхъ пять мѣсяцевъ. Съ весной открываются полевыя работы,—выгонъ скота въ поле,—и ученики перестаютъ ходить въ школу. До 1-го мая остаются только приготовляющіеся къ выпускному экзамену.

При такомъ до чрезвычайности короткомъ учебномъ времени, всякіе пропуски являются истиннымъ несчастіемъ для учителя, а также—какъ я убѣдился,—и для учениковъ. Я систематично, изъ года въ годъ, отмѣчалъ причины, по которымъ ученики пропускали уроки. Записи эти, къ сожалѣнію, не сохранились. Но я хорошо помню, что пропуски по „неуважительнымъ" причинамъ не достигали и 1% общаго числа ихъ. Главной причиной являлись домашнія работы: „батько въ городъ поихали, а маты занедужалы"; значитъ, „хлопцю" пришлось „іихать по воду", гнать скотъ на водопой, заложить ему корму и т. п., или—„батько и маты на панщыни, а я бувъ на господарстви". Часто были ссылки и на матеріальные недостатки: „маты пишли прать (т. е. бѣлье мыть на рѣкѣ) и мои чоботы обулы", или „братъ Петрусь пишовъ на панщину и свитку узявъ". Всѣ такія показанія почти всегда провѣрялись мной. Впрочемъ, и безъ того, извѣстно всѣмъ знающимъ сельскихъ ребятишекъ, что они не лгутъ и не желаютъ лгать, а еслибы и пожелали, то сосѣди-товарищи не допустятъ этого.

При такихъ причинахъ пропусковъ, разумѣется. языкъ не поворачивается осуждать за нихъ учениковъ. Почти всегда они сознаютъ всѣ невыгоды и неудобства пропусковъ, плачутъ о нихъ, не смотря на вполнѣ кроткое отношеніе къ этому учителя, видимо сами мучатся ими и все таки ничего не могутъ подѣлать. Есте-

ственно, что послѣ всего этого отнести пропуски къ несочувствію учениковъ школѣ невозможно· Напротивъ, лучшаго отношенія со стороны ихъ къ школѣ и ожидать нельзя. При сколько нибудь благопріятныхъ условіяхъ, дѣти охотно идутъ въ школу, нерѣдко преодолѣвая серьезныя препятствія и даже—какъ я уже говорилъ,—рискуютъ пробѣжать босикомъ по снѣгу не одинъ десятокъ саженей. Старшіе ученики постоянно просятъ позволенія приходить послѣ обѣда и для вечернихъ занятій, а новички положительно обижаются, если занятія съ ними ограничиваются двумя часами въ сутки. Школа ревниво защищается учениками отъ несправедливыхъ нападокъ и инсинуацій старшихъ. Мнѣ не разъ приходилось выслушивать отъ учениковъ жалобы со слезами на глазахъ о томъ, какъ какой нибудь пьяный „москаль" или кто либо другой „лаявъ" школу или учителя. Долженъ замѣтить, что привязанность учениковъ къ учителю тоже не оставляетъ желать ничего лучшаго. Той враждебности, основанной на противоположности интересовъ учащихъ и учащихся, которая господствуетъ между ними въ нашихъ гимназіяхъ и другихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, въ сельской школѣ я никогда не замѣчалъ. Даже „нерадивые" ученики, какъ говорилъ отецъ Андрей, и тѣ относились къ нему и ко мнѣ вполнѣ искренно и сердечно.

Впрочемъ, эта „нерадивость" учащихся—понятіе очень условное. Кромѣ двухъ-трехъ учениковъ, явно неспособныхъ, и кромѣ большинства среднихъ, между остальными ярко выдѣлялись два типа—„шустрыхъ" и „тугихъ", по терминологіи отца Андрея. Первые всегда съ удивительной легкостью и быстротой воспринимали новыя понятія, новыя знанія. Это были дѣти того типа, которыя въ культурной средѣ восхищаютъ родителей своими якобы недюжинными способностями. Въ этой средѣ они въ два года отъ роду поютъ романсы, въ три играютъ на роялѣ и читаютъ, въ

четыре свободно говорятъ уже на двухъ языкахъ, въ пять готовы къ поступленію въ гимназію, а въ двадцать лѣтъ уже опредѣляются, какъ вполнѣ негодные, ни на что неспособные люди, съ громаднымъ самомнѣніемъ и съ колоссальнымъ нахальствомъ. Въ деревнѣ этотъ типъ тоже не рѣдкость. Здѣсь „шустрый" не похожъ на того новичка, который не знаетъ, какъ зовутъ его отца или сколько у него пальцевъ. Онъ сообщитъ вамъ свое имя, отчество, фамилію, скажетъ, какой онъ крестьянинъ, какого села, стана, уѣзда, какой волости и т. п. Онъ сосчитаетъ не только пальцы, но и всѣхъ учениковъ. Онъ быстро выучится грамотѣ, счету, быстро приспособится къ письму, выучитъ молитвы, стихи и т. п. Онъ даже пишетъ сначала правильнѣе другихъ, очевидно, обладая зрительной памятью и потому запомнивъ правильное начертаніе словъ въ книгѣ. Но тѣмъ не менѣе его трудно приготовить къ экзамену. Какъ только дѣло дойдетъ до болѣе глубокой сообразительности, до обдуманнаго, напримѣръ, примѣненія грамматическихъ правилъ, такъ „шустрый" начнетъ не успѣвать, отставать отъ другихъ. Если запаса его быстрыхъ способностей станетъ на то, чтобы блестящимъ образомъ окончить сельскую школу, то впослѣдствіи, когда онъ перейдетъ въ училище съ бо̀льшимъ курсомъ, онъ легко можетъ отстать, остановиться. Вообще это типъ неглубокій, ненадежный, воспринимающій впечатлѣнія поверхностно и ненадолго. „Тугіе" начинаютъ хуже. Съ ними много хлопотъ. Усваиваютъ они медленно, туго, нерѣдко опять забываютъ усвоенное, и обученіе приходится начинать почти сначала. Способности ихъ развиваются медленно, съ большими потугами. Но разъ что-нибудь сдѣлано на этомъ пути, разъ ребенокъ что-нибудь сознательно усвоилъ, онъ можетъ считаться небезнадежнымъ. У меня были рѣзкіе примѣры въ этомъ отношеніи. Я помню, напримѣръ, двухъ учениковъ, которые при поступленіи въ школу

представляли собой наиболѣе ярко выраженный типъ „тугихъ“. Одинъ изъ нихъ былъ косноязыченъ и заика, оба говорили очень плохо, не договаривали окончанія словъ, не имѣли почти никакого представленія о согласованіи ихъ, не знали самыхъ простыхъ и самыхъ элементарныхъ вещей. Оба окончили сносно, пробывъ въ школѣ по четыре года. Но одинъ изъ нихъ перешелъ затѣмъ въ низшую сельско-хозяйственную школу и прошелъ курсъ ея уже однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Я встрѣтилъ его впослѣдствіи положительнымъ молодымъ человѣкомъ, начитаннымъ, умнымъ и съ неопредолимымъ стремленіемъ развиваться и совершенствоваться все дальше. Вообще мой педагогическій опытъ убѣдилъ меня, что туго развивающіяся дѣти не только не безнадежны, но часто даютъ больше шансовъ на дальнѣйшую успѣшность въ занятіяхъ, чѣмъ такъ называемые „шустрые“.

Деревенскія дѣти, будучи относительно нравственно чистыми и не испорченными, относясь ко всему серьезнѣе и внимательнѣе, въ силу условій хозяйственной жизни крестьянъ, и оставаясь во всемъ проще и непосредственнѣе, являются въ школу сравнительно мало затронутыми той уродливой стороной современной культуры, которая губитъ столько жизней. Разумѣется, и въ деревнѣ ребенокъ — не чистый воскъ, изъ котораго можно сдѣлать что угодно; не бѣлая бумага, на которой возможно писать по собственному усмотрѣнію, а плоть отъ плоти, кровь отъ крови своихъ отцовъ и дѣдовъ. Поэтому онъ требуетъ большой осторожности отъ учителя и большаго вниманія къ себѣ. Но такъ какъ онъ и количественно имѣетъ меньше впечатлѣній, чѣмъ дитя болѣе культурной среды, и качественно воспріимчивъ къ лучшимъ изъ нихъ, то воздѣйствіе на него путемъ школы должно быть и сильнѣй, и глубже. Поэтому задача сельскаго учителя всегда сложнѣй и отвѣт-

ственнѣй, а дѣло его и трудно, и громадно по своему значенію.

Отцы и дѣти одинаково нуждаются въ такомъ толчкѣ который вывелъ бы ихъ изъ состоянія безразличія и умственной неподвижности, столь мѣшающихъ всякимъ улучшеніямъ въ крестьянской жизни. Я уже говорилъ, какъ все, рѣшительно все, страдаетъ въ деревнѣ отъ незнанія и умственной неподвижности, какъ медленно подъ вліяніемъ ихъ прогрессируетъ крестьянское самоуправленіе, какъ коснѣетъ ихъ жизнь, какъ самыя дикія воззрѣнія получаютъ право гражданства, какъ ничтожно улучшеніе хозяйства и т. д. При такой спячкѣ и пассивности, однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ улучшенію жизни, къ сколько нибудь человѣческому существованію, является знаніе, школа, обученіе. „Свѣта, свѣта"—вотъ тотъ вопль, который постоянно слышится изъ деревни, а въ прошломъ 1892 году, во время холерныхъ бунтовъ, пронесся потрясающимъ душу крикомъ. Когда поймешь и узнаешь всю вопіющую нужду многомилліоннаго русскаго народа въ знаніи, когда составишь себѣ представленіе о подавляющемъ объемѣ этой нужды,—какими жалкими и ничтожными становятся всѣ разговоры о тѣхъ школахъ, какія нужны, какія наиболѣе умѣстны, какія соотвѣтствуютъ тѣмъ или другимъ цѣлямъ и т. п. Какъ вопіюще-возмутительны тѣ радѣтели народнаго блага, которые разсуждаютъ о томъ, что лучше закрыть нѣсколько народныхъ училищъ, помѣщающихся въ плохихъ домахъ, чтобы улучшить остальные; что лучше совсѣмъ не имѣть школъ, чѣмъ открывать маленькія щколы грамотности; что лучше отказаться отъ просвѣтительной дѣятельности, чѣмъ ставить ее въ зависимость отъ такого ненадежнаго элемента, какъ земство. Сколько чиновничьяго безсердечія, сколько столичной безучастности въ этихъ словахъ! Намъ нужна школа и школа. Лучшая—та, которая даетъ больше, а такой бываетъ, главнымъ образомъ, земская,

но если земскихъ школъ мало, то давайте хоть и министерскія и даже простыя школы грамотности, — только давайте. Пусть народъ учится, пусть читаетъ книжки, безъ которыхъ никакая школа не можетъ имѣть надлежащаго значенія. Пусть школа и библіотека составятъ необходимѣйшую принадлежность всякаго села, всякой деревни. Безъ нихъ немыслимо наше гражданское развитіе, безъ нихъ всѣ важнѣйшія реформы въ экономической и соціальной жизни, столь рельефно выяснившіяся послѣ прошлогодняго голода, потеряютъ, по крайней мѣрѣ, на добрую треть свое значеніе.

---

*

VIII. Учители.

При важности дѣла, лежащаго на народныхъ учителяхъ, при громадности предстоящаго имъ труда, интересно знать, кто же они, эти люди, призванныя къ столь отвѣтственнымъ и сложнымъ занятіямъ?

Задавшись этимъ вопросомъ, я постарался познакомиться и сойтись съ своими новыми товарищами. Въ нашемъ уѣздѣ было 44 школы съ 48 учителями. Два изъ нихъ, вмѣстѣ со мною, побывали въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, жили студенческой жизнью и пошли учительствовать вполнѣ сознательно, съ цѣлью послужить народу, присмотрѣться къ его жизни и поучиться самимъ. Была въ такомъ же положеніи и одна дѣвушка, окончившая высшіе женскіе курсы Но она не вынесла учительства чисто физически: ей нѣсколько разъ въ теченіе урока дѣлалось дурно, а отъ сырости и холода классной комнаты она расхворалась и должна была покинуть школу послѣ первыхъ трехъ мѣсяцевъ занятій.

Изъ остальныхъ учителей, около 20-ти происходили изъ духовнаго званія и обучались въ учебныхъ заведеніяхъ духовного вѣдомства. Большая половина ихъ окончила мѣстную епархіальную семинарію и учительствовала въ ожиданіи священническихъ мѣстъ. Меньшая часть не окончила семинаріи, но, выйдя изъ старшихъ классовъ ея, тоже разсчитывала получить мѣсто, если и не священника, то дьякона, и даже псаломщика

въ хорошомъ приходѣ. Всѣ такіе учителя, готовящіеся въ священно- и церковно-служители, смотрятъ на свои учительскія обязанности, какъ на временныя, и потому охотно покидаютъ ихъ. Даже по отзыву такого «божественнаго» человѣка, какъ нашъ инспекторъ Щукинъ, они никуда негодны въ своемъ дѣлѣ, небрежничаютъ и манкируютъ имъ, нисколько не стѣсняясь, притомъ, въ своемъ поведеніи. Въ школѣ они несдержанны, драчливы и грубы, работаютъ мало и нерѣдко пропускаютъ уроки. Инспекторъ сознавался мнѣ, что окончившіе полный курсъ духовной семинаріи—обыкновенно наихудшіе учителя, потому что они совсѣмъ не связаны со школой и имѣютъ возможность почти всегда въ крайности перейти въ псаломщики. Не окончившіе курса уже нѣсколько лучше, потому что потеря учительскаго мѣста хоть временно поставитъ ихъ въ затрудненіе. Полные же неудочки стараются больше всѣхъ, такъ какъ школа для нихъ—синица въ рукѣ, которую нужно крѣпко держать, а церковно-служительство—журавль въ небѣ, котораго не такъ-то легко поймать, да и поймавъ, не очень-то имъ полакомишься.

Я знавалъ нѣкоторыхъ изъ такихъ учителей. Только одинъ изъ нихъ былъ горькій пьяница, совсѣмъ павшій и спившійся человѣкъ. Онъ служилъ когда-то и въ Княжевѣ, но послѣ него было еще два учителя, предшествовавшихъ мнѣ. Онъ пилъ запоемъ по двѣ-три недѣли сряду, пропивалъ все свое имущество, затѣмъ ходилъ выпрашивать денегъ у крестьянъ. Оборванный, жалкій, съ испитымъ лицомъ и слезящимися красными глазами, подходилъ онъ къ окну крестьянской избы и стучалъ въ окно, какъ нищій, трясущимися, иззябшими руками. Онъ былъ жалокъ и противенъ. Дѣти нерѣдко заставали его въ классной комнатѣ, распростершимся на полу и почти нагимъ. Поднимались смѣхъ, грубыя шутки, а иногда и издѣвательства.

Но при всемъ томъ онъ не былъ лишенъ дидактическаго умѣнія. Когда онъ протрезвлялся и видѣлъ необходимость „подогнать“ школу, онъ усердно принимался за занятія, и, дѣйствительно, «подгонялъ». Обученіе шло у него скоро и успѣшно. Всѣ бывшіе ученики его бойко и выразительно читали, красиво и довольно правильно писали, но хромали въ счетѣ и ариѳметикѣ. Съ учениками онъ не былъ жестокъ, и къ горечи воспоминаній о немъ у бывшихъ учениковъ почти всегда примѣшивались нотка состраданія и жалости. За пьянство его переводили все на худшія и худшія мѣста, пока, наконецъ, черезъ годъ послѣ поступленія моего въ школу, не удалили совсѣмъ.

Изъ остальныхъ извѣстныхъ мнѣ учителей-недоучекъ, большинство занималось усердно, хотя и не особенно успѣшно. Многіе были уже семейными людьми и обзавелись хозяйствомъ. Эти особенно цѣпко держались за свои мѣста. Происходя изъ среды духовенства, выросши и воспитавшись среди него, они имѣли особою склонность къ доброхотнымъ приношеніямъ, видимо пристрастно относились къ дѣтямъ болѣе богатыхъ и вліятельныхъ родителей, и вообще, съ этой стороны, оставляли желать многаго. Получая отъ школы очень мало, они волей-неволей обращались къ постороннимъ заработкамъ: снимали землю подъ бахчи, держали пасѣки, нанимали въ аренду фруктовые сады, а иногда принимали участіе и въ мекихъ торговыхъ операціяхъ. Если хозяйство шло удачно и доставляло значительные доходы, то интересъ къ школѣ постепенно слабѣлъ, и обученіе забрасывалось. Въ большинствѣ же случаевъ хозяйство было крошечное и приносило очень мало, а потому школа, дававшая 200—250 р. жалованья въ годъ, представляла довольно значительный интересъ. Учитель усердно посѣщалъ ее, усердно велъ занятія, особенно въ ожиданіи инспекторской ревизіи, но относился къ дѣлу формально. Все сосредоточивалось только на томъ, чтобы представить

къ экзамену учениковъ не меньше, какъ и въ другихъ школахъ, и не съ худшей подготовкой, да чтобы инспектору показать дѣло съ лицевой стороны. Тотъ, кто „собаку съѣлъ въ начальствѣ“, всегда сумѣетъ сдѣлать это. Ученики стройно пропоютъ передъ начальствомъ „Царю небесный“ или „Боже, Царя Храни“, достанутъ быстро и ловко тетрадки, красиво и правильно напишутъ одну-двѣ строчки, прочтутъ десятокъ строкъ, вообще покажутъ себя „молодцами“. Начальство приходитъ въ полное восхищеніе даже отъ перваго отдѣленія школы, не подозрѣвая, что всѣ эти „первогодники“ ходятъ въ школу, по крайней мѣрѣ, двѣ-три зимы и цѣлую недѣлю долбили образцовый урокъ. Вообще такіе учителя любятъ задерживать учениковъ въ школѣ на пять-шесть лѣтъ и не любятъ дѣлать большихъ пріемовъ учениковъ, избѣгая ихъ иногда совсѣмъ. Дальше формы, требованія начальства, они не идутъ, да едва ли вполнѣ понимаютъ, что можно идти дальше. Почти всѣ они, не смотря на свою относительную молодость, люди старозавѣтные, смирные, ограниченные, неспособные на крупную подлость, но и никогда не додумывающіеся до того, напримѣръ, чтобы признать нечестнымъ свою снисходительность къ богатому ребенку или свой отказъ въ пріемѣ въ школу бѣдняка. Это—самые заурядные сельскіе учителя. Они довольно симпатичны своей скромностью, вызываютъ искреннее желаніе помочь имъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они жалки своей униженностью и уклоненіемъ отъ доброй половины того дѣла, которое могли и дожны были бы дѣлать.

Среди нихъ изрѣдка попадаются и интриганы, и забіяки, и нахалы. Но эти качества чаще встрѣчаются въ средѣ учителей, окончившихъ весь курсъ духовныхъ семинарій. Положеніе сельскаго учителя они считаютъ ниже своего достоинства, своихъ способностей и своего образованія. Поэтому, кстати и некстати, они стараются показать свой „гоноръ“ и свою ученость, не подозрѣвая,

разумѣется, что они противны и смѣшны. Если учитель-недоучка довольствуется обществомъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, лавочниковъ и членовъ причта, то учитель изъ окончившихъ семинарію непремѣнно стораетея втереться и въ дома сосѣдей-помѣщиковъ. Здѣсь онъ приметъ дѣятельное участіе въ игрѣ въ винтъ, войдетъ во вкусъ дамскихъ сплетенъ и судаченья, и начнетъ утверждать, что мужикъ—„хамъ, лѣнтяй и пьяница". Прежній типъ „батюшки" и его сыновей-семинаристовъ, стоящихъ близко къ народу, не чуждыхъ физическаго труда, столь же простыхъ и патріархальныхъ въ своихъ привычкахъ, какъ и сами крестьяне, вымираетъ, отходитъ въ область преданія. Новый „батюшка" изъ новыхъ семинаристовъ воспиталъ у себя вкусъ къ глаженымъ воротничкамъ, къ мягкой мебели, къ препровожденію времени за винтомъ и въ гостинной. Крестьянинъ не входитъ къ нему „въ комнаты" по дѣламъ, а дожидается въ передней или въ сѣнцахъ. Пока онъ „не рукоположенъ" и учительствуетъ въ сельской школѣ, получая содержаніе отъ земства, а не отъ сельскаго общества, онъ чувствуетъ себя еще болѣе независимымъ отъ народа и проявляетъ свое презрѣніе къ нему еще съ большей откровенностью и выразительностью. Какъ всякій полуобразованный и малоразвитый человѣкъ, мнящій себя, однако, цѣлой головой выше другихъ, онъ высокомѣренъ со слабымъ и, наоборотъ, подобострастенъ съ сильными міра сего. Въ школѣ онъ, въ лучшихъ случаяхъ, безполезенъ, а часто просто вреденъ своей грубостью, своей лѣнью и своимъ презрѣніемъ къ народу и къ его дѣтямъ. Такой учитель,—довольно-таки распространенный въ наше время,—истинное зло въ сельской школѣ, избавиться отъ котораго мечтаютъ и все село, и ученики, и инспекція, и земство. Но избавиться отъ него не легко.

Ближе другихъ къ этому несимпатичному типу приближаются учителя изъ учительскихъ семинарій.

Ихъ было въ нашемъ уѣздѣ около двадцати. Но нужно сознаться, что, въ общемъ, они все-таки гораздо симпатичнѣе епархіальныхъ семинаристовъ, хотя и менѣе ихъ образованы. Изъ несимпатичныхъ сторонъ они сохранили стремленіе къ внѣшнимъ проявленіямъ барства, любятъ разыгрывать изъ себя „панычей“, хотя въ большинствѣ случаевъ вышли изъ среды того же народа, надъ которымъ не прочь поглумиться. Умственное развитіе ихъ не велико, и выходятъ они въ жизнь въ большинствѣ случаевъ очень молодыми людьми, часто совсѣмъ неустановившимися. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда вблизи найдутся порядочные интеллигентные люди, которые обласкаютъ, поддержатъ и направятъ жизнь такого юнаго учителя, изъ него можетъ выработаться небезполезный для общества человѣкъ. Къ тому же всякая учительская семинарія, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все-таки больше другихъ учебныхъ заведеній подготовляетъ своихъ питомцевъ къ педагогической дѣятельности. Поэтому, большинство такихъ учителей—хорошіе преподаватели и даже сносные воспитатели. Считая себя спеціально подготовленными къ учительской дѣятельности, они крѣпче держатся за свои мѣста, больше дорожатъ ими и, по крайней мѣрѣ, въ первые годы службы не стремятся уйти отъ школы на первое попавшееся мѣсто. Да и выбора имъ меньше: въ духовенство ихъ, какъ получившихъ „свѣтское“ образованіе, не пустятъ, а другую службу въ провинціи найти не легко. Держась довольно крѣпко за свои мѣста, они успѣваютъ недурно поставить школы и во всякомъ случаѣ значительно лучше епархіальныхъ семинаристовъ. Нравственное же вліяніе ихъ и чисто воспитательное,—какъ мы говорили уже,—въ большинствѣ случаевъ зависитъ отъ той среды, въ которую попадаютъ они. Я перезнакомился почти со всѣми учителями, окончившими курсъ учительскихъ семинарій, и могу сказать, что около половины изъ

нихъ уже вступили на путь своихъ сотоварищей—епархіальныхъ семинаристовъ. Другая же половина, вѣроятно, пойдетъ инымъ путемъ и выработаетъ изъ себя хорошихъ учителей и полезныхъ людей. Интересно отмѣтить, что въ этой послѣдней категоріи было два-три человѣка, которые шли совершенно самостоятельно, сознательно стремясь къ самоусовершенствованію. Происходя изъ крестьянскихъ семей, они продолжали въ теченіе лѣта исполнять крестьянскія работы, жили у родителей и, вообще, стремясь не разрывать своихъ связей съ народомъ, продолжали работать и надъ своимъ умственнымъ развитіемъ.

Были у насъ учителя изъ недоучекъ-неудачниковъ: изъ уѣздныхъ училищъ, среднихъ и низшихъ классовъ гимназій и другихъ среднеучебныхъ зведеній, и просто „домашняго образованія“. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такіе учителя численно преобладали, но въ мое время ихъ оставалось уже очень немного. Въ общемъ, они приближались къ своимъ сотоварищамъ—неудачникамъ изъ среды духовенства, но часто уступали имъ въ своихъ нравственныхъ качествахъ. Это были настоящіе неудачники, нерѣдко пившіе „горькую“ и всегда колебавшіеся между выборомъ должности сельскаго учителя и сельскаго писаря. Но были изъ нихъ порядочные люди, начинавшіе занятія въ качествѣ помощниковъ учителей, выработавшіеся впослѣдствіи въ очень недурныхъ преподавателей.

Наконецъ, въ послѣдніе годы моего учительства, какимъ-то циркуляромъ министра народнаго пресвѣщенія, а, быть можетъ, и попечителя учебнаго округа, было разрѣшено допускать дѣвушекъ, окончившихъ четырехклассныя прогимназіи, къ практическимъ занятіямъ въ народныхъ училищахъ, а затѣмъ, когда онѣ пріобрѣтутъ преподавательскій навыкъ, давать имъ мѣста учительницъ народныхъ училищъ. Такихъ „учителекъ“, какъ звали ихъ насмѣшливо товарищи, набралось въ

послѣднее время довольно много, но, по отзывамъ инспектора, почти всѣ онѣ были плохія учительницы. При малой теоретической подготовкѣ, имъ недоставало педагогическаго опыта и той чисто физической выносливости, которая требуется отъ преподающаго въ сельской школѣ. Въ городскихъ же начальныхъ училищахъ, гдѣ условія обученія съ матеріальной стороны лучше, учительницы изъ окончившихъ полный курсъ женскихъ гимназій были на своихъ мѣстахъ и вели свое дѣло довольно успѣшно.

Такимъ образомъ, лучшими учителями были окончившіе курсъ учительскихъ семинарій, затѣмъ слѣдовали недоучки, прочно водворившіеся на своихъ мѣстахъ. Послѣднее же мѣсто принадлежало окончившимъ духовныя семинаріи. Вообще всѣ тѣ, кто видитъ въ учительствѣ переходное занятіе, случайное и непродолжительное, тѣ, за очень рѣдкими исключеніями, оказываются плохими учителями. Они бываютъ нѣсколько лучше, если имѣютъ хоть какую-нибудь спеціально-педагогическую подготовку, но, не видя хорошаго примѣра, часто совсѣмъ опускаются. На такой ходъ ихъ дѣятельности не мало вліяетъ недостаточный надзоръ за обученіемъ, отсутствіе добраго совѣта и помощи. Правительственный инспекторъ—всегда и прежде всего чиновникъ, относящійся къ дѣлу чисто формально, да и не могущій относиться иначе уже оттого, что завѣдуетъ онъ, по крайней мѣрѣ, тремя уѣздами съ добрыми 100—150 школами. Ему едва хватаетъ времени разъ въ годъ объѣхать ихъ, посидѣть на урокѣ 1—2 часа, пока обогрѣется и пока перемѣнятъ ему лошадей. Вникнуть же въ дѣло имъ, положительно, некогда. Да и подготовка у нихъ для пониманія дѣла очень не велика. Тѣ изъ нихъ, которыхъ знавалъ я, имѣли семинарское образованіе, побывали въ архіерейскихъ пѣвчихъ, учительствовали въ теченіе, по крайней мѣрѣ, четверти столѣтія въ духовныхъ и граждан-

скихъ уѣздныхъ училищахъ и, постепенно подымаясь по іерархической лѣстницѣ, добрались, наконецъ, до инспекторскаго мѣста. Съ народной школой они ничего общаго не имѣли и не имѣютъ, народной жизни не не знаютъ и не понимаютъ, и даже съ педагогической литературой знакомы больше по наслышкѣ. Могутъ ли они, при такой подготовкѣ и при такихъ условіяхъ дѣятельности, быть полезными народной школѣ?—предоставляю судить читателю.

Все, что дѣлается для школы, дѣлается одними земцами. Постановка народнаго образованія въ нашемъ уѣздѣ всецѣло обязана земству, которое приняло всего 8 школъ и довольно быстро увеличило число ихъ въ $5^1/_2$ разъ. Оно взяло на себя заботу о пріисканіи учителей, назначило имъ жалованье, освободивъ отъ его уплаты сельскія общества, выдавало субсидіи на постройки домовъ, снабжало училища учебными пособіями. Очень скоро расходы на народное образованіе, и притомъ преимущественно на народныя школы, превысили 20 т. руб. и составили, такимъ образомъ, около четвертной части всего земскаго бюджета. Разумѣется земству предстоитъ еще много работы, такъ какъ дѣло только что начато, но важно уже и то, что оно начато, что путь проложенъ, что новое дѣло наладилось и начинаетъ приносить извѣстные результаты. Правда, въ земствѣ многое зависитъ отъ отдѣльныхъ лицъ; а въ нашемъ уѣздѣ народное образованіе двинулось въ ходъ, благодаря активному участію въ немъ Клеоника Петровича и пассивной поддержкѣ Даниловыхъ. Но какъ и всегда, важнѣй всего бываетъ начало: разъ двинувшееся въ ходъ дѣло уже трудно остановить и личное дѣло превращается въ общественное. Поэтому, какая бы ни господствовала партія въ нашемъ уѣздѣ, а давить и разрушать то, что было сдѣлано раньше для народнаго образованія, она уже не считала возможнымъ. Мелкіе выборщики,—а они составляютъ у

насъ главную избирательную силу,—несомнѣнно завопили бы при всякомъ покушеніи на народную школу и, разумѣется, жестоко отмстили бы тѣмъ, кто затронулъ бы ихъ, въ этомъ случаѣ, живые интересы. За все двадцатипятилѣтіе существованія земства, въ нашемъ уѣздѣ былъ только одинъ случай,—уже послѣ выхода моего изъ народныхъ учителей,—какъ молодая, увѣренная въ своихъ силахъ, партія рискнула временно прикрыть нѣсколько школъ, до исправленія обществами школьныхъ зданій и замѣнить два-три училища въ маленькихъ селеніяхъ школами грамотности. Для такого шага въ то время наступилъ очень удобный моментъ: партія имѣла за себя подавляющее большинство голосовъ на избирательныхъ съѣздахъ; въ средѣ ея находились наиболѣе вліятельные представители нѣкоторой части дворянства, зараженнаго крѣпостничествомъ; отовсюду шли теченія благопріятныя или полному закрытію школъ, или замѣнѣ ихъ церковно-приходскими и школами грамотности. Тѣмъ не менѣе, и при такихъ условіяхъ, новые земцы не рискнули всецѣло осуществить свое постановленіе и исполнили только часть его. Кончиться это дѣло должно было при новомъ составѣ земскихъ собраній, въ которыхъ мелкій выборщикъ уже потерялъ свое прежнее значеніе. Чѣмъ именно окончилось оно, я, къ сожалѣнію, не знаю.

Какъ бы ни пошло народное образованіе въ новомъ земствѣ, какъ бы не упало оно въ другихъ уѣздахъ, при новомъ составѣ земскихъ учрежденій, для меня ясно только одно: его можно будетъ *затормазить*, но не *задавить* окончательно. Какъ ни плохъ земецъ, онъ все-таки знаетъ жизнь въ сотню разъ больше петербургскаго чиновника. Въ большинствѣ случаевъ онъ понимаетъ, что разъ проявившееся въ лучшихъ людяхъ и въ массѣ населенія, хотя бы чисто пассивное стремленіе къ образованію остановить совсѣмъ невозможно, не рискуя многими дѣйствительными

своими и народными интересами. Онъ знаетъ и не можетъ не знать, что это пробудившееся стремленіе только въ самой малой степени характеризуетъ громадную и колоссальную потребность народа въ знаніи, что лишить послѣдняго темную массу населенія—значитъ погубить всю нашу будущность, погубить самихъ себя. Поэтому, хотя онъ и можетъ разсчитывать, что на его вѣкъ „дураковъ хватитъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ непремѣнно, въ глубинѣ души, будетъ сознавать предстоящую опасность отъ неудовлетворенности народныхъ стремленій и возникшихъ потребностей. Не сознаютъ этого только очень немногіе доктринеры мракобѣсія—истинная темная сила государства, истинные подрыватели всѣхъ основъ нашей жизни. Этихъ людей не смущаетъ ни невѣжество народа, поднимающаго холерные бунты, ни физическое вырожденіе его, ни разореніе милліоновъ семействъ отъ перваго значительнаго „недорода“ хлѣбовъ, ни масса другихъ явленій народной жизни, отъ которыхъ волосъ становится дыбомъ у всякаго мало-мальски цивилизованнаго человѣка и искренняго патріота. Все это имъ нипочемъ, потому что религія, патріотизмъ и народное благо,—слова, на которыхъ они постоянно играютъ,—въ сущности миѳъ, пустой звукъ для нихъ. Только при этомъ послѣднемъ условіи, могутъ возникнуть разговоры о вредѣ народной школы, о необходимости закрыть однѣ изъ нихъ, высшія по курсу, чтобы открыть другія низшія; о томъ, что учить можно при воздѣйствіи на „сѣдалище“ человѣка, а не на его душу. Будемъ надѣяться, что недалеко то время, когда самъ народъ получитъ возможность произнести свой нелицепріятный приговоръ надъ этимъ темнымъ скопомъ темныхъ людей!

IX. Культурные сосѣди.

Дѣла мои сложились такъ, что первый годъ моего учительства я жилъ въ деревнѣ одиноко, безъ жены, остававшейся въ городѣ. Разумѣется, я ѣздилъ туда возможно чаще, но сорокаверстное разстояніе по невозможнымъ черноземнымъ дорогамъ и обиліе работы въ школѣ, по неволѣ, ограничивали число и продолжительность моихъ поѣздокъ. Между тѣмъ, потребность въ интеллигентномъ обществѣ время отъ времени сказывалась и, подъ вліяніемъ ея, мнѣ пришлось постепенно перезнакомиться со всѣми „культурными" сосѣдями. Жизнь и дѣятельность ихъ сами по себѣ заслуживаютъ большого вниманія, но, описывая обстановку и условія моего учительства, я могу коснуться моихъ интеллигентныхъ знакомыхъ только въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ.

Раньше всѣхъ познакомился я съ такъ называемымъ „дифтеритнымъ докторомъ", присланнымъ въ с—кій уѣздъ отъ губернскаго земства спеціально для борьбы съ дифтеритомъ. Это былъ красивый и бойкій мужчина, пользовавшійся большимъ успѣхомъ у барынь и, по своему умственному развитію, имѣвшій достаточное основаніе считать себя интеллигентнымъ человѣкомъ. Въ университетѣ онъ принадлежалъ къ лучшимъ кружкамъ и несомнѣнно былъ, что называется, порядочный и убѣжденный дѣятель. Но легкія побѣды у хорошенькихъ сосѣдокъ и безхарактерность, свойственная

многимъ женолюбцамъ, въ концѣ концовъ значительно испортили его. Годика черезъ полтора послѣ начала своей дѣятельности, онъ разъѣзжалъ по дифтеритнымъ селеніямъ также усердно, какъ и въ первый мѣсяцъ своей службы, но гдѣ онъ больше бывалъ—у крестьянъ или у привѣтливыхъ помѣщицъ?—это оставалось покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Для разъѣздовъ и ухаживаній нужны были деньги, а у красавца-доктора ихъ было мало, а потому въ денежныхъ счетахъ онъ сдѣлался довольно развязнымъ и сталъ въ этомъ отношеніи „выше условной щепетильности". Впрочемъ, ни взяточникомъ, ни даже корыстолюбцемъ, лѣчащимъ только изъ-за вознагражденія, онъ никогда не былъ.

Другой докторъ практикой почти не занимался. Онъ арендовалъ по сосѣдству крупное имѣніе и велъ обычное рутинное хозяйство, унаслѣдованное еще отъ крѣпостнаго права. Большинство заарендованныхъ земель онъ отдавалъ исполу или изъ третьей части, бралъ отработки и при посредствѣ ихъ обрабатывалъ свои посѣвы. Ни медицинской, ни сельско-хозяйственной литературой онъ не интересовался, науку давнымъ-давно забросилъ и, кромѣ газетъ, рѣшительно ничего не читалъ. При этомъ человѣкъ онъ былъ неглупый, не злой, не корыстный, но къ общественнымъ и умственнымъ интересамъ совершенно безучастный. Живя въ арендованномъ имъ имѣніи еще при владѣльцѣ его, въ качествѣ домашняго врача, онъ обязанъ былъ устроить амбулаторный пріемъ для крестьянъ, который поддерживалъ и сдѣлавшись арендаторомъ. Но, съ теченіемъ времени, главнымъ дѣятелемъ въ этомъ покоѣ сталъ земскій фельдшеръ, а докторъ возился только съ тяжело-больными. Любимымъ времяпровожденіемъ его были преферансъ и винтъ.

Что касается третьяго участковаго земскаго доктора то это былъ типичный „хорошій малый". Неуклюжій верзила, довольно ограниченный, совсѣмъ неразвитой,

онъ успѣлъ окончить университетъ, только благодаря оригинальнымъ взглядамъ профессора, считавшагося столпомъ медицинскаго факультета. По теоріи этого ученаго нѣмца, плохо говорившаго по-русски, врачъ „клэба хочетъ", а потому врачемъ можетъ быть всякій, ищущій этого званія, независимо отъ подготовки; докторъ же медицины хочетъ уже „клэба зъ масломъ", а потому къ его знаніямъ нужно относиться строже. Нашъ врачъ „хорошій малый" искалъ только хлѣба, а потому и получилъ его, не смотря на то, что по развитію и знаніямъ мало чѣмъ отличался отъ своего фельдшера. Онъ любилъ веселую компанію, былъ дружнымъ собутыльникомъ и не прочь былъ во всякое время дня и ночи выпить и закусить. Къ платной и безплатной практикѣ онъ относился съ одинаковымъ безучастіемъ, а подъ сердитую руку попросту гналъ въ шею надоѣдливыхъ больныхъ. Жилъ онъ въ сосѣднемъ мѣстечкѣ, гдѣ была и земская больничка, но „хорошій малый" предпочиталъ ей мѣстную аптеку, гдѣ всегда можно было выпить, закусить и повинтить. Къ книгамъ онъ питалъ несомнѣнное отвращеніе и не читалъ даже газетъ. Да и къ чему? Дипломъ давалъ ему положеніе, хлѣбъ и, такъ сказать, утверждалъ за нимъ право считать себя прошедшимъ извѣстную премудрость. Для ординарныхъ людей послѣ этого не остается уже никакого стимула, чтобы подвигаться впередъ.

Судебный мірокъ былъ не лучше медицинскаго. Слѣдователь — истый шляхтичъ—считалъ себя единственнымъ представителемъ культурной Европы въ варварской странѣ. Поэтому онъ держался очень величественно почти со всѣми, за исключеніемъ лишь тѣхъ, кто прямо или косвенно могъ вліять на его судьбу. Передъ ними онъ лебезилъ и заискивалъ, со свойственной его благородному сословію приторностью. Противъ земства онъ скрежеталъ зубами и постоянно интриговалъ, жалуясь, что ему даютъ всего лишь 600 р. разъ-

ѣздныхъ денегъ. Такая сумма казалась ему очень незначительной, хотя въ дѣйствительности всѣ его поѣздки обходились не болѣе 150 р. въ годъ. Къ своему дѣлу панъ-слѣдователь относился съ чисто-формальной стороны; интересы же правосудія онъ всегда готовъ былъ игнорировать ради личныхъ удобствъ, а въ „хамовомъ отродьѣ“ видѣлъ чуть ли не сплошныхъ острожниковъ. Больше всего его интересовала кухня, а менѣе всего—дѣло. Высшее образованіе служило этому пану поводомъ лишній разъ поглумиться надъ некультурностью „хама“.

Одинъ изъ судей — отставной штабъ-ротмистръ, — слылъ человѣкомъ надменнымъ, замкнутымъ и грубымъ. Страстный охотникъ и изрядный кулакъ въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, онъ, по крайней мѣрѣ, на судѣ оставался въ большинствѣ случаевъ справедливымъ и нелицепріятнымъ. Благодаря этимъ качествамъ, его выбирали каждое трехлѣтіе, но тѣсныхъ знакомствъ съ сосѣдями и съ земцами онъ не водилъ, предоставляя, однако, свой избирательный шаръ въ распоряженіе „даниловской партіи“. Другой судья, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, только что окончившій юридическій факультетъ, началъ свою судейскую дѣятельность уже при мнѣ. Первое время, возсѣдая въ камерѣ, онъ священнодѣйствовалъ, но съ теченіемъ времени нотка раздраженія стала все чаще и чаще проявляться въ его судейскихъ рѣчахъ. Къ концу же трехлѣтія онъ, какъ выражался Вадимъ Николаевичъ, заговорилъ уже на трехъ языкахъ: по-русски, по-малороссійски и по-трехъэтажному, отдавая предпочтеніе послѣднему. Изъ жизнерадостнаго юноши онъ скоро превратился въ брюзжащаго пессимиста, окончательно установивъ тѣмъ самымъ свою умственную неустойчивость и практическую неспособность.

Было у насъ въ уѣздѣ еще три-четыре „интеллигента“, получившихъ высшее образованіе. Но ни одинъ

изъ нихъ не возвысился до тѣхъ серьезныхъ интересовъ, занимавшихъ и волновавшихъ Аршфельда, Данилова и нѣкоторыхъ другихъ земскихъ дѣятелей, которые поставили бы ихъ выше общаго уровня провинціальной культурной публики. Любой становой приставъ, акцизный чиновникъ или помѣщикъ изъ отставныхъ корнетовъ имѣли такой же кругозоръ, такую же широту мысли, какъ и эти дипломные интеллигенты. Изощренность и тонкость ихъ ума проявлялась лишь на зеленомъ полѣ—за винтомъ, серьезность настроенія—только въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было оправдать свои крѣпостническія тенденціи, а культурность подчеркивалась исключительно въ сношеніи съ сиволапымъ хамомъ. Читать они рѣшительно ничего не читали, интересоваться ничѣмъ серьезнымъ не интересовались и лишь въ лучшихъ случаяхъ жили идеалами мѣщанскаго счастья.

Юношескія мечты мои о значеніи высшаго образованія въ провинціальной жизни подверглись тяжкому испытанію. Я не сомнѣвался, что встрѣтился съ случайными явленіями, съ неудачнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ глубокое огорченіе. Скоро мнѣ пришлось перезнакомиться съ губернской интеллигенціей, съ десятками учителей среднеучебныхъ заведеній, съ адвокатами, инженерами, врачами и другими представителями нашего высшаго образованія, и я долженъ сознаться, что скорбь моя только усилилась. Угнетенный тяжелыми впечатлѣніями, я поспѣшилъ подѣлиться ими съ Вадимомъ Николаевичемъ. Въ пылу увлеченія я, не безъ горечи, закончилъ свою повѣсть восклицаніемъ:

— Вотъ какова у насъ излюбленная вами интеллигенція, ваши „офицеры культурной арміи!“

— И, батенька, меня этимъ не удивите и не обезкуражите,—отвѣчалъ мнѣ Даниловъ.—Я ужъ седьмой десятокъ лѣтъ живу и видѣлъ всякаго народу на своемъ

вѣку. Скажу вамъ прямо, что лучшіе изъ оканчивающихъ высшія учебныя заведенія свиваютъ себѣ гнѣзда въ столицахъ, а девять десятыхъ дипломныхъ интеллигентовъ, попадающихъ въ провинцію, просто-на-просто— подонки культурнаго общества. Если не всѣ лучшіе люди, то многіе изъ нихъ навѣрно прошли школьную премудрость съ какими либо перерывами: одинъ гимназіи не кончилъ, а потомъ держалъ экзаменъ, другой перемѣнилъ два-три учебныхъ заведенія; третій умудрился пробыть внѣ школы около годика и т. п. Человѣкъ же, который просидѣлъ восемь лѣтъ въ гимназіи, а затѣмъ пять въ университетѣ и при этомъ сохранилъ образъ человѣческій—феноменъ, который можно за деньги показывать.

— Но какъ же, послѣ этого, вы придаете особое значеніе интеллигенціи и высшему образованію?—спросилъ я.

— Да вольно же вамъ высшее образованіе измѣрять дипломами, выдаваемыми нашими школами,—съ обычной живостью возразилъ Вадимъ Николаевичъ.—Вы лучше меня знаете, что аттестатъ зрѣлости выдается не за развитіе, не за подготовку къ высшему образованію, не за науку вообще, а за приспособленность къ господствующему складу жизни, за прохожденіе обязательнаго курса, подготовляющаго рабство мысли и отупѣніе. Этотъ первый дипломъ юноши, вступающаго въ жизнь, скажу вамъ по совѣсти, сомнительный дипломъ, потому что получившій его уже потерялъ способность и возможность сдѣлаться свободнымъ мыслителемъ, господиномъ самого себя. Приспособляясь къ гимназической подготовкѣ, и университетъ годъ отъ году перестаетъ быть храмомъ науки, какимъ мы считали его еще недавно. Наука втискивается въ рамки тенденціозрыхъ программъ; свободный выборъ стѣсненъ; новшества невозможны. Политическая экономія трактуется съ точки зрѣнія спекуляціи, философія проповѣдуетъ

пессимизмъ, право сводится къ господству сильнаго А наука, свободная, чистая наука, которая и умъ человѣческій освободила отъ оковъ неподвижности, и жизнь людскую начала выводить на новый путь, упразднена въ нашей казенной школѣ. Надъ ней ужъ и крестъ поставили. Даже невинное естествознаніе, пересчитыванье ножекъ у жучка, и то подъ надзоромъ, „потому-де, съ этими жучками да звѣрьками и человѣка отъ обезьяны произведутъ". При такомъ положеніи дѣлъ, наши ученые для науки ничего не дѣлаютъ и давно уже предпочли ей винтъ и коммерческія операціи Теперь я спрашивая васъ: что можетъ дать намъ „высшая школа", наши профессіональные ученые чиновники; что могутъ изучить наши юноши, получивъ предварительную подготовку въ классическихъ гимназіяхъ? По моему мнѣнію, нужно еще удивляться, что при такихъ условіяхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній хоть въ видѣ исключеній, изрѣдка выходятъ люди, способные мыслить. Огромному же большинству юношей эти странныя „заведенія" прививаютъ совершенно ложный взглядъ на науку и жизнь, освящаютъ этотъ взглядъ дипломомъ, коему присваиваются извѣстныя „права и преимущества". Поэтому-то, батенька, истинно порядочныхъ и интеллигентныхъ людей немного найдете среди нашей патентованной молодежи.

Кое-что въ своей горячей филиппикѣ Вадимъ Николаевичъ, по обыкновенію, хватилъ черезъ край. Но несомнѣнно, что отмѣченная имъ малая интеллигентность и еще меньшая порядочность людей, имѣющихъ дипломъ на высшее образованіе,—явленіе общее всей нашей провинціи. О представителяхъ высшихъ узкопрофессіональныхъ школъ я ужъ не говорю: ни ветеринарія, ни лѣсоводство, ни механика и имъ подобныя прикладныя науки не требуютъ особаго высшаго развитія ума. Но къ университетскому курсу можно было бы примѣнить другія требованія. А, между тѣмъ,

замѣчательное свойство россійской университетской науки заключается именно въ томъ, что у прошедшихъ ее она почти не оставляетъ склонности къ себѣ, почти не возвышаетъ ума и не наполняетъ жизнь высшими интересами. Винтъ, собачья и ружейная охота, да похожденія по части клубнички—вотъ наиболѣе любимыя занятія и штыкъ-юнкеровъ, и становыхъ приставовъ и многихъ университетскихъ кандидатовъ. По части же умственныхъ интересовъ, штыкъ-юнкера иногда даже преимущество имѣютъ, такъ какъ желаніе слыть за образованныхъ людей время отъ времени побуждаетъ ихъ заглянуть въ книгу. Дипломные же дѣятели считаютъ себя превзошедшими всякую премудрость, что удостовѣряется въ ихъ патентахъ надлежащей подписью и приложеніемъ казенной печати; а потому у нихъ не остается даже и того внѣшняго стимула къ пріобрѣтенію знаній, который имѣютъ штыкъ-юнкера. Это въ высшей степени грустное явленіе указываетъ, разумѣется, не на непригодность науки вообще, а на вопіюще-неправильную постановку нашей средней и высшей школы, на крайній вредъ диплома съ извѣстными правами и привилегіями и на невозможность втиснуть высшее образованіе въ рамки опредѣленныхъ учебныхъ плановъ и программъ, выполняемыхъ притомъ въ духѣ узкихъ направленій. Такая обязательная дипломная наука, стѣсняющая всякую мысль, существуетъ, какъ извѣстно, въ Китаѣ и, служа обязательнымъ цензомъ для всякой государственной службы, погубила и самое государство, и народъ.

Эти мысли, глубоко угнетавшія и волновавшія меня, я имѣлъ неосторожность высказать нѣсколько разъ публично у нашего юнаго судьи и у доктора—„хорошаго малаго“. Никакого намека на личности я не дѣлалъ, никакой цѣли оскорбить собесѣдниковъ не имѣлъ. Я просто носился съ тѣмъ, что наболѣло на сердцѣ, что составляло для меня злобу дня. Я искалъ и жа-

ждалъ возраженій, я хотѣлъ, чтобы меня разбили въ моихъ святотатственныхъ мысляхъ, чтобы опровергли фактами. Но, къ сожалѣнію, возраженій я почти не встрѣтилъ, а перемѣна въ отношеніяхъ ко мнѣ нашихъ „интеллигентовъ“ сказалась очень скоро.

Княжевскую школу, совершенно неожиданно для меня и, такъ сказать, не въ урочное время, посѣтилъ инспекторъ Щукинъ. Съ вечера подъ этотъ день я ѣздилъ къ Клеонику Петровичу за учебными пособіями и, зная, что я не успѣю возвратиться къ 9-ти часамъ, просилъ отца Андрея занять первые уроки отъ 8-ми до 10-ти часовъ. Онъ, разумѣется, изъявилъ полное согласіе. Но, какъ на зло, у него случилась неотложная треба и дѣти, собирающіяся часовъ съ 7-ми, оставались одни. Въ это именно время, съ подвязаннымъ колокольчикомъ, „аки тать въ нощи“, подъѣхалъ къ школѣ Щукинъ. Онъ точно обрадовался отсутствію меня и законоучителя и, собравъ учениковъ, самъ сталъ заниматься съ ними. По разсказамъ школяровъ, это были оригинальныя занятія. Онъ желалъ, чтобы ученики воспроизвели ему мои уроки, разспрашивалъ, что я имъ читаю, какъ объясняю нѣкоторыя статьи изъ книги для чтенія и какія книги даю читать на домъ. Затѣмъ испекторъ освѣдомился, знаютъ ли ученики народный гимнъ, титулы высокопоставленныхъ лицъ, имя мѣстнаго епископа и настойчиво, хотя и не прямо, допытывался: не говорилъ ли я чего о лицахъ, стоящихъ у власти. Старшія дѣти видимо сознавали какую-то странность въ этомъ экзаменѣ, чувствовали себя смущенными, но въ общемъ отвѣчали удовлетворительно и толково. Я пріѣхалъ около 10-ти часовъ. Щукинъ сейчасъ же оставилъ занятія и, войдя въ мою комнату, медленно обвелъ ее пытливымъ окомъ.

— У насъ распространился слухъ,—холодно обратился онъ ко мнѣ,—что въ вашей школѣ преподаваніе ведется не въ томъ направленіи, которое должно господ-

ствовать въ народныхъ училищахъ. Бѣгло ознакомившись со школой, я не нахожу подтвержденія этого слуха, но прошу васъ принять къ свѣдѣнію, что ни малѣйшее проявленіе неблагонамѣренности не можетъ быть терпимо у насъ...

Въ этотъ моментъ, въ учительскую комнату быстро вошелъ отецъ Андрей. Щукинъ, видимо, не желалъ продолжать при немъ свою рѣчь и началъ прощаться. Но я поспѣшилъ дословно передать его слова нашему батюшкѣ.

— А такъ какъ,—добавилъ я,—направленіе школы создается всѣми учащими, то мы съ вами обвиняемся въ неблагонамѣренности.

Отецъ Андрей только - что молебствовалъ и успѣлъ уже пропустить около „аршинчика“ очищенной. Съ такимъ фундаментомъ онъ всегда чувствовалъ себя въ самомъ радужномъ настроеніи, а потому безъ всякой церемоніи громко расхохотался. Инспекторъ хотя и считался начальствомъ, но своимъ—изъ семинаріи,—а потому батюшка не особенно стѣснялся его.

Сконфуженный уже тѣмъ, что я передалъ нашъ разговоръ, Щукинъ совсѣмъ растерялся отъ этого смѣха и, быстро одѣваясь, залепеталъ на ту тему, что онъ передалъ эти слухи ради курьеза, что онъ не сомнѣвался раньше, а проэкзаменовавъ учениковъ, тѣмъ болѣе не сомнѣвается въ полной нашей благонамѣренности, и что онъ въ сущности терпѣть не можетъ, когда въ дѣла его вѣдомства мѣшаются посторонніе люди, особенно, „эти кляузные судейскіе“. Къ сожалѣнію, онъ-де не имѣетъ права оставлять безъ вниманія даже видимыя сплетни, а обязанъ, по долгу службы, провѣрять ихъ. Указаніе инспектора на „судейскихъ“ открыло мнѣ источникъ слуховъ, которые глубоко возмутили меня своей наглостью. Едва окончивъ занятія, я уже опять поскакалъ въ имѣніе Клеоника Петровича. Почти одновременно, туда же пріѣхалъ изъ города

Даниловъ, спѣшившій, какъ оказалось, съ тѣми же новостями.

— Ну, батюшка, поздравляю васъ,—встрѣтилъ онъ меня.—Вы получили провинціальное крещеніе при посредствѣ сплетни, испробовали россійской колбасы, и довольно съ васъ. Бросайте вашу школу и покупайте землю.

Онъ подробно разсказалъ намъ, какъ третьяго дня, на именинномъ обѣдѣ у исправника, молодой судья, съ которымъ я велъ разговоръ объ интеллигенціи, въ присутствіи Щукина, высказалъ сомнѣніе, чтобы я могъ вести школу въ направленіи, соотвѣтствующемъ видамъ министерства народнаго просвѣщенія. Это былъ только намекъ, начало подлости. Судья едва ли хотѣлъ идти дальше и разговоръ, вѣроятно, прекратился бы, еслибъ Вадимъ Николаевичъ, въ свою очередь, иронизируя и смѣясь, не замѣтилъ, что „нашъ почтенный судья видимо изъ красныхъ". Представитель правосудія, бывшій уже „на взводѣ", обидѣлся и наговорилъ цѣлую кучу колкостей на ту тему, что это не онъ изъ красныхъ, а нѣкіе старички, покровительствующіе соціалистамъ, проводящіе ихъ въ учителя и т. п. Въ пылу пьянаго увлеченія, „ничесо же сумляшися", судья сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ по направленію къ подлости, и изъ разряда „сомнительныхъ" прямо перевелъ меня въ соціалисты. Это нашло сочувствіе: первымъ поддержалъ судью слѣдователь-шляхтичъ, затѣмъ докторъ, „хорошій малый", исправникъ и многіе другіе сотрапезники именининнаго обѣда.

Когда въ провинціи отрываютъ какого нибудь „потрясателя основъ", то въ слѣдующемъ дѣйствіи начинается уже и травля его. Въ ожиданіи этого, я долженъ былъ приготовиться къ отпору, насколько возможно приготовиться къ нему человѣку въ моемъ положеніи. Въ цѣляхъ обороны, Вадимъ Николаевичъ настойчиво предлагалъ оставить мое „нелегальное положеніе", какъ

онъ говорилъ, и, бросивъ школу, заняться дѣломъ, приличествующимъ россіянину, имѣющему „свой собственный капиталъ“, напримѣръ, сельскимъ хозяйствомъ. Но „легализироваться“ въ такомъ смыслѣ мнѣ не хотѣлось и я присоединился къ мнѣнію Клеоника Петровича, который находилъ, что школы можно не бросать, а землю купить, пожалуй, слѣдуетъ. Остановившись на этомъ рѣшеніи, я скоро приторговалъ небольшое имѣньице около Княжева и поспѣшилъ купить его. Въ качествѣ мелкопомѣстнаго землевладѣльца, мнѣ пришлось стать уже въ иныя условія, но объ этомъ я разскажу какъ нибудь отдѣльно.

Школы же я рѣшилъ не бросать и нисколько не каялся въ этомъ. Обвиненія къ соціализмѣ, свалившіяся на меня, какъ снѣгъ на голову, за отсутствіемъ какихъ либо фактическихъ доказательствъ, а также благодаря поддержкѣ Данилова, Аршфельда и другихъ, дальше словъ не пошли; тѣмъ не менѣе они отравили мнѣ много дней въ моей жизни. Подхваченныя почти всѣми „интеллигентными“ и „культурными“ сосѣдями, обвиненія эти поддерживались съ какимъ-то особымъ злорадствомъ и ослабѣли только съ тѣхъ поръ, когда и мой земскій шаръ сталъ склонять выборные вѣсы въ пользу того или другаго кандидата къ общественному пирогу.

X. Обученіе.

Значеніе сельской школы и роль ея въ народной жизни зависятъ, разумѣется, отъ очень многихъ условій, окружающихъ ее. Нѣкоторыя изъ нихъ, которыя были для меня наиболѣе ясны и понятны, я пытался намѣтить въ предыдущихъ главахъ. Теперь мнѣ остается коснуться важнѣйшаго внутренняго фактора школьной жизни—обученія. Для людей, не знакомыхъ близко съ ходомъ учебныхъ занятій въ народныхъ училищахъ, это, несомнѣнно, самый неинтересный предметъ. Но даже рискуя показаться слишкомъ скучнымъ, я долженъ отмѣтить характернѣйшія черты обученія, такъ какъ въ современной постановкѣ его рельефно выражается наше колоссальное непониманіе народной жизни, потребностей ея, и полное нежеланіе откликнуться на нихъ. Благодаря этому, часто умышленному, закрыванію глазъ на жизнь, дѣло народнаго просвѣщенія не только тормозится, но и приноситъ иногда совсѣмъ не тѣ плоды, которые можно было бы ожидать отъ него. А между тѣмъ, общій строй крестьянской жизни вполнѣ опредѣленно указываетъ путь, которымъ должно идти обученіе, чтобы прочно и скоро достигнуть цѣли. Эти-то указанія „школы жизни“ я и не могу обойти молчаніемъ, не рискуя впасть въ односторонность.

Еще въ то время, когда я подготовлялся къ учительской дѣятельности, меня поразила масса,—какъ

мнѣ казалось,—новшествъ, введенныхъ въ современную методику первоначальнаго обученія. Старая школа, изъ которой я вышелъ, не мудрствовала лукаво: она требовала отъ ученика заучиванія, безсмысленной долбежки и совсѣмъ не гналась за развитіемъ въ немъ пониманія. Новая методика, наоборотъ, почти изгнала механическое заучиваніе и стремится сообщить ученикамъ лишь тѣ знанія, которыя они могутъ воспринять вполнѣ сознательно. Для этой цѣли современные учителя, обучая грамотѣ, вмѣсто традиціонныхъ *азъ*, *буки*, *вѣди* или *а*, *бе*, *ве*, *ге*, и т. п., вдругъ, совершенно неожиданно для посторонней публики, замычали, зашипѣли и засвистѣли. Звуковой методъ произвелъ чрезвычайный эффектъ и, разумѣется, ожесточенныя нападки. Но такъ какъ онъ далъ прекрасные результаты, то съ необычайностью пріемовъ его всѣ очень скоро примирились. Профессіональные педагоги не замедлили воспользоваться этимъ и принялись за усовершенствованіе звукового метода. Послѣдовательно и педантично начали они пристегивать и приклеивать къ грамотѣ сначала рисованіе, потомъ письмо, а потомъ и предметные уроки. Легкое и спѣшное для деревни, дѣло обученія грамотѣ значительно осложнилось и затянулось.

Когда я пріѣхалъ въ Княжево, въ нашей дирекціи процвѣтала такъ называя „бунаковщина". Обученіе грамотѣ по руководству г. Бунакова дѣлилось тогда на четыре ступени, а планъ занятій первой ступени, въ свою очередь, состоялъ изъ пяти отдѣловъ. Въ первый изъ нихъ входилъ „разговоръ о предметѣ и связный разсказъ о немъ", а самыми нредметами „разговора" избирались *оса* (знаменитая въ обученіи грамотѣ *оса!*), *лиса* и т. п. Учителю сразу предлагалась, можно сказать, чрезвычайная задача:—дѣтей, не знающихъ даже своего имени, довести до *связнаго* разсказа о предметѣ. Желая быть точнымъ и такимъ же послѣдова-

тельнымъ, какъ г. Бунаковъ, я употребилъ немало усилій, чтобы выполнить его программу. Послѣ четырыхъ получасовыхъ уроковъ, я едва успѣлъ добиться сколько-нибудь сносныхъ отвѣтовъ на вопросъ, а о *свя́зномъ* разсказѣ такъ-таки и пришлось отложить попеченіе, тѣмъ болѣе, что время уходило незамѣтно, а мои хлопцы все оставались неграмотными. Для фонетическаго изученія слова требовалось на первыхъ порахъ тоже не менѣе четырехъ такихъ же получасовыхъ уроковъ. Не менѣе двухъ уроковъ ушло для усвоенія самыхъ звуковъ всѣми 25-ю новичками, а также для пріобрѣтенія навыка различать легкіе (гласные) звуки и трудные (согласные). На выполненіе четвертаго отдѣла, заключающаго въ себѣ подборъ словъ со знакомыми звуками, и на сообщеніе ученикамъ умѣнья выдѣлять ихъ изъ прямыхъ и обратныхъ слоговъ уходило, какъ убѣдился я изъ опыта, 5—6 уроковъ. Столько же времени удѣлялось на пріученіе дѣтей линевать и писать элементы буквъ. Всего же, для выполненія работъ перваго упражненія необходимо было отъ 20 до 22 получасовыхъ уроковъ. Слѣдующія упражненія первой ступени обученія пойдутъ гораздо скорѣе, и для выполненія ихъ всѣхъ достаточно будетъ 60-ти уроковъ. Такимъ образомъ, по этому, скорѣе уменьшенному, чѣмъ увеличенному разсчету, первая ступень обученія грамотѣ въ школѣ, при 20—25-ти ученикахъ, потребуетъ въ общемъ, по крайней мѣрѣ, 82 получасовыхъ урока. Затѣмъ слѣдуютъ восемь упражненій 2-й ступени, девять 3-й и десять 4-й, а всего двадцать семь упражненій, каждое съ 5—6-ю отдѣлами. На изученіе каждаго изъ послѣднихъ нужно положить не менѣе получаса, а всѣхъ вмѣстѣ—160 уроковъ. Слѣдовательно, пока алфавитъ будетъ пройденъ, учитель затратитъ не менѣе 242-хъ получасовыхъ уроковъ, или, считая по три урока въ день, не менѣе 61-го дня. Это, разумѣется, при условіи,

если все будетъ идти гладко, ровно, безъ задержекъ. Но такъ какъ въ дѣйствительности этого никогда не бываетъ,—ибо ученики посѣщаютъ занятія неисправно, многіе отстаютъ, забываютъ пройденное или туго усваиваютъ новый матеріалъ,—то приходится накинуть еще 10—11 дней, благодаря чему изученіе алфавита затягивается на 280—290 уроковъ, или три рабочихъ мѣсяца (по 24 дня въ каждомъ). На пріобрѣтеніе навыка въ чтеніи остается въ первомъ отдѣленіи школы всего 48—50 дней, т. е. не болѣе 150-ти получасовыхъ уроковъ. Присоединивъ сюда еще 50 уроковъ на письмо, находимъ, что занятія русскимъ языкомъ въ 1-мъ отдѣленіи сельской школы требуютъ въ общемъ до 490 получасовыхъ уроковъ.

Ариѳметика, какъ извѣстно, имѣетъ своимъ предметомъ различныя дѣйствія надъ числами. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ всѣ учебные курсы ея. Но современные педагоги, отрицая старые методическіе пріемы, вздумали передѣлать и самую науку, включивъ въ элементарный курсъ ея и изученіе самыхъ чиселъ. Идя тѣмъ же путемъ, и я увлекся новыми методами преподаванія ариѳметики. Принявшись по книгѣ В. А. Евтушевскаго послѣдовательно за изученіе чиселъ двухъ, трехъ, четырехъ и т. д., я не только ухлопалъ массу времени, но едва не отбилъ у своихъ учениковъ охоты къ занятіямъ. Первые уроки, когда мы систематично къ одному кубику прибавляли еще одинъ, а отъ двухъ отнимали одинъ, очевидно, еще занимали учениковъ, но когда эти однообразныя и для сельскихъ даже дѣтей вполнѣ извѣстныя упражненія пришлось повторять сряду двѣ-три недѣли—вниманіе учениковъ стало замѣтно ослабѣвать. Къ счастью, я во-время успѣлъ спохватиться и поспѣшилъ ограничить упражненія только несомнѣнно необходимымъ. Тѣмъ не менѣе, ариѳметикѣ приходилось посвящать въ 1-мъ отдѣленіи

школы по два получасовыхъ урока въ день, т. е. 240 уроковъ въ теченіе всего учебнаго года.

Столько же времени удѣлялось и на законъ божій. Всего же, въ 1-мъ отдѣленіи нужно было дать 970 получасовыхъ уроковъ, или болѣе чѣмъ по 8-ми уроковъ въ день, а съ гимнастикой и пѣніемъ не менѣе 9-ти. Больше этого утомлять маленькихъ учениковъ невозможно, да и необходимость, заниматься со 2-мъ и 3-мъ отдѣленіями не позволяетъ.

А два старшихъ отдѣленія тоже требуютъ къ себѣ немалаго вниманія со стороны школьнаго учителя. Прежде всего, мнѣ пришлось принять въ расчетъ, что мои хлопцы совсѣмъ не имѣютъ возможности заниматься учебными предметами внѣ класса, такъ какъ домашняя обстановка ихъ совершенно исключаетъ даже самое предположеніе о такихъ занятіяхъ. Поэтому, чтобы довести школяровъ до умѣнья читать болѣе или менѣе бѣгло, необходимо упражнять каждое изъ старшихъ отдѣленій въ чтеніи и пересказѣ, по крайней мѣрѣ, по одному часу въ день, такъ, чтобы одинъ получасовой урокъ шелъ на объяснительное чтеніе, а другой—на самостоятельное. Въ двухъ отдѣленіяхъ это составитъ 480 уроковъ въ учебный годъ. Изученіе элементарной грамматики и орѳографіи потребуетъ полчаса во 2-мъ и часъ въ 3-мъ отдѣленіяхъ, слѣдовательно, еще 360 уроковъ. На ариѳметику пойдетъ уже больше времени, такъ какъ нужно продѣлать до 1.000 задачъ и довести учениковъ до умѣнья составить письменное объясненіе любой задачи. Такого объема курсъ едва успѣваешь пройти, имѣя по два получасовыхъ урока въ каждомъ изъ старшихъ отдѣленій, слѣдовательно, при 480 урокахъ въ годъ. Такимъ образомъ, безъ закона божія, преподаваніе котораго лежитъ на отдѣльномъ лицѣ, учителю въ трехъ отдѣленіяхъ школы приходится дать до 2.300 получасовыхъ уроковъ, приблизительно въ 120—150 учебныхъ дней. Но это еще не все. Сюда нужно присоеди-

нить одинъ общій для всѣхъ отдѣленій школы часовой урокъ на пѣніе и гимнастику, равняющійся двумъ обыкновеннымъ урокамъ,—и тогда общее число послѣднихъ превыситъ 2.500. Раздѣляя эту сумму на число учебныхъ дней, находимъ, что сельскій учитель, чтобы выполнить программу народной школы по современнымъ методикамъ, долженъ ежедневно давать отъ 17 до 21 урока, т. е. посвящать занятіямъ если не $10^1/_2$ то ужъ никакъ не менѣе $8^1/_2$ часовъ. При этомъ предполагается, что ни одного часа не будетъ удѣлено упражненіямъ въ черченіи, рисованіи и геометріи, тоже входящимъ въ учебныя программы начальныхъ училищъ; не будетъ посвящено ни одной минутки на учебныя экскурсіи, на общее или внѣкласное чтеніе и т. п. занятія.

Только полная свѣжесть и ненадорванность силъ позволяла мнѣ въ первые мѣсяцы моей учительской дѣятельности давать по 14-ти уроковъ въ день. Но черезъ два-три мѣсяца я уже такъ измучился и усталъ, что нужно было искать какого-нибудь выхода. Сельскіе учителя въ такихъ случаяхъ изощряются въ самыхъ хитроумныхъ измышленіяхъ: увеличиваютъ число самостоятельныхъ занятій учениковъ, уменьшаютъ количество учебнаго матеріала, передѣлываютъ по собственному разумѣнію методы преподаванія, спѣшатъ, бьются, какъ рыба объ ледъ, дѣлаютъ при этомъ ошибки, промахи, упущенія, и въ концѣ концовъ все-таки не успѣваютъ. Какъ только учитель увидѣлъ невозможность выполнить всю программу цѣликомъ, какъ только убѣдился вь неуспѣшности своихъ попытокъ сократить учебный матеріалъ и исправить методы, онъ спѣшитъ прибѣгнуть къ двумъ послѣднимъ средствамъ: во-первыхъ, къ оставленію учениковъ въ 1-мъ и 3-мъ отдѣленіяхъ на второй годъ и, во-вторыхъ,—что гораздо хуже,—къ сокращенію и даже временному прекращенію пріема учениковъ въ школу. Г. Бунаковъ и прочіе пе-

дагоги не подозрѣваютъ, въ простотѣ сердечной, сколько зла приноситъ ихъ нѣмецкая систематичность, въ своемъ стремленіи привести учениковъ къ пониманію непонимаемыхъ [1]) вещей или къ разъясненію того, что извѣстно каждому деревенскому ребенку.

Не знаю, чѣмъ бы окончилъ я въ своихъ усиленныхъ занятіяхъ въ школѣ, вызванныхъ точнымъ соблюденіемъ современныхъ методикъ, еслибы ко мнѣ не пришелъ на помощь Клеоникъ Петровичъ со своимъ продолжительнымъ и всестороннимъ учительскимъ опытомъ. При его содѣйствіи, я успѣлъ остановиться на нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ методахъ преподаванія, которыя успѣшно примѣнялъ, развивая ихъ и совершенствуя въ теченіе остальной своей учительской дѣятельности. Такія измѣненія не составляли особенности княжевской школы, а тѣмъ болѣе моей личной заслуги. Напротивъ, почти всѣ учителя,—какъ самые заурядные, такъ и болѣе даровитые, — вынуждены прибѣгать къ подобнымъ измѣненіямъ. Все дѣло въ томъ, что многіе изъ нихъ практикуютъ при этомъ сокращеніе числа учениковъ и удлиненіе курса до 4-хъ—5-ти лѣтъ; я же первой мѣры избѣгалъ совсѣмъ, а второй пользовался лишь по отношенію къ тѣмъ дѣтямъ, семейныя обстоятельства которыхъ позволяли задержать ихъ на лишній годъ въ школѣ.

Нѣтъ надобности въ моихъ замѣткахъ, не имѣющихъ спеціальнаго характера, касаться техническихъ подробностей тѣхъ измѣненій въ современныхъ методикахъ, планахъ и программахъ занятій, къ которымъ обратился я и которыя допускаются въ большинствѣ сельскихъ

[1]) Какъ примѣръ, могу указать на массу затрачиваемаго времени для разъясненія ученикамъ, что, напримѣръ, звуки *б* и *я* составятъ вмѣстѣ *бя*, а не *бъя*. Педагоги требуютъ, чтобы учащіеся восприняли такое сліяніе звуковъ *сознательно*, между тѣмъ какъ на дѣлѣ это, разумѣется, оказывается невозможнымъ и несогласнымъ съ фонетическими законами.

школъ. Но самый характеръ этихъ измѣненій имѣетъ общій интересъ и я долженъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Прежде всего, огромное значеніе имѣетъ вопросъ о языкѣ и нарѣчіи въ тѣхъ школахъ, которыя посѣщаются дѣтьми, не говорящими на великорусскомъ языкѣ. Таковы школы въ Малороссіи, вѣроятно, въ Бѣлоруссіи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Вопросъ о преподаваніи въ нихъ на мѣстномъ нарѣчіи давно занимаетъ общество и литературу, и еще недавно, въ 1880 г., былъ опредѣленно поставленъ на очередь сенаторомъ А. А. Половцевымъ, ревизовавшимъ кіевскую губернію. Констатировавъ ничтожное вліяніе школы, г. Половцевъ высказался въ пользу введенія малорусскаго нарѣчія въ малорусскую же народную школу. Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ нисколько не подвинулся впередъ,—о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ пользоваться въ школѣ понятнымъ для дѣтей языкомъ крайне необходимо. Въ настоящее время едва ли кто станетъ оспаривать, что правильное развитіе ребенка можетъ идти только при посредствѣ его родного, вполнѣ доступнаго ему, языка. Послѣдній, какъ извѣстно, органически связанъ не только со всѣмъ бытомъ народа, но и съ его физической организаціей. Поэтому даже и нравственное воздѣйствіе на немъ гораздо сильнѣе и энергичнѣе, чѣмъ на чуждомъ языкѣ. Обученіе же, въ особенности элементарное, только и возможно на родномъ нарѣчіи и слѣдовательно въ малорусскихъ народныхъ школахъ необходимо должно идти на малорусскомъ же языкѣ.

Кромѣ языка или нарѣчія, огромное вліяніе на характеръ преподаванія въ народной школѣ имѣетъ экономическій бытъ населенія. Сельская жизнь сложилась такъ, что крестьянскія дѣти всегда бываютъ болѣе серьезны, чѣмъ дѣти городскихъ жителей. При видимой неразвитости, при непониманіи самыхъ элементарныхъ обычаевъ и явленій культурной жизни, деревенскій

мальчикъ, въ силу экономическаго положенія своей семьи, имѣетъ съ раннихъ лѣтъ опредѣленныя понятія по многимъ вопросамъ сельско-хозяйственнаго быта. Онъ знаетъ, что не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ на него смотрятъ, прежде всего, какъ на рабочую силу, какъ на опору и надежду семьи. Вѣдь въ семьѣ,—какъ разсуждаетъ крестьянскій мальчикъ въ извѣстномъ стихотвореніи Некрасова, — всего два мужика: „отецъ мой да я“, — семилѣтній ребенокъ. Вслѣдствіе этого, онъ вполнѣ серьезно относится ко всѣмъ хозяйственнымъ нуждамъ и предметамъ: и къ скотинѣ, и къ землѣ, и къ труду. У него и работа серьезная: пасти и оберегать стадо, ходить „погонычемъ“ при волахъ, боронить, грести сѣно, а зачастую и пахать. Въ выработкѣ такого серьезнаго отношенія къ жизни, главную роль играли экономическіе факторы и постоянное занятіе земледѣліемъ. Первые, будучи почти всегда тяжелыми, рано познакомили крестьянскихъ дѣтей съ нуждой и лишеніями, сдѣлавъ ихъ бережливѣе, сосредоточеннѣе и серьезнѣе. Земледѣльческій трудъ, подчинивъ себѣ мысли и интересы работника, въ свою очередь, научилъ цѣнить несложную дѣтскую работу. Такимъ образомъ, сама жизнь настраиваетъ крестьянина серьезнѣе и, такъ сказать, строже. Поэтому и отъ школы онъ прежде всего требуетъ серьезности, а не „баловства“. Изученіе чиселъ „одинъ“, „два“, разсмотрѣніе „осы“ и „мухи“, разговоры о „котикахъ“, „козликахъ“ и „мышкахъ“, безсодержательныя пѣсенки, стишки и много другого легковѣснаго учебнаго матерьяла крестьянинъ считаетъ пустой болтовней, а не серьезной „наукой“, которую слѣдуетъ требовать отъ школы. Да и въ дѣйствительности, если мы возьмемъ въ разсчетъ необходимость прочнаго усвоенія элементарнаго курса и крайній недостатокъ времени, предназначеннаго для этого въ народной школѣ, то легко поймемъ всю неумѣстность наивной болтовни усерд-

ныхъ педагоговъ. Крестьяне очень цѣнятъ наглядность и доступность современнаго обученія, но они требуютъ приложенія этихъ пріемовъ не къ пѣсенкамъ, а къ серьезнымъ знаніямъ. Они не хотятъ признать воспитательнаго значенія за той школой, которая относится забавно-игрушечнымъ образомъ къ вопросамъ и явленіямъ жизни; они требуютъ отъ школы серьезности, преобладающей и въ ихъ жизни: если мальчикъ привыкъ ходить за сохой въ полѣ, беречь каждое зернышко, каждую палочку, то повѣрьте, что разсматриваніе въ классѣ игрушечной модели сохи займетъ его лишь какъ забава, а не какъ учебный предметъ. Этотъ же послѣдній, по его мнѣнію, никогда не можетъ и не долженъ быть игрушкой. Выходя изъ этого основного взгляда народа на обученіе, необходимо строить на немъ и тѣ сокращенія и упрощенія въ учебныхъ планахъ и методахъ, о которыхъ я говорилъ выше. Основанное на этомъ взглядѣ приспособленіе программъ и методикъ придастъ имъ ту народную окраску, которую они до сихъ поръ имѣютъ лишь въ самой незначительной степени. Въ этомъ направленіи начинаютъ уже появляться дидактическія и методическія статьи.

Пригоднаго для уменьшенія учебнаго матеріала въ народныхъ школахъ очень много, какъ много и такого, которымъ должно было бы пополнить ихъ курсъ. Элементарная грамматика, изложенная для начальныхъ училищъ даже въ особыхъ руководствахъ (каковы Тихомірова, Пуцыковича и др.), не удовлетворяетъ ни общеобразовательнымъ, ни практическимъ требованіямъ. Если еще возможно примириться съ требованіемъ умѣть различать части рѣчи, — въ виду доступности этого упражненія и его значенія для общаго развитія,—то ужъ во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что всѣ тѣ грамматическія правила, которыя не могутъ быть понятно и толково объяснены ученикамъ, каковы

правила объ употребленіи буквъ *э*, *ѣ*, *ѳ* и др., о залогахъ, наклоненіяхъ, видахъ и т. п., совершенно неумѣстны въ низшихъ элементарныхъ школахъ. Имѣя относительно малое развивающее значеніе, они только обременяютъ память учащихся и, разумѣется, забываются ими очень скоро послѣ выхода изъ школы. Переработавъ въ такомъ смыслѣ элементарный курсъ грамматики и сократвъ его почти вдвое, отбросивъ, затѣмъ, по ариѳметикѣ, всѣ головоломныя и не типичныя задачи и письменное объясненіе ихъ, а равно весь курсъ церковно-славянскаго языка, можно почти совсѣмъ освободить программы школы отъ ненужнаго баласта. Тогда явится возможность не только выполнить остальной курсъ народной школы, но и пополнить его общими свѣдѣніями изъ нѣкоторыхъ обще ственныхъ наукъ и изъ естественной исторіи.

По поводу послѣдней, у насъ существуетъ, что называется, полное смѣшеніе языковъ. Всѣ толкуютъ о необходимости сохранить за народной школой общеобразовательный характеръ и исключить изъ нея всякія утилитарныя знанія. Но въ чемъ собственно заключается общеобразовательный курсъ — это понимаютъ плохо. Начальная школа несомнѣнно должна быть общеобразовательной уже потому, что всякому человѣку прежде всего необходимо быть именно *человѣкомъ*, сохранить въ себѣ искру божію и развить свои лучшія душевныя качества. Но спрашивается: почему же ознакомленіе съ хлѣбными и другими растеніями, съ улучшенной культурой ихъ, съ животнымъ царствомъ и съ почвовѣдѣніемъ, съ устройствомъ человѣческаго тѣла и т. п. частями естественныхъ наукъ,—представляющими собою, по своей доступности, первый концентрическій кругъ ихъ, — не должно считать существенной принадлежностью общеобразовательнаго курса? Воспитательное значеніе естественныхъ наукъ признается даже самыми рьяными сторонниками классицизма, а курсъ

ихъ входитъ составной частью въ программы едва ли ни всѣхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній западной Европы. Возможность практическаго примѣненія этого курса не дѣлаетъ его профессіональнымъ, какъ не дѣлаетъ этого утилизація, напримѣръ, ариѳметики, геометріи и др. предметовъ обученія. Краткій курсъ естественныхъ наукъ, въ примѣненіи къ наиболѣе доступнымъ для крестьянскихъ дѣтей областямъ—сельскому хозяйству и гигіенѣ—не грозитъ превратить народную школу въ профессіональное учебное заведеніе, а дастъ возможность не только повысить ея общеобразовательное значеніе, но и положить начало болѣе внимательному отношенію учениковъ къ практической жизни вообще, а къ своему хозяйству и здоровью—въ частности. Земля—основа не только экономическаго, но и нравственнаго быта русскаго населенія; работа надъ ней создала такіе устои народной жизни, которые,—какъ, напр., общинное землевладѣніе,—справедливо считаются краеугольнымъ камнемъ общественнаго и экономическаго строя Россіи. Въ виду этого, игнорировать изученіе земли, съ важнѣйшей для народа — сельско-хозяйственной стороны, — значитъ не уяснить себѣ цѣлей общеобразовательнаго курса, не понимать разницы между изученіемъ предмета общимъ и профессіональнымъ. Краткій курсъ естественныхъ наукъ, особенно въ примѣненіи къ земледѣлію и гигіенѣ, можетъ только усилить общеобразовательный характеръ начальной школы, только увеличить нравственное значеніе „власти земли“ и, попутно, можетъ принести хорошіе практическіе результаты.

Не меньшее, если не большее, значеніе для учениковъ народной школы должны имѣть свѣдѣнія о законахъ, о государственномъ и общественномъ устройствѣ страны. Имѣя вполнѣ общеобразовательный характеръ, они и для практической жизни населенія, живущаго въ этомъ отношеніи въ полномъ мракѣ,

существенно важны. Для сообщенія такихъ свѣдѣній всегда можно найти время, если уменьшить въ курсѣ начальныхъ училищъ тѣ схоластическія наслоенія, которыя отодвинули ее отъ жизни и грозятъ превратить школу въ учрежденіе, мертвящее всякое здоровое проявленіе мысли и чувства. А уменьшить или, вѣрнѣй, уничтожить эту схоластику крайне необходимо, ибо безполезность и даже вредъ ея вполнѣ очевидны.

XI. По нешкольнымъ дѣламъ.

Дѣятельность сельскаго учителя одной школой не ограничивается. Онъ является въ селеніи почти единственнымъ сколько-нибудь образованнымъ человѣкомъ, а потому населеніе,—если учитель не чуждается его,—прямо или косвенно, но постоянно обращается къ нему за помощью и совѣтомъ. Больше всего приходится работать „по письменной части". Въ первый годъ моего учительства, съ просьбами почитать и написать письма приходило довольно много крестьянъ. Такъ какъ это дѣло житейское и часто встрѣчающееся въ деревнѣ, то я,—какъ уже упоминалъ объ этомъ,—сталъ пріучать учениковъ 3-го отдѣленія не только разбирать письма, но и отвѣчать на нихъ. Эта мѣра очевидно понравилась, такъ какъ передъ первыми же рождественскими праздниками ко мнѣ явилось сначала два, а затѣмъ и еще три бывшихъ ученика школы, изъ числа окончившихъ курсъ, съ просьбой показать имъ, какъ нужно писать „правильныя" письма. Послѣ этого писать ихъ мнѣ приходилось уже рѣдко, такъ какъ почти всѣ ученики, прошедшіе курсъ школы, умѣли и разобрать письмо, и отвѣтить на него. Съ прошеніями же и жалобами дѣло устроилось не такъ легко. Хоть я и пріучалъ старшихъ учениковъ составлять прошенія, но долженъ сознаться, что никогда не былъ доволенъ ими. Сплошь и рядомъ дѣти писали толково, т. е. понятно и просто излагали дѣло и свою

просьбу, но они совсѣмъ не умѣли оттѣнить и подчеркнуть самую важную часть, не умѣли избрать основной пунктъ, на которомъ слѣдовало бы поддерживать все дѣло. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда я давалъ подробныя указанія, прошенія и жалобы писались учениками довольно сносно. Чаще же всего, мнѣ приходилось самому составлять и даже переписывать ихъ.

Въ чемъ состояло большинство такихъ прошеній, я уже и не помню. Были тутъ просьбы о разрѣшеніи построиться не въ означенной для усадебной осѣдлости чертѣ, были ходатайства о возвратѣ захваченнаго имущества, жалобы на неправильный раздѣлъ наслѣдства, просьбы о сложеніи недоимки больничнаго сбора, начисленной за невѣдомо какого родственника, жалобы на волостное начальство и т. д. и т. п.

Хотя изрѣдка, но бывали случаи, когда ко мнѣ обращались съ дѣлами сомнительнаго по правотѣ характера и даже съ завѣдомо неправыми. Однажды, разсмотрѣвъ одно изъ такихъ дѣлъ, я убѣдилъ истца отказаться отъ неправильнаго иска. Въ другомъ случаѣ, отвѣтчикъ добровольно изъявилъ желаніе уступить часть захваченнаго имъ наслѣдственнаго имущества. Былъ и такой случай, когда предъявившаго законный съ формальной, но сомнительный съ нравственной, стороны искъ пришлось припугнуть. Посовѣтовавшись съ Клеоникомъ Петровичемъ, я объявилъ истцу, что разскажу все дѣло непремѣнному члену присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, который, разумѣется, припомнитъ ему эту неправду. Мужикъ уступилъ, но неохотно, и нѣсколько лѣтъ потомъ „рыло воротилъ“ отъ насъ, какъ выражался отецъ Андрей. Впрочемъ, къ запугиванію мнѣ больше никогда не приходилось прибѣгать. Въ общемъ, съ явно неправыми дѣлами ко мнѣ обращались въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ. Большинство такихъ дѣлъ шло черезъ волостного писаря, къ которому и направля-

лись въ сосѣднее село всѣ наши „богатыри“. Было, однако, два—три случая, когда меня, что называется, „провели“, убѣдили въ правотѣ своего дѣла, а въ концѣ концовъ оно оказывалось совсѣмъ инымъ. Въ двухъ случаяхъ мнѣ удалось исправить зло и во-время открыть глаза членамъ крестьянскаго присутствія, но однажды я узналъ о характерѣ дѣла, когда оно было уже проиграно правой стороной. Къ счастью, оно составляло исключеніе. Обыкновенно же всякій учитель, сколько-нибудь знакомый съ законами и участливо относящійся къ крестьянству, спасаетъ отъ разореній, униженій и неправды не одну семью. Вотъ заурядный примѣръ дѣла, въ которомъ темный человѣкъ остается совершенно безпомощнымъ. У того самаго Степана Гриценка, что „святу пьятницу“ почиталъ, былъ дядя, котораго онъ никогда не зналъ и даже не видалъ. Дядя этотъ совершенно отдѣлился отъ семьи Степанова отца, получилъ и продалъ то имущество, на которое имѣлъ право, и невѣдомо куда скрылся. Черезъ десятки лѣтъ оказалось, что онъ покончилъ свои дни въ какой-то больницѣ, пролежавъ въ ней очень долго. Послѣ его смерти, больничный сборъ, да еще съ какими-то начисленіями, въ довольно значительной суммѣ, ни съ того, ни съ сего стали требовать со Степана, какъ ближайшаго родственника покойнаго. Бѣдному мужику предстояло разореніе, такъ какъ погасить недоимку онъ могъ, только продавши весь свой рабочій скотъ. Все было налажено къ такому исходу, но я, къ счастью, узналъ объ этомъ дѣлѣ, упросилъ пріостановить исполненіе его и выхлопоталъ сложеніе съ Гриценка недоимки, которую, если не ошибаюсь, погасило земство. Робость передъ начальствомъ, неподвижность и косность мысли, полное непониманіе своихъ правъ и обязанностей такъ велики въ подобныхъ случаяхъ, что, если бы не случайное вмѣшательство учителя,—цѣлая семья оказалась бы разоренною. Такихъ

случаевъ немало, и учитель очень часто, безъ всякой жертвы со своей стороны, можетъ оказать нуждающимся существенную и несомнѣнную помощь.

Когда мои отношенія къ сельскому обществу наладились, ко мнѣ стали обращаться не только „по письменной части“, но и такъ—„вообче“. Приходили посовѣтоваться, поразспросить и просто „покалякать“. Спрашивали о томъ, что въ газетахъ пишутъ, не будетъ ли войны, что думаетъ „агличанка“, какъ быть съ туркомъ? Затѣмъ переходили къ вопросамъ внутренней государственной жизни, интересовались знать, „на що царю подати“, когда онъ можетъ „наробыть грошей“, сколько хочетъ; отчего „не пускають“ ихъ въ переселеніе; когда будетъ перепись, и наконецъ, когда же настанетъ время всеобщаго передѣла земель.

По вопросамъ внѣшней политики разговоры носили добродушно-снисходительный характеръ. Турку „наклали“ въ послѣднюю войну, значитъ—онъ остерегается, „агличанка“—что рыба въ водѣ—только на морѣ силу имѣетъ, а съ нами нужно на сушѣ драться—вотъ она и побаивается; „нимець“ слишкомъ плюгавъ—„куцый“, чтобы съ Россіей тягаться, и т. п. Моя роль сводилась только къ сообщенію нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ въ области международныхъ сношеній.

Но разрѣшать вопросы внутренней жизни было посложнѣе и потруднѣе. О податяхъ еще можно было растолковать, въ понятной для большинства формѣ, что онѣ необходимы и неизбѣжны, но увѣрить крестьянъ, что передѣла земли не будетъ,—очень трудно. Министерскій циркуляръ по этому вопросу, читавшійся въ мое время въ церквяхъ, несмотря на ясность и опредѣленность выраженій, понимался какъ разъ въ обратномъ смыслѣ. Проповѣдь отца Андрея, которому „отъ консисторіи было внушено“, тоже не подѣйствовала. Зная хорошо крестьянъ, онъ построилъ свою

рѣчь на самыхъ убѣдительныхъ для нихъ основаніяхъ. Онъ говорилъ, между прочимъ, о томъ, какъ какой-нибудь труженикъ, дни и ночи корпѣвшій надъ письменнымъ дѣломъ, разстроившій въ конецъ свое здоровье, захотѣлъ обезпечить себѣ на старости лѣтъ кусокъ хлѣба и для этого купилъ землю. „Неужели,—спрашивалъ онъ,—будетъ справедливо отобрать отъ него послѣднее достояніе, лишить его отдыха и покоя, дѣтей его—права воспользоваться сбереженіями отца?“ Крестьяне молча слушали и угрюмо разошлися по домамъ.

Вечеромъ того же дня, нѣсколько человѣкъ сидѣло возлѣ меня на крылечкѣ школы. Разговоръ шелъ о проповѣди отца Андрея. Одинъ изъ крестьянъ, при всемъ уваженіи къ батюшкѣ, заподозрилъ его самого въ желаніи купить землю. Я усомнился въ этомъ, но онъ настаивалъ. „Чего ему бояться—разсуждалъ онъ—сколько заплатитъ за землю, столько ему возвратятъ“.

Громада по копійки дасть,—прибавилъ онъ,—то и то буде зъ его на увесь викъ. Не хвате у громады—царь дасть.

Громада, значитъ, заплатитъ, громада отдастъ, а все таки не отступится отъ своихъ идеаловъ. Убѣждайте ее, увѣряйте, читайте циркуляры, а въ исключительныхъ случаяхъ наказывайте и карайте,—все-таки она будетъ стоять на своемъ. Собираются ли статистическія свѣдѣнія о выкупныхъ платежахъ, а крестьяне думаютъ: „выкупъ—выкупомъ, а панская земля писля жнивья наша буде“. Посылаетъ ли помѣщикъ въ департаментъ землѣдѣлія свѣдѣнія объ урожаѣ, а мужикъ соображаетъ: много у него, хватитъ и на насъ—уже „циновать починаютъ“ (т. е. оцѣнивать). Выяснится ли недородъ хлѣбовъ, и опять новая молва: генералъ отъ самого царя ѣдетъ и посмотритъ: „чи пора землю отбирать“. Словомъ, цѣлая масса фактовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ вопросу о передѣлѣ, служитъ каж-

дый разъ новымъ поводомъ для толковъ и разговоровъ о немъ.

Отецъ Андрей, „ради усердія передъ начальствомъ“, еще какъ-то разъ пытался убѣдить крестьянъ, что передѣлъ земли невозможенъ, что онъ немыслимъ яко-бы ни какъ реформа, ни какъ насиліе. И, не смотря на то, что его понимали, такъ какъ онъ говорилъ доступно для всѣхъ,—въ этомъ вопросѣ онъ оставался „при своемъ мнѣніи“, а крестьяне при своемъ. По выраженію ихъ лицъ, по снисходительнымъ улыбкамъ, остротамъ, отпускаемымъ на его счетъ, а иногда по мрачнымъ суровымъ взглядамъ и рѣзкимъ выраженіямъ, я убѣдился, что „батюшка“ совершенно напрасно потратилъ порохъ... краснорѣчія.

Мотивы „мужичьяго“ упорства въ этомъ случаѣ понять не трудно. Но представьте себѣ мое удивленіе, когда нѣчто подобное услышалъ я отъ одного старичка-священника. Сельскій батюшка, сжившійся за десятки лѣтъ своего пастырскаго служенія со взглядами народа, видѣвшій безысходную нужду его, и если не сознавшій, то чувствовавшій потребность идеала въ этой области, хотя и несмѣло, но довольно опредѣленно высказался, въ бесѣдѣ съ нами, что крестьяне уже давнымъ-давно заработали въ свою пользу помѣщичьи земли.

— И что ты только несешь,—безцеремонно остановилъ его нашъ священникъ,—а помѣщики, по-твоему, какъ же будутъ?

— Помѣщики?...—переспросилъ старенькій попикъ и смутился.—Что-жь,—продолжалъ онъ, нѣсколько оправившись и нерѣшительно посматривая по сторонамъ,—они въ чиновникахъ служить будутъ, усадьбами могутъ пользоваться.

— Ну, отецъ, это въ тебѣ ужъ старость говоритъ,—рѣзко оборвалъ его отецъ Андрей, дѣйствительнаго, „по совѣсти“, мнѣнія котораго по этому вопросу я такъ-таки и не могъ никогда узнать.

Посѣтивши какъ-то городъ, я зашелъ къ Вадиму Николаевичу и передалъ собравшейся у него компаніи свои деревенскія впечатлѣнія о передѣлѣ. Слушая меня, Даниловъ волновался больше обыкновеннаго и быстро бѣгалъ по комнатѣ.

— Разговоры о передѣлѣ земли,—обратился онъ ко мнѣ,—я помню столько же, сколько и себя, а старикъ отецъ говорилъ мнѣ, что онъ съ дѣтства наслушался этихъ бредней.

— Чѣмъ древнѣе вопросъ, тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ онъ,—замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

Вадимъ Николаевичъ заволновался еще больше. Какъ чоловѣкъ, благосостояніе котораго основано на земельной собственности, онъ не могъ относится спокойно къ этому „проклятому“ вопросу. Съ рѣдкой горячностью онъ заговорилъ на ту тему, что даже заикаться о такихъ нелѣпостяхъ не слѣдуетъ, что лишить зажиточные кассы благосостоянія—значитъ „похерить“ всю культуру, которая только и развивается-де при на наличности матеріальнаго достатка, хотя бы въ одной части населенія. Затѣмъ, распространившись на свою любимую тему о значеніи культурной работы интеллигенціи, онъ безъ обиняковъ заявилъ, что всѣхъ тѣхъ, кто внушаетъ народу мысль о возможности или необходимости земельнаго передѣла, необходимо предавать въ руки правосудія.

— Но въ томъ-то и дѣло,—замѣтилъ ласково, какъ бы успокаивая старика, Клеоникъ Петровичъ,—что „внушителей“ этихъ совсѣмъ нѣтъ въ народѣ, что идея о передѣлѣ зарождается въ немъ самостоятельно и, разумѣется, никѣмъ не поддерживается.

Дѣйствительно, ни Вадимъ Николаевичъ, всегда остававшійся правдивымъ, и никто другой изъ присутствовавшихъ не знали такого опредѣленнаго факта, чтобы какой-либо агитаторъ намѣренно распространялъ

слухи о передѣлѣ. Очевидно, что въ народѣ существовала почва, на которой эти слухи зарождались безъ посторонняго вліянія. Вадимъ Николаевичъ самъ долженъ былъ сознаться, что тѣсназемелье и бѣдность крестьянскаго населенія служатъ самыми важными и самыми дѣятельными „внушителями“ идеи о передѣлѣ. Дѣствительно, большинство крестьянъ нашего уѣзда, принадлежа къ числу бывшихъ помѣщичьихъ, получили $1^1/_2$—$1^3/_4$ десятины земельнаго надѣла, а нѣкоторые вышли „на даръ“ и пользуются $^3/_4$—1 дес. При такомъ размѣрѣ землевладѣнія, при отсутствіи кустарныхъ промысловъ и сколько-нибудь значительныхъ заработковъ, крестьянское хозяйство шло черезъ пень въ колоду. Къ недостатку земли присоединился цѣлый рядъ экономическихъ невзгодъ: чумная эпизоотія, разыгравшаяся въ серединѣ семидесятыхъ годовъ, значительно уменьшила количество скота; недостатокъ кормовыхъ средствъ довелъ мѣстныхъ лошадей до такой степени истощенія, что онѣ, по сознанію крестьянъ, стали похожи на козъ; мертвый инвентарь, съ вздорожаніемъ лѣса, тоже поднялся въ цѣнѣ, ухудшился качественно и уменьшился количественно, а оттого и земледѣльческая техника почти не прогрессировала. Въ такихъ условіяхъ населенію, что называется, некуда было податься, и оно, волей-неволей. должно было обратиться къ арендѣ частновладѣльческихъ земель, наемныя цѣны на которыя, по мнѣнію самихъ помѣщиковъ, были подняты несообразно съ доходностью ихъ. Такая аренда въ лучшихъ случаяхъ давала крестьянамъ только солому, а нерѣдко служила въ прямой убытокъ имъ. Естественно, что въ подобныхъ экономическихъ тискахъ, когда для всей массы населенія совсѣмъ не предвидится исхода, когда, по выраженію стариковъ, оставалось только „лягты та вмерты, щобъ свита не поганыть“, — нуженъ былъ экономическій идеалъ, который хотя бы

въ будущемъ рисовалъ выходъ изъ тяжелаго настоящаго. Такимъ именно аграрнымъ идеаломъ и явился передѣлъ. Онъ соотвѣтствовалъ также взглядамъ народа на значеніе трудового начала въ экономической жизни, а потому легко поддерживался въ немъ и скоро распространялся вновь.

— Отымите вы этотъ идеалъ у крестьянъ,—говорилъ учитель Семеновъ, самъ вышедшій изъ народной среды,—и вы поймете, что разрушили единственный источникъ свѣта, освѣщавшаго всю его экономическую жизнь. Народу тогда, въ этой области, рѣшительно ничего не остается, кромѣ жалкаго существованія безъ всякой надежды на лучшую матеріальную обезпеченность въ будущемъ. А потому то народъ такъ упорно держится за свой идеалъ, безъ котораго ему, по его понятіямъ, жить нельзя. Я думаю, что въ настоящее время нѣтъ логики, которая заставила бы его отказаться отъ единственнаго, улыбающагося ему, выхода изъ тяжелаго положенія, такъ какъ нѣтъ словъ, которыя доказали бы народу, что ему не слѣдуетъ надѣяться на будущее, не слѣдуетъ жить...

— Словами, разумѣется, трудно доказать,—возразилъ Клеоникъ Петровичъ, — но дѣломъ можно было бы бороться съ идеей о не возможности передѣла земель.

Клеоникъ Петровичъ поспѣшилъ развить передъ нами, созрѣвавшую въ то время среди нѣкоторыхъ земскихъ людей, мысль о необходимости крестьянскаго земельнаго банка. Онъ, разумѣется, не раздѣлялъ того, нынѣ получившаго право гражданства, мнѣнія, по которому помогать въ пріобрѣтеніи земли слѣдуетъ только болѣе зажиточнымъ крестьянамъ. Напротивъ того, онъ находилъ, что крестьянскій банкъ долженъ обезпечить землей прежде всего малоземельныя и обѣднѣвшія общества, такъ какъ иначе останется нетронутой та почва, на которой и созрѣваютъ идеи о земельныхъ передѣлахъ. Къ этому мнѣнію, однако, Семеновъ не примкнулъ, до-

казывая, что вольная покупка земли сильно повысить и безъ того раздутыя цѣны, что на нее не хватить никакихъ средствъ, что пока она совершится — „роса очи выисть“. Споръ начиналъ принимать острый характеръ и его постарались перевести на болѣе общій вопросъ „о броженіи въ народѣ“.

Дѣло въ томъ, что въ нашемъ уѣздѣ обнаружилась чума на рогатомъ скотѣ и губернское земство впервые рѣшило примѣнить обязательное убиваніе зачумленнаго скота. Мѣра эта была встрѣчена населеніемъ не только недружелюбно, но и прямо враждебно. Въ сосѣднемъ селѣ Пройдохи произошли тѣ печальныя недоразумѣнія, которыя уѣздными администраторами называются обыкновенно бунтами. Крестьяне наотрѣзъ отказались подчиниться требованію ветеринарнаго врача, а когда прибылъ исправникъ съ приставомъ, сотскими и десятскими, то мужики поспѣшили стушеваться и на сцену выступили бабы. Вооруженныя палками и дрекольемъ стали онѣ поперекъ улицы и рѣшительно заявили, что не пустятъ даже осматривать скотъ. Размахивая своимъ оружіемъ, крича о причиняемомъ имъ разореніи и отвѣчая энергичной бранью на брань низшихъ властей воинственныя хохлушки представляли настолько внушительную силу, что полиція побоялась трогать ихъ и поспѣшила ретироваться. Сейчасъ же, разумѣется, полетѣли телеграммы „о вооруженномъ сопротивленіи властямъ“, поскакали нарочные, курьеры. Дѣло принимало очень плохой оборотъ.

Въ Княжевѣ все это было доподлинно извѣстно, и крестьяне находились въ какомъ-то особенно нервномъ настроеніи, которое передалось даже въ школу. Дѣти волновались не меньше большихъ, и уроки, несмотря на усиленное усердіе отца Андрея и мое, шли далеко не такъ успѣшно, какъ прежде. Около сельскаго правленія цѣлый день стояла толпа мужиковъ и бабъ, не перестававшая громко и энергично выражать свое

сочувствіе пройдоховцамъ. По обыкновенію, все объяснялось происками „пановъ", ихъ злобой на освобожденное отъ крѣпостной зависимости крестьянство, которое, оставшись безъ скота, снова-де закрѣпостится у нихъ. „Послѣднюю скотину перебьютъ", — твердили мужики на всѣ лады и со всевозможными варіаціями.— „Дитокъ буде ничимъ годувать", причитывали бабы, имѣвшія молочныхъ коровъ. Въ воздухѣ стоялъ гулъ, чувствовалось общее напряженіе. Рѣзкія выраженія, а затѣмъ и угрозы слышались все чаще и чаще. О послѣдствіяхъ никто не думалъ; напротивъ, всѣ были увѣрены, что стоитъ прогнать ветеринаровъ и полицію, чтобы настоять на своемъ и остаться безнаказанными. Продолжать занятія въ школѣ не было возможности и, отпустивъ малышей, я оставилъ учениковъ, посѣщавшихъ училище уже третій и четвертый годъ, рѣшившись побесѣдовать съ ними.

Прежде всего, я далъ имъ возможность высказаться, такъ какъ старшіе изъ нихъ относились къ дѣлу съ полнымъ сознаніемъ и серьезно. Разумѣется, раздались жалобы на то, что во многихъ селеніяхъ ветеринары убивали видимо здоровый скотъ или приговаривали къ убою такой, который вскорѣ выздоравливалъ; что отъ болѣзни „подохнетъ" только часть скота, а перебьютъ весь; что вознагражденія за убитыхъ, повидимому, совсѣмъ не дадутъ, а если и дадутъ, то гораздо меньше, чѣмъ слѣдуетъ. Коровъ должны побить, а молоднякъ самъ собой погибнетъ, потому что молока не будетъ, да и маленькимъ дѣтямъ безъ молока плохо оставаться.

Все это были отголоски мнѣнія старшихъ, но они еще и еще разъ показывали, какъ серьезно и вдумчиво относятся крестьянскія дѣти къ вопросамъ хозяйственной жизни. Я узналъ отъ нихъ, не умѣвшихъ и не хотѣвшихъ что нибудь скрывать отъ своего учителя, что и у насъ въ Княжевѣ уже нѣсколько дней па-

даетъ скотъ, но что „громада" твердо рѣшила, вопреки всѣмъ распоряженіямъ, не извѣщать объ этомъ начальство, а если оно само узнаетъ о падежѣ скота, то никоимъ образомъ не дозволять ветеринарамъ убивать зачумленныхъ животныхъ. Дѣло, такимъ образомъ, зашло уже далеко и нужно было спѣшить наладить его. Я разсказалъ ученикамъ исторію борьбы съ чумой, успѣхъ убиванія скота въ московской губерніи, мѣры, принятыя въ европейскихъ государствахъ, и очевидную нелѣпость мнѣнія, по которому за убитый скотъ не выдаютъ отъ земства вознагражденія. Не отрицая возможности ошибокъ въ діагнозѣ болѣзни со стороны ветеринарныхъ врачей, я упомянулъ, что само населеніе смѣшиваетъ иногда чуму съ другими эпизоотическими заболѣваніями, а затѣмъ цифрами, взятыми изъ отчетовъ московскаго земства, и примѣрами изъ мѣстной жизни доказалъ, что, въ общемъ, убиваніе значительно выгоднѣе другихъ способовъ борьбы съ бѣдствіемъ. Отдѣльные хозяева и даже селенія, разумѣется, могутъ остаться въ убыткѣ, но населеніе уѣзда и губерніи несомнѣнно выиграетъ. Въ такихъ случаяхъ необходимо примириться съ жертвами отдѣльныхъ лицъ ради общей пользы. Въ заключеніе я просилъ учениковъ разсказать все это дома родителямъ, а если они не будутъ слушать ихъ, то старшимъ братьямъ и сестрамъ.

Вечеромъ того же дня, у меня уже было пять крестьянъ, пришедшихъ, послѣ разговора съ ихъ сыновьями, поговорить о чумѣ. Я повторилъ имъ все то же, что говорилъ ученикамъ, и они ушли отъ меня если не убѣжденные, то во всякомъ случаѣ поколебленные. Шумъ и крикливые споры у сельскаго правленія раздавались въ эту ночь почти до утренней зари.

Чуть свѣтъ ко мнѣ явился староста и просилъ поговорить „съ обчествомъ". Я немедленно пошелъ и

*

опять повторилъ то же, что говорилъ вчера. Меня пытались прервать, но большинство сдержало крикуновъ. На возраженія, состоящія изъ ссылокъ на отдѣльные случаи неправильностей, нетрудно было отвѣчать разъясненіемъ общаго значенія мѣры и невозможностью измѣнить положительный результатъ ея даже при явныхъ отдѣльныхъ злоупотребленіяхъ. Когда вопросъ въ значительной мѣрѣ былъ исчерпанъ, поднялся обычный на сельскихъ сходкахъ говоръ и шумъ, въ которыхъ, однако, нетрудно было уловить болѣе спокойныя и сдержанныя нотки. Я ушелъ въ школу и не безъ волненія ожидалъ окончанія всей этой исторіи. Къ полудню я получилъ извѣстіе, что староста уже послалъ съ нарочнымъ извѣстіе о появленіи въ селѣ чумы на рогатомъ скотѣ, а къ вечеру уже само общество рѣшило принять мѣры къ огражденію сосѣднихъ хуторовъ отъ заноса къ нимъ эпизоотіи изъ Княжева. Дѣло, такимъ образомъ, было улажено; и я рѣдко когда переживалъ такія минуты полнаго нравственнаго удовлетворенія, какъ въ тотъ день. Моя школа, къ которой, какъ и ко всякой школѣ, привыкли относиться свысока, мои маленькіе школяры,—всѣ мы вмѣстѣ побѣдили въ данномъ случаѣ огромнѣйшій запасъ невѣжества и косности, и спасли отъ разоренія, а, быть можетъ, еще и отъ большихъ золъ, цѣлые десятки семействъ.

Это, разумѣется, не единственный случай, когда школа сыграла столь завидную роль. Такихъ случаевъ можно насчитать нѣсколько и въ общественныхъ, и въ „казенныхъ“ дѣлахъ. Но останавливаться на нихъ въ бѣглыхъ замѣткахъ нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что мнѣ предстоитъ еще отмѣтить самое крупное внѣшкольное занятіе учителя — леченіе больныхъ. Дѣло это, разумѣется, очень щекотливое, особенно при полномъ отсутствіи спеціально - медицинскихъ познаній. Тѣмъ не менѣе я не считалъ для себя возможнымъ

уклониться отъ врачебной практики. Главнымъ основаніемъ къ тому было сознаніе, что въ области ухода за больными и примѣненія преимущественно гигіеническихъ мѣръ мои познанія, при всей незначительности ихъ, все таки были неизмѣримо выше крестьянскихъ и, разумѣется, я былъ совершенно чуждъ предразсудковъ и суевѣрій.

Большинство крестьянскихъ избъ с. Княжева строилось по одному типу и заключало въ себѣ, при 8½ арш. длины, 6⅛ ширины и 3½ высоты, — около 6 куб. саженъ вмѣстимости. Въ такой избѣ обыкновенно помѣщалось 5—6 человѣкъ, а нерѣдко нѣсколько штукъ птицы, теленокъ и т. п. живность. Между тѣмъ больные большею частью ютились въ общей хатѣ, даже въ томъ случаѣ, если имѣлась отдѣльная чистая „комна̀та“. Моей первой заботой было перевести больного въ такую комна̀ту, а если ея не было, то—въ теплое время года—въ амбаръ, на сѣновалъ, въ клуню и даже просто подъ навѣсъ. Затѣмъ, я энергично настаивалъ на соблюденіи чистоты вокругъ больного и на улучшеніи его пищи. Бѣдняки довольно рѣдко ѣдятъ горячую пищу, питаясь по преимуществу хлѣбомъ, картофелемъ, капустой и лукомъ. Я требовалъ, чтобы больнымъ ежедневно давали что-нибудь горячее, напримѣръ, жиденькую пшенную похлебку, называемую у насъ кандеромъ. Если достатки семьи позволяли пользоваться мясной и молочной пищей, то я настаивалъ на ней. Въ мясоѣдъ мнѣ почти всегда удавалось улучшить пищу больныхъ, но въ постъ это дѣло было гораздо труднѣе. Впрочемъ, для большинства взрослыхъ постъ мало чѣмъ отличался отъ мясоѣда. Хлѣбъ, картофель, капуста и лукъ преобладаютъ всегда. Только свиное сало да „оселедецъ“, употребляемые иногда въ мясоѣдъ, совершенно изгонялись во время поста, когда крестьяне не ѣдятъ даже рыбнаго. Дѣйствительными же страдальцами на время

поста являются дѣти-подростки, такъ какъ они лишаются молока, остающагося на ихъ долю отъ грудныхъ ребятъ. Каждую филипповку и каждый великій постъ число учениковъ, страдающихъ разстройствомъ пищеваренія и глазными болѣзнями, значительно увеличивалось. Болѣзни глазъ, быть можетъ, вызывались и еще какими нибудь причинами, мной не подмѣченными, но ухудшеніе пищи едва ли оставалось тутъ безъ вліянія. По особымъ условіямъ, въ которыя поставленъ у насъ сельскій учитель, я не пытался настаивать на томъ, чтобы здоровымъ дѣтямъ давали въ постъ молочную пищу, но относительно тяжело больныхъ этого необходимо было требовать. Сначала моимъ совѣтамъ слѣдовали далеко не всѣ и не очень, но когда, въ одинъ изъ великихъ постовъ, въ селеніи распространился дифтеритъ, отношеніе къ моему леченію измѣнилось. Дифтеритъ, въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, былъ истиннымъ дѣтскимъ бичемъ въ с—комъ уѣздѣ. Я зналъ селенія, гдѣ, не преувеличивая, можно было сказать, что всѣ или почти всѣ дѣти, кромѣ грудныхъ, вымерли. Современный ангелъ смерти былъ безпощаднѣе библейскаго, потому что онъ поражалъ не только первенцевъ, но и вторыхъ и третьихъ по рожденію, не разбирая при этомъ ни пола, ни возраста дѣтей. Въ деревняхъ стоялъ стонъ отчаянія. Къ умершему ребенку шли родственники и знакомые; вся деревня собиралась отдать „послѣднее цѣлованіе“ и, возвращаясь, приносила заразу къ себѣ въ домъ. Не вразумленная опытомъ, она шла къ слѣдующему покойнику, затѣмъ еще къ слѣдующему и т. д., повсюду разнося болѣзнь и смерть. Нѣсколько мѣсяцевъ весь интересъ жизни уѣзда сосредоточивался на дифтеритѣ, о которомъ только и говорили, только и думали. На семейныхъ людей просто смотрѣть было жалко и больно. Земство дѣлало все, что могло: были приглашены врачи спеціально для борьбы съ дифтеритомъ;

въ каждомъ поселкѣ, гдѣ появлялась болѣзнь, немедленно водворяли фельдшера и санитаровъ; старались изолировать больныхъ, уничтожить или дезинфецировать вещи и т. п. Клеоникъ Петровичъ, работая въ этомъ дѣлѣ, буквально, не покладая рукъ, успѣлъ привлечь помощь и отъ губернскаго земства, и отъ правительства. Священникамъ было „внушено“ вразумлять народъ въ правилахъ предосторожности, пріобщать больныхъ св. таинъ отдѣльно отъ здоровыхъ, воспрещать поминки и т. п. Темный народъ, объяснявшій всякую бѣду, превосходившую его пониманіе, божьей карой, роптали. „Противъ бога--говорили старики—ничего не подѣлаешь“.—„Богъ дастъ—помремъ,—разсуждали они;—не дастъ—живы будемъ“. Смотря съ такой точки зрѣнія, они неохотно подчинялись санитарнымъ мѣрамъ, протестовали противъ сжиганія вещей и каждый разъ выражали неудовольствіе, когда санитары собирались „завонять хату и худобу“, т. е. произвести дезинфекцію. Впрочемъ, благодаря неусыпной дѣятельности Клеоника Петровича, постоянно ѣздившаго изъ села въ село, изъ двора во дворъ, и вездѣ толково и терпѣливо разъяснявшаго мѣры борьбы съ эпидеміей, дѣло нигдѣ не доходило до упрямаго неисполненія врачебныхъ требованій.

Княжево долго стояло въ сторонѣ отъ очага заразы. Но, наконецъ, дифтеритъ забрался и къ намъ. Какъ на зло, случилось это въ великій постъ, уже въ то время, когда экстренныя мѣры стали ослабляться: фельдшера уже не было, врачъ могъ наѣзжать только одинъ-два раза въ недѣлю, а санитаръ былъ одинъ на все селеніе. Первыя заболѣванія случились въ средѣ школьниковъ и я волей-неволей былъ втянутъ въ борьбу съ дифтеритомъ. Въ это время медицина считала лучшими средствами противъ него: во-первыхъ, сниманіе налетовъ и прижиганіе полуторахлористымъ желѣзомъ, а, во-вторыхъ, употребленіе бензойно-кислаго натра.

Какой-то кіевскій врачъ рекомендовалъ давать послѣднее средство во внутрь вмѣстѣ съ молокомъ (если не ошибаюсь, по 1/2—1 чайн. ложкѣ на стаканъ молока). Я ухватился за это средство главнымъ образомъ въ виду возможности, при посредствѣ его, поднять питаніе дѣтей и поддержать ихъ силы. Но народъ упорствовалъ въ примѣненіи этого средства. Тогда я убѣдилъ отца Андрея объяснить въ церкви, что употребленіе молока въ постъ, какъ лекарственнаго средства, не можетъ считаться грѣхомъ. Послѣ этого молоко пошло въ ходъ и борьба съ дифтеритомъ, неожиданно для меня самого, дала прекрасные результаты: смертельные исходы болѣзни бывали только въ видѣ исключенія.

Дифтеритъ былъ тяжкимъ испытаніемъ для народа. Но борьба съ нимъ,—въ той формѣ, какъ вылилась она здѣсь,—оказала нѣкоторое воспитательное вліяніе: населеніе привыкло къ врачебной помощи, узнало необходимыя мѣры предосторожности, научилось примѣнять ихъ и съ большей внимательностью присматриваться къ самому ходу болѣзни. Мои школяры и въ этомъ случаѣ шли впереди другихъ: они твердо знали, что нужно оберегать себя отъ заразы, нужно наблюдать чистоту, умѣренность; нужно прополаскивать горло солью и при первомъ заболѣваніи спѣшить не къ знахарю, а за врачебной помощью. Если отцы и матери ихъ время отъ времени сомнѣвались въ практической пользѣ медицины, а иногда даже думали, что заразу принесла „хмара“, что доктора только „замучать дытыну“, то самой этой „дытыни“ и въ голову не приходили подобныя нелѣпости, съ такой ужасной силой проявившіяся позже—въ 1892 г., во время холерныхъ безпорядковъ. Ученики народныхъ школъ,—если они успѣли вынести изъ нихъ не одно только умѣнье пѣть тропари и кондаки, а и привычку сознательно относиться къ жизни,—навѣрное не принимали

участія въ холерныхъ безпорядкахъ, а, напротивъ, должны были всячески способствовать цѣлесообразной борьбѣ съ общей бѣдой. Огромное значеніе школы въ такихъ дѣлахъ внѣ всякаго сомнѣнія. Нужно быть умышленно слѣпымъ или совершенно злобнымъ и дикимъ человѣкомъ, чтобы не понять и не знать, что только хорошо и разумно поставленная школа можетъ спасти насъ въ будущемъ отъ такихъ ужасныхъ проявленій народнаго невѣжества, какія наблюдались мѣстами въ послѣднюю холерную эпидемію. Нужно быть врагомъ всякой культуры, недругомъ своего народа, истиннымъ воплощеніемъ темной силы, чтобы развязно говорить о вредѣ образованія и о пользѣ воздѣйствія на сѣдалище, а не на душу народа.

Изъ другихъ заразныхъ заболѣваній дѣтскаго возраста въ деревняхъ почти никогда не прекращаются корь и скарлатина. Послѣдняя, въ общемъ, уноситъ еще больше жертвъ, чѣмъ дифтеритъ, а между тѣмъ на борьбу съ нею обращаютъ очень мало вниманія. Затѣмъ, наибольшее по числу распространеніе имѣютъ лихорадки и желудочно-кишечныя страданія. При такихъ заболѣваніяхъ, всякій культурный человѣкъ, несмотря на отсутствіе спеціальныхъ медицинскихъ знаній, можетъ принести немалую пользу населенію. Два-три порошка хины спасаютъ иногда цѣлый урожай, такъ какъ даютъ возможность во-время, пока не осыпалось зерно, убрать его. Своевременно принятая ложка касторки неоднократно предупреждала очень серьезныя заболѣванія. Въ болѣе сложныхъ и невполнѣ понятныхъ для меня случаяхъ, я не такъ надѣялся на лѣкарства, какъ на способы примѣненія ихъ и обстановку, необходимую для этого. Отъ глазныхъ болѣзней, напримѣръ, я съ успѣхомъ употреблялъ холодные компрессы изъ розовой воды и промываніе ею. Дѣйствовала въ такихъ случаяхъ не розовая вода, а холодъ и чистота, въ которой содержался глазъ, спокой-

ное положеніе больнаго на спинѣ, улучшенное питаніе. Такимъ образомъ, лѣченіе было несложное, но—смѣю думать—во многихъ случаяхъ небезполезное. Нерѣдко, дѣйствительно облегчая страждущихъ, оно несомнѣнно составляло значительный противовѣсъ взбрызгиваніямъ больнаго „съ уголька", продѣванію на порогѣ сквозь „бубликъ" или опаиванью сабуромъ и острой водкой.

Отсюда очевидно, что даже такая элементарная врачебная помощь могла имѣть и имѣла нѣкоторое значеніе. Я зналъ, что мои ученики на всю жизнь усвоятъ привычку полоскать заболѣвшее горло растворомъ соли, а не станутъ натирать его грязной онучей; что согрѣютъ больной желудокъ, очистятъ его, а не полѣзутъ на порогѣ въ испеченный съ причитываніями бубликъ; что больнаго они поставятъ въ лучшія гигіеническія условія; что врачебную помощь примутъ съ благодарностью, а не бросятъ камнемъ въ доктора и санитара. Что бы тамъ ни говорили о ничтожности вліянія народной школы, но въ этомъ случаѣ она несомнѣнно воспитывала извѣстныя культурныя привычки, пріучала со смысломъ и вниманіемъ относиться къ здоровью и тѣмъ поддержала, быть можетъ, не одну угасающую жизнь.

Вообще внѣшкольныя занятія учителя, сколько нибудь толковаго и свѣдущаго, очень разнообразны и захватываютъ почти весь широкій кругъ крестьянской жизни. Я зналъ народныхъ учителей, вліявшихъ на улучшеніе сельскаго хозяйства, управлявшихъ дѣлами ссудо-сберегательныхъ товариществъ, помогавшихъ разумнымъ совѣтомъ при наймѣ земель и рабочихъ, при различныхъ постройкахъ, покупкахъ и т. п. Почти во всѣхъ этихъ случаяхъ, учитель являлся въ цѣлой деревнѣ единственнымъ человѣкомъ сколько нибудь способнымъ оріентироваться въ чрезвычайно осложнившихся, въ послѣднее время, условіяхъ жизни. Среди непроницаемой темноты сельской жизни, онъ

одинъ могъ зажечь хоть крошечный огонекъ, разсѣивающій понемногу вѣковой мракъ невѣжества. И неужели даже для такого миніатюрнаго свѣточа еще не настало время, неужели милліоны людей еще долго будутъ ждать просвѣщенія, какъ какой-то милости или излишней роскоши!? Неужели населеніе должно только изрѣдка довольствоваться скудными подачками, въ видѣ простой грамотности, приподносимой ему съ приправой средневѣковой схоластики и ограниченной человѣконенавистническимъ скудоуміемъ? Неужели XIX вѣкъ покончитъ у насъ свои дни, не сдѣлавъ начальнаго обученія всеобщимъ и *обязательнымъ*, какъ это было бы достойно великаго государства и великой націи?!..

XII. Итоги.

Княжевскую школу я велъ четыре года, а затѣмъ перекочевалъ въ другую, съ другой организаціей и иной постановкой. Прощаясь съ Княжевымъ, я очень желалъ подвести итоги своей работѣ здѣсь. Но къ сожалѣнію, дѣло это было не легкое и простому математическому учету не поддавалось.

Что касается роли школы и ея учителя въ жизни деревни, то въ этомъ отношеніи я уже сказалъ главное изъ того, что можно было сказать. Постановка обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ оставляетъ желать еще очень многаго. Современная школа несомнѣнно имѣетъ общеобразовательный характеръ, но въ ней слишкомъ оттѣнена грамматическая и даже схоластическая сторона. Мертвое и далекое отъ жизни преобладаетъ въ ней надъ реальнымъ. Между тѣмъ въ общеобразовательномъ элементарномъ курсѣ все реальное должно имѣть предпочтеніе, ибо оно не только доступнѣе вообще, но и способно въ большей мѣрѣ вырабатывать навыки и методы для дальнѣйшаго самообразованія учениковъ. Въ виду краткости учебнаго курса, цѣли самообразованія и самообученія должны играть въ преподаваніи огромную роль, а самыя школы необходимо должны дополняться хорошими библіотеками. Несмотря на крупные недостатки учебнаго курса, хорошій преподаватель можетъ сдѣлать съ нимъ многое и въ значительной мѣрѣ ослабить вредное вліяніе школьной

схоластики. При всей видимой недостаточности времени, онъ всегда успѣетъ заложить фундаментъ реальныхъ знаній въ учащихся и подготовить ихъ къ чтенію и пониманію популярныхъ книгъ по сельскому хозяйству, исторіи и обществовѣдѣнію. Живя съ учениками одною жизнью въ теченіе долгихъ учебныхъ часовъ, учитель постепенно, и почти незамѣтно для себя и для дѣтей, вноситъ въ ихъ среду болѣе культурныя привычки: соблюденіе элементарнѣйшихъ требованій гигіены, опрятности, нѣкоторую дисциплину, наблюдательность, послѣдовательность въ мышленіи, внимательность и серьезность. Школьная работа даетъ толчокъ десяткамъ и сотнямъ дѣтскихъ умовъ, направляетъ ихъ мысль, выводитъ изъ того состоянія умственной неподвижности и безразличія, благодаря которымъ крестьянская жизнь заключена въ тѣсныя и душныя рамки традиціи и привычки. Она должна познакомить дѣтей съ государственнымъ и общественнымъ устройствомъ страны, съ налагаемыми человѣческимъ общежитіемъ нравственными обязанностями , а также—осмыслить и объяснить тѣ явленія гражданской жизни, которыя кажутся теперь темному и подавленному уму непонятными. Школа должна указать путь къ сознательному пользованію мірскимъ и земскимъ самоуправленіемъ и къ пониманію общегосударственной жизни; къ разумной эксплоатаціи земли и природы, къ познанію всего окружающаго при помощи книги, опыта, наблюденія и т. п. Для этого не нужно спеціализировать школу; нужно только любить дѣло, знать его, нужно идти вслѣдъ за жизнью, а не наперекоръ ей и здравому смыслу.

Порядочный сельскій учитель, если онъ не будетъ задавленъ нуждой и общественной отчужденностью, всегда можетъ положить хотя бы и маленькіе зачатки всего этого. Нѣтъ сомнѣнія, что такіе зачатки, подобно зерну горчичному, выростутъ въ огромное дерево и принесутъ плоды. Чтобы судить о томъ, каково вліяніе одного

изъ самыхъ неуловимыхъ свойствъ прививаемой школой большей подвижности мысли и большей воспріимчивости ея къ различнымъ воздѣйствіямъ, укажу на слѣдующій фактъ. Въ с. Княжевѣ, изъ старшаго поколѣнія почти нѣтъ и не было ремесленниковъ. Крестьянство знало только землю и черную работу. Съ появленіемъ же школы, стали развиваться и ремесла, хотя въ школѣ имъ не обучали. Изъ 35-ти учениковъ, окончившихъ курсъ при мнѣ, 19 сумѣло пристроиться къ какимъ нибудь занятіямъ, дающимъ имъ лишній заработокъ. Одни выучились столярничать или плотничать, другіе завели пасѣки, садики и т. п. Совершилось это только потому, что школа дала толчокъ ихъ уму, вывела его изъ состоянія неподвижности и апатіи. Факты вліянія школы и ея учителя на общественную жизнь, на отношеніе населенія къ мѣропріятіямъ по санитарной части, по части борьбы съ эпизотіями и многіе другіе—приведены выше. Можно было бы отмѣтить и еще нѣсколько подобныхъ, но и этихъ достаточно, чтобы судить о значеніи начальнаго образованія и его роли въ жизни народа и государства.

Какое ужасное преступленіе должно тяготѣть на совѣсти тѣхъ, кто умышленно закрываетъ глаза на будущность народа, пребывающаго въ невѣжествѣ; кто прямо или косвенно поддерживаетъ это невѣжество; кто, имѣя возможность вліять на уменьшеніе его, не дѣлаетъ этого, находя какія-то препятствія для просвѣщенія народа. Современные поклонники невѣжества не понимаютъ даже, что ихъ дикая проповѣдь противъ народнаго образованія противообщественна и безнравственна, что они губятъ все лучшее и святое: нравственность, государственную силу, всю культуру, а вмѣстѣ съ ними и нашъ многомилліонный даровитый народъ.

Всякій, кто имѣлъ возможность наблюдать хоть нѣкоторыя вопіющія явленія народнаго невѣжества и за-

думывался при этомъ надъ существующими теперь и еще возможными въ будущемъ послѣдствіями его,— надѣюсь, понимаетъ, что въ настоящее время забота о народномъ образованіи должна стоять въ ряду самыхъ первостепенныхъ нуждъ государства. Въ началѣ своей дѣятельности я нѣсколько теоретизировалъ на тему: „ученье-свѣтъ, а неученье тьма“, но черезъ два-три года пребыванія въ школѣ я уже видѣлъ, что ни одно изъ средствъ, предлагаемыхъ къ уврачеванію язвъ нашей деревенской жизни, не можетъ принести надлежащей пользы, если не будетъ идти рука объ руку съ развитіемъ народнаго просвѣщенія. Несмотря на вопіющее во многихъ мѣстахъ малоземелье, расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія улучшитъ положеніе народа только на короткое время, *если не будетъ сопровождаться распространеніемъ общихъ и сельско-хозяйственныхъ знаній въ его средѣ.* Лѣса скоро окажутся истребленными, луга распаханными, поля истощенными; сѣраго мужика опять будетъ обсчитывать всякій проходимецъ, забравшій его въ свою кабалу. Развитіе кредита, разумѣется, поможетъ очень многимъ но вмѣстѣ съ тѣмъ оно дастъ силу и дурнымъ наклонностямъ, вызоветъ массу злоупотребленій, поможетъ болѣе зажиточнымъ и богатымъ. Пока крестьянинъ настолько несвѣдущъ, что его легко обсчитываютъ и свой братъ „богатѣй“, и урядникъ, и кулакъ; пока онъ не знаетъ, куда и какъ обратиться съ своими нуждами; пока неподвижность его мысли настолько велика, что онъ никакъ не можетъ собраться на введеніе видимыхъ и возможныхъ для него улучшеній; пока мозгъ его не затронутъ культурой и образованіемъ, до тѣхъ поръ добрая половина ожидаемой отъ экономическихъ реформъ пользы останется для него недоступной. Съ другой стороны, и образованіе не дастъ всего того, что можно было бы ожидать отъ него, если оно будетъ заглушено и подавлено безысходной бѣдностью. Поэтому

всѣ мѣропріятія, направленныя къ улучшенію экономическаго положенія населенія, должны быть тѣсно связаны съ развитіемъ школьнаго дѣла, съ увеличеніемъ въ народной средѣ культурности и знанія. Этотъ путь наиболѣе практиченъ и проченъ, тѣмъ болѣе, что русскій народъ несомнѣнно даровитъ и легко подчиняется вліянію культурныхъ воздѣйствій. Нельзя отрицать, разумѣется, что умственная косность и бездѣятельность населенія способны поддерживать въ немъ и чисто физическую лѣнь, и склонность къ пьянству и др. пороки; но вмѣстѣ съ тѣмъ, присматриваясь къ жизни, нельзя не видѣть, что, въ массѣ, крестьянство наше и трудолюбивѣе, и трезвѣе привилегированныхъ классовъ общества. Въ своихъ помыслахъ народъ чище, проще и патріархальнѣе культурныхъ слоевъ, а потому онъ смотритъ на жизнь строже, серьезнѣе и скромнѣе; обладаетъ большей выдержкой, большимъ терпѣніемъ; почти всегда „малымъ доволенъ" и свободенъ отъ „суетныхъ желаній". Поэтому и сознаніе долга въ немъ довольно сильно и велеко. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянская среда, за рѣдкими исключеніями, не знаетъ и не подозрѣваетъ той утонченности разврата, той извращенности естественныхъ чувствъ, которыми богато городское населеніе. Крестьянинъ грубъ, но онъ цѣломудренъ и ближе къ природѣ. Его выносливость—феноменальная; а правдивость натуры, общее добродушіе и доброжелательство сохранились, несмотря на подавленность и забитость, настолько, что вызываютъ невольное удивленіе.

Нетрудно представить себѣ, что сдѣлалось бы съ нашимъ зауряднымъ интеллигентомъ, если бы его поставить въ положеніе крестьянина. Очень частое недоѣданіе, отсутствіе необходимѣйшей одежды и элементарнѣйшихъ удобствъ, рядъ глумленій и побоевъ отъ мелкаго начальства, начиная съ урядника, тяжелый трудъ, постоянная нужда, отсутствіе умственныхъ ин-

тересовъ,—все это способно хоть кого обратить въ звѣря, въ дикаря. Но русскій народъ цѣлыя столѣтія несетъ все это на своихъ плечахъ и при всемъ томъ не потерялъ образа человѣческаго.

Ясно и опредѣленно подчеркивая добрыя особенности народа, дѣйствительная жизнь освобождаетъ мыслящаго человѣка и отъ того приторнаго сентиментализма, съ которымъ относится къ народной жизни нѣкоторая часть нашей городской интеллигенціи. Столь же ясно жизнь устанавливаетъ несомнѣнный фактъ придавленности народа и пассивности добрыхъ чувствъ и стремленій въ немъ. Вѣковое рабство не остается безслѣднымъ. Поэтому ожидать быстраго прогресса въ народной жизни безъ просвѣтительнаго вліянія знаній, значитъ оставить все дѣло на произволъ слѣпого случая, или отказаться отъ него на долгіе годы. Нуженъ источникъ такого вліянія и имъ, разумѣется, должна быть прежде всего свободная народная школа. Въ ея развитіи наша интеллигенція должна сыграть не послѣднюю роль. Безъ школы народъ будетъ предоставленъ не только волѣ судебъ, но и случайностей. Поэтому, нужно спѣшить и спѣшить, нужно повторять старый и избитый, но неизмѣнно вѣрный призывъ: „въ деревню“, „въ народъ“. Необходимо идти къ народу, сближаться съ нимъ и входить въ интересы его жизни, но не затѣмъ, чтобы отдохнуть отъ суеты городской жизни, не для успокоенія, не затѣмъ, чтобы погрузиться въ спячку, апатію и бездѣятельность мысли; нѣтъ, не для этого зоветъ къ себѣ деревня! Ей нужны люди, которые пробудили бы ея дремлющія умственныя и нравственныя силы, дали бы толчокъ самодѣятельности и творчеству народа. Такая работа въ деревнѣ не только чрезвычайно нужна ей, но и безконечно полезна самимъ работникамъ-просвѣтителямъ. Для нихъ она была бы лучшей *школой жизни*,—той школой, которая только одна можетъ освѣтить истинное значеніе книжной

науки, придать ей преимущественно гуманный смыслъ, объ отсутствіи котораго въ научныхъ работахъ послѣдняго времени справедливо скорбятъ лучшіе умы. Эта школа жизни освѣтитъ и дальнѣйшую дѣятельность человѣка, укажетъ ему путь, ознакомитъ съ условіями общественной работы, съ народными силами, и пріучитъ искать опоры и поддержки, при исполненіи своего долга въ сознаніи его святости, въ той стойкости, которой такъ богата народная жизнь. Просвѣтительная дѣятельность въ средѣ народа спасетъ не одного интеллигентнаго труженика и отъ нервной разслабленности, и отъ рѣзкихъ, хотя и благородныхъ, но изступленныхъ вспышекъ чувства, и отъ умственнаго отупѣнія и постепеннаго нравственнаго упадка. Это подтверждаетъ намъ, съ неотразимой послѣдовательностью и непреложной логичностью фактовъ, лучшая школа—школа жизни.

КАКЪ МЫ УСТРОИЛИ МУЖИЦКУЮ АКАДЕМІЮ.

(Отрывки изъ воспоминаній).

I.

Дѣло было въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Стояла сухая прохладная осень и молотьба хлѣбовъ быстро и безпрепятственно подвигалась впередъ. Зеленя успѣли окрѣпнуть отъ августовскихъ дождей и могли считаться вполнѣ благонадежными. Тѣмъ не менѣе большинство хозяевъ чувствовало себя плохо. Въ уѣздѣ свирѣпствовала чумная эпизоотія; скотъ падалъ сотнями, дѣти оставались безъ молока; хозяйства безъ рабочихъ воловъ и безъ молодняка. Въ довершеніе бѣды, урожай оказался „соломенный"; корму было много, но онъ обезцѣнивался убылью скота, а зерно вышло и щуплое, и мелкое, и легковѣсное. Для большинства помѣщиковъ и для всѣхъ поголовно крестьянъ нашей хлѣбородной губерніи предстояли серьезныя „экономическія затрудненія". Клеоникъ Петровичъ Аршфельдъ, въ качествѣ предсѣдателя С—кой уѣздной земской управы, болѣющаго нуждами своего уѣзда, былъ совсѣмъ удрученъ и подавленъ. Черезъ мѣсяцъ предстоитъ земское собраніе, въ которомъ онъ разсчитывалъ докончить организацію школьнаго дѣла и народной медицины. Но для этого нужны были средства и средства, а земское собраніе въ такой годъ сдѣлается, разумѣется, еще скупѣе обыкновеннаго. Обложеніе однимъ уѣзднымъ земскимъ сборомъ дошло уже до 47 коп. съ десятины. Поднимать его выше, при неурожаѣ и чумной эпизоотіи, нѣтъ возмож-

ности; другихъ источниковъ земскихъ доходовъ нѣтъ и не предвидится. А между тѣмъ докончить дѣло народной медицины и образованія, на которыя затрачено уже столько средствъ, положено такъ много энергіи и силъ, тоже крайне необходимо. Выхода изъ такого положенія дѣлъ не предвидѣлось, и я, въ свою очередь, заражался мрачнымъ настроеніемъ Клеоника Петровича,

— Нельзя не сознаться,—замѣтилъ я какъ-то ему,— что чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и больше земство будетъ встрѣчаться съ такимъ непреодолимымъ препятствіемъ, какъ недостатокъ средствъ.

Но онъ не согласился со мной. Разумѣется, если земство и правительство будутъ заботиться только о томъ, чтобы побольше получать отъ населенія и взамѣнъ ничего не давать ему, или бросать только необходимѣйшія крохи на текущія надобности, тогда несомнѣнно должно наступить всеобщее обѣдненіе, вслѣдствіе котораго изсякнутъ и земскіе рессурсы. Но этого, по мнѣнію Клеоника Петровича, не можетъ быть потому, что идея необходимости коренныхъ улучшеній въ народной жизни растетъ и крѣпнетъ. Какъ ни близоруки мы, но въ концѣ концовъ должны-же сознать, что держать народъ въ экономическомъ рабствѣ и въ непроглядномъ невѣжествѣ безконечный періодъ времени невозможно, что нужно-же взяться за умъ и указать населенію пути къ лучшей жизни. Сознаніе это еще не получило преобладанія, но оно уже есть и выражается въ замѣтной, для безпристрастныхъ людей, склонности нашихъ земствъ расширять дѣло народнаго образованія.

— Но этого еще очень мало,—возражалъ я.—Что вы подѣлаете съ образованіемъ, въ особенности начальнымъ, при нашихъ нищенскихъ надѣлахъ, при малоземельѣ, отсутствіи кредита и вообще тѣхъ условій, безъ которыхъ заурядному человѣку нѣтъ возможности выбиться изъ экономическихъ тисковъ!?

— Я вамъ давно говорилъ на это,—горячо отвѣчалъ Клеоникъ Петровичъ,—что ни увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія, ни организація кредита, артельнаго труда, сбыта и т. п. не помогутъ вполнѣ дѣлу, если народъ будетъ невѣжественъ, если мысль его не будетъ тронута, если мозги останутся въ теперешнемъ полусонномъ состояніи, если всякій кулакъ будетъ водить его за носъ, словомъ, если не будетъ вестись ожесточенная война съ поголовнымъ невѣжествомъ.

Между нами, по крайней мѣрѣ, въ сотый разъ завязался обыкновенно нескончаемый оживленный споръ по избитому, но постоянно возобновляющемуся вопросу о томъ, что важнѣе и нужнѣе въ данный моментъ—экономическія-ли мѣропріятія, въ строгомъ смыслѣ этого слова, или усиленныя заботы о народномъ образованіи. Споръ этотъ возможенъ только у насъ на Руси, гдѣ еще ничего не сдѣлано, гдѣ все нужно начинать, а не заканчивать и не продолжать. Въ любомъ культурномъ государствѣ на вопросъ—что нужнѣе, экономическая-ли обезпечность народа или образованіе его—всякій благоразумный человѣкъ отвѣтитъ, что то и другое дѣло „нужнѣе“ или что оба они „лучше“. Но у насъ вопросъ этотъ наразрывно связанъ съ другимъ: куда дѣвать тѣ немногіе гроши, которыми нужно и голоднаго накормить, и земли ему дать, и отъ лихорадки его избавить, и грамотѣ выучить. Сочетаніе этихъ вопросовъ производитъ невообразимый хаосъ въ ихъ рѣшеніи.

— Голодному грамота на умъ не пойдетъ, - говоритъ одинъ.

— Какой толкъ въ томъ, что вы накормите его,—возражаетъ другой.—Все равно, черезъ годъ-два онъ опять будетъ голоденъ, потому что онъ невѣжественъ и не знаетъ, какъ воспользоваться богатствами, которыя дадутъ ему. Любой проходимецъ оберетъ его и

онъ опять останется и голоднымъ, и холоднымъ...

— Чего можно ждать отъ земли и школы, —перебиваетъ третій,—когда передъ вами изнуренный долгой болѣзнью человѣкъ, неспособный ни для физической работы, ни для обученія. Его нужно лечить и лечить. Давайте народу больницы, врачей, создавайте для него лучшія санитарныя условія и т. д. и т. п.

Поднимаются нескончаемые споры и каждый, сообразно со склонностями своими, остается при своемъ мнѣніи, совершенно забывая, что все „нужнѣе“, все „лучше“, но что на три копѣйки, въ сущности, ничего не сдѣлаешь. Какъ ни страннымъ кажется теперь этотъ споръ, но мы, люди семидесятыхъ годовъ, удѣляли ему не мало времени и портили себѣ не мало молодой крови.

Однако, на этотъ разъ нашъ споръ съ Клеоникомъ Петровичемъ не затянулся надолго, благодаря совершенно неожиданному для меня предложенію почтеннаго земца.

Мы уютно сидѣли вокругъ кипящаго самовара въ стареньикомъ помѣщичьемъ домикѣ Клеоника Петровича и изощрялись въ доводахъ. У меня на колѣняхъ примостилась пятилѣтняя дочурка его—Аничка и умными выразительными глазками слѣдила то за отцомъ, то за мной. Я безсознательно перебиралъ ея бѣлокурые волосы и оживленно доказывалъ, что какъ ни полезна и ни важна народная школа, а даетъ она для народа очень мало, что возлагать поэтому надежды на нее, по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно.

Клеоникъ Петровичъ, къ удивленію моему, какъ-то стихъ и задумчиво смотрѣлъ на ребенка, повидимому, слушая меня, что называется, однимъ ухомъ.

— Вы вотъ говорите, что одноклассной школы недостаточно,—вдругъ перебилъ онъ меня.—Я съ вами согласенъ. Поэтому, знаете что, Максимъ Дмитріевичъ, давайте, откроемъ съ вами мужицкую академію...

Такого оборота спора я никакъ не ожидалъ и, растерявшись отъ неожиданности, промолчалъ. Между тѣмъ Клеоникъ Петровичъ продолжалъ.

— Смотрѣлъ я вотъ на Аню и думалъ, что мои личныя дѣла складываются какъ нельзя благопріятнѣе для осуществленія давно задуманной и лелѣянной мечты объ открытіи мужицкой академіи. Годика черезъ два Аню пора будетъ учить, Соня тоже подростаетъ, а тамъ Миша и т. д. Куда я дѣнусь съ моими болѣе чѣмъ скромными средствами и съ такимъ множествомъ дѣтей. Между тѣмъ я, какъ вамъ извѣстно, самъ велъ школу, любилъ и люблю это дѣло и всегда мечталъ устроить такое училище, которое давало бы побольше знаній, чѣмъ наши народныя школы, которое раскрывало-бы кругозоръ, сообщало-бы ученикамъ прикладныя знанія и помогло бы имъ, по выходѣ изъ училища, самостоятельно устроиться на полезномъ для себя и для другихъ хозяйствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я мечталъ, чтобы дѣти мои учились со мной и у меня, чтобы расли они вмѣстѣ съ дѣтьми народа, не были чужды ему, а въ крайности не были чужды и тому хозяйственному труду, который, кто знаетъ, можетъ быть, въ будущемъ сдѣлается необходимъ и для нихъ.— Аничка--обратился онъ къ нашей общей любимицѣ,— хочешь ли ты учиться въ нашей академіи?

— У тебя и у Максима Дмитріевича хочу,—не задумываясь, отвѣчалъ ребенокъ.

— Ну, вотъ видите,—снова заговорилъ со мной Клеоникъ Петровичъ, какъ-бы обрадовавшись одобренію дѣвочки и почувствовавъ столь сильную поддержку,—видите, она согласна. А вы что думаете объ этомъ?

Онъ точно колебался, точно боялся, что я взгляну на его мечту „трезвенно“ и подниму на смѣхъ его воздушные замки. Онъ какъ будто уже раскаивался въ своей откровенности и нетерпѣливо ждалъ моего от-

вѣта. Но онъ напрасно сомнѣвался. Я въ ту пору былъ еще очень молодъ и „трезвенно“ на вещи не смотрѣлъ, хотя, судя по поведенію Клеоника Петровича, подавалъ на это надежды. Меня не смутила ни неопредѣленность самой идеи о мужицкой академіи, ни полное отсутствіе средствъ, которыхъ, очевидно, потребуется не мало, ни недостатокъ сочувствія и поддержки общества, такъ необходимыхъ въ подобнаго рода дѣлахъ. Поэтому я, хотя и не смотрѣлъ на „академію“ какъ на панацею отъ главныхъ нашихъ золъ, сразу, безъ длинныхъ и прочувствованныхъ рѣчей, а всего въ двухъ словахъ вполнѣ одобрилъ мечты нашего земскаго генерала, какъ звали мы Клеоника Петровича.

Къ вечернему чайку скоро подъѣхалъ агентъ земскаго страхованія, Викторъ Ивановичъ Подгорскій, уѣздный сатиръ, но, въ сущности, неисправимый идеалистъ шестидесятыхъ годовъ, прекрасной и добрѣйшей души человѣкъ, отъ котораго у насъ не было секретовъ. Я намедленно сообщилъ ему „новую идею генерала“ и у насъ опять начался оживленный, исполненный радостной надежды, раговоръ. Маленькая Аничка, почувствовавшая перемѣну въ нашемъ настроеніи, весело хлопала рученками и ни за что не хотѣла идти спать. Я бралъ ея крошечныя ножки въ свою руку и высоко подбрасывалъ надъ столомъ. Всѣмъ было весело и хорошо. Когда первый порывъ радостнаго настроенія, охватившаго насъ, прошелъ, а Аничку снесли въ постельку, мы приступили къ болѣе спокойному обсужденію дѣла.

Во-первыхъ, было намѣчено, что наша академія будетъ вмѣстѣ и общеобразовательной, и сельскохозяйственной, что курсъ ея составитъ прямое продолженіе народной школы, что мы не нуждаемся ни въ какихъ „правахъ и преимуществахъ“, а потому не желаемъ связывать себя какими-бы то ни было „уста-

новленными“ планами и программами. „Генералъ“, какъ агрономъ, возьметъ на себя преподаваніе земледѣлія, скотоводства и естественныхъ наукъ; я—общихъ предметовъ: русскаго языка, исторіи, географіи, ариѳметики, геометріи; „сатиръ“, какъ образцовый пчеловодъ, будетъ ѣздить раза два въ недѣлю, чтобы знакомить учащихся съ пчеловодствомъ. Священника и садовника нужно будетъ пригласить за особую плату.

— Нѣтъ, господа,—заявляю я,—не нужно увлекаться спеціальностью и забывать общіе предметы. Вѣдь, прежде всего человѣкъ нуженъ.

— Подождите, батюшка, не горячитесь,—перебиваетъ меня Викторъ Ивановичъ,—программу мы еще успѣемъ обсудить, а вы вотъ скажите мнѣ, что наши „дудаки“ скажутъ.

Подъ общимъ названіемъ „дудаковъ“ нашъ уѣздный сатиръ подразумѣвалъ всѣхъ власть имущихъ сословныхъ и административныхъ дѣятелей.

— Дудаки?—переспрашиваю я, размышляя о томъ, какую пакость они могутъ учинить намъ.

— Ну, это по моей части,—говоритъ Клеоникъ Петровичъ,—я какъ-нибудь улажу съ ними.

Викторъ Ивановичъ, всегда склонный обрушиться на „генерала“ за его умѣнье ладить съ „дудаками“, открываетъ ротъ. Но я, боясь, что разговоръ приметъ другое направленіе, не даю ему говорить и вслухъ мечтаю о томъ, какъ самъ устроюсь съ преподавательствомъ въ академіи.

— Свою Княжескую школу я, разумѣется, передамъ какому-нибудь хорошему учителю, поселюсь въ своемъ имѣніи и ежедневно буду ѣздить въ хуторъ Клеоника Петровича. Здѣсь, вѣдь, всего десять верстъ.

Но духъ скептицизма уже овладѣлъ нашимъ сатиромъ, и онъ поспѣшилъ вылить на насъ ушатъ холодной воды.

— Все это прекрасно,—замѣтилъ онъ,—отморозите

себѣ въ этихъ поѣздкахъ носъ — и больше ничего. А вотъ вы главнаго-то и не сказали: гдѣ вы презрѣннаго металла возьмете на свою затѣю?

— А я и не подумалъ объ этомъ, — наивно сознался я.

— То-то, батюшка, а тоже разговариваете: „ежедневно ѣздить буду". Подождите еще.

Воцарилось молчаніе. Но Виктору Ивановичу самому стало жаль такъ радостно принятой мечты объ академіи, а потому, какъ-бы утѣшая меня, онъ прибавилъ:

— Впрочемъ, земство нужно попытать.

Клеоникъ Петровичъ, оказывается, уже думалъ объ этомъ.

— Если ужъ мечтать вмѣстѣ, то я признаюсь вамъ, что думаю объ этой сторонѣ дѣла,—сказалъ онъ.

Оказалось, что у него есть въ Москвѣ дальняя родственница, очень богатая и премилая особа. Еще въ тѣ времена, когда она увлекалась чѣмъ-то, она торжественно дала слово дать ему, Клеонику Петровичу, деньги на „хорошее дѣло", которое затѣетъ онъ. Прошлый годъ онъ видѣлся съ ней и она шутя вспомнила о своемъ обѣщаніи, прибавивъ, что ждетъ, когда-же онъ надумаетъ дѣйствительно хорошее дѣло. Клеоникъ Петровичъ уже серьезно спросилъ ее, дастъ-ли она денегъ, если онъ попытается устроить что-нибудь такое, чему она будетъ симпатизировать. Барыня не менѣе серьезно подтвердила свое обѣщаніе, поставивъ только два условія: чтобы къ ней не предъявляли требованій больше, чѣмъ на 10 т. р., и чтобы это дѣло носило имя князя В—ва, извѣстнаго публициста и общественнаго дѣятеля, память котораго она чтила, какъ святыню.

„Трезвенному" человѣку этотъ разсказъ Клеоника Петровича могъ показаться похожимъ на басню, и нашъ сатиръ не преминулъ даже покачать головой, буркнувъ,

что „желалъ-бы я видѣть такую умницу, которая свои собственныя деньги отдаетъ на академію“. Но я зналъ, что генералъ имѣетъ основаніе вѣрить этому обѣщанію своей родственницы. Во-первыхъ, она очень богата. Какихъ-нибудь десять тысячъ изъ четырехъ-милліоннаго состоянія, разумѣется, ей ничего не значатъ. Во-вторыхъ, я зналъ, какимъ обаяніемъ, особенно у женщинъ, пользуется Клеоникъ Петровичъ и какъ хорошо, съ безусловнымъ довѣріемъ, относятся къ нему его родственники. Поэтому будь она, эта барыня, даже совсѣмъ „глуха къ добру“, то и тогда получить отъ нея 10 т. вполнѣ возможно. Я зналъ, что она и раньше, подозрѣвая стѣсненное матеріальное положеніе нашего генерала, предлагала ему деньги, но онъ отказывался отъ нихъ для себя и, разумѣется, возьметъ ихъ для „хорошаго дѣла“. Поэтому разсказъ Клеоника Петровича вполнѣ убѣдилъ меня.

— Десяти тысячъ,—разсуждалъ онъ,—намъ будетъ совершенно достаточно. Лѣсъ у меня свой, а построить два небольшихъ дома — для школы и для общежитія будетъ стоить недорого. Затѣмъ нужно будетъ прибавить кое-какія хозяйственныя постройки, прикупить скота, нѣкоторыя земледѣльческія орудія. Но все это пустяки, и я обойдусь этими деньгами. Гораздо больше пугаетъ меня отсутствіе средствъ на текущіе расходы, на учителей и содержаніе учениковъ.

— Но учителя, — перебилъ я его, — первое время будутъ безплатные, а ученики, учась улучшеннымъ пріемамъ труда, навѣрно окупятъ свое содержаніе.

— Такъ-то оно такъ, — отвѣчалъ Клеоникъ Петровичъ, — но, вѣдь, всегда и всѣхъ учителей нельзя-же имѣть безплатныхъ, а ученики больше портить будутъ, чѣмъ работать. Поэтому я и затрудняюсь текущими расходами.

— Земство дастъ,—повторилъ свою мысль Викторъ Ивановичъ.

Но Клеоникъ Петровичъ не очень-то разсчитывалъ на земство, во-первыхъ, потому, что съ земства и такъ брать нечего, а во-вторыхъ, взявъ отъ него субсидію, нужно было дать ему что-нибудь реальное, осязаемое, а не сулить только „журавля въ небѣ“. Уѣздное земство, разумѣется, можетъ согласиться на выдачу пособія нашей академіи даже безъ „журавля въ небѣ“, но тогда оно сдѣлаетъ это лишь изъ уваженія къ своему предсѣдателю,—а это и для насъ, и для нашего генерала было совсѣмъ не желательно. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ намъ предстояло найти только одинъ выходъ—это заручиться платными стипендіатами. Но, опять таки, сами нуждающіеся въ обученіи и ихъ родители едва-ли въ силахъ будутъ платить за себя.

Добросердечныхъ помѣщиковъ, которые пожелаютъ имѣть стипендіатовъ, тоже много не найдется. Слѣдовательно, въ концѣ концовъ, безъ помощи земства мы опять-таки обойтись не можемъ. Поэтому, послѣ долгихъ переговоровъ и споровъ, намъ пришлось остановиться на необходимости просить уѣздное земское собраніе дать намъ по одному стипендіату отъ каждой волости, всего 14-ть человѣкъ—съ платой по 100 р. за каждаго. Если затѣмъ намъ удастся добыть еще шесть частныхъ степендіатовъ, то такимъ образомъ мы будемъ имѣть бюджетъ школы въ 2.000 р. Изъ этой платы можно будетъ уже удѣлить что-нибудь и одному-двумъ учителямъ, такъ какъ несомнѣнно, что содержаніе 20-ти учениковъ будетъ стоить навѣрно дешевле 2.000 р. Къ тому-же, какъ ни плохо будутъ работать они, а все-таки что-нибудь да заработаютъ, а потому и хозяйство Клеоника Петровича, безъ ущерба для себя, можетъ платить имъ. А когда дѣло станетъ прочно, и всѣ увидятъ, что изъ него выходитъ толкъ, тогда можно будетъ привлечь и губернское земство.

Остановясь на такомъ рѣшеніи, мы перешли къ обсужденію „плана дѣйствій“ въ ближайшемъ буду-

щемъ. Клеоника Петровича тяготила нѣкоторая неопредѣленность вопроса о денежной поддержкѣ со стороны его родственницы. Поэтому онъ хотѣлъ на слѣдующій-же день написать ей все подробно и просить отвѣта возможно скорѣе. Если отвѣтъ будетъ благопріятный и притомъ до земскаго собранія, тогда можно будетъ „подготовить почву“ въ этомъ послѣднемъ и даже заручиться принципіально его согласіемъ на будущій годъ. Самую-же идею сельско-хозяйственнаго образованія необходимо пропагандировать теперь-же и съ этою цѣлью слѣдуетъ помѣстить нѣсколько статей въ мѣстной газетѣ. За это дѣло спеціально взялся Викторъ Ивановичъ, хотя и генералъ и я тоже порѣшили написать кое-что по этому вопросу. Практическія дѣла по устройству денежной части, по подготовкѣ почвы и переговорамъ съ *„дудаками“* бралъ на себя Клеоникъ Петровичъ, не только какъ болѣе опытный и вліятельный изъ насъ, но какъ иниціаторъ и учредитель школы, отвѣчающій за нее не только нравственно, но и матеріально. Наконецъ, я долженъ былъ взять на себя выработку самого типа нашей мужицкой академіи, долженъ былъ ознакомиться съ литературой о низшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи, набросать планъ организаціи школы и примѣрныя программы ея. Дѣло намѣчалось въ самыхъ общихъ чертахъ, и мнѣ, имѣя уже въ виду то, что высказали Клеоникъ Петровичъ и всѣ мы, предстояло лишь развить его нѣсколько подробнѣе и опредѣленнѣе.

Такимъ образомъ, была задумана наша низшая сельско-хозяйственная школа, или, какъ шутливо называлъ ее Клеоникъ Петровичъ, наша мужицкая академія. Нужно было изъ мечты превратить ее въ фактъ, въ дѣйствительность - и мы искренне и горячо рѣшили добиться этого. Когда мы встали изъ-за чайнаго стола, за которымъ приняли такое важное для насъ рѣшеніе, длинная осенняя ночь уже кончалась. Въ окна про-

никъ утренній свѣтъ, а мы, казалось, еще многаго не переговорили, о многомъ не посовѣтовались. Возбужденные новой идеей, вдохнувшей въ насъ свѣжія силы, мы пошли „пройтись по хозяйству“ и посмотрѣть мѣсто, намѣченное Клеоникомъ Петровичемъ для зданія будущей мужицкой академіи.

II.

Имѣніе Клеоника Петровича Аршфельда по справедливости считалось однимъ изъ лучшихъ уголковъ во всей К—ской губерніи. Вся площадь его составляла неправильный многоугольникъ, три стороны котораго упирались въ неглубокую балку и ея развѣтвленія. Все пространство между этими сторонами и спуски отъ нихъ въ балку почти сплошь были покрыты зеленью обширнаго сада и стараго могучаго дубоваго лѣса. Проложенная среди него дорога вела къ средней изъ этихъ трехъ сторонъ, на самой границѣ которой стоялъ деревянный и уже довольно ветхій господскій домъ. Съ балкона его открывался красивый видъ на главную балку, расположенную прямо передъ глазами, на правый и лѣвый отроги ея, охватывавшіе усадьбу съ обѣихъ сторонъ. Противоположный дому спускъ поросъ рѣдкимъ дубнякомъ, старыя развѣсистыя деревья котораго образовали красивую, доступную солнечнымъ лучамъ, рощу, значительно порѣдѣвшую ко дну оврага. На самой нижней части спуска расположились десятка полтора бѣлыхъ малороссійскихъ мазанокъ, оттѣненныхъ темной зеленью дубоваго лѣса. Правую сторону дна балки, у самаго хутора, заполнилъ извилистый прудъ, терявшійся одной частью въ правый отрогъ оврага. По склонамъ лѣвой балки лѣпится молодая заросль орѣшника, ярко выдѣляющаяся среди темной листвы дубовъ и огромныхъ липъ, показывающихъ свои

верхушки съ самаго ея дна. Вдали за оврагами видна волнистая поверхность пахотныхъ полей, за которыми синѣетъ большой лѣсъ, заставляющій забывать, какъ и вся мѣстность хутора, что мы находимся въ одной изъ тѣхъ губерній въ которыхъ уже 85% удобныхъ земель распаханы и раздѣланы. Въ виду этого лѣсная поросль въ имѣніи Аршфельда и остатки дубовой рощи въ немъ особенно дороги здѣсь, особенно пріятны и невольно радуютъ взоръ, утомленный окружающей хуторъ однообразной, слегка волнистой равниной.

Въ имѣніе ведутъ двѣ дороги, которыя соединяются въ одну передъ лѣсной частью его, находящейся между балкой и ея отрогами. Слѣва этой дороги, у самаго начала ея, расположено обширное гумно, огромная „клуня“ и „токи“; за ними слѣдуетъ—отъ дороги и до оврага—фруктовый садъ съ пчельникомъ и омшаникомъ, обнесенный ветхимъ малороссійскимъ „тыномъ“ съ „остришкомъ“. За садомъ до самаго двора тянется довольно густая зеленая роща, служащая какъ-бы соединительнымъ паркомъ между домомъ и садомъ. Съ лѣвой стороны дороги, противъ гумна, расположенъ скотный дворъ и длинная изба для рабочихъ, сзади которыхъ раскинулась большая лѣсная поляна вплоть до праваго склона, густо покрытаго молодой зарослью липы и орѣшника. Противъ сада поляна эта постепенно переходитъ въ рощу, а къ концу его, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога подходитъ къ краю оврага, тѣнистая роща спускается по склону внизъ. Не доходя нѣсколько саженей до двора, дорога снова развѣтвляется и идетъ лѣвой частью своей къ господскому дому, а правой спускается къ пруду и, перебравшись черезъ него, по плотинѣ подходитъ къ хутору.

Такимъ образомъ, хозяйственныя постройки удалены отъ господскаго дома на нѣсколько сотъ саженей, отдѣляются массой зелени и образуютъ отдѣльный уголокъ, слывущій подъ общимъ названіемъ фермы.

Бокъ-о-бокъ съ ней находится обширная лѣсная поляна, открытая съ юга солнечнымъ лучамъ и, какъ бы самой природой, предназначенная для сельско-хозяйственной школы. Этого мы не могли не увидѣть и не оцѣнить, когда раннимъ утромъ пришли съ Клеоникомъ Петровичемъ на ферму. Осмотрѣвъ мѣстность, мы согласились съ нашимъ генераломъ, что школу необходимо поставить подальше отъ скотнаго двора, вглубь поляны, ближе къ лѣсному склону ея, къ оврагу. Фасадъ-же ея долженъ быть обращенъ къ дорогѣ такъ, чтобы онъ былъ видѣнъ въ промежуткѣ между коровникомъ и людской избой. Передъ школой необходимо разбить на полянѣ скверъ и цвѣтникъ, по сторонамъ котораго можно было бы пріютить, если-бы понадобилось, другія школьныя постройки. Здѣсь было дѣйствительно прекрасное мѣсто для школы: лѣсной воздухъ, множество зелени, удаленность отъ господскихъ службъ и помѣщеній, близость къ полямъ и хозяйственнымъ постройкамъ, нагорное положеніе зданія, садъ, пчельникъ, а въ оврагѣ, сзади школы, прудъ и мѣсто для огородовъ—все это такъ хорошо и удобно, что лучше и придумать нельзя. Была, однако, и слабая сторона въ постройкѣ здѣсь школы, зависѣвшая, впрочемъ, не отъ владѣльца имѣнія и заключавшаяся въ малой населенности хутора. Будь это большое село, мы могли бы имѣть не одинъ десятокъ приходящихъ учениковъ, теперь же, волей-неволей, нужно было устраивать интернатъ, брать съ учениковъ плату за содержаніе и тѣмъ дѣлать школу мало доступной для массы населенія. Но съ этимъ неудобствомъ приходилось мириться, такъ какъ мы безсильны были бороться съ нимъ. У насъ на Руси всегда такъ: за недостаткомъ общественной иниціативы и общественнаго почина, поневолѣ приходится всякое дѣло сосредоточивать и приспособлять къ личностямъ отдѣльныхъ дѣятелей и иниціаторовъ, къ ихъ средствамъ и силамъ и даже

пріурочивать его къ ихъ мѣстожительству. Въ данномъ случаѣ, къ счастью дѣла, условія для его организаціи и постановки были, за немногими исключеніями, еще благопріятнѣе для него, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ.

Хозяйство Клеоника Петровича для той полосы, въ которой находилось оно, было довольно типично и поучительно, такъ какъ, несмотря на обиліе лѣса, служившаго больше для украшенія, чѣмъ для эксплоатаціи, сосредоточивалось собственно на земледѣліи и на такихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, которыя въ будущемъ могли получить значительное развитіе въ краѣ. Главный недостатокъ имѣнія, особенно для его владѣльца, заключался въ томъ, что оно было невелико— всего 200 удобныхъ десятинъ, хотя стоимость его была значительна. Подъ лѣсомъ, полянами, садомъ, усадьбами и сѣнокосомъ было до 90 дес., а остальныя 110, занимала пахоть. Въ имѣніи былъ принятъ десятипольный сѣвооборотъ, съ посѣвомъ клевера и тимоѳеевки, но безъ пропашныхъ растеній, а съ обычными въ этой мѣстности зерновыми. Главную доходную статью составляла озимая пшеница, занимавшая послѣ пара первое мѣсто въ сѣвооборотѣ. Кромѣ пшеницы, сѣяли озимую рожь и яровые—просо, овесъ и гречу. Посѣвы яровой пшеницы и ячменя удавались плохо, а потому имъ отводилось очень небольшое мѣсто. Обработка земли была доведена до высокой степени совершенства: практиковался и черный паръ, и унавоживаніе земли подъ пшеницу, не говоря уже о двоеніи, а смотря по надобности, и троеніи пара. Въ имѣніи были лучшіе плуги, запашняки, разбросная и рядовая сѣялки, конныя грабли, катки и другія усовершенствованныя орудія. Жатвенныхъ машинъ и косилокъ не было, потому что площадь имѣнія была слишкомъ не велика для такихъ машинъ. Молотилка, старой бутеноповской конструкціи, вѣялка и сортировка дѣй-

ствовали коннымъ приводомъ. Для паровой молитилки не было средствъ, да и хлѣба было мало.

Принятый порядокъ обработки земли требовалъ много удобренія и много рабочей силы, а потому въ имѣніи содержалось относительно значительное количество скота. Лошадей считалось до 20-ти, а въ стадѣ рогатаго скота насчитывали болѣе шестидесяти головъ. Скотъ былъ крупный, рослый и удойный, хотя породы были смѣшаны и чистокровныхъ экземпляровъ не было совсѣмъ.

Съ точки зрѣнія теоретика-агронома, хозяйство Клеоника Петровича, разумѣется, не выдерживало критики. Но для землевладѣльца практика, видящаго кругомъ вмѣсто обработки земли ковырянье ея, вмѣсто крупнаго скота—выродившихся козъ, а вмѣсто усовершенствованныхъ орудій—первобытную соху и ручной цѣпъ,—имѣніе Аршфельда было во многихъ отношеніяхъ поучительно. Съ одной стороны, въ немъ не истощалась земля, не расхищались естественныя богатства, а съ другой—оно не знало неурожаевъ, не видало падежа скота и приносило относительно изрядный доходъ. Поэтому къ Клеонику Петровичу многіе ѣхали посмотрѣть хозяйство и поучиться. Тѣмъ не менѣе, нашъ генералъ сознавалъ, что для школы такое хозяйство еще недостаточно. По его мнѣнію, нужно было завести доступные для крестьянскаго хозяйства плужки, бороны и другія усовершенствованныя орудія, нужно было перемѣнить молотилку, ввести въ сѣвооборотъ корнеплоды и другія пропашныя растенія. Все это, разумѣется, требовало денегъ, денегъ и денегъ.

Я утѣшалъ его, насколько могъ. Вѣдь не весь-же смыслъ хозяйства въ полеводствѣ. Есть въ имѣніи и садъ, и огородъ, и пасѣка, а въ крестьянскомъ хозяйствѣ они должны играть далеко не послѣднюю роль. Поэтому на полеводство можно будетъ не налегать, особенно въ первое время, пока постепенно пополнится

хозяйство. Главное-же вниманіе учениковъ можно будетъ сосредоточить на второстепенныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства. Это тѣмъ болѣе возможно, что всѣ онѣ очень недурно поставлены въ имѣніи.

Садъ у Клеоника Петровича, дѣйствительно, большой и хорошій. Заботливый хозяинъ всегда особенно интересовался имъ. Поэтому, наряду съ старыми деревьями, въ немъ было не мало и молодыхъ, не дурно выращенныхъ и здоровыхъ плодовыхъ деревьевъ. Сорта выбирались умѣло и толково. Была въ немъ небольшая школа и питомникъ, были правильно разсаженныя и хорошо сформированныя деревья. Разумѣется, простого садовника-самоучку придется замѣнить болѣе образованнымъ, но и этотъ послѣдній найдетъ уже многое подготовленнымъ и сдѣланнымъ. Точно также и огородъ велся довольно хорошо. Былъ огородъ „низкій", т.-е. расположенный внизу, на днѣ балки, гдѣ много сырости и влаги; былъ и верхній огородъ, на горѣ, предназначенный для овощей, требующихъ болѣе сухой почвы. Разбитъ огородъ былъ относительно недурно, соблюдался извѣстный плодосмѣнъ, почва не истощалась и прекрасно обработывалась. Наконецъ, въ саду находился пчельникъ или, какъ у насъ говорятъ, пасѣка. Клеоникъ Петровичъ хотя и уступалъ Виктору Ивановичу въ познаніяхъ и въ практическомъ умѣньи по пчеловодству, но занимался имъ и велъ его не рутинно. Около четверти всѣхъ пчелиныхъ семействъ помѣщались въ разборныхъ ульяхъ. преимущественно, въ „лежакахъ" системы Далиновскаго. Для остальныхъ семействъ изготовлялись не дуплянки, обычныя въ мѣстныхъ пасѣкахъ, а ульи, составляющіеся изъ плетеныхъ соломенныхъ круговъ, прибавляя или отнимая которыя можно было, смотря по надобности, уменьшать или увеличивать помѣщеніе улья. Такимъ образомъ и эти простые ульи, опрятно обмазанные глиной, были до нѣкоторой степени разборные и

составляли уже, по сравненію съ дуплянками, шагъ впередъ.

Отсюда очевидно, что садъ, огородъ и пчельникъ были поставлены у Клеоника Петровича очень порядочно, что большихъ затратъ для улучшенія ихъ не потребуется и что поэтому на нихъ-то и слѣдуетъ на первое время занять нашихъ будущихъ учениковъ.

Однако генералъ, повидимому, былъ нѣсколько иного мнѣнія.

III.

Всѣ углы и закоулки имѣнія Армфельда я зналъ хорошо, но осмотръ его, послѣ нашего разговора о сельско-хозяйственной школѣ, заставилъ меня отнестись къ нему нѣсколько съ иной точки зрѣнія. Прежде для меня оно было обыкновеннымъ помѣщичьимъ хозяйствомъ, служащимъ источникомъ „бытія" россійской дворянской семьи. Устроено оно было недурно, благодаря чему одному изъ хорошихъ людей жилось нѣсколько лучше другихъ. Это было пріятно, но теперь нужно было отнестись къ нему съ другой точки зрѣнія и рѣшить довольно трудный вопросъ: можетъ-ли имѣніе, безъ коренной ломки въ немъ, на которую потребовались бы значительныя средства, дать достаточный учебный матеріалъ для будущихъ дѣятелей крестьянскаго хозяйства, можетъ ли рискнуть нашъ генералъ на устройство въ немъ школы и выдержитъ ли оно послѣднюю? Рѣшить эти вопросы послѣ одного осмотра и безъ подготовки къ нему было невозможно, такъ какъ самое представленіе о типѣ нашей школы еще не вполнѣ опредѣлилось у насъ. Поэтому я началъ съ того, что обратился къ печатнымъ источникамъ о низшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи. Долженъ сознаться, что въ этомъ отношеніи я потерпѣлъ полную неудачу, такъ какъ литературы этого вопроса у насъ совсѣмъ не было. Приходилось довольствоваться самымъ скуднымъ матеріаломъ и въ боль-

шинствѣ случаевъ руководствоваться соображеніями общаго характера. Послѣ почти двухъ мѣсяцевъ работы, я остановился на слѣдующихъ мысляхъ.

Наша „академія", или, по-просту, низшая сельско-хозяйственная школа, должна преслѣдовать интересы крестьянскаго хозяйства и, слѣдовательно, должна быть непремѣнно „мужицкой академіей", какъ въ первый разъ окрестилъ ее Клеоникъ Петровичъ. Поэтому практическія задачи школы должны строго обусловливаться тѣми улучшеніями въ крестьянскомъ хозяйствѣ, которыя возможны въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ. Изъ числа послѣднихъ рѣшающее значеніе имѣетъ размѣръ крестьянскаго же землевладѣнія. При среднемъ надѣлѣ государственныхъ крестьянъ 30-ти губерніи европейской Россіи въ 5,8 десятины на душу мужского пола и въ 3,5 десятины для крестьянъ помѣщичьихъ, нечего и думать о такомъ живомъ и мертвомъ инвентарѣ въ мужицкомъ хозяйствѣ, которымъ можетъ пользоваться почти всякій помѣщикъ. Изъ улучшенныхъ орудій крестьянинъ можетъ разсчитывать лишь на одноконный плугъ, желѣзную борону, деревянный катокъ домашняго изготовленія, да въ лучшемъ случаѣ—на недорогую вѣялку-сортировку и одноконную молотилку. Мечтать о подняміи скотоводства, объ улучшеніи породъ рогатаго скота и лошадей, при настоящихъ размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія, можно только въ очень скромныхъ предѣлахъ. Тотъ способъ выпойки телятъ и воспитанія лошадей, который практикуютъ любители-землевладѣльцы (вѣроятно, больше ради удовольствія, чѣмъ выгоды), рѣшительно непримѣнимъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ черноземной полосы. Здѣсь, какъ извѣстно, сельскія общества почти не имѣютъ луговъ и вынуждены снимать за дорогую цѣну помѣщичій паръ, чтобы пасти на немъ свой скотъ. Обычнымъ кормомъ для послѣдняго считается ржаная солома, а ввести

травосѣяніе не всегда позволяетъ тѣснолемелье. Затѣмъ, помѣщеніе для скота повсемѣстно холодное, зерновой кормъ отсутствуетъ, а работа, въ большинствѣ случаевъ, предстоитъ тяжелая и продолжительная. При такихъ условіяхъ, общія свѣдѣнія о заботливомъ и „хозяйственномъ“ уходѣ за скотомъ, не безъизвѣстныя и теперь въ деревняхъ, совершенно удовлетворяютъ потребностямъ крестьянскаго хозяйства, не имѣющаго возможности разсчитывать на примѣненіе въ немъ правилъ вполнѣ раціональнаго скотоводства. Въ тѣхъ-же незначительныхъ размѣрахъ возможны улучшенія и въ крестьянскомъ полеводствѣ. Волей-неволей крестьянинъ долженъ ограничиться только такими измѣненіями, какъ примѣненіе удобренія, углубленіе пахоты, улучшеніе техники въ обработкѣ полей, болѣе тщательный выборъ сѣмянъ, введеніе въ сѣвооборотъ болѣе выгодныхъ, преимущественно техническихъ растеній, каковы ленъ, конопля, горчица, подсолнухъ, табакъ и др., смотря по мѣстнымъ условіямъ. Такимъ образомъ, улучшеніе тѣхъ отраслей крестьянскаго хозяйства, которыя, какъ скотоводство и полеводство, болѣе другихъ находятся въ связи съ размѣрами землевладѣнія и зависятъ отъ послѣдняго, возможно только въ относительно ограниченныхъ предѣлахъ. Отсюда однако никакъ нельзя заключить что эти „ограниченные“ предѣлы улучшеній неспособны поднять крестьянскаго хозяйства. Напротивъ, уже одно примѣненіе правильной обработки полей способно значительно повысить урожайность ихъ. Тѣмъ не менѣе безъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія мужику нѣтъ возможности примѣнять въ своемъ хозяйствѣ правильной и раціональной системы полеводства и скотоводства. Поэтому и курсъ преподаванія этихъ предметовъ въ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ поневолѣ долженъ быть ограни-

ченъ предѣлами возможныхъ въ данное время улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Тѣ же отрасли сельскаго хозяйства, которыя не въ такой мѣрѣ зависятъ отъ размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія, какъ полеводство и скотоводство, могутъ быть поставлены въ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ гораздо шире. Важнѣйшимъ изъ нихъ я признавалъ пчеловодство, а затѣмъ садоводство и огородничество. Первое очень удобно въ томъ отношеніи, что для начала требуетъ совершенно ничтожныхъ затратъ, выполнимыхъ даже для крестьянской семьи, и можетъ улучшаться и развиваться постепенно, почти безъ всякаго оборотнаго капитала. Садоводство и огородничество тоже требуютъ и немного земли, и мало средствъ для начала веденія дѣла. Крестьянскія потребности относительно фруктовъ и овощей тоже невелики, а потому въ глухихъ деревняхъ нѣтъ надобности изощряться въ разведенін нѣжныхъ сортовъ, нѣтъ нужды въ тепличной и парниковой культурѣ, потому что ни артишоки, ни спаржа, ни цвѣтная капуста не будутъ по достоинству оцѣнены въ русской деревнѣ. Разведеніе такихъ овощей и болѣе нѣжныхъ сортовъ фруктовъ возможно и имѣетъ свое оправданіе только въ подгородныхъ мѣстностяхъ, а потому построить на выращиваніи ихъ весь курсъ садоводства и огородничества едва-ли слѣдуетъ. Главное вниманіе нужно обратить на наиболѣе выгодные сорта картофеля, капусты, свеклы, лука, на устройство огорода, подготовку почвы, на умѣнье пользоваться ею, не истощая ея, на плодосмѣнъ, на разведеніе древесной школы и питомника, на самые обезпеченные для сбыта и неприхотливые сорта фруктовъ и т. д. и т. п. Что же касается тепличной и оранжерейной культуры, попытокъ разведенія въ сѣверной черноземной полосѣ винограда, декоративнаго устройства цвѣтниковъ, то спеціализироваться въ этомъ ученикамъ крестьянскихъ школъ

едва-ли есть какое-либо практическое основаніе.

Отсюда очевидно, что и самый курсъ задуманной нами академіи едва-ли могъ быть названъ, въ строгомъ смыслѣ слова, спеціальнымъ. По моему мнѣнію, онъ долженъ быть прежде всего общеобразовательнымъ, но не на схоластической и грамматической подкладкѣ, а на реальной; поэтому онъ долженъ быть построенъ на естествознаніи и преимущественно на тѣхъ частяхъ его, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ сельскому хозяйству. Въ составъ курса должны входить, въ доступномъ для дѣтскаго пониманія изложеніи, основанія физики, химіи, минералогіи, ботаники и зоологіи, съ краткими свѣдѣніями изъ физіологіи растеній и животныхъ. Такой курсъ возможенъ въ каждомъ двухклассномъ народномъ училищѣ и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ остальными общеобразовательными предметами, можетъ быть усвоенъ дѣтьми, окончившими курсъ въ начальной одноклассной школѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ. Если же прибавить третій годъ для прохожденія курса законовѣдѣнія и отечествовѣдѣнія, которымъ я придавалъ большое значеніе, и затѣмъ спеціальные курсы пчеловодства, садоводства, огородничества и, для профессіональныхъ сельско-хозяйственныхъ цѣлей,—основъ естествознанія, то общій планъ и объемъ курса нашей академіи станетъ самъ собой понятенъ. При этомъ я не думалъ отнести всѣ спеціальные курсы къ послѣднему третьему году обученія; напротивъ, по моему, ихъ можно было начать съ перваго же или второго класса, но закончить и, такъ сказать, завершить подъ конецъ, когда дѣти достаточно приспособятся къ новымъ предметамъ преподаванія и умственно окрѣпнутъ.

Вопросъ о постановкѣ практическихъ занятій учениковъ сельско-хозяйственной школы и объ отношеніи этихъ занятій къ теоретическому курсу представлялъ наибольшую трудность. Ознакомясь съ мнѣніями по

этому вопросу г. Краинскаго (управляющаго Шебекинской сел.-хоз. школой въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ), гг. Неручева и Подобы, съ горячею защитою усиленнаго физическаго труда учениковъ покойнымъ Е. Андреевымъ, съ взглядами комиссіи вольно-экономическаго общества и другими, я пришелъ къ заключенію, что совершенно не могу принять общаго ихъ убѣжденія и господствующаго на этотъ счетъ мнѣнія. Всѣ вышеназванные авторы въ практическихъ работахъ учениковъ видятъ главную основу организаціи школъ. Почти всѣ требуютъ, чтобы ученики дѣйствительно работали, чтобы они исполняли всѣ виды сельско-хозяйственнаго труда и въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Такой постановкой практическихъ занятій предполагалось достигнуть какъ учебныхъ цѣлей, такъ равно развить въ дѣтяхъ физическую силу, устойчивость въ трудѣ и подготовить осмысленныхъ и толковыхъ рабочихъ. Для учебныхъ цѣлей нѣтъ никакой надобности затрачивать столько времени на практическія занятія, сколько затрачиваютъ ихъ, напримѣръ, въ школѣ г. Краинскаго, такъ какъ для этихъ цѣлей нужны лишь поучительныя для дѣтей работы. А такихъ въ хозяйствѣ не такъ ужъ много, чтобы изъ-за нихъ работать наравнѣ съ наемными людьми. Для усвоенія-же пріемовъ работы можно повторять ее чаще, но не изнуряться надъ ней. Что же касается развитія физической силы и устойчивости, то достигнуть этого возможно, во-первыхъ, только тогда, когда трудъ будетъ посильнымъ, а не чрезмѣрнымъ, а во-вторыхъ, когда онъ будетъ поставленъ въ условія, благопріятствующія физическому развитію. Злоупотребленія этими условіями отзовутся на рабочей силѣ и устойчивости учениковъ: всякое чрезмѣрное напряженіе подорветъ здоровье послѣднихъ, а не укрѣпитъ ихъ и не сдѣлаетъ выносливыми. Для подрост-

ковъ 14-ти-лѣтняго возраста, maximum рабочаго дня признанъ не свыше 8 часовъ. Правда, при этомъ имѣются въ виду дѣти фабричнаго населенія и работа на фабрикахъ и заводахъ; но было бы ошибочно предполагать, что земледѣльческія работы всѣ безусловно здоровѣе и полезнѣе фабричныхъ. Начать съ того, что „страдная пора“ можетъ легко поспорить съ наиболѣе тяжелымъ трудомъ на заводахъ и на фабрикахъ. Невыносимый зной, нерѣдко вызывающій солнечные удары, пыль, или, наоборотъ, дождь съ холоднымъ и пронзительнымъ вѣтромъ, при 16—18-ти часовомъ сгорбленномъ положеніи всего тѣла, при безпрерывномъ напряженіи мускуловъ, доводитъ, какъ извѣстно, даже привычныхъ людей до обморока и до потери силъ отъ истощенія. Удушливая атмосфера барскихъ „токовъ“, гдѣ при молотьбѣ, напримѣръ, проса, за пылью часто не видно работающихъ людей, острая, захватывающая духъ, вонь навозныхъ кучъ свинарни, птични, скотныхъ дворовъ и т. п. хозяйственныхъ принадлежностей, не могутъ оказать положительнаго вліянія на укрѣпленіе рабочей силы дѣтей даже при 10-ти часовомъ трудѣ. Затѣмъ, всѣ осеннія и весеннія работы, совершаемыя подъ открытымъ небомъ, подвергаютъ исполняющихъ ихъ рѣзкимъ атмосферическимъ вліяніямъ. Зная, кромѣ того, какъ часто чрезмѣрная работа подрываетъ силы крестьянскихъ дѣтей, какъ велика смертность среди нихъ, какъ значителенъ процентъ страдающихъ различными болѣзнями отъ дурного питанія, отъ истощенія при работахъ, отъ частой простуды, я никакъ не могъ принять того способа закаливанія ихъ, выработки выносливости и устойчивости въ трудѣ, который дается 12-ти-часовымъ рабочимъ днемъ, принятымъ въ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ для подростковъ 12—16 лѣтъ. Рабочую силу выработаетъ лишь посильный трудъ, не превышающій нормальныхъ для подростковъ 6-ти часовъ въ

день. Этого времени совершенно достаточно, чтобы создать необходимые навыки и привычи въ работѣ и чтобы вполнѣ ознакомить съ техникой труда, такъ какъ, повторяю, вполнѣ поучительныхъ работъ въ хозяйствѣ не такъ ужъ много, какъ объ этомъ говорятъ. Большинство ихъ хорошо знакомо крестьянскимъ дѣтямъ и учить ихъ этимъ работамъ было бы совершенно излишне. Трудъ учениковъ сельско-хозяйственныхъ школъ не долженъ изнурять ихъ; въ организаціи его необходимо стремится къ разнообразію; тяжелый трудъ долженъ чередоваться съ легкимъ, физическій съ умственнымъ. Только при соблюденіи этихъ условій возможно расчитывать, что изъ учениковъ этихъ школъ выработаются осмысленные и самостоятельные толковые работники въ крестьянскомъ хозяйствѣ, а не забитые и подавленные рабочіе помѣщичьихъ экономій, безропотно несущіе ярмо за ничтожныя крохи, перепадающія на ихъ долю.

Такимъ образомъ, разрабатывая вопросъ о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ примѣнительно къ нашей мѣстности и къ хозяйству нашего генерала, я остановился на необходимости построить курсъ такихъ школъ на общеобразовательныхъ, преимущественно естественно-историческихъ предметахъ, съ болѣе подробнымъ развитіемъ въ программахъ тѣхъ частей ихъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ сельскому хозяйству и съ спеціальнымъ изученіемъ послѣдняго лишь въ предѣлахъ примѣнимости къ мѣстному хозяйству крестьянъ. Въ такихъ же предѣлахъ должны быть, по-моему, организованы и практическія работы, объемъ которыхъ, кромѣ того, обусловливается цѣлями физическаго развитія учащихся.

Свои работы по этому вопросу я закончилъ и формулировалъ въ отсутствіе Клеоника Петровича, который послѣ очередного земскаго собранія поѣхалъ въ Москву для переговоровъ съ своей родственницей,

обѣщавшей матеріальную поддержку нашей школѣ. По мѣрѣ того, какъ складывались мои выводы относительно организаціи сельско-хозяйственныхъ школъ, я сообщалъ ихъ нашему генералу и, повидимому, не вызывалъ съ его стороны особыхъ протестовъ. Но окончательнымъ своимъ выводомъ и, такъ сказать, общей формулой я не имѣлъ случая подѣлиться съ нимъ, вслѣдствіе его отсутствія. Между тѣмъ хотѣлось поскорѣе записать ихъ и сообщить въ мѣстную газету. Побесѣдовавъ и посовѣтовавшись по этому поводу съ Викторомъ Ивановичемъ, я помѣстилъ въ газетѣ двѣ статьи. Въ первой изъ нихъ я желалъподготовить почву, а потому говорилъ вообще о неправильной подготовкѣ нашей народной школы, о преобладаніи въ ней схоластическаго и грамматическаго направленія и объ отсутствіи знаній, направляющихъ умъ дѣтей на дѣйствительную жизнь вообще и на естественно-историческіе вопросы въ частности. Во второй я развилъ свою идею крестьянской сельско-хозяйственной школы, указавъ, между прочимъ, и на то, что такія учебныя заведенія не только поднимутъ крестьянское хозяйство въ краѣ, но и подготовятъ такихъ сознательныхъ дѣятелей сельскаго общественнаго и земскаго самоуправленія, которыхъ нельзя будетъ купить за ведро водки и которые создадутъ крупную мѣстную силу. Статьи, какъ казалось мнѣ, были написаны довольно удачно и доказательно а Викторъ Ивановичъ, въ свою очередь, вполнѣ одобрилъ ихъ. Поэтому я ждалъ возвращенія Клеоника Петровича въ очень радужномъ настроеніи, совершенно не предвидя цѣлаго ряда ударовъ, направленныхъ на меня изъ-за этихъ статей.

IV.

Я мирно сумерничалъ въ своей богоспасаемой Денисовкѣ, когда къ крыльцу подкатили почтовыя сани. Помятый видъ Клеоника Петровича, вышедшаго изъ саней, свидѣтельствовалъ, что онъ ѣдетъ не изъ хутора, а съ дальней дороги. Дѣйствительно, послѣ первыхъ привѣтствій, онъ объяснилъ, что дома еще не былъ, что, возвратясь изъ Москвы, пробылъ только день въ земской управѣ и оттуда прямо ко мнѣ за пятьдесять верстъ.

„Ну,—подумалъ я послѣ его объясненія,—значитъ что-нибудь неладно“.

И дѣйствительно, Клеоникъ Петровичъ сразу-же напустился на меня.

— И надѣлали-же вы намъ хлопотъ съ вашими статьями. Какъ это вы, не посовѣтовавшись со мной, сдѣлали такую нетактичность?

Я молчалъ, потому что, съ одной стороны, желалъ, чтобы онъ высказался вполнѣ, а съ другой—рѣшительно не зналъ, что говорить, такъ какъ ничего не понималъ. Причемъ тутъ тактичность и спрашиванье совѣтовъ?— думалось мнѣ.

Между тѣмъ Клеоникъ Петровичъ продолжалъ:

— Еще на предпослѣдней станціи въ вагонѣ со мной сѣлъ нашъ милый предводитель дворянства Кряжинъ. Вы знаете, что теперь онъ мой лютый врагъ, хотя, разумѣется, по-прежнему, разсыпается въ любезностяхъ.

Онъ началъ разговоръ о земствѣ и не безъ ироніи выразилъ одобреніе нашимъ намѣреніямъ создать новую земскую демократическую партію, воспитавъ дѣятелей ея въ новомъ учебномъ заведеніи. — Вѣдь вы открываете сельско-хозяйственную школу? — спросилъ онъ меня. Я говорилъ о нашей академіи кое съ кѣмъ и не дѣлалъ изъ нея секрета, а потому отвѣчалъ ему утвердительно, прибавивъ, однако, что совсѣмъ не понимаю, причемъ тутъ демократическая партія. Кряжинъ вспомнилъ, что я ѣду изъ Москвы и нашей газеты не читалъ, и поспѣшилъ обязательно преподнести мнѣ ваши статьи, замѣтивъ, что по содержанію и цѣлямъ статей всѣ догадались, что авторъ ихъ долженъ быть и учредитель школы. Я узналъ въ нихъ васъ и сказалъ ему, что хотя статьи содержатъ много дѣльныхъ мыслей, но цѣликомъ я не раздѣляю ихъ, не писалъ ничего подобнаго и никогда не думалъ соединять цѣлей учебныхъ съ земскими партійными дѣлами. Кряжинъ тогда немедленно выразилъ увѣренность, что статьи эти принадлежатъ вамъ, и хотя я разувѣрялъ его, но, кажется, не достигъ цѣли.

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы меня считали авторомъ этихъ статей, несмотря на отсутствіе моей подписи,—замѣтилъ я.

— Это невозможно, этого нельзя допустить,—недовольнымъ тономъ возразилъ мнѣ Клеоникъ Петровичъ.— Если мы взялись за одно общее дѣло, то намъ необходимо и дѣлать его сообща, съ согласія другъ друга, а не по собственному усмотрѣнію. Вы не предвидѣли многихъ обстоятельствъ и не расчитали, какое впечатлѣніе произведутъ ваши статьи, а между тѣмъ онѣ очень повредили нашему дѣлу.

Затѣмъ Клеоникъ Петровичъ разсказалъ, какъ въ управу въ день его пріѣзда прискакалъ „цѣпная собака Ближневъ“, тоже нашъ видный дворянскій дѣятель, и съ обычной своей несдержанностью разразился цѣ-

лымъ потокомъ рѣзкихъ рѣчей по поводу того, что мы пренебрегаемъ помѣстнымъ элементомъ, разоряемъ его содержаніемъ школъ и всего прочаго, предназначеннаго для „этихъ пьяницъ-мужиковъ“, что сельскохозяйственная школа для подготовки крестьянъ хозяевъ—это соціалистическая затѣя, явно направленная противъ благосостоянія дворянъ и ихъ вліянія въ самоуправленіи, что онъ, Ближневъ, вездѣ будетъ кричать о нашихъ нигилистическихъ тенденціяхъ и т. д. и т. п. Наконецъ, одинъ изъ членовъ управы тоже выразилъ неудовольствіе на затѣю генерала, говоря, что она можетъ невыгодно отразиться на интересахъ ихъ земской партіи.

Все это, разумѣется, было очень непріятно, но признать себя виновнымъ я не могъ. Я совсѣмъ не думалъ объ интересахъ какихъ-бы то ни было партій, когда писалъ, что бывшіе ученики школы могутъ сдѣлаться самостоятельными хозяевами и составятъ здоровый элементъ въ земствѣ. Я имѣлъ въ виду только интересы послѣдняго. Что это обстоятельство, а равно и цѣль школы создать дѣятелей крестьянскаго хозяйства, а не помѣщичьяго, могли не понравиться нашимъ земцамъ, я отчасти предвидѣлъ, но мало безпокоился объ этомъ, такъ какъ нужно-же когда-нибудь „отложить дипломатію въ сторону“ и проводить свои идеи прямо и безъ задней мысли. Нельзя-же въ такомъ важномъ практическомъ шагѣ не договаривать всего и идти окольными путями. Наши задачи необходимо высказать прямо и откровенно. Поэтому я считаю, что ничего я не испортилъ своими статьями, а поставивъ вопросъ ребромъ, объявляю войну тѣмъ, кто будетъ противъ насъ.

Все это я не замедлилъ высказать Клеонику Петровичу и, заразившись его раздраженіемъ, говорилъ не безъ рѣзкихъ словъ. Разумѣется, это только подлило масла въ огонь: онъ возражалъ еще горячѣе и настойчивѣе.

Оказалось, что между ними есть уже принципіальное разногласіе. Онъ находилъ, что земство, будучи учрежденіемъ всесословнымъ, почерпающимъ свои средства какъ отъ помѣщиковъ, такъ и отъ крестьянъ, должно служить и тѣмъ, и другимъ. Поэтому и школа наша, если она будетъ, хотя-бы въ нѣкоторой части, содержаться на земскія деньги, обязана подготовить не только дѣятелей крестьянскаго хозяйства, но и низшихъ служащихъ для помѣщичьихъ „экономій". При этомъ и помощи отъ земства можно будетъ добиться только въ томъ случаѣ, если мы поставимъ себѣ и эту вторую цѣль.

— Поймите,—повышеннымъ тономъ говорилъ Клеоникъ Петровичъ,—что сельско-хозяйственная школа—дѣло общественное, что мы должны заинтересовать въ ней общественныя силы, а потому не можемъ внести въ организацію ея только наши личныя воззрѣнія и цѣли.

— Я не могу понять этого,—не менѣе повышенно отвѣчалъ я.—Мы вносимъ въ школу не наши личные вожделѣнія, а то понятіе о справедливости, которое исповѣдуемъ по нашему разумѣнію, совершенно отстраняя наши личные интересы. Справедливость-же требуетъ, чтобы веесословное общество, будь это земство или что другое, заботилось не о математически точномъ распредѣленіи всѣхъ благъ между помѣщиками и крестьянами, а спѣшило на помощь наиболѣе нуждающимся и безсильнымъ собственными средствами выйти изъ этой нужды.

Покричали мы и поволновались въ этотъ вечеръ не мало и разстались неуспокоенные и недовольные другъ другомъ. Клеоникъ Петровичъ уѣхалъ въ свой хуторъ, не успѣвъ даже сказать о результатахъ своей поѣздки въ Москву. Впрочемъ, эта размолвка, какъ и многія другія, очень скоро забылась и не оставила никакихъ слѣдовъ въ нашихъ отношеніяхъ. Я достаточно ува-

жалъ и цѣнилъ нашего генерала, чтобы долго „дуться" на него. Думаю, что онъ платилъ мнѣ тѣмъ-же. Поэтому, не прошло и недѣли, какъ мы опять самымъ дружелюбнымъ образомъ обсуждали дѣла нашей академіи.

Родственница, къ которой ѣздилъ Клеоникъ Петровичъ, оказалась совсѣмъ милой барыней. Она и не подумала отказываться отъ своего обѣщанія и немедленно вручила генералу всѣ деньги, которыми располагала въ данный моментъ, что-то около 12 т. руб., и просила только объ одномъ, чтобы школа носила имя почитаемаго ею кн. В—ва. Противъ этого никто ничего не имѣлъ, а Аршфельдъ относился къ имени кн. В—ва даже съ особымъ почтеніемъ и уваженіемъ. Оставалось, слѣдовательно, поладить съ земствомъ, а для этого Клеоникъ Петровичъ находилъ необходимымъ выставить задачей школы подготовку какъ низшихъ дѣятелей помѣщичьяго хозяйства, такъ и самостоятельныхъ хозяевъ. Подъ вліяніемъ нашего горячаго спора онъ немедленно написалъ статью съ цѣлью „успокоить умы", въ которой выставилъ обѣ задачи сельско-хозяйственной школы, нарисовавъ передъ крупными землевладѣльцами радужную перспективу имѣть въ будущемъ чуть не задаромъ хорошихъ садовниковъ, огородниковъ, пчеловодовъ, нарядчиковъ по хозяйству и приказчиковъ. Мнѣ очень грустно было узнать объ этомъ, тѣмъ болѣе, что я никогда не могъ выяснить себѣ, остановился-ли генералъ на этой мысли подъ вліяніемъ практической необходимости, или онъ былъ убѣжденъ въ ея справедливости. Я былъ склоненъ думать, что первый мотивъ игралъ болѣе существенную роль, хотя генералъ всегда протестовалъ противъ этого. Объ убѣжденіи-же своемъ онъ говорилъ больше съ цѣлью выставить въ своемъ лицѣ противовѣсъ „мужицкому направленію", которое, по нашимъ провинціальнымъ нравамъ, могло показаться крайнимъ и легко

могло быть раздуто. Какъ-бы тамъ ни было, но мнѣ пришлось, хотя и не безъ горечи, примириться съ новой задачей школы, которой я не имѣлъ въ виду.

Обдумывая, какія измѣненія должна была внести эта новая задача въ намѣченный мною типъ сельско-хозяйственной школы, мы пришли далеко не къ радостнымъ заключеніямъ. Тѣхъ скромныхъ улучшеній въ хозяйствѣ Клеоника Петровича, которыя были предположены нами раньше, оказывалось уже недостаточно. Помѣщичье хозяйство сложнѣе и дороже крестьянскаго. Поэтому намъ предстояло выработать образцовую систему полевого хозяйства, снабдить его относительно дорогимъ и сложнымъ инвентаремъ, хорошимъ породистымъ скотомъ, создать образцовый-же скотный дворъ, завести теплицу, хлопотливую культуру нѣжныхъ, но бездоходныхъ садовыхъ растеній, цвѣтниковъ и т. п. Тутъ впервые выяснилось два новыхъ обстоятельства: во-первыхъ, полученныхъ генераломъ денегъ можетъ не хватить—и тогда необходимо будетъ добавить новыхъ 4 — 5 тысячъ, а во-вторыхъ, нашихъ наличныхъ силъ, очевидно, недостаточно: генералъ поотсталъ отъ агрономической науки и практики, да ему надо служить въ земствѣ, я и Викторъ Ивановичъ не были спеціалистами-агрономами. Первое обстоятельство, касающееся денегъ, Клеоникъ Петровичъ если не разрѣшилъ, то разрубилъ. Онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые останавливаются въ своихъ лучшихъ намѣреніяхъ передъ матеріальными жертвами, поэтому онъ порѣшилъ, въ случаѣ нужды, перезаложить свое маленькое имѣніе, и безъ того уже обремененное долгами. Что-же касается пополненія силъ, необходимыхъ для веденія школы, то это дѣло было поручено мнѣ, и я надѣялся довести его до благополучнаго конца.

Во второй половинѣ зимы выяснился и послѣдній важный для насъ практическій вопросъ о земскихъ

стипендіатахъ. Генералъ по этому поводу чуть-чуть, называется, не легъ костьми. Онъ побывалъ, несмотря на все свое отвращеніе, и у Кряжина, и у Ближнева, и почти у всѣхъ видныхъ земскихъ и дворянскихъ дѣятелей уѣзда. Вездѣ, съ рѣдкимъ терпѣніемъ, объяснялъ онъ задачи школы, вездѣ сулилъ блага и для помѣщиковъ, и для крестьянъ. Онъ ставилъ свое дѣтище подъ защиту и руководительство всѣхъ. Онъ просилъ посѣщать школу, указывать тѣ стороны въ организаціи ея, которыя желательно было-бы для мѣстныхъ землевладѣльцевъ видѣть болѣе развитыми и лучше поставленными, онъ обѣщалъ удовлетворять запросы всѣхъ хозяйствъ въ уѣздѣ, просилъ позволенія присылать учениковъ поучиться или помочь въ осуществленіи какого-либо хозяйственнаго предпріятія, требующаго болѣе разумныхъ исполнителей. Въ концѣ-концовъ, результатомъ его дипломатическаго похода была если не полная побѣда надъ предубѣжденіемъ относительно школы, то, во всякомъ случаѣ, значительное его ослабленіе. Одни изъ уѣздныхъ воротилъ, имѣвшіе слабость гордиться своимъ хозяйствомъ, были польщены желаніемъ генерала поучить у нихъ своихъ учениковъ. Они уже чувствовали себя до нѣкоторой степени соучастниками въ дѣлѣ обученія и готовы были принять его подъ свое покровительство. Другіе предвкушали возможность имѣть дешевыхъ и толковыхъ работниковъ. Третьи, попроще и побѣднѣе, разсчитывали подешевле „закончить“ образованіе своихъ недорослей сыновей. Наконецъ, наши „образованные“ интеллигентные дѣятели не прочь были обнаружить свои просвѣтительныя склонности, предоставивъ „этому неисправимому идеалисту“ возможность осуществить свои мечты и еще разъ на практикѣ убѣдиться въ томъ, что „наша русская дѣйствительность не подготовлена для такихъ хорошихъ, но и призрачныхъ затѣй“. Словомъ, если не всѣ, то очень многіе наши земцы не устояли передъ

„обаятельнымъ Клеоникомъ Петровичемъ“ и рѣшили быть снисходительными къ его новому дѣлу. Поэтому на февральскомъ экстреннемъ земскомъ собраніи, несмотря на тайное противодѣйствіе Кряжина, огромнымъ большинствомъ голосовъ прошло постановленіе, по которому с—кое земство принимало на себя обязательство имѣть въ учреждаемой К. П. Аршфельдомъ низшей сельско-хозяйственной школѣ по одному стипендіату отъ каждой волости уѣзда, всего 14 человѣкъ, съ платой за содержаніе ихъ 1.400 р.

Когда эта резолюція была громогласно прочитана въ земскомъ собраніи, нашъ сатиръ Викторъ Ивановичъ не выдержалъ и, наклонясь ко мнѣ, шепнулъ:

— А ловко нашъ генералъ провелъ этихъ дудаковъ..

— Да чѣмъ-же онъ провелъ,—возразилъ я,—вѣдь они не безъ выгоды: будутъ имѣть садовниковъ, приказчиковъ...

— Тоже нашли дураковъ, — отвѣчалъ Викторъ Ивановичъ,—кто-же изъ порядочныхъ учениковъ, если они будутъ сколько-нибудь развитые люди, пойдетъ въ лакеи.

Я замолчалъ, въ глубинѣ души совершенно раздѣляя надежды Валентина Ивановича. Примирясь съ необходимостью подготовлять въ школѣ, кромѣ крестьянъ-хозяевъ, и низшихъ служащихъ для помѣщичьихъ экономій, а слѣдовательно, и съ расширеніемъ курса школы, я остановился на совсѣмъ особой мысли. Мечтая раньше о школѣ съ небольшимъ курсомъ, приспособленнымъ исключительно для крестьянскихъ нуждъ, я имѣлъ въ виду выработать типъ недорогихъ школъ, доступныхъ возможно большему числу сельскихъ обществъ и земствъ, такихъ школъ, которыя сдѣлались-бы достояніемъ большинства населенія. Теперь съ этой мечтой приходилось разстаться: мы учреждали дорогую школу, съ сложнымъ хозяйствомъ и съ относительно большимъ курсомъ. Крестьянскія

дѣти, прошедшія ее, волей-неволей должны были воспитать въ себѣ нѣкоторыя такія культурныя привычки и интеллектуальныя потребности, съ которыми крестьянскій обиходъ, съ его подавляющей нуждой, могъ показаться слишкомъ тяжелымъ для нихъ. Поэтому очень возможно, что нашъ ученикъ не пожелаетъ возвратиться въ свою семью, да притомъ еще въ качествѣ младшаго члена, часто не имѣющаго даже права голоса. Въ такомъ случаѣ ему предстоитъ только одинъ исходъ—идти въ услуженіе къ частному землевладѣльцу. Но при этомъ исходѣ нужно распрощаться со всѣми надеждами помочь нашей школой крестьянскому хозяйству, наиболѣе нуждающемуся и переживающему настолько тяжелый кризисъ, что въ результатѣ его могутъ оказаться колоссальныя экономическія потрясенія. Если же крестьянскому хозяйству нельзя прямо помочь нашей школой, тогда остается изыскать какіелибо косвенные пути, при помощи которыхъ она служила бы наиболѣе важнымъ и общегосударственнымъ интересамъ, а не нуждамъ небольшой кучки крупныхъ землевладѣльцевъ, которые въ крайности и въ нуждѣ могутъ обойтись и своими средствами. Такимъ именно косвеннымъ путемъ, дающимъ возможность вліять сельскохозяйственной школой на крестьянскую жизнь, должна явиться забота подготовить изъ учениковъ этой школы сельскихъ учителей, этихъ лучшихъ проводниковъ культурныхъ началъ въ народную среду. Въ самомъ дѣлѣ, разъ школа воспитала людей, не могущихъ примириться съ курной избой и съ потасовками урядниковъ, разъ этимъ людямъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, можно и не жить у помѣщиковъ на побѣгушкахъ, то лучшимъ исходомъ для нихъ будетъ учительство въ народныхъ школахъ. При этомъ, разумѣется, они должны подготовиться къ учительскимъ обязанностямъ, попрактиковать въ качествѣ помощниковъ учителей, или же позаняться въ учительскихъ семи-

наріяхъ. Я надѣялся въ будущемъ установить такую связь между сельско-хозяйственной школой и учительской семинаріей, чтобы давать возможность нашимъ ученикамъ знакомиться съ учительскими обязанностями, а семинаристамъ съ сельскимъ хозяйствомъ. До тѣхъ же поръ прошедшій курсъ нашей школы легко могъ выдержать несложный экзаменъ на званіе сельскаго учителя, особенно попрактиковавъ предварительно въ качествѣ помощника. Сдѣлавшись же руководителемъ школы, онъ несомнѣнно словомъ и дѣломъ будетъ стремиться къ улучшенію сельскаго хозяйства въ деревнѣ, будетъ дѣлиться своими знаніями съ дѣтьми, можетъ развести на школьной усадьбѣ садъ, устроить пасѣку и т. п., особенно если земство поможетъ ему и поддержитъ его. Такимъ путемъ онъ можетъ сдѣлаться проводникомъ сельско-хозяйственныхъ знаній въ народную среду, а наша академія, благодаря своимъ ученикамъ, выполнитъ важнѣйшую часть своей задачи – поможетъ народному крестьянскому хозяйству выйти изъ оковъ многовѣковой рутины и косности.

По обыкновенію, я подѣлился своими мечтами и надеждами съ Клеоникомъ Петровичемъ и съ Викторомъ Ивановичемъ. Послѣдній отнесся съ полнымъ одобреніемъ къ моимъ мыслямъ, а первый, одобряя ихъ принципіально, замѣтилъ, однако, что на практикѣ онѣ получатъ только частичное осуществленіе. По его мнѣнію, часть учениковъ непремѣнно пойдетъ къ помѣщикамъ въ качествѣ низшихъ служащихъ. Таковы будутъ стипендіаты крупныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ уже предположено 3—4 человѣка, и нѣкоторые менѣе развитые и удачные ученики изъ бѣдныхъ семействъ. Другая часть учащихся, вышедшихъ изъ зажиточныхъ крестьянъ, будетъ имѣть возможность устроиться дома, на своихъ хозяйствахъ. Наконецъ, изъ третьей части, несомнѣнно, могутъ выдѣлиться

люди съ педагогическимъ призваніемъ и имъ едва-ли помѣшаетъ что сдѣлаться учителями народныхъ школъ. Съ этимъ мнѣніемъ трудно было не согласиться, но, имѣя въ виду незначительное число частныхъ стипендіатовъ и дѣтей богатыхъ крестьянъ, я не сомнѣвался, что для большинства нашихъ учениковъ народная школа будетъ лучшимъ исходомъ. Положеніе сельскаго учителя все-таки относительно независимое, жалованье въ нашемъ уѣздѣ (250 р. при готовой квартирѣ) больше, чѣмъ любому садовнику или нарядчику, а потому вполнѣ возможно, что многіе изъ окончившихъ курсъ въ нашей школѣ охотно пойдутъ въ учителя. Дѣти всегда имѣютъ склонность учить другихъ; воспользовавшись этою склонностью, я расчитывалъ воспитать въ нихъ и любовь къ учительскому дѣлу и педагогическое призваніе.

Съ этими мечтами и надеждами приступили мы къ осуществленію „затѣи“ Клеоника Петровича, сдѣлавшейся нашимъ общимъ дѣтищемъ.

V.

Агрономъ для нашей школы былъ найденъ въ лицѣ моего стараго товарища—Павла Флоровича Стефановскаго, недавно окончившаго курсъ въ одномъ изъ высшихъ спеціальныхъ заведеній. Требованія его насчетъ содержанія и другихъ „благъ земныхъ“ были не велики, а генералъ нашъ, какъ человѣкъ совершенно безкорыстный, готовъ былъ согласиться и на болѣе тяжелыя условія. Поэтому, поладили они, что называется, съ первыхъ словъ. Павелъ Флоровичъ, или, для сокращенія, просто Флорычъ, какъ звали мы его, пріѣхалъ еще въ концѣ зимы и, чтобы не стѣснять хозяевъ, поселился въ крошечной „комнаткѣ“, пристроенной къ рабочей избѣ. Третью часть ея занимала варистая печь, полъ былъ глиняный, мазанный, окошечко узенькое и маленькое, а для того, чтобы войти въ низкую дверь, нужно было согнуться даже и невысокому человѣку. Со всѣми этими неудобствами Флорычъ мирился очень легко. Онъ не былъ въ претензіи даже и на живыхъ обитателей комнатки—на мышей, водившихся въ ней въ огромномъ количествѣ. Сидитъ онъ, бывало, за простымъ некрашеннымъ столомъ, а мыши такъ и снуютъ между бумагами, пока какой-нибудь бойкій мышенокъ не проскользнетъ по той именно книгѣ, надъ которой работаетъ Флорычъ. Тутъ ужъ онъ разсердится, схватитъ линейку, стукнетъ ею по столу и крикнетъ въ догонку дерзкому звѣрьку: „ахъ ты, подлая“. Даже ночью ему

не разъ приходилось просыпаться отъ бѣгающихъ по немъ мышей. „Пошли“, скажетъ онъ спросонья, сбрасывая ихъ рукой и немедленно снова засыпаетъ. При такомъ, вполнѣ философскомъ, отношеніи къ собственнымъ удобствамъ, Флорычъ имѣлъ только одну слабость: день и ночь кипѣлъ у него на столѣ самоварчикъ и онъ, не прерывая занятій, медленно, но неукоснительно тянулъ чаекъ стаканчикъ за стаканчикомъ. Работникъ онъ былъ прекрасный, честности феноменальной, на каждую нужную копѣйку „жиловатъ“ до чрезвычайности; въ работѣ любилъ порядокъ, систему и дисциплину. Въ этомъ отношеніи онъ составлялъ крайнюю противоположность генерала, который, по своей натурѣ, былъ болѣе склоненъ къ нервной порывистой работѣ, къ вдохновенію, вмѣсто системы, и ко всякаго рода „поблажкамъ“ и оправданіямъ, но никакъ не къ дисциплинѣ. Поэтому, Флорычъ замѣнялъ генерала въ томъ, чего не доставало послѣднему и, мирясь при этомъ со всякой обстановкой и со всѣми неудобствами ея, онъ былъ истинной находкой для нашего дѣла.

У Клеоника Петровича была пропасть работы въ городѣ, въ управѣ, въ уѣздѣ. Поэтому производство всѣхъ хозяйственныхъ работъ и построекъ лежало на Флорычѣ. Вмѣстѣ съ нимъ составили мы планъ школы и ученическаго общежитія—казармы, исчислили кубическую вмѣстимость ихъ, площадь пола, оконъ и т. п. Вмѣстѣ распредѣлили комнаты, сговорились относительно всякихъ мелочей. Генералъ только санкціонировалъ наши рѣшенія, да, пріѣзжая въ хуторъ, наблюдалъ за работами; непосредственно же руководилъ ими Флорычъ. Съ началомъ весны принялись прежде всего за постройки. Въ виду того, что съ открытіемъ школы должно было прибавиться до 30 „ѣдоковъ“, пришлось, кромѣ школы и казармы, построить „сушню“ для сушки хлѣба въ зернѣ; кромѣ того, выяснилась

необходимость выстроить новую конюшню. Такимъ образомъ, за одно лѣто рѣшено было возвести четыре новыхъ постройки.

Наиболѣе важной и спѣшной для насъ была школа. По плану, она состояла изъ четырехъ небольшихъ классныхъ комнатъ, учительской и корридора, а внизу,—она строилась на покатости,—еще и кухни. Предполагалось, что какъ только стѣны будутъ выведены и потолокъ настланъ, сейчасъ же можно начать и пріемъ учениковъ. Этимъ имѣлось въ виду достигнуть, главнымъ образомъ, нѣкоторыхъ учебныхъ цѣлей. Клеоникъ Петровичъ очень пропагандировалъ въ земствѣ огнестойкія постройки, какъ противопожарную мѣру, и непремѣнно хотѣлъ сдѣлать для примѣра такія же постройки у себя, надѣясь, что и ученики, собравшись въ теченіе лѣта, могли бы присмотрѣться къ производству этихъ строеній. Школа поэтому воздвигалась съ лихорадочной поспѣшностью. Въ маѣ мѣсяцѣ она была уже настолько готова, что въ одну изъ комнатъ ея перебрался Флорычъ, котораго въ его „комнатѣ" совсѣмъ одолѣли мухи изъ коровника, въ другой можно было уже поселить четырехъ первыхъ учениковъ, а третью абонировалъ я на время моихъ частыхъ пріѣздовъ въ хуторъ.

Казарму рѣшили строить изъ саманнаго кирпича. Заѣзжій случайный архитекторъ соблазнилъ генерала выписать чугунный станокъ для формированія кирпича и глиномѣсилку. Станокъ оказался совершенно непригоднымъ для насъ, и нѣсколько сотъ рублей, заплаченные за него, пропали даромъ. Глиномѣсилка же пригодилась, хотя, правду говоря, можно было обойтись и безъ нея. Лѣто выдалось сухое, знойное, поэтому сушка кирпича шла очень быстро, и зданіе казармы закончилось въ то же лѣто. Оно состояло изъ двухъ большихъ комнатъ, разсчитанныхъ каждая на 14 человѣкъ и раздѣлявшихся широкимъ корридо-

ромъ, который рѣшено было утилизировать, какъ столовую. Несмотря на то, что это былъ первый опытъ саманной постройки, онъ удался намъ какъ нельзя лучше: зданіе имѣло недурной внѣшній видъ, сырости въ немъ не замѣчалось, а прочность и теплота его были внѣ всякаго сомнѣнія. Такъ же удачно была закончена и вальцовая глинобитная постройка конюшни.

Одновременно съ строительными работами шло дѣятельное переустройство всего хозяйства и полевого въ особенности. Отдѣльный участокъ земли, десятинъ въ 15, былъ выдѣленъ спеціально для посѣва на немъ многолѣтнихъ травъ. главнымъ образомъ—люцерны. Онъ доставлялъ Флорычу много заботъ. Землю нужно было вспахать глубоко, а для этого потребовалось пріобрѣсти хорошій скотъ, тяжелые плуги, почвоуглубители и пр. Цѣны на сѣмена люцерны стояли высокія, а потому травяное поле „влѣзло“, по выраженію Флорыча, въ очень солидную сумму. Сѣвооборотъ былъ введенъ новый, въ него вошли такія пропашныя растенія, какъ кукуруза, кормовая свекла и картофель. Измѣненіе сѣвооборота вызвало новыя и притомъ значительныя затраты. Затѣмъ было увеличено стадо, куплены лошади, многія сельско-хозяйственныя орудія и машины.

Когда пришлось подводить итоги расходамъ, то результатъ вышелъ очень печальный. Постройки, не считая затратъ на кирпичный станокъ и глиномѣсилку, поглотили до 7 тыс. руб.; собственно хозяйство—болѣе 5 т., да въ перспективѣ предстояло настолько значительное пониженіе доходовъ отъ имѣнія, вслѣдствіе предпринятыхъ въ немъ переустройствъ, что прожить годъ до новаго урожая безъ займа совсѣмъ не представлялось возможнымъ. Поэтому для хутора, для школы и для насъ всѣхъ наступили тяжелыя времена. Всѣ деньги, данныя родственницей Клеоника Петро-

вича, были израсходованы. Мало того, въ счетъ будущихъ благъ было произведено, но не оплачено работъ еще тысячи на двѣ. Аршфельду предстояло перезаложить имѣніе; но подъ вторую закладную давали меньше, чѣмъ предполагалось, всего только 5 т. р., такъ что, за вычетомъ долговъ, должно было остаться никакъ не больше 3 т. А между тѣмъ расходовъ предвидѣлось еще много: нужно было обставить школу мебелью и учебными пособіями, нужно было меблировать казарму, пріобрѣсти столярные инструменты для учениковъ, такъ какъ генералъ обѣщалъ обучать ихъ одному-двумъ ремесламъ, нужно было хотя бы и скудно оплатить законоучителя, учителей, наконецъ, нужно было самому Аршфельду просуществовать цѣлый годъ со всѣмъ своимъ многочисленнымъ потомствомъ.

Всѣ мы къ концу лѣта были въ очень угнетенномъ состояніи духа. Клеоникъ Петровичъ, — всегда безкорыстный, повидимому, невольно для себя, сталъ слишкомъ критически относится къ „широкимъ“ планамъ Павла Флоровича, сталъ жаловаться, что его не поняли, что все возможно было сдѣлать въ меньшихъ размѣрахъ и при меньшихъ затратахъ. Флорычъ, въ свою очередь, ворчалъ на „скупость“ генерала, постоянно напоминалъ ему о необходимости то тѣхъ, то другихъ расходовъ. Нужны деньги на лошадей, такъ какъ при посѣвѣ оказалось „неуправка“, и Флорычъ неуклонно твердитъ Аршфельду: „пожалуйте денегъ“. Не получая ихъ, онъ безъ церемоніи беретъ выѣздныхъ лошадей и запрягаетъ ихъ въ сѣялки, катки, бороны, запашники и т. п. Нашъ генералъ приходитъ въ ужасъ.

— Вы, кажется, скоро въ коляскѣ снопы возить будете,—не безъ раздраженія говоритъ онъ.—Вѣдь, вы послѣднихъ лошадей отобрали у меня.

— Когда отечество въ опасности,—философски возражаетъ Флорычъ,—всѣ граждане спѣшатъ на помощь ему.

Вслѣдъ за лошадьми изъ „барскихъ владѣній“ исчезаетъ самоваръ, потому что ученикамъ не въ чемъ было кипятокъ грѣть, затѣмъ корыта, кадушечки, боченочки и т. д., и т. п. Генералъ молчалъ, но я видѣлъ, что ему плохо приходится. Онъ избѣгалъ встрѣчъ съ Флорычемъ, потому что боялся опять и опять услышать одну и ту-же фразу: „пожалуйте денегъ“. Флорычъ, въ свою очередь, десятой дорогой обходитъ генерала. „Ну его,—говоритъ онъ,—еще привяжется за корыто и за кадушки“. Я начиналъ сознавать, что, при такихъ отношеніяхъ, совмѣстно вести нашу школу нельзя. Поэтому я всячески старался смягчить и загладить то взаимное раздраженіе, которое накопилось и у Клеоника Петровича и у Павла Флоровича. Съ этою цѣлью пришлось призвать на помощь Виктора Ивановича, но попытки наши остались тщетными, такъ какъ противъ главнаго зла—противъ безденежья—мы оба были безсильны, и неурядицы шли своимъ чередомъ, все прибавляя и прибавляя новое раздраженіе и у „барина“ и у управляющаго. Къ жалобамъ на широкіе планы Флорыча, генералъ сталъ прибавлять новыя. Онъ де молодъ и не опытенъ, часто переплачиваетъ, не предусмотрителенъ въ хозяйствѣ: мало капусты заготовилъ на зиму, а покупать ее дорого; боченки съ огурцами потекли и огурцы пропали; окорока раскрали и т. д. Викторъ Ивановичъ слушалъ-слушалъ все это, да и разразился:

— Вотъ кабы вы, генералъ, поменьше миндальничали съ вашими дудаками, такъ у васъ была-бы дешевая крестьянская школа. Тогда-бы и капуста, и огурцы были.

Генералъ только раздраженно рукой махнулъ.

— Вѣдь я же его не баснями кормилъ,—говорилъ, въ свою очередь, Павелъ Флоровичъ.—Я предупреждалъ, что поставить образцовое хозяйство будетъ стоить дорого. Я давалъ ему и организаціонный планъ, и

смѣты, и все прочее. Правда, онъ ничего категорически не утверждалъ, но ко всему относился сочувственно, а я долженъ былъ поспѣшить постановкой образцоваго хозяйства. Денежнымъ вопросомъ онъ смущался въ началѣ еще меньше меня и всегда говорилъ, что достанетъ денегъ. Чѣмъ-же я виноватъ, что онъ добылъ ихъ подъ перезалогъ имѣнія меньше, чѣмъ предполагалъ.

— Все это такъ, батюшка,—замѣтилъ ему Викторъ Ивановичъ,—а все-таки посократиться вамъ слѣдовало-бы. И огурцовъ съ капустою припасти тоже не мѣшало. Зимой объ этомъ вспомните, да поздно будетъ.

Но Павелъ Флоровичъ не хотѣлъ дожидать зимы. Онъ заявилъ, что при установившихся у него отношеніяхъ съ генераломъ вести общее дѣло нельзя и потому онъ считаетъ необходимымъ покинуть хуторъ. Однако, этому рѣшительно воспротивился Клеоникъ Петровичъ, въ которомъ, какъ и слѣдовало ожидать, взяли перевѣсъ рыцарскія чувства и справедливость. Онъ признавалъ, что Флорычъ выполнилъ огромную работу, что жилъ онъ въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ и трудился съ полнымъ самоотверженіемъ, что, использовавъ такимъ образомъ его въ самое нужное и горячее время, было-бы, по меньшей мѣрѣ, несправедливо отпустить его на зиму, когда агроному трудно найти мѣсто, что, наконецъ, его пребываніе въ школѣ и въ имѣніи въ теченіе зимы будетъ очень важно и полезно. Флорычъ, въ свою очередь, возражалъ противъ такой постановки вопроса, упрямился и не хотѣлъ оставаться. Но, въ концѣ концовъ, мы „уломали“ его и онъ рѣшилъ „дожить годъ, какъ и подобаетъ батраку“. Однако, отъ участія въ теоретическихъ занятіяхъ съ учениками онъ отказался наотрѣзъ.

VI.

На нашихъ совѣщаніяхъ не разъ поднимался споръ о программѣ занятій съ учениками въ первый годъ ихъ обученія въ новой академіи. Въ виду рѣшенія нашего принимать въ школу только дѣтей, окончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ, нѣкоторые находили возможнымъ сразу-же засадить учениковъ за спеціальные курсы. Я горячо возставалъ противъ этого, такъ какъ, съ одной стороны, зналъ, что ученики народныхъ школъ, вслѣдствіе чисто грамматическаго направленія послѣднихъ, слишкомъ мало подготовлены къ воспріятію спеціальныхъ курсовъ, а съ другой — принципіально признавалъ преимущественную важность общеобразовательныхъ предметовъ. По моему мнѣнію, общее образованіе было наиболѣе важно для нашихъ учениковъ, потому что только оно одно могло пріучить дѣтей самостоятельно продолжать свое развитіе по выходѣ изъ школы, слѣдить за своей спеціальностью и умѣть пользоваться хорошей книгой, какъ лучшимъ совѣтникомъ въ практически-затруднительныхъ случаяхъ. Все равно, сдѣлать изъ нашихъ питомцевъ настоящихъ спеціалистовъ сельскаго хозяйства мы не могли и не успѣли-бы. Поэтому лучше всего было дать имъ возможно большее общее развитіе, возможно большую привычку работать мозгами и интересоваться естественно-историческими предметами. Для этихъ цѣлей я считалъ необходимымъ предпослать

спеціальнымъ сельско-хозяйственнымъ курсамъ небольшой толковый курсъ естественныхъ наукъ наряду съ другими общеобразовательными предметами. Къ учебнымъ выгодамъ такой программы, принятой для перваго года обученія, присоединялись выгоды матеріальныя, такъ какъ только при ней мы могли обойтись съ однимъ учителемъ, въ лицѣ моемъ, да съ законоучителемъ.

Это мнѣніе въ концѣ концовъ восторжествовало, и первый классъ нашей школы рѣшено было посвятить исключительно общеобразовательнымъ предметамъ вообще, а естественно - историческимъ въ частности. Вмѣстѣ съ этимъ рѣшеніемъ выяснились и мои обязанности. Я долженъ былъ и создавать программу обученія и исполнять ее. Одновременно на меня пала обязанность организовать ученическое общежитіе, завѣдывать его хозяйствомъ, установить практическія занятія и вообще поставить всю школу. Долженъ сознаться, что такая обширная задача не мало смущала меня, такъ какъ у меня былъ только нѣкоторый преподавательскій опытъ и навыкъ, своихъ-же силъ въ дѣлѣ воспитанія я еще не пробовалъ. Кромѣ того, у меня было на рукахъ свое маленькое хозяйство, своя семья, которыя отстояли отъ школы ровно на 10 верстъ. Но смущаться было некогда, и я долженъ былъ приступить къ организаціи дѣла.

Пріемъ учениковъ мы начали, какъ я уже говорилъ, съ лѣта. Первыми поступили два моихъ-же ученика съ Княжевской школы. Затѣмъ нашлись еще два охотника. Но дальше пріемъ подвигался, нужно сознаться, довольно туго. Крестьянство отнеслось въ школѣ недовѣрчиво. Сначала нашлись отцы, которые охотно согласились еще годика три-четыре поучить своихъ ребятъ на земскій счетъ. Но когда они узнавали, что въ новой школѣ будутъ учить крестьянскимъ-же работамъ и хозяйству—рвеніе большинства ослабѣвало,

а многіе отказались учить своихъ дѣтей въ такой школѣ. Интересно, что въ этомъ случаѣ всѣ убѣжденія и разговоры „по душѣ“ Клеоника Петровича, вообще умѣвшаго вліять на крестьянъ, оставались тщетными. Мужики чесали свои затылки, переминались съ ноги на ногу, но не сдавались, откровенно заявляя, что своей мужицкой работѣ ихъ дѣти и дома выучатся, а „для панской“ не стоитъ учить, потому что у нихъ есть свое хозяйство. Резонъ былъ въ своемъ родѣ важный, и если-бы школа ничего больше не давала, кромѣ практическихъ умѣній, какъ о томъ мечтали нѣкоторые журналисты и земскіе дѣятели, то, пожалуй, дѣйствительно въ ней не стоило-бы учить крестьянскихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что въ любой хорошей помѣщичьей экономіи они выучились-бы практическимъ пріемамъ и скорѣе и лучше. Сила нашей школы, какъ и всякой школы, была въ общеобразовательномъ и спеціальномъ учебномъ курсѣ, а не въ хозяйственныхъ работахъ, которыя должны были только служить къ закрѣпленію и лучшему усвоенію „книжныхъ“ учебныхъ предметовъ. Крестьяне очень хорошо понимали это и потому очень мало прельщались нашими практическими работами, справедливо думая, что школа должна сдѣлать ихъ дѣтей прежде всего „письмéнными“ людьми, т.-е. вполнѣ грамотными и умѣющими пользоваться книжкой для практическихъ цѣлей. „Письмéнный человикъ до всего самъ дойде“, говорили они, выражая тѣмъ самымъ совершенно правильный взглядъ на значеніе общаго образованія. Поэтому, когда они убѣждались, что учебныя занятія у насъ играютъ не послѣднюю роль, что многія практическія работы находятся въ тѣсной связи съ учебнымъ курсомъ, они легко примирились съ школой. Но на первыхъ порахъ къ нашей академіи отношеніе было незавидное и для пріобрѣтенія учениковъ мы должны были обратиться къ содѣйствію наиболѣе вліятельныхъ земскихъ гласныхъ,

сельскихъ учителей и священниковъ. Были и такіе случаи, когда отецъ соглашался помѣстить своего сына въ школу, привозилъ его и оставлялъ, но тотъ, побывъ нѣсколько дней, давалъ тягу и больше не возвращался. Благодаря такому отношенію населенія къ школѣ, не бывшему для насъ тайной, мы не могли разсчитывать на полный комплектъ земскихъ стипендіатовъ. И дѣйствительно, первое полугодіе ихъ было только 12-ть, вмѣсто 14-ти. Но я былъ увѣренъ, что черезъ годъ отъ предубѣжденія къ нашей школѣ не останется и слѣда. Дѣйствительность вполнѣ оправдала мои ожиданія.

Казарма къ осени не была закончена. Поэтому я помѣстилъ учениковъ въ двухъ классныхъ комнатахъ, а самъ расположился черезъ корридоръ—въ учительской. Въ четвертой комнатѣ помѣстили классъ, нашу скромную библіотеку и еще болѣе скромные приборы для опытовъ по физикѣ. Наконецъ, пятая комната, отдѣлявшаяся сѣнцами, была занята Флорычемъ.

Такимъ образомъ, мнѣ предстояло жить вмѣстѣ съ учениками, одной жизнью съ ними. Семь партъ-очекъ для нихъ (на 14-ть человѣкъ) были сдѣланы по послѣднему слову школьной гигіены: съ отрицательной дистанціей, съ передвижными сидѣньями, подножками и спинками, съ поднимающейся полудоской стола. Маленькая каѳедра для учителя тоже не оставляла желать ничего лучшаго. Сооруженіемъ кроватей для учениковъ занялись сразу три столяра, которымъ дѣятельно помогали и учащіеся. Послѣдніе сами себѣ сшили сѣнники, а одѣяла изъ сѣраго солдатскаго сукна подрубили и обшили на барскомъ дворѣ за одинъ день. Дѣтей, въ виду слишкомъ большой разницы въ ихъ домашнихъ костюмахъ, рѣшили одѣть въ форменную одежду. Всѣмъ имъ были сшиты изъ того-же сѣраго солдатскаго сукна малороссійскія чинарки (поддевки), на воротничкахъ которыхъ красовался зеленый кантикъ.

Костюмъ этотъ и простъ, и удобенъ, и довольно красивъ. Въ общемъ, и школа, и общежитіе, и ученики производили довольно пріятное впечатлѣніе: все было очень просто, но, повозможности, удобно. Много хлопотъ дѣлали мнѣ заботы о чистотѣ. Ѣли ученики на кухнѣ, благодаря чему общежитіе не загрязнялось крошками отъ ѣды и воздухъ не насыщался русскими борщами и кислой капустой. Комнаты ежедневно провѣтривались, утромъ и вечеромъ, а печные вентиляторы работали безостановочно. Тѣмъ не менѣе воздухъ былъ довольно тяжелый. Объяснялось это, съ одной стороны, запахомъ сапоговъ и онучь, не совсѣмъ благовонными испареніями маленькихъ грязныхъ тѣлецъ дѣтишекъ (бани у насъ не было) и обычнымъ дѣйствіемъ растительной пищи на развитіе газовъ въ желудкѣ, обильно выдѣлявшихся во время сна. Съ другой стороны, портило воздухъ и состояніе половъ нашего помѣщенія: ихъ не успѣли выкрасить за лѣто. Съ наступленіемъ-же осени пошла распутица, дожди, слякоть и даже невылазная грязь. Какъ ни обчищали и ни обтирали дѣти своихъ сапогъ, входя въ комнату, все-таки они заносили съ собой и сырость, и грязь. Частое мытье неокрашенныхъ половъ тоже влекло за собой набуханіе и сырость ихъ. Доски пропитывались грязной влагой, загнивали сверху и издавали непріятный кисловатый гнилостный запахъ. Въ этомъ запахѣ и въ этой нечистотѣ половъ было самое больное наше мѣсто, и я, правду сказать, въ холодное время года не находилъ противъ нихъ никакихъ средствъ.

Вставали дѣти рано, до свѣта. Молодежь любитъ поспать, и мнѣ приходилось самому будить ихъ. Одѣвшись и умывшись, всѣ мы собирались въ одну комнату и слушали чтеніе утреннихъ молитвъ. Разучивъ напѣвъ нѣкоторыхъ, дѣти пѣли ихъ хоромъ, если и не особенно стройно, то, во всякомъ случаѣ, и не совсѣмъ ужъ плохо. Затѣмъ часть учениковъ, по наряду, уби-

рала, подметала и мыла комнаты, затапливала печь и вытирала пыль. Другая часть обязана была присутствовать на скотномъ дворѣ: доить коровъ, выпаивать телятъ, заложить скоту кормъ и напоить его. Этимъ дѣломъ руководилъ Павелъ Флоровичъ или самъ генералъ. Около 8 часовъ утра всѣ собирались къ завтраку, состоявшему изъ одного горячаго блюда—большею частью изъ малороссійскаго кандера, т.-е. жидкой пшенной каши, съ картофелемъ, саломъ или конопляннымъ масломъ, употребляемой вмѣстѣ съ хлѣбомъ, какъ и борщъ. Послѣ завтрака дѣти отправлялись опять на работы.

Такъ дѣло шло до начала уроковъ. Наступалъ уже конецъ сентября, а Клеоникъ Петровичъ, ожидая книгъ и учебныхъ пособій, все откладывалъ классныя занятія и по земскихъ дѣламъ уѣхалъ въ губернскій городъ. Такъ какъ законоучитель былъ уже приглашенъ, а ученики и я скучали безъ уроковъ, то мы съ Флорычемъ порѣшили, не ожидая возвращенія генерала, начать школьныя занятія съ 1-го октября. Сказано—сдѣлано. Пригласили мы священника, выписали Виктора Ивановича и послѣ молебна передъ началомъ ученія, законоучитель далъ первый урокъ. Я-же, въ виду праздника, отложилъ свои уроки до слѣдующаго дня. Такъ скромно, безъ шуму, открылась наша „академія“, существовавшая въ этотъ моментъ еще не вполнѣ легально, а подъ видомъ обыкновеннаго начальнаго народнаго училища, на учрежденіе котораго Клеоникъ Петровичъ получилъ разрѣшеніе отъ мѣстнаго училищнаго совѣта. Послѣ открытія школы всѣ мы пообѣдали вмѣстѣ съ учениками, для которыхъ, кромѣ обычныхъ борща и каши, по случаю торжества, было изготовлено и жаркое. Въ самомъ благодушномъ настроеніи дождались мы въ тотъ-же день генерала, который, разумѣется, былъ огорченъ, что его-же дѣтище, его школа была открыта безъ него. Намъ пришлось сконфузиться,

такъ какъ уступая своимъ желаніямъ поскорѣе начать занятія, мы забыли законныя права Клеоника Петровича. Но дѣло оказалось сдѣланнымъ и поправлять его было поздно.

Съ открытіемъ занятій, дѣти послѣ завтрака собирались на уроки, продолжавшіеся отъ 9-ти до часу. Три урока въ недѣлю по закону божію давалъ священникъ, два по рисованію и чистописанію Клеоникъ Петровичъ, надъ которымъ мы подтрунивали по поводу преподаванія имъ такихъ важныхъ предметовъ, одинъ урокъ по пчеловодству оставался для Виктора Ивановича. Клеоникъ Петровичъ не имѣлъ времени давать больше двухъ уроковъ въ недѣлю и взялъ на себя чистописаніе и рисованіе только потому, что я уклонялся отъ этихъ предметовъ. Русскій языкъ, ариѳметику, географію, отечествовѣдѣнію, физику и естественную исторію долженъ былъ взять на себя я. При такомъ разнообразіи предметовъ, мнѣ оставалось только сожалѣть, что на мою долю досталось всего по три урока въ день, такъ какъ больше четырехъ часовъ классныхъ занятій мы рѣшили не допускать ни въ какомъ случаѣ.

Большинствомъ учениковъ я былъ совершенно доволенъ. Несмотря на новизну и относительную трудность многихъ предметовъ обученія, дѣти старались, что называется, изо всѣхъ силъ. Любознательность деревенскаго мальчика такъ велика, стремленія къ труду у него такъ много, что со стороны учителя для достиженія наилучшихъ результатовъ при обученіи вполнѣ достаточно только не стѣснять учениковъ, не затемнять предмета. Дѣти учились добросовѣстно и успѣшно. Въ числѣ ихъ было, однако, три такихъ, которые, по недостаточному умственному развитію или по нѣкоторой забитости, отставали отъ другихъ и требовали наибольшаго вниманія къ себѣ. Но большинство не оставляло желать ничего лучшаго, и всѣ мы были вполнѣ довольны ими. Въ 9-ти лѣтней моей педагоги-

ческой практикѣ этотъ годъ былъ самый удачный въ отношеніи результатовъ обученія и оставилъ во мнѣ самыя пріятныя, самыя радостныя воспоминанія. Между тѣмъ, условія были далеко не вполнѣ благопріятныя. Не говоря уже о томъ, что читать всѣ предметы одному было очень тяжело, что приходилось самому подолгу готовиться къ урокамъ,—мы были очень стѣснены учебниками и учебными пособіями. Не легко было мнѣ и отъ совмѣстной жизни съ учениками. Преобладаніе растительной, объемистой пищи дѣйствовало на меня какъ-то разслабляюще; новый домъ оказался не изъ теплыхъ, а жизнь въ немъ 12-ти мальчиковъ отражалась на состояніи воздуха не только въ ихъ комнатахъ, но и въ моей. Нерѣдко поэтому я чувствовалъ себя разбитымъ, развинтившимся, вставалъ съ головной болью, въ подавленномъ состояніи духа. Но молодость брала свое: часъ — два занятій съ учениками всегда „подтягивали“ меня и придавали бодрости. Съ семьей я видѣлся относительно рѣдко, иногда не болѣе раза въ недѣлю, и это обстоятельство особенно тяготило и угнетало меня. Поэтому, какъ мнѣ, такъ и генералу пришлось подумывать о необходимости второго учителя, съ которымъ бы я могъ раздѣлить трудъ.

Много времени отнимали у меня пріѣзды „знатныхъ иностранцевъ“ и „дудаковъ“, любопытствующихъ посмотрѣть новую школу. Нужно было вездѣ поводить ихъ, все показать и объяснить. Если генерала не было на хуторѣ, то на такое показываніе у меня нерѣдко пропадало нѣсколько часовъ рабочаго времени. Особенно помню бездну хлопотъ, причиненныхъ намъ пріѣздомъ одного питерскаго генерала, какъ оказалось потомъ, спеціально посланнаго для осмотра школы. Клеоникъ Петровичъ, предвидя наши денежныя затрудненія, уже писалъ въ Петербургъ о школѣ и старался заинтересовать ею и даже спрашивалъ, можетъ-ли онъ разсчитывать на казенную субсидію, если школа удов-

летворяетъ требованіямъ „подлежащихъ“ вѣдомствъ. У него были не малыя связи въ столицѣ, а потому на школу тамъ обратили вниманіе, командировавъ тайнаго совѣтника М. съ спеціальной цѣлью посѣтить генеральскій хуторъ. Это было въ самомъ началѣ ученія—въ срединѣ октября—и доставило намъ не мало заботъ. Школу мыли чуть ли не по два раза въ день, снова побѣлили ее, вокругъ домовъ и въ саду расчистили новыя дорожки, исправили старыя, приводили въ порядокъ скотный дворъ, орудійные сараи и т. п. Викторъ Ивановичъ совѣтовалъ купить сотню лимоновъ и развѣсить по деревьямъ.

— Все равно,—говорилъ онъ,—М. ничего не разберетъ. А тутъ, по крайней мѣрѣ, будутъ нѣжные южные плоды, опыты акклиматизаціи, высокая культура и тому подобное.

Флорычъ хохоталъ отъ удовольствія, но подвѣсить лимоны не рѣшался.

— Мы его одними страшными словами огорошимъ,—говорилъ онъ.—Какъ начнемъ это: сепараторы, экстирпаторы, силосованіе и т. п., такъ онъ совсѣмъ преклонится передъ нашей ученой премудростью.

Наконецъ, пріѣхалъ и самъ М. Онъ привезъ интересное извѣстіе, что въ министерствѣ государственныхъ имуществъ вырабатывается нормальное положеніе о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. Изъ его разговоровъ, однако, можно было убѣдиться, что предположенный типъ училищъ будетъ очень мало похожъ на нашу академію. Но, очевидно, и послѣдняя произвела на него хорошее впечатлѣніе. Пользуясь этимъ, Клеоникъ Петровичъ, а за нимъ и я съ Флорычемъ подробно развивали наши планы, надежды и старались выяснить въ подробностяхъ организацію нашей школы. Не знаю, насколько убѣдили мы М., но въ обнародованномъ вскорѣ затѣмъ нормальномъ положеніи о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ мы встрѣтили, во

всякомъ случаѣ, гораздо болѣе симпатичныхъ чертъ, чѣмъ въ первоначальномъ его проектѣ.

Предубѣжденіе противъ школы постепенно разсѣялось: къ началу слѣдующаго года ожидалось значительное увеличеніе учащихся, а между тѣмъ на содержаніе учителей для нихъ не было средствъ. Поэтому пріѣздъ М. и, повидимому, хорошее впечатлѣніе вынесенное имъ изъ знакомства съ нашей школой, были для Аршфельда очень кстати. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ и, при поддержкѣ того же М. и своихъ знакомыхъ, исходатайствовалъ казенную субсидію для школы. Мы обязывались принять нормальный уставъ для низшихъ сельско-хозяйственныхъ училищъ 1-го разряда, а взамѣнъ того получали отъ казны 3.000 руб. въ годъ спеціально на содержаніе учащихъ и учебныя пособія. Съ весны наша школа получила санкцію.

Къ этому же времени число учениковъ удвоилось. Кромѣ 14-ти земскихъ стипендіатовъ, у насъ было четыре помѣщичьихъ стипендіата, два недоучившихся барченка и четыре своекоштныхъ крестьянскихъ мальчика. Послѣдніе, разумѣется, принадлежали къ болѣе зажиточнымъ семьямъ, но, для облегченія родителей, Клеоникъ Петровичъ не бралъ отъ нихъ денегъ, а довольствовался „отсыпнымъ харчемъ". Мы разсчитали сколько хлѣба, крупы, сала, масла и соли потребляется каждымъ мальчикомъ въ годъ и получали по этому разсчету продукты натурой отъ родителей своекоштныхъ учениковъ. Форменную одежду и бѣлье они шили тоже на свой счетъ. Такая форма платежа была гораздо легче и удобнѣе для крестьянъ, и послѣдніе всегда предпочитали ее платѣ деньгами. Съ теченіемъ времени стоимость содержанія ученика уменьшилась и мы имѣли возможность за нормальную плату отъ 20-ти учениковъ содержать 25. Пища учащихся не была изысканной, по составу она соотвѣтствовала пищѣ зажиточной крестьянской семьи, причемъ въ дни, когда

дѣти не получали мясного или рыбнаго блюда, имъ выдавалось что нибудь молочное. Хлѣбъ потреблялся, какъ и у всѣхъ крестьянъ, въ очень значительномъ количествѣ. Саманный домъ, отведенный подъ общежитіе учениковъ, обсохъ и къ концу весны въ него были переведены всѣ ученики. Гораздо труднѣе было устроиться съ помѣщеніемъ для учащихъ. Приглашаемый на мѣсто Флорыча управляющій школою былъ человѣкъ семейный и для него требовалось по крайней мѣрѣ двѣ комнаты съ кухнею. Поэтому нашему генералу предстояли новые расходы: пришлось заново отремонтеровать старый полуразрушенный флигель въ барской усадьбѣ и тамъ поселить управляющаго. На послѣдняго была возложена обязанность преподаванія спеціальныхъ предметовъ. Ученый садоводъ, кромѣ садоводства и огородничества, долженъ былъ преподавать и два общихъ предмета. Онъ поселился въ комнаткѣ Флорыча. Такимъ образомъ, хотя съ большимъ трудомъ и съ неудобствами, но мы все-таки размѣстились. Лучшаго никто не требовалъ отъ генерала, такъ какъ всѣ учащіе понимали, что хорошее дѣло предстоитъ поддержать, твердо поставить на ноги, а не губить его въ зародышѣ мелкими претензіями и мелочными требованіями. Всѣ мы были молоды, искренне вѣрили въ возможность кое-что сдѣлать въ нашемъ дѣлѣ и заботились прежде всего о немъ.

Имѣя въ виду разсказать о томъ, „какъ мы устоили“ нашу школу, я не буду останавливаться на подробностяхъ нашихъ занятій и жизни,—объ этомъ можно поговорить отдѣльно въ другой разъ. Но я хочу передать объ одномъ эпизодѣ школьной жизни, который при другихъ условіяхъ, могъ дурно отозваться на нашемъ молодомъ, еще не окрѣпшемъ дѣлѣ. Это былъ, выражаясь на языкѣ присяжныхъ педагоговъ, школьный бунтъ или, вѣрнѣе говоря, печальное недоразумѣніе, вызванное переходнымъ временемъ въ организаціи на-

шей академіи. Я только что началъ сдавать школу новому управляющему, какъ подоспѣлъ праздникъ Пасхи. Еще до пріѣзда управляющаго нами было предположено дать отдохнуть дѣтямъ, по обыкновенію всѣхъ учебныхъ заведеній, двѣ недѣли. Ученики знали объ этомъ, и большинство изъ нихъ собралось уйти на праздники домой въ свои деревни. Всѣ неуспѣвшіе еще забыть своихъ школьныхъ лѣтъ, помнятъ, разумѣется, съ какимъ нетерпѣніемъ и волненіемъ ожидаютъ ученики праздниковъ, нарушающихъ обычную и однообразную школьную жизнь. Мои ученики, несмотря на 14—17-ти-лѣтній возрастъ, волновались не меньше другихъ: считали оставшіеся дни, заготовили „торбочки" (сумки) для вещей, съ которыми хотѣли двинуться въ путь, мечтали о праздничныхъ забавахъ. Но управляющій школой разсуждалъ иначе. Наступало горячее время весеннихъ работъ, важныхъ, по его убѣжденію, не только въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, но и въ учебномъ. Не зная о предположенныхъ нами пасхальныхъ каникулахъ, онъ объявилъ ученикамъ, что дастъ имъ для отдыха только два дня на страстной недѣлѣ и три на праздничной. Ученики выслушали это сообщеніе молча, но затѣмъ, посовѣщавшись между собой, рѣшили не подчиняться распоряженію управляющаго. Они попросили меня зайти къ нимъ въ общежитіе, и когда я появился, объявили мнѣ о своемъ рѣшеніи. Всѣ они столпились кучкой къ одному мѣсту и энергично, съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ, доказывали мнѣ, въ какое затруднительное положеніе поставитъ ихъ распоряженіе управляющаго. За нѣкоторыми должны были выѣхать за десятки верстъ подводы, другихъ односельчане будутъ ждать на базарѣ въ сосѣднемъ мѣстечкѣ, третьи отправили уже часть вещей и т. д. и т. п. Особенно настойчиво говорили три старшихъ ученика, объявившихъ мнѣ, что они ни за что не подчинятся распоряженію управля-

ющаго и въ субботу на вербной недѣлѣ уйдутъ домой. Возбужденіе было сильное, и я побаивался, что дѣло приметъ неблагопріятный оборотъ, а потому рѣшилъ сразу же пустить въ ходъ всѣ пружины. Правду говоря, я самъ былъ убѣжденъ въ правотѣ учениковъ, но тѣмъ не менѣе счелъ необходимымъ разъяснить имъ тѣ причины, которыя заставляютъ новаго управляющаго требовать присутствія учениковъ въ школѣ во всѣ рабочіе дни. Предстоявшія работы по хозяйству были настолько серьезны, что, отложивъ ихъ, школа потерпитъ убытки и зарекомендуетъ свое хозяйство съ невыгодной для себя стороны. Поэтому, распоряженіе управляющаго не прихоть, а серьезная необходимость, которой слѣдуетъ подчиниться. Я далъ ученикамъ шесть часовъ (до вечера) на размышленіе, сказавъ, что самъ приду узнать ихъ рѣшеніе.

Ушелъ я отъ нихъ тоже взволнованный и разстроенный. Клеоникъ Петровичъ, новый управляющій и садовникъ уже знали о школьномъ происшествіи и съ нетерпѣніемъ ожидали меня. Они тоже были взволнованы, но настаивали на необходимости исполнить распоряженіе управляющаго. Порѣшено было предоставить уладить „инцидентъ“ мнѣ, но, въ крайности, прибѣгнуть даже къ временному удаленію изъ школы зачинщиковъ. Ученики волновались еще больше: работы у нихъ не клеились; они поминутно собирались въ кучки и толковали между собой. Вечеромъ я опять пошелъ къ нимъ и спросилъ, на какомъ рѣшеніи остановились они.

— Мы попрежнему рѣшили уйти на всѣ праздники,—отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ старшихъ учениковъ Гордѣй С......, принимавшій, повидимому, вопросъ ближе всѣхъ къ сердцу.

— Да, мы непремѣнно уйдемъ,—подтвердили всѣ хоромъ.

Я опять терпѣливо разъяснилъ имъ необходимость

подчиниться рѣшенію управляющаго, ради интересовъ школы и хозяйства. Въ заключеніе я сказалъ, что очень огорченъ ихъ упрямствомъ.

— Итакъ,—обратился я къ одному изъ ближе стоявшихъ ко мнѣ маленькихъ мальчиковъ,—ты тоже уйдешь?

— Я.... я, Максимъ Дмитріевичъ,—замялся онъ,—я.... какъ вы скажете...

— Я желалъ-бы видѣть тебя послушнымъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, я останусь,—уже рѣшительно объявилъ онъ.

— А ты?—обратился я къ другому.

— Если прикажете, останусь,—отвѣчалъ онъ.

Поочередно я переспросилъ всѣхъ, и всѣ они, за исключеніемъ тѣхъ трехъ учениковъ, которые и раньше энергично отстаивали свое право уйти, объявили, что останутся въ школѣ. Одобривъ ихъ рѣшеніе, я пригласилъ остальныхъ трехъ идти ко мнѣ въ комнату. Здѣсь мнѣ пришлось опять повторить свои доводы, заставить ихъ отвѣчать на отдѣльные вопросы и частными отвѣтами подготовить общее рѣшеніе. Въ результатѣ этой бесѣды было согласіе еще двухъ учениковъ подчиниться рѣшенію управляющаго, но третій, все тотъ-же Гордѣй С., продолжалъ стоять на своемъ. Тогда мнѣ пришлось объявить ему, что онъ перестаетъ быть ученикомъ нашей школы, что онъ не долженъ вступать въ общеніе съ остальными учениками и можетъ идти ночевать въ кухню, куда немедленно были перенесены и его вещи. Эффектъ этого сообщенія моего былъ чрезвычайный. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мы почти выпрашивали себѣ учениковъ, а теперь 17-ти-лѣтній Гордѣй плакалъ навзрыдъ, узнавъ, что онъ удаляется изъ школы на нѣсколько мѣсяцевъ. На утро онъ просилъ, какъ особой милости, чтобы ему позволили остаться въ школѣ всѣ праздники. Такъ окончилась эта непріятная исторія, едва не погубившая на первыхъ-же порахъ

репутацію школы и не разогнавшая учениковъ ея.

Съ Пасхи я передалъ все завѣдываніе школой новому управляющему ея, а самъ остался при исполненіи только однѣхъ преподавательскихъ обязанностей. Съ этихъ-же праздниковъ, согласно новому уставу, прекращались до октября теоретическія занятія въ школѣ и ученики цѣлые дни должны были проводить на практическихъ работахъ. Съ организаціей ихъ физіономія школы опредѣлилась окончательно, и дѣло мужицкой академіи упрочилась. Разсказывать о ея дальнѣйшей судьбѣ въ настоящихъ замѣткахъ я не имѣлъ въ виду, а потому ограничусь только нѣсколькими замѣчаніями о тѣхъ результатахъ, которые дала она.

„Мужицкой“, въ тѣсномъ значеніи этого слова, наша школа не вышла, несмотря на то, что огромное, можно сказать, подавляющее число учениковъ ея принадлежало къ крестьянской средѣ. Въ этой послѣдней даже простая грамотность до сихъ поръ является рѣдкостью, почти исключеніемъ изъ общаго правила. Поэтому образованіе, приближающееся къ среднему, представляетъ въ крестьянскомъ мірѣ нѣчто совершенно необычайное, какую-то роскошь, находящуюся въ постоянномъ противорѣчіи съ жизнью. Курная изба, недоѣданіе, надѣлъ, превратившійся въ нищенскій и т. д., и т. п.—все это плохо вяжется съ новой книжкой о сидераціи, съ чтеніемъ журнальныхъ и газетныхъ статей (хотя-бы даже спеціальныхъ), съ потребностями въ умственномъ трудѣ, съ развитіемъ инициативы въ хозяйствѣ и т. д., и т. д. Такова наша тяжелая, подавляющая дѣйствительность. Подъ вліяніемъ ея, какъ и нужно было ожидать, только незначительная часть учащихся возвратилась въ родительскія избы и занялась крестьянскимъ хозяйствомъ. Но всѣ такіе питомцы нашей школы принадлежали къ наиболѣе зажиточнымъ семействамъ, часто строившимъ свое благосостояніе на операціяхъ, ничего общаго съ хозяйствомъ не имѣющихъ. Весьма вѣроятно, что нѣ-

которые изъ нихъ сами предпочтутъ эти отцовскія операціи въ будущемъ, а свои сельско-хозяйственныя знанія оставятъ „про себя“, лишь въ видѣ болѣе или менѣе пріятнаго воспоминанія. Но есть среди этой категоріи и такіе, которые воспользовались вынесеннымъ ими изъ школы опытомъ и устроили болѣе или менѣе образцовые пасѣки, сады и столярныя мастерскія.

Другая категорія окончившихъ ученье въ школѣ пристроилась такъ или иначе къ преподавательской дѣятельности. Изъ перваго выпуска (10 человѣкъ) два наиболѣе способныхъ и талантливыхъ ученика продолжали, по окончаніи курса, работать надъ своими знаніями и получили мѣста учителей садоводства въ такихъ-же школахъ, какъ и наша. Другіе два устроились сельскими учителями и, помимо преподаванія общихъ предметовъ народныхъ училищъ, пытаются сообщить своимъ ученикамъ сельско-хозяйственныя знанія. Въ дѣятельности этихъ воспитанниковъ нашей академіи больше всего осуществились тѣ мечты и надежды, которыя заставили меня и Виктора Ивановича примириться съ новой организаціей нашей школы. Нѣтъ сомнѣнія, что по слѣдамъ нашихъ четырехъ учениковъ перваго выпуска, устроившихся учителями, пойдутъ и другіе, окончившіе ученіе въ послѣдующіе годы. Но число ихъ едва-ли будетъ значительно и, по всей вѣроятности, никогда уже не достигнетъ четырехъ изъ десяти, какъ было въ первомъ выпускѣ, съ учениками котораго во время прохожденія курса часто приходилось бесѣдовать объ учительствѣ и подготовлять ихъ къ нему. Увеличить число учениковъ, ищущихъ по окончаніи курса сельско-хозяйственныхъ школъ учительской дѣятельности, было-бы возможно только поставивъ въ связь эти школы съ учительскими семинаріями. Такъ какъ послѣднія по своему общеобразовательному курсу довольно близко подходятъ къ сельско-хозяйственнымъ школамъ 1-го разряда, то возможно было-

бы учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ послѣднихъ, принимать на годъ-два для педагогической подготовки въ семинаріи, а семинаристовъ—для изученія какой-либо отрасли хозяйства—въ сельско-хозяйственныя школы. Такимъ путемъ значительно увеличилось-бы число сельскихъ учителей, да и дѣятельность ихъ приняла-бы болѣе опредѣленное направленіе, исключающее узкую спеціализацію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрушающее схоластическія тенденціи народной школы.

Большинство нашихъ питомцевъ, оканчивая курсъ, шло въ помѣщичьи экономіи въ качествѣ садовниковъ, огородниковъ, нарядчиковъ и приказчиковъ. Разумѣется, это былъ наихудшій исходъ, какъ потому, что, при чрезвычайной дешевизнѣ сельско-хозяйственнаго труда, онъ наименьше обезпечивалъ учениковъ, такъ и въ виду безслѣдной потери для народа силъ и знаній тѣхъ дѣтей его, которые преимущественно передъ другими могли послужить его интересамъ. Какъ ни плохо хозяйство нашихъ помѣщиковъ, но все-таки оно значительно лучше крестьянскаго, приходящаго въ полное разстройство отъ подавляющихъ его бѣдности и косности. Современное состояніе этого хозяйства можетъ грозить неисчислимыми бѣдствіями, а потому расширеніе площади его и улучшеніе всѣми силами и средствами представляетъ неотложную необходимость. Съ этой точки зрѣнія, ученики нашей „мужицкой академіи“ должны были явиться дѣятелями прежде всего мужицкаго хозяйства, и потеря ихъ для него не можетъ считаться пріятной. Поэтому я назвалъ уходъ нашихъ учениковъ въ помѣщичьи экономіи наименѣе желательнымъ и полезнымъ. Очень возможно, что, прослуживъ нѣкоторое время у помѣщиковъ и сколотивъ, при скромныхъ своихъ потребностяхъ, небольшую копѣйку, они возвратятся въ крестьянскую среду, сдѣлаются членами ея и, быть можетъ, дѣятелями, но нельзя не предвидѣть, что такой исходъ будетъ большой рѣдкостью. Барскіе садов-

ники и приказчики, если они не воруютъ и не расхищаютъ господское добро, рѣдко могутъ скопить что-нибудь про черный день, а потому, волей-неволей, должны до конца жизни своей оставаться батраками и работниками на другихъ. Въ общей суммѣ культурной работы и они внесутъ свою крошечную лепту, тѣмъ не менѣе, для наиболѣе нуждающейся въ этой работѣ крестьянской среды, останутся потерянной силой.

Нѣтъ сомнѣнія, что при иной организаціи наша „академія" могла быть болѣе полезна крестьянскому населенію, чѣмъ оказалась въ дѣйствительности; но и въ томъ видѣ, въ какомъ сложилась она, пользу ея едва ли можно отрицать. Работать въ ней стоило хотя-бы для той части учащихся, которые, окончивъ обученіе, снова стали въ близкое отношеніе къ крестьянской средѣ и, трудясь въ качествѣ учителя или просто домохозяина, вносятъ въ нее не только узкія агрикультурныя начала, но и общія культурныя. Быть можетъ, значеніе школы въ этомъ смыслѣ могло быть больше, шире и глубже, но и въ настоящемъ съ нимъ нельзя не считаться, какъ со всякимъ дѣломъ, задуманнымъ и осуществленнымъ не ради однѣхъ только личныхъ и эгоистическихъ цѣлей, а и для блага народа. Съ этой точки зрѣнія, необходимо признать огромныя заслуги Клеоника Петровича, создавшаго школу, можно сказать, изъ ничего. У него не было ни средствъ, ни людей, спеціально подготовленныхъ для такого дѣла, ни того вліянія, которому все подчиняется. Со стороны общественнаго положенія онъ оставался захудалымъ дворянчикомъ, едва сводящимъ концы съ концами и добившимся значенія и вліянія только своими высокими умственными и нравственными качествами. Безъ денегъ, безъ вліянія, среди общей зависти и неодобренія, считаясь съ обвиненіями въ неблагонадежности, въ подрывѣ государственныхъ основъ, началъ этотъ человѣкъ свое нелегкое дѣло, побѣдилъ чуть не всеобщее

противодѣйствіе, разсѣялъ предубѣжденіе и создалъ нѣчто замѣтное и во всякомъ случаѣ полезное. Съ этой точки зрѣнія исторія того, „какъ мы устроили нашу мужицкую академію“, представляетъ глубокій интересъ и важное значеніе. Разумѣется, мы, окружавшіе Клеоника Петровича и помогавшіе ему, несмотря даже на принципіальныя разногласія съ нимъ, играли въ этомъ случаѣ самую второстепенную роль, такъ какъ дѣлали только домашнюю работу, за которую не приходилось переносить ни ударовъ отъ противодѣйствующаго общества, ни матеріальныхъ жертвъ, граничащихъ съ разореніемъ. Мы исполняли только то, что сдѣлали-бы всѣ сколько-нибудь интеллигентные люди, попавшіе въ наше положеніе. Но нашъ „генералъ“ шелъ дальше и, поступаясь личнымъ спокойствіемъ и благополучіемъ, принесъ свои матеріальныя средства въ жертву такому дѣлу, которое не можетъ остаться незамѣченнымъ въ мѣстной исторіи. Онъ еще разъ доказалъ, что и „одинъ въ полѣ“ можетъ быть истиннымъ воиномъ, если только онъ человѣкъ искренній—безъ страха и упрека.

ВЪ ГОРАХЪ И ПРЕДГОРЬЯХЪ СѢВЕРНАГО КАВКАЗА.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ статистика).

Когда судьба бросила меня на Кавказъ, я былъ пораженъ неосвѣдомленностью мѣстныхъ дѣятелей о томъ краѣ, въ которомъ имъ приходилось жить и работать. Въ виду этого, я рѣшилъ во что бы то ни стало добиться статистическаго описанія нѣкоторыхъ частей Сѣвернаго Кавказа, которыя были мнѣ, по моимъ занятіямъ тамъ, наиболѣе доступны. Имѣя опытъ въ статистическихъ работахъ, пріобрѣтенный мной при участіи въ земской статистикѣ, я хотѣлъ примѣнить его и на Кавказѣ. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ средствъ, воспользоваться земскимъ опытомъ не удалось, и я вынужденъ былъ собирать статистическія свѣдѣнія самымъ несовершеннымъ — бланковымъ способомъ.

Желая, однако, насколько возможно провѣрить свѣдѣнія, полученныя на бланкахъ, я предпринялъ рядъ „статистическихъ" поѣздокъ и по отношенію къ этимъ свѣдѣніямъ добился болѣе или менѣе удовлетворительныхъ результатовъ.

Нѣкоторыми впечатлѣніями, полученными во время этихъ поѣздокъ, и показавшимися мнѣ имѣющими общій интересъ, я подѣлился съ читателями издававшагося тогда журнала „Наблюдатель", избѣгая, разумѣется, скучныхъ статистическихъ подробностей.

Теперь я собралъ вмѣстѣ мои печатавшіеся путевыя замѣтки и, посокративъ ихъ въ частяхъ, имѣвшихъ временный характеръ, включаю ихъ въ эту книгу.

I.

Въ горахъ Дигоріи.

1. Предгорье.

Однимъ изъ самыхъ глухихъ и малоизвѣстныхъ уголковъ Сѣвернаго Кавказа до сихъ поръ остается Дигорія. Несмотря на то, что послѣдняя составляетъ неотъемлемую часть Осетіи, о которой такъ много пишутъ и говорятъ, она рѣдко останавливаетъ на себѣ вниманіе ученаго изслѣдователя или любознательнаго туриста. Это обстоятельство, въ значительной мѣрѣ, зависитъ отъ географическаго положенія дикаго первобытнаго уголка, черезъ который не идетъ ни одна изъ наиболѣе бойкихъ дорогъ. Дигорія заняла предгорье Кавказскаго хребта вплоть до снѣжныхъ великановъ его, въ мѣстности между кабардинскими и татарскими народностями Нальчикскаго округа и Ардонскимъ ущельемъ, по которому пролегаетъ военно-осетинская дорога; такимъ образомъ, она составляетъ крайній юго-западный уголъ Осетіи, вошедшій, въ срединѣ 1888 года, въ составъ Владикавказскаго округа Терской области. Дигорцы—тѣ же осетины, хотя и отличаются отъ нихъ нѣкоторыми чертами, ставящими ихъ по отношенію къ остальнымъ осетинамъ почти въ такое же положеніе, какъ малороссы стоятъ по отношенію къ великоруссамъ; но, тѣмъ не менѣе, они составляютъ одно племя и одинъ народъ.

Этотъ-то, во многихъ отношеніяхъ, оригинальный уголокъ удалось мнѣ посѣтить лѣтомъ 1890 г. и сдѣлать о немъ нѣсколько наблюденій, кажется, еще не появлявшихся въ печати.

Рано утромъ почтовая тройка лихо мчала меня изъ Владикавказа. Было начало іюля. Весь май и іюнь шли безпрерывные дожди и населеніе запоздало съ сельскохозяйственными работами. Въ степи шла усиленная уборка травы. Вся мѣстность близъ города пестрѣла косарями и гребцами, а кое-гдѣ стояли уже копны сѣна, казавшіяся точно насаженными на колъ. Зимой, когда сѣно осядетъ вокругъ этого кола, его берутъ веревкой за верхушку, наклоняютъ и, такимъ образомъ, легко и сразу сваливаютъ всю копну на сани. Въ степи душно: жара достигаетъ, несмотря на ранній часъ, 40°. По мѣрѣ удаленія отъ города, поля все менѣе и менѣе оживлены. Въ высокой травѣ уже преобладаетъ сорная растительность, не привлекающая косаря и остающаяся нетронутой. Встрѣчаются относительно небольшія пространства въ 5—20 десятинъ земли, занятыя хлѣбами. Но хлѣба въ этомъ году плохи: отъ обильныхъ дождей они сильно засорились травами, вышли рѣдки; зерно налилось плохо, колосъ мелкій и тонкій. До самой Ардонской станицы (34 версты отъ Владикавказа) преобладающее мѣсто занимаютъ громадныя пространства невоздѣланной земли. Здѣсь какъ-то жутко, тоскливо: кажется, точно въѣхалъ въ тѣ предѣлы, гдѣ нѣтъ уже человѣческой жизни и культуры. Мы переѣзжаемъ нѣсколько шумныхъ горныхъ ручьевъ, обыкновенно ничтожныхъ и мелководныхъ, но теперь,—подъ вліяніемъ дождей и таянія снѣговъ въ горахъ,—пополнѣвшихъ, помутнѣвшихъ и иногда небезопасныхъ. Шумно мча свои воды, эти рѣчонки катятъ по своему, сплошь усѣянному мелкимъ щебнемъ, дну довольно большіе

камни, которые еще болѣе усиливаютъ и безъ того значительный гулъ горнаго потока. Мѣстами вода заходитъ за колѣни лошадей, которыя съ трудомъ тащатъ тарантасъ, задерживаемый и быстрымъ теченіемъ и неровнымъ дномъ, усѣяннымъ щебнемъ и голышемъ. Ардонъ, разбрасывающій свои притоки кругомъ станицы, которой далъ имя, вполнѣ оправдываетъ свое названіе бѣшеной рѣки (*ар*, по осетински, бѣшеный, сумашедшій, а *дон* — вода, рѣка). Онъ такъ шумитъ, пѣнится, такъ вздымаетъ свои волны, что невольно привлекаетъ особенное вниманіе жителя средней Россіи, не привыкшаго къ такимъ оригинальнымъ рѣкамъ. На немъ и его притокахъ нѣсколько прекрасныхъ мостовъ. Лучшій и наибольшій изъ нихъ, передъ станицей, — нѣкогда солидной и прочной постройки, — теперь содержится такъ дурно, что ѣзда по этому мосту прекращена уже нѣсколько лѣтъ, и мы переѣзжаемъ широкую рѣку въ бродъ. Приходится стать въ тарантасѣ на сидѣнье, чтобы не замочить ногъ.

Всю дорогу слѣва тянутся безпрерывной грядой великаны Передоваго хребта, превосходящаго, какъ извѣстно, своей высотой вершины Главнаго хребта. Противъ Владикавказа — Казбекъ, съ своими двумя снѣжными конусами и такой же сѣдловиной между ними; затѣмъ покрытыя вѣчными снѣгами еще другія вершины, среди которыхъ мнѣ указали Джемари-хохъ, Адай-хохъ и др. [1]). По направленію къ плоскости, по которой мчитъ меня лихая тройка, Передовой хребетъ понижается, параллельно съ идущими съ нимъ Пестрыми горами, представляющими рядъ голыхъ гранитныхъ и трахитовыхъ безплодныхъ скалъ. Еще ближе къ плоскости темнѣютъ относительно - небольшіе, широкіе бугры Черныхъ горъ, сплошь покрытыя густою лѣсною растительностью. Передъ проѣзжимъ, время отъ вре-

[1]) *Хохъ*, по осетински, означаетъ гору.

мени, открываются ущелья, дымящіяся туманами и прорѣзывающія гигантскими расщелинами несокрушимую громаду каменныхъ породъ. Мы ѣдемъ въ 10—30 верстахъ отъ Черныхъ горъ, но ни ясность всего пейзажа, ни очертаніе отдѣльныхъ вершинъ нисколько не измѣняются по мѣрѣ приближенія или удаленія отъ нихъ. Все видишь передъ собой эту громаду, этихъ великановъ Кавказа, и не можешь оторвать отъ нихъ глазъ.

Дорога идетъ по предгорной плоскости. Стоитъ вглядѣться въ безпрерывно тянущуюся равнину направо отъ дороги, и близкое сосѣдство горъ невольно забывается. Безконечная степь, полосы несжатаго озимаго ячменя, работающіе въ полѣ люди—все это знакомѣе и ближе сердцу русскаго человѣка.

Станица Ардонская слилась съ осетинскимъ селеніемъ Ардонъ, въ концѣ котораго возвышается зданіе духовнаго училища для инородцевъ, содержимаго на средства общества распространенія христіанства среди горцевъ Кавказа. За селеніемъ мѣстность гораздо больше оживлена въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Здѣсь, видимо, нѣтъ уже такого простора земель, какой наблюдался въ казачьихъ станицахъ. Это земли осетинскихъ ауловъ. Трава здѣсь почти убрана, а на большинствѣ полей убираютъ ячмень. Кукуруза густой зеленой чащей выдѣляется среди пожелтѣвшихъ полей хлѣбныхъ злаковъ. Мы подъѣзжаемъ къ Бѣлой рѣчкѣ, и я, видѣвшій ее здѣсь двѣ недѣли назадъ, просто не узнаю рѣки. Тогда мы ѣхали черезъ многія высохшія русла ручьевъ и притоковъ, по обнаженному дну которыхъ, сплошь усѣянному мелкимъ сухимъ голышемъ, невозможно было замѣтить даже небольшой лужицы. Сама рѣчонка, въ видѣ небольшаго потока саженъ въ 5 или 7 ширины, занимала только одно русло и своимъ мелководьемъ рѣшительно не обращала на себя никакого вниманія. Теперь же передо мной была грозная широкая рѣка, разбившаяся на множество бурныхъ

рукавовъ и занявшая собою, по крайней мѣрѣ, четверть или треть версты. Сухія русла превратились теперь въ шумныя рѣки, переправляясь черезъ которыя даже привычная туземная лошадь боязливо осматривается и ощупываетъ ногой устойчивость почвы. Вода покрыла оси тарантаса и приближается къ кузову его. Еще одно усиліе лошадей, и мы выбираемся на продолговатый островъ, образуемый рукавами. Передъ нами еще болѣе бурный и глубокій потокъ, но ямщикъ благоразумно ѣдетъ у самаго берега противъ теченія и, выбравъ мѣсто помельче, переѣзжаетъ и этотъ рукавъ, глядя на стремительность котораго, начинаешь и самъ ощущать головокруженіе. Черезъ 10—20 минутъ мы, наконецъ, благополучно переѣзжаемъ всѣ безчисленные протоки и рукава Бѣлой рѣчки, такъ внезапно переполнившейся отъ дождей въ горахъ, и невольно вздохъ облегченія вырывается изъ моей груди.

-- А назадъ хуже будетъ ѣхать,—флегматично заявляетъ мой ямщикъ-казакъ, оглядывая проѣханное пространство и, постегивая лошадей, прибавляетъ: — вода дюже идетъ съ горъ.

— А бываютъ ли несчастія при такихъ переправахъ?—спрашиваю я.

— Тутъ не слыхать, ваше выс-іе, — почтительно отвѣчаетъ ямщикъ, — а у насъ въ Ардонѣ, прошлымъ лѣтомъ, такъ арбу перекинуло въ водѣ и татарчукъ утонулъ.

Ямщикъ передаетъ далѣе подробности этого происшествія съ такими подробностями, изъ которыхъ для васъ дѣлается очевиднымъ, что его гораздо болѣе интересовала судьба арбы и коня, чѣмъ погибшаго „татарчука“.

Но вотъ и Христіанское селеніе — первый и крупнѣйшій дигорскій аулъ. Здѣсь предстоитъ мнѣ продолжительный отдыхъ и стоянка.

Два крупнѣйшихъ дигорскихъ селенія — Христіан-

ское и Магометанское — расположились на плоскости близъ горъ, а послѣднее, такъ сказать, у самаго входа въ горы. Они получили свое названіе исключительно по религіи, которую исповѣдуетъ населеніе, и, служа, такимъ образомъ, представителями двухъ вѣроученій, не прекращаютъ между собою ни дружескихъ отношеній, ни кровныхъ связей. Въ Христіанскомъ селеніи выстроена красивая каменная церковь и большое зданіе народнаго училища. Но дигорцы—плохіе христіане и не очень охотно посѣщаютъ свою церковь; училище же, какъ говорили мнѣ, всегда переполнено дѣтьми.

Здѣсь предстояло мнѣ разыскать домъ дигорца Тукаева, у котораго гостилъ въ это время сынъ его Соломонъ Алексѣевичъ, мой пріятель, съ которымъ мы собирались объѣхать вмѣстѣ горную Дигорію. Соломонъ Алексѣевичъ получилъ образованіе въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Москвы и служилъ гдѣ-то въ Кубанской области. Сѣверный климатъ нашей первопрестольной столицы, — какъ это часто бываетъ съ кавказскими горцами, — оказался слишкомъ суровымъ, и Соломонъ Алексѣевичъ окончилъ курсъ уже со всѣми задатками легочной чахотки. Развитіе недуга нѣсколько задержалось на югѣ, но все-таки онъ замѣтно таялъ и въ это лѣто пріѣхалъ отдохнуть и полѣчиться на родинѣ у отца. Отсюда мы сговорились ѣхать вмѣстѣ въ горы: — я для провѣрки нѣкоторыхъ статистическихъ данныхъ, а Габуди,—такъ по осетински звали Соломона Алексѣевича, —для лѣченія. Мѣстные горцы противъ легочной чахотки употребляютъ въ горахъ кефиръ, въ который кладутъ куски льда, добываемаго изъ возможно болѣе глубокихъ слоевъ вѣчныхъ ледниковъ. Говорятъ, что отъ этого кефиръ не только охлаждается, но въ немъ происходятъ какія-то неизвѣстныя измѣненія, которыя не вызываются обыкновеннымъ зимнимъ льдомъ. Это-то лѣченіе и хотѣлъ попробовать нашъ Габуди, медленно умиравшій отъ

неизлѣчимой болѣзни. Къ сожалѣнію, оно не принесло ему никакой пользы...

Старика Тукаева разыскать въ селеніи нетрудно. Его знаетъ тамъ и старый, и малый, потому что онъ человѣкъ незаурядный. Будучи неграмотнымъ, онъ первый во всемъ селеніи началъ учить дѣтей: одного въ семинаріи, другого—Габуди—въ реальномъ училищѣ, по окончаніи котораго далъ ему возможность поѣхать въ Москву. Онъ первый открылъ въ селеніи лавочку, первый пріобрѣлъ такія улучшенныя сельскохозяйственныя машины, какъ сѣнокосилку и т. п. Правда, со всѣмъ этимъ ему не везло: лавочка давала убытки и ее пришлось закрыть, машины были куплены неудачно и ихъ забросили. Старшій сынъ—семинаристъ—умеръ, передъ окончаніемъ курса, а Габуди былъ такъ близокъ къ могилѣ. Старику жилось нелегко, а потому нельзя было не удивляться той энергіи и той бодрости, которыя сохранились въ немъ. Онъ всегда на ногахъ, всегда хлопочетъ, несмотря на то, что отъ всего его довольно значительнаго состоянія осталось теперь одно воспоминаніе.

Едва мы подъѣхали къ его домику, выстроенному на европейскій ладъ, какъ къ намъ вышелъ на встрѣчу Соломонъ Алексѣевичъ, бодро державшійся на ногахъ и, очевидно, чувствовавшій себя въ это время гораздо лучше прежняго. Слѣдомъ подошелъ и его отецъ, одѣтый въ бѣлую суконную черкеску, но безъ кинжала. Это—средняго роста симпатичный старикъ, съ серьезнымъ лицомъ, привѣтливыми карими глазами, съ совершенно бѣлой сѣдой бородой и, по общему обыкновенію осетинъ, гладко остриженный. Онъ радушно протягиваетъ мнѣ руку, приглашаетъ въ домъ и самъ беретъ мои вещи, чтобы внести ихъ туда же. Домикъ, согласно установленному обычаю, во всю его длину снабженъ открытой галлереей, на столбахъ которой поддерживается черепичная крыша. Съ галлереи мы всту-

паемъ въ корридоръ, отдѣляющій одну или двѣ жилыя комнаты отъ чулана и упирающійся въ чистую комнату, очевидно, „кунацкую“. Внутри дома нѣсколько грязновато, но чувствуешь себя свободно. Мебель,—несомнѣнное произведеніе деревенскаго столяра,—напоминаетъ обыкновенную обстановку небогатой мѣщанской семьи: стулья и диванъ обиты ситцемъ, а столъ покрытъ скатертью изъ простого холста. Въ комнатѣ свѣтло и пахнетъ „черемшой“,—этимъ общимъ кушаньемъ у всѣхъ народностей сѣвернаго Кавказа, употребляемымъ то какъ приправа, вмѣсто хрѣна, горчицы и чесноку, то какъ самостоятельное блюдо. Многіе русскіе, сравнивая, по вкусу черемшу со спаржей, съ прибавленіемъ нѣкоторой остроты, находятъ ее очень вкусной, но я никогда не могъ преодолѣть отвращенія къ ея зловонію и потому не рѣшался попробовать этого чисто восточнаго кушанья. Мы остаемся въ „кунацкой“ вдвоемъ съ Соломономъ Алексѣевичемъ. Отецъ его хлопочетъ около лошадей, по части нашего снаряженія въ дальнѣйшую дорогу. Изрѣдка онъ входитъ, чтобы только переброситься нѣсколькими словами съ сыномъ о необходимыхъ вещахъ для путешествія въ горахъ. Меньшой сынъ его приноситъ намъ чай, кефиръ и квасъ, чтобы освѣжиться напитками съ дороги. Онъ почтительно останавливается въ дверяхъ, не имѣя права, по обычаю, сѣсть при старшемъ братѣ. Этотъ же обычай, уже не соблюдаемый Соломономъ Алексѣевичемъ по отношенію къ отцу, удерживаетъ послѣдняго при людяхъ отъ желанія побыть вмѣстѣ съ гостями и сыномъ. Женщины, во все время моего пребыванія въ домѣ Тукаевыхъ, не показывались изъ своихъ комнатъ, хотя мнѣ и пришлось видѣть, черезъ отворенную въ корридоръ дверь, стройную, типичную красавицу, сестру Габуди. Вслѣдъ за чаемъ, безъ перерыва, подаютъ и обѣдъ. На столъ ставится все сразу: жареная курица съ приправой черемши, варе-

ная баранина, шашлыкъ (мелкіе куски баранины, жареные на вертелѣ), пирожки съ творогомъ, жареные въ маслѣ, какъ то особенно сваренный въ маслѣ сыръ, цѣлые вороха чурека (ячменнаго хлѣба) и добрая бутылка араки. Арака—это плохая водка, съ большою приправою сивушнаго масла, изготовляемая чуть ли не въ каждомъ осетинскомъ дворѣ. Я могъ только слегка попробовать ее, а хозяева—спасибо имъ!—не принуждаютъ пить. Все, кромѣ твороговыхъ пирожковъ, не вкусно съ непривычки. Мясо мокаютъ въ чашку съ кефиромъ, въ который положена толченая черемша. Это замѣняетъ хрѣнъ. Чурекъ можно ѣсть только, пока онъ свѣжій; черезъ день же послѣ изготовленія, онъ уже дѣлается твердымъ, какъ подошва, и невкуснымъ. Обѣдъ окончился около часу дня.

Послѣ обѣда мы идемъ побесѣдовать съ сельскими властями, съ стариками и осмотрѣть аулъ. Это—большое селеніе въ 760 дворовъ--или, по мѣстному выраженію, „дымовъ"—и съ 4.611 душами населенія обоего пола. Такимъ образомъ, средній составъ семьи не великъ; число мужчинъ превышаетъ число женщинъ: на 121 мужчину приходится только 109 женщинъ. Земли у жителей христіанскаго селенія относительно немного—всего 7.670 дес., т. е. немногимъ болѣе 10 дес. на дворъ, или 3,15 дес. на наличную душу мужского пола, что, при обиліи здѣсь свободныхъ земель и при господствѣ „переложной системы" пользованія, оказывается очень недостаточнымъ. Благодаря этому обстоятельству, и скотоводство, даже несмотря на близость чисто-альпійскихъ пастбищъ, развилось слабо. Болѣе 45 проц. домохозяевъ оказываются „безлошадными", хотя это обстоятельство,—вслѣдствіе того, что главной рабочей силой служатъ волы,—не имѣетъ того значенія, какъ въ средней Россіи. Однако и число дворовъ, совсѣмъ не имѣющихъ крупнаго рогатаго скота, достигаетъ 50, т. е. $^1/_{15}$ общаго числа. Овцеводство, которое

могло бы развиться при близости пастбищъ, также мало распространено: на все селеніе насчитывается лишь немного болѣе 4.000 овецъ. Что касается торговли, то она приняла бо̀льшіе размѣры, чѣмъ можно было бы ожидать: здѣсь цѣлыхъ 16 лавокъ, торгующихъ по гильдейскимъ документамъ, и двѣ—мелочныхъ. Преобладаютъ лавки съ краснымъ товаромъ, причемъ во второмъ отдѣленіи такой лавки устроены закрома для ссыпки кукурузы, которая принимается торговцами преимущественно въ обмѣнъ на товаръ. Такая мѣновая торговля даетъ значительный доходъ торговцамъ и, разумѣется, разорительна для покупателей. Питейныхъ заведеній нѣтъ: право свободнаго изготовленія араки исключаетъ надобность въ нихъ. Изъ промышленныхъ заведеній насчитываютъ 28 мельницъ, 14 кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ, 7 кузницъ и 11 другихъ мелкихъ заведеній. До ближайшаго базара (въ ст. Ардонской) 10—12 верстъ.

Если судить по наружному виду церкви объ усердіи прихожанъ, то легко можно ошибиться: зданіе церкви красиво и опрятно, но жители селенія—плохіе христіане. Сами они разсказываютъ, что стариковъ ихъ „крестилъ приставъ". Соберетъ, бывало, народъ къ водѣ, писарь запоетъ: „во Іордане крещающеся Господи", а приставъ велитъ всѣмъ лѣзть въ воду и затѣмъ цѣловать крестъ. Такое упрощеніе христіанскаго обряда никого не смущало, а вновь крестившіеся даже радовались, такъ какъ за крещеніе они получали кумачевыя рубашки. Вкусъ къ послѣднимъ такъ развился, что многіе стали креститься подъ другими вымышленными именами уже по нѣскольку разъ. Такое легкомысленное отношеніе продолжалось однако недолго. Вскорѣ было возбуждено нѣсколько процессовъ за „вѣроотступничество" и виновные жестоко поплатились. Тутъ только дигорцы увидѣли, что съ ними не шутятъ. Но отъ этого они, разумѣется, не сдѣлались

лучшими христіанами. Напротивъ, по словамъ Габуди и многихъ другихъ, всѣ осетины въ религіозномъ отношеніи—народъ вполнѣ индифферентный. Правда, они вѣрятъ во единаго Бога, но и только; Христа почитаютъ, но скорѣе такъ, какъ магометане почитаютъ Магомета, а никакъ не наравнѣ съ Богомъ. Обряды до нельзя смѣшанные: есть христіанскіе и магометанскіе, но большинство—прямо языческіе.

На другой день въ три часа, мы выѣхали верхомъ по направленію къ Ново-Магометанскому селенію, отстоящему въ 20-ти верстахъ отъ Христіанскаго. Проводникомъ у насъ былъ дальній родственникъ Тукаевыхъ, Карасе, а шестнадцатилѣтній мальчикъ Александръ ѣхалъ на навьюченной лошади и держалъ за поводъ еще такую же. Намъ предстоялъ еще продолжительный путь въ горахъ, а потому нужно было беречь какъ свои силы, такъ и силы лошадей. Вся наша группа въ четыре всадника и пять коней подвигалась впередъ медленной, мелкой рысью. Габуди, я и Карасе ѣдемъ рядомъ, а Александръ нѣсколько сзади. Габуди разсказываетъ мнѣ о постановкѣ сословныхъ вопросовъ въ Дигоріи и совершенно отрицаетъ дворянскія права сословія баделятъ. Карасе плохо понимаетъ разговоръ, но весело и оживленно одобряетъ демократическіе взгляды Соломона Алексѣевича.

Однообразіе степной полосы смѣнилось оживленностью и разнообразіемъ слегка холмистой мѣстности, живо напоминающей долины Псела, Ворсклы или другой какой красавицы украинской рѣки. Если бы не тянущаяся слѣва отъ дороги высокая гряда кавказскихъ горъ-великановъ, да не стройная фигура Карасе, въ папахѣ и буркѣ, почти съ аршиннымъ кинжаломъ за поясомъ, то право можно было бы подумать, что мы совершаемъ прогулку гдѣ нибудь по Слободской Украйнѣ, а не на высотѣ 3 тыс. футовъ у подножія снѣжныхъ великановъ. Вся мѣстность слегка

волнистая; мы ѣдемъ то полемъ, кругомъ засѣяннымъ кукурузой, ячменемъ и пшеницей, то спускаемся въ неглубокую балку, примыкающую однимъ своимъ берегомъ къ лѣсу, то снова поднимаемся по отлогому склону среди роскошной травы, пестрѣющей, какъ послѣ дождя, самой свѣжей зеленью, самыми яркими цвѣтами. Нигдѣ въ Россіи, кромѣ Сѣвернаго Кавказа, у подножія горнаго хребта нельзя встрѣтить такой замѣчательной свѣжести и яркости цвѣтовъ, травъ и растеній. Горная рѣченка, попадающаяся намъ на пути, хотя увеличилась въ размѣрѣ, но все-таки мелководна и не велика. Лошади останавливаются на срединѣ теченія и съ жадностью пьютъ ея студеную воду. Часа черезъ два мы чувствуемъ приближеніе вечерней прохлады, и холодное дыханіе снѣжныхъ горъ понуждаетъ насъ снять съ сѣделъ бурки и накинуть ихъ на плечи. Часамъ къ семи мы въѣзжаемъ въ Ново-Магометанскій аулъ и, проѣхавъ цѣлую массу узкихъ кривыхъ улицъ, подъѣзжаемъ къ дому тетки Соломона Алексѣевича.

Пока мы сходимъ съ лошадей и отряхиваемся отъ пыли, на зеленой травѣ двора появились тюфяки, плетеныя подстилки изъ сухой травы и подушки, принесенныя для насъ сыномъ хозяйки. Мы усѣлись среди двора, а Соломонъ Алексѣевичъ пошелъ въ саклю повидаться съ теткой. Она, — какъ узналъ я, — магометанка, и притомъ ревностная, какъ и всѣ дигорцы-магометане. Въ дѣтствѣ она, кажется, была крещена, какъ и братъ ея—Алексѣй, отецъ Габуди. Но, выйдя замужъ за магометанина и притомъ въ аулѣ, гдѣ совсѣмъ не было христіанъ, она возвратилась къ прежней религіи. Собственно ренегатства здѣсь никакого не было, такъ какъ крещеніе въ то время не сопровождалось никакимъ внушеніемъ новой вѣры и считалось простой и выгодной (ради кумачевой рубахи) формальностью, которую совершали изъ угодливости къ начальству. Всѣ

крестившіеся оставались въ сущности послѣдователями Магомета, продолжали родниться съ магометанами путемъ браковъ, совсѣмъ забывъ про совершенное надъ ними крещеніе. Только много лѣтъ спустя, населеніе узнало, что оно теперь другой вѣры и, хотя отчасти, стало знакомиться съ этой вѣрой. Тетка Соломона Алексѣевича не узнала и этого немногаго, такъ какъ была уже замужемъ за магометаниномъ, жила среди магометанъ и въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ не отличалась ничѣмъ отъ окружающихъ. Она и послѣ смерти своего мужа пользуется нѣкоторымъ почетомъ и слыветъ за старуху очень добрую, симпатичную и ласковую. „Даже самъ приставъ не кричитъ на нее",— наивно говорили мнѣ, желая охарактеризовать ея симпатичность.

Сюда же во дворъ принесли кипящій самоваръ, гдѣ-то взятый по случаю пріѣзда гостей. Чай и сахаръ у насъ нашлись, а вмѣсто хлѣба намъ принесли тѣ же вкусныя горячія лепешки съ творогомъ и безъ творогу. По бѣдности, хозяйка не имѣла постоянной кунацкой и, пока мы сидѣли во дворѣ, кунацкую приготовляли. Дворъ очень обширенъ и его размѣрамъ позавидуетъ всякій крестьянинъ наиболѣе многоземельной губерніи средней Россіи. Домъ, раздѣлявшій усадьбу на двѣ части—огородъ и, собственно, дворъ,— очень типиченъ для осетинскихъ ауловъ. При длинѣ въ 15—20 аршинъ, онъ имѣетъ въ ширину не болѣе 6-ти и представляетъ, такимъ образомъ, рядъ клѣтокъ, поставленныхъ одна около другой, покрытыхъ одной черепичной крышей и имѣющихъ, каждая, свой отдѣльный выходъ въ открытую галерею, расположенную по длинѣ всего дома. Крайняя къ воротамъ комнатка служитъ, во время пріѣзда гостей, кунацкой, средняя замѣняетъ кладовую, а остальныя — жилыя комнаты. Во дворѣ расположены довольно просторные навѣсы, сарай, амбаръ, ясли для корма скота, кукурузная пле-

тенка и непремѣнная принадлежность всякаго осетинскаго двора, всегда отсутствующая у русскаго мужика,—отхожее мѣсто. Домъ и амбаръ—рубленые, а остальныя постройки—плетневыя, крытыя соломой.

Кунацкая, куда перешли мы, какъ только стемнѣло, не велика, — по 6—7 арш. въ длину и ширину, — но чиста и уютна. Стѣны почти цѣликомъ закрыты: съ одной стороны, вязаной скатертью, съ бахромой, пришитой къ кумачу, съ другой—коленкоромъ съ нашитыми, кумачевыми цвѣтами, а съ третьей—ситцевыми платками. У стѣны, что противъ двери, низкая широкая лавка-диванъ, на которой уложены тюфяки и подушки. Здѣсь мы усаживаемся съ Габуди. Карасе, Александръ, сынъ хозяйки и нѣсколько осетинъ-дигорцевъ, пришедшихъ полюбопытствовать на пріѣзжихъ, стоятъ у дверей, растворенныхъ настежъ. Намъ подаютъ ужинъ на низенькомъ кругломъ столикѣ, съ возвышенными краями на подобіе блюда. На столикѣ лежали чурекъ, куски варенаго барашка, шашлыка и много тѣхъ же лепешекъ-пирожковъ. Кефиръ съ черемшой фигурируютъ въ видѣ приправы и стоятъ на самой срединѣ столика въ деревянной мисочкѣ. Кушанья приноситъ тетка Габуди и ея дочь, очень молоденькая дѣвушка, со свѣжимъ миловиднымъ лицомъ. Она нѣсколько конфузится и закрывается головнымъ платкомъ.

— Пріѣзжай къ намъ въ аулъ,—говоритъ ей, шутя, Соломонъ Алексѣевичъ:—я тебя замужъ за христіанина отдамъ.

— Не хочу,—отвѣчаетъ она,—отъ него свиньей воняетъ.

Слѣдуетъ взрывъ хохота, а стыдливая красавица убѣгаетъ. На мой вопросъ Соломонъ Алексѣевичъ объясняетъ, что отвращеніе отъ свинины здѣсь настолько значительно, что даже изъ христіанъ-осетинъ только немногіе употребляютъ ее.

Скоро послѣ ужина, сынъ хозяйки просилъ собравшихся не безпокоить насъ, и мы улеглись очень рано. Подъ гостепріимнымъ кровомъ дигорца можно спать совершенно спокойно. Еслибы была хоть малѣйшая опасность, хозяинъ самъ будетъ лучшимъ сторожемъ своего гостя и не дастъ его въ обиду. Утромъ, въ пять часовъ, отворили ставни и яркая полоса свѣта пробудила насъ. Передъ отъѣздомъ, мы напились чаю и молока. Не успѣли осмотрѣться, какъ опять появился тотъ же столикъ съ тѣми же явствами, какъ и вчера. Габуди говоритъ, что и онъ, и я больны, и что ѣсть намъ поэтому невозможно. Это обстоятельство, хотя и огорчаетъ хозяевъ, но причина настолько уважительна, что отказъ не принимается за обиду. Народу набирается въ кунацкую много и всѣ входящіе привѣтствуютъ насъ словами: „уа бонъ хуорзъ“ (да будетъ добрый день). Въ комнатѣ дѣлается душно и мы выходимъ на галлерею, гдѣ усаживаемся на крылечкѣ. Къ Габуди подсаживается его тетка и ласково, нѣжно гладитъ его рукой по спинѣ. Соломонъ Алексѣевичъ говоритъ мнѣ, что положеніе женщины въ Дигоріи и Осетіи не такъ плохо, какъ думаютъ многіе. Правда, домашняя работа лежитъ всецѣло на женщинахъ, но полевыя работы теперь не входятъ въ кругъ ихъ обязанностей: онѣ исполняются уже мужчинами. Жена въ домѣ имѣетъ свои права и свою власть, и хозяинъ, на котораго не имѣетъ вліянія жена, большая рѣдкость. На супруговъ, живущихъ между собою недружно, смотрятъ неодобрительно, а мужа, бьющаго свою жену, презираютъ. Народная пословица прямо говоритъ: „если словами не исправишь жену, то палкой—тѣмъ болѣе“. Вдова пользуется правами, общимъ для домохозяевъ, а тетка Соломона Алексѣевича,—какъ мы уже говорили, — уважается своими односельцами. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сохраняется еще много старыхъ обычаевъ. Такъ, въ знакъ уваженія къ мужу и

его семьѣ, обычай требуетъ, чтобы молодая женщина, въ первое время по вступленіи въ домъ мужа, говорила неиначе, какъ шопотомъ, чтобы она не называла его по имени и не произносила фамиліи, а употребляла выраженія въ третьемъ лицѣ. Гостямъ женщина, по прежнему обычаю, тоже не должна показываться; но теперь это уже не такъ строго соблюдается. Тетка Габуди продолжала ласкать его и упрашивала остаться еще погостить у нея. Но намъ нужно было спѣшить, такъ какъ предстояло еще побывать въ сельскомъ управленіи и не очень запаздывать для дальнѣйшей дороги.

Селеніе Ново-Магометанское почти вдвое меньше Христіанскаго. Въ немъ насчитываютъ немногимъ больше 300 дворовъ съ 2,234 душами населенія обоего пола. Земли приходится на душу гораздо меньше, чѣмъ въ Христіанскомъ селеніи, а именно: на наличную душу удобной — менѣе 1,4 дес., а на душу мужскаго пола—2,6 дес., т. е. приблизительно столько же, сколько въ центральныхъ черноземныхъ малоземельныхъ губерніяхъ. Впрочемъ, здѣсь есть еще до 1,000 дес. выпаса, дающаго возможность жителямъ имѣть овецъ, даже нѣсколько больше, чѣмъ въ Христіанскомъ селеніи, которое,—какъ мы уже видѣли, — вдвое превышаетъ своими размѣрами и населенностью Ново-Магометанскій аулъ. Малоземелье, съ одной стороны, и религія, съ другой, побуждаютъ ново-магометанскихъ жителей мечтать о переселеніи въ Турцію.

— Но неужели, — спрашиваю я Соломона Алексѣевича,—имъ никто не скажетъ, что въ Турціи будетъ гораздо хуже?

— Какъ не говорятъ!—отвѣчаетъ онъ.—Я сейчасъ то же самое повторялъ имъ, но они утверждаютъ, что знаютъ это хорошо и если идутъ, то только для того, чтобы сохранить въ чистотѣ свою вѣру.

— Кто же мѣшаетъ имъ въ этомъ здѣсь? — недоумѣваю я.

— Солдатъ берутъ, свинью велятъ ѣсть,—вмѣшивается Карасе.

Разговоръ продолжается на ту же тему, и я прихожу къ убѣжденію, что реальными поводами къ переселенію служатъ нетакъ утѣсненія въ вѣроисповѣданіи, какъ личная воинская повинность, да неудовольствія съ мѣстной администраціей.

---

2. По Урухскому ущелью.

Несмотря на раннюю пору, солнце допекаетъ насъ очень чувствительно. Масса оводовъ положительно мучитъ нашихъ лошадей, которыя, даже не смотря на плеть и узду, останавливаются подъ всадникомъ, забрасываютъ голову на бокъ или опускаютъ ее между переднихъ ногъ. По совѣту Карасе, мы надѣваемъ бурки, распуская ихъ на крупъ и бока лошадей, чтобы хоть отчасти предохранить бѣдныхъ животныхъ отъ надоѣдливыхъ насѣкомыхъ. Въ такомъ видѣ бурка образуетъ какъ бы шатеръ, предохраняетъ отъ палящаго, не смотря на раннiй часъ, солнца и не мѣшаетъ вѣтерку охватывать своей прохладой и всадника, и лошадь. Оводы горячатъ коней, и мы крупной рысью ѣдемъ по ярко цвѣтущему лугу. Сочная густая трава образуетъ коверъ, полный прелести и свѣжести. Этотъ рѣдкiй по своей очаровательности лугъ тянется три-пять верстъ, и затѣмъ постепенно заполняется низко растущими кустами ольхи, появляющимися то въ одиночку, то группами и, наконецъ, берущими перевѣсъ надъ травяною растительностью. Еще верстъ черезъ пять — мы у опушки лѣса, широкой темной лентой опоясывающаго предгорную полосу и самыя Черныя горы. Спустившись въ лѣсную неглубокую долину, ѣдемъ широкой, просторной дорогой. На пути наше вниманiе невольно привлекаетъ одинокая могила съ перпендикулярно стоящимъ на ней тесанымъ камнемъ,

подъ сѣнью гигантской груши. Еще верстъ пять-семь такой привольной красивой дороги, окаймленной лѣсною чащей съ рододендронами и типичнымъ травянистымъ кустарникомъ („прикрытъ“), дѣйствительно прикрывающимъ всю землю, а затѣмъ мы вступаемъ въ полосу величественнаго, густаго кавказскаго лѣса.

Этотъ лѣсъ очень мало похожъ на лиственныя лѣса средней Россіи, часто обилующей самыми разнообразными древесными и кустарниковыми породами, да веселыми лѣсными полянками, покрытыми сочною травой. Здѣсь вся громада лѣса состоитъ почти исключительно изъ буковъ (чинаръ), не имѣющихъ ни одной вѣточки на стройныхъ прямыхъ стволахъ своихъ до высоты 20—30 аршинъ. Лишь вершины ихъ, высоко поднявшіяся къ небу, переплетаются вѣтвями. Ни кустарника, ни мелкихъ деревьевъ почти нѣтъ; сильно отѣненная и влажная почва лишена травяной растительности. Только мохъ да папортники покрываютъ землю. Влажный и сырой воздухъ въ средѣ этихъ великановъ, достигающихъ толщины трехъ обхватовъ, давитъ и гнететъ путника, которому поскорѣе хочется выбраться на открытое мѣсто. Но до этого еще далеко, и мы продолжаемъ медленнымъ шагомъ подвигаться впередъ. Почти никогда не просыхающая грязь въ лѣсу густа, и достигаетъ щиколотки лошади. Узкая дорога и объѣзды грязи по чащѣ лѣса заставляютъ съ полнымъ вниманіемъ слѣдить за ходомъ коня, такъ какъ иначе рискуешь раздробить колѣно о буковый стволъ или потерять глазъ отъ удара вѣтки немногочисленнаго молодняка.

Мы ѣдемъ уже около часу времени, а подвинулись впередъ очень немного. И лошади и всадники выбились изъ силъ, а потому, при поворотѣ вправо по тропѣ съ замѣтнымъ подъемомъ, мы рѣшили устроить привалъ, отдохнуть и закусить. Пока кипятили воду, взятую изъ небольшого, но чистаго, какъ хрусталь, горнаго потока,

я пошелъ побродить и осмотрѣться въ лѣсной чащѣ. Грустную картину расхищенія грандіозныхъ богатствъ представляетъ лѣсъ нагорной полосы Сѣвернаго Кавказа. Громаднѣйшія деревья въ нѣсколько обхватовъ толщины, срубленныя весною, *для того, чтобы прокормить почками скотъ* (!) лежатъ на сырой землѣ и гніютъ. Ими почти никогда не пользуются. Другіе лѣсные великаны надрублены или потеряли часть коры и постепенно засыхаютъ на корню. Масса валежника и сушника могла бы служить для отопленія громаднаго города, а, между тѣмъ, она гибнетъ непроизводительно. Туземецъ всегда рубитъ свѣжее и лучшее изъ деревьевъ, хотя бы ему нуженъ былъ только одинъ сучокъ, только одна вѣточка. Колоссальное богатство таетъ и, при дальнѣйшемъ расхищеніи, грозитъ неисчислимыми бѣдствіями для всего края. Какъ варварски истребляется этотъ лѣсъ! Работникъ никогда не даетъ себѣ труда нагнуться и рубить дерево у корня; нѣтъ, онъ рубитъ его на уровнѣ своей груди, т. е. на полтора-два аршина отъ земли. Громаднѣйшій пень пропадаетъ даромъ и уже не можетъ дать никакихъ новыхъ порослей. Молодыя деревья, для толстыхъ кольевъ, истребляются ежегодно десятками тысячъ штукъ, а предѣлы лѣса все болѣе и болѣе съуживаются. *Въ Терской области насчитываютъ сотни тысячъ десятинъ лѣса*, а, между тѣмъ, въ немъ отъ безразборчиваго истребленія уже ощущается нужда: стоимость кубической сажени дровъ во Владикавказѣ, какъ въ безлѣсной черноземной полосѣ Россіи, превышаетъ 20 рублей.

Послѣ короткаго отдыха, мы опять сѣли на лошадей и минутъ черезъ десять начали спускаться въ глубокую балку. Зигзагообразный спускъ до-нельзя крутъ, а мѣстами кажется даже чуть не отвѣснымъ. Онъ шоссированъ (чего я не замѣчалъ нигдѣ по дорогѣ раньше), но очень плохо и узко. Здѣсь только съ большимъ трудомъ можно проѣхать на двухколес-

ной арбѣ, да и то, вѣроятно, не всегда. Мѣстами спускъ совершенно сухъ, мѣстами представляетъ глинистую почву, размягченную дождями, а кое-гдѣ его смачиваетъ родниковая вода, пробивающаяся тутъ же изъ горы и образующая скользкія неудобныя пространства. На одномъ изъ такихъ мѣстъ моя лошадь поскользнулась и я по неопытности къ такого рода поѣздкамъ, уронилъ короткій поводъ и едва-едва не скатился внизъ по крутизнѣ. Чуть держась на сѣдлѣ, спускаюсь на дно балки; но здѣсь мостикъ, перекинутый черезъ довольно бурный горный потокъ, оказывается сломаннымъ, и мы волей-неволей переправляемся въ бродъ. Отсюда идетъ подъемъ, такой же крутой, зигзагообразный и также плохо шоссированный. Отъ Габуди узнаю, что этотъ путь проложенъ отъ самаго Ново-Магометанскаго почти до с. Донифарсъ лишь очень недавно. Прежде здѣсь шла только узенькая тропинка, по которой невозможно было ѣхать двумъ всадникамъ въ рядъ. Инженеръ Ольшевскій, по условію съ дигорскими обществами, расширилъ эту дорогу, выкорчевалъ въ лѣсу пни, расчистилъ бугры, поставилъ мостики и мѣстами шоссировалъ путь, шириной приблизительно въ 1 сажень. Впрочемъ, значительно большая часть его—грунтовая. Послѣ сдачи дороги, содержалъ ее и ремонтировалъ подрядчикъ, но теперь онъ отказался и дорога остается безъ ремонта. По понятіямъ горцевъ, дорога и въ этомъ видѣ хороша, такъ какъ по ней, хоть съ трудомъ, но все-таки возможно проѣхать въ арбѣ, или—вѣрнѣе—провести подъ уздцы лошадь, запряженную въ арбу. Такое мнѣніе объ этой дорогѣ можетъ навести только на несовсѣмъ пріятныя размышленія объ относительности понятій о хорошихъ и дурныхъ „путяхъ сообщенія"...

Подъемъ продолжается. Лошади карабкаются, усиленно закидывая ноги и тяжело дыша. При поворотѣ влѣво за выступъ горы, передъ нами вдругъ раскры-

вается раскошнѣйшая картина. Направо, внизу, пѣнясь и взымаясь, шумно катитъ свои воды широкій и величественный Урухъ, разбивающійся на нѣсколько рукавовъ и захватывающій все дно котловины. Ударяясь о громаднѣйшіе камни, которые засоряютъ его русло, онъ то разбивается въ милліарды мелкихъ капель, блистающихъ на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги, то, вздымаясь и темнѣя, съ шумомъ перекатывается черезъ препятствія. Справа его тѣснятъ широкіе лѣсные холмы, одинъ живописнѣе другаго, а слѣва—горный массивъ, по маленькому уступу котораго, едва замѣтному въ общей картинѣ, лѣпится тѣснимая лѣсомъ тропинка въ сажень шириной, называемая здѣсь „прекрасною дорогою". Величественная природа колоссальныхъ холмовъ, громаднаго стараго лѣса и вѣчно движущейся шумной массы воды до-нельзя умаляетъ здѣсь и животныхъ, и людей, и ихъ ничтожную работу, почти незамѣтную въ общей грандіозной мощи природы. Подъемъ оканчивается обширнымъ нагорнымъ плато, на которое мы и въѣзжаемъ съ облегченнымъ сердцемъ. Дорога опять нѣсколько отклоняется отъ Уруха. На ней, къ немалому моему удивленію, мы встрѣчаемъ топкія, почти болотистыя мѣста. Привыкши въ Россіи съ понятіемъ о топи соединять низменности, невольно удивляешься, встрѣчая такую же топь на высотѣ какихъ-нибудь 4-хъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Дорога здѣсь также широка, какъ столбовая, а лѣсъ удаляется. Но вотъ опять такой же крутой спускъ на дно балки—и опять подъемъ. Взобравшись вверхъ, мы останавливаемся на привалъ, такъ какъ лошади наши совсѣмъ выбились изъ силъ не столько отъ ѣзды, сколько отъ цѣлыхъ тучъ несносныхъ оводовъ. Мы сламываемъ вѣтки и ими стараемся отогнать надоѣдливыхъ насѣкомыхъ, но это помогаетъ мало. Я тоже сильно усталъ отъ непривычной верховой ѣзды на скверномъ казачьемъ сѣдлѣ: ломитъ поясницу, ко

лѣни дрожатъ, ощущается легкое головокруженіе.

Съ нашего привала горы кажутся уже больше и грандіознѣе; онѣ тѣснѣй столпились къ Уруху,—котораго отдаленный шумъ слышенъ отсюда,—и обнажили свои трахитовые и известняковые бока. Простору видимо дѣлается все меньше и меньше. Мы прислушиваемся къ шуму невидимой рѣки; вдругъ воздухъ потрясается какъ отъ сильнаго раската грома: то свалился какой-либо лѣсной гигантъ, столѣтній букъ, и нарушилъ однообразіе лѣсныхъ звуковъ. Прямо противъ насъ возвышается колоссальная скала—Ахсента, или Урсъ-хохъ (бѣлая гора), названная такъ за свои бѣлые известняки. Спускаясь по узенькому уступу этой скалы мы въѣзжаемъ въ Урухское ущелье, называемое также туземцами Ахсентскимъ, и представляющее одинъ изъ поразительнѣйшихъ и величественнѣйшихъ видовъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Судя по себѣ, я убѣжденъ, что многіе жители русской равнины имѣютъ самое превратное понятіе о такихъ горныхъ дорогахъ, какъ военно-грузинская, и совсѣмъ не представляютъ себѣ дороги ущельемъ. Я, напримѣръ, ѣдучи на Кавказъ, наивно воображалъ себѣ, что пробираться горной дорогой—это значитъ карабкаться все вверхъ и вверхъ, точно по конусу сахарной головы, а потому былъ чрезвычайно удивленъ, въ первый разъ увидѣвъ горное ущелье. Представьте себѣ, читатель, гигантскую глыбу въ нѣсколько десятковъ верстъ длины и ширины, одной изъ тѣхъ горныхъ породъ, которыя вы видите въ минералогическихъ коллекціяхъ,—трахита, базальта, известняка, или, что еще вѣрнѣе, слоистой смѣси этихъ и другихъ породъ. Представьте дальше, что по этой гигантской глыбѣ, имѣющей $1^1/_2$—2 версты толщины, послѣдовалъ столь же гигантскій ударъ тупымъ орудіемъ. Не смущайтесь тѣмъ, что даже Святагоръ-богатырь не могъ нанести такого удара, а допускайте, что отъ него весь этотъ кусокъ далъ тре-

щину почти во всю свою толщину. Эта-то трещина, узкая, мрачная, глубокая, извилистая и шероховатая, напомнитъ вамъ горное ущелье. Бока этой трещины—„жилища змѣя"—будутъ берегами ущелья, по днищу котораго бѣшено мчится обильный горный потокъ. Входя въ эту трещину и имѣя въ виду выбраться изъ нея на противоположномъ концѣ и притомъ ближе къ верхней площади всей гигантской глыбы горныхъ породъ, человѣкъ не можетъ, разумѣется, подняться по вертикальному боку ущелья, а постояннымъ кропотливымъ трудомъ, пользуясь каждымъ маленькимъ уступомъ, взрывая на пути громадные камни и выдалбливая въ каменной стѣнѣ узенькіе карнизы, проводитъ дорогу отъ дна ущелья до противоположной вершины. Эта дорога такъ мала и ничтожна передъ громадой скалъ, образующихъ стѣны ущелья, какъ легкая царапинка гвоздемъ по нешлифованному камню.

Подобная дорожка-царапина, едва достаточная для того, чтобы по ней можно было проѣхать двумъ всадникамъ въ одинъ рядъ, начинается въ Урухскомъ ущельѣ на высотѣ нѣсколькихъ саженей надъ рѣкой, клокочущей по дну пропасти. Она высѣчена въ громаднѣйшихъ скалахъ, въ большинствѣ случаевъ отвѣсно поднимающихся или даже повисшихъ надъ дорогой. Такъ и кажется, что вдругъ эта милліардно-пудовая громада сорвется на путниковъ-пигмеевъ и буквально не оставитъ отъ нихъ даже слѣда. Въ большинствѣ случаевъ, она мѣшаетъ разсмотрѣть лѣвый берегъ ущелья, его высоту и горныя породы, залегающія здѣсь. Волей-неволей взоръ обращается къ пропасти и къ противоположному берегу ущелья, поднимающемуся на нѣсколько тысячъ футовъ надъ Урухомъ. Этотъ берегъ, правый отъ насъ и лѣвый по теченію рѣки, виденъ совершенно ясно и отчетливо. Онъ сложился изъ нѣсколькихъ ярусовъ горныхъ породъ, громоздящихся другъ надъ другомъ и часто имѣющихъ замѣтно слои-

стое сложеніе. Одни изъ этихъ ярусовъ совершенно обнажены и торчатъ голыми уступами; другіе, напротивъ, покрыты роскошной зеленью. Совершенно отказываешься понять, какъ кустарники и даже цѣлыя деревья успѣли примоститься почти на отвѣсныхъ склонахъ безплодныхъ скалъ. Но тѣмъ поразительнѣе и оригинальнѣе этотъ зеленый уборъ на голыхъ каменистыхъ громадахъ, часто неправильными массами торчащихъ изъ подъ своего зеленаго покрова. Разсматривая его, я замѣтилъ преобладаніе кустарниковыхъ породъ, но небольшіе вязы и др. деревья тоже встрѣчаются здѣсь. Промежутки между деревьями заросли обширными роскошными папоротниками, отличающимися, какъ и весь растительный покровъ ущелья, замѣчательной яркостью и свѣжестью зелени. Крутой спускъ вывелъ насъ въ это поразительное и и величественное по своей красотѣ Урухское ущелье. О немъ можно кое-что разсказать, можно говорить о частностяхъ, но описать его, представить передъ читателемъ въ одной яркой и вѣрной картинѣ—едва ли возможно. Это—нѣчто непередаваемое, неизъяснимое, но столь поразительное по своей красотѣ, столь великое, что едва ли найдется человѣкъ, который не былъ бы пораженъ такой красотой и такимъ величіемъ. Изумленные и положительно ошеломленные неожиданнымъ зрѣлищемъ, остановились мы съ Габуди и нѣсколько минутъ не въ силахъ были произнести ни слова. Мы стоимъ на узкомъ карнизѣ дороги, а у насъ подъ ногами, въ бездонной пропасти, куда не проникаетъ лучъ солнца, реветъ, вздымается и грохочетъ, катя по дну камни, бѣшеный Урухъ, пѣнистый, стремительный, вѣчно стѣсняемый громадами скалъ, но вѣчно же порывающійся сквозь нихъ и еще свирѣпѣе и сильнѣе мчащій свои темныя мутныя воды. Прямо противъ насъ возвышается колоссальный берегъ ущелья, поднимающійся на многія сотни футовъ, то выдѣляю-

щій изрѣдка трахитовыя и известковыя обнаженія самыхъ причудливыхъ формъ, то, напротивъ, одѣтый яркой зеленью разныхъ оттѣнковъ и окутанный легкой дымкой тумана, то увѣнчанный грозными зубцами скалъ и колоссальныхъ каменныхъ кругляковъ, брошенныхъ какою то страшною силою на вершины утесовъ. Налѣво и направо, противъ теченія и по теченію Уруха тянется эта колоссальная щель, то сближая, то отдаляя свои каменистые берега. Направо отъ насъ, на днѣ ущелья, скалы сдвинулись, столпились другъ къ другу, но бѣшеный потокъ, клокоча и вздымаясь, прорвалъ себѣ узкій ходъ и съ шумомъ бросилъ въ него свои пѣнистыя сѣдыя волны. Выше, по той же вертикальной линіи, скалы расширились, образовавъ съ обѣихъ сторонъ родъ полукруговъ, а затѣмъ снова сблизились, всего на 5—7 саженей. И вотъ въ этомъ мѣстѣ, саженяхъ въ 30-ти надъ ними, искуссной рукой переброшенъ съ одного берега на другой живописный мостикъ, кажущійся какою-то изящной миньятюрной игрушкой въ этомъ мірѣ великановъ и гигантовъ.

Долго созерцали мы эту поразительную картину, полную величественной, дикой прелести и оставляющую въ душѣ неизгладимое впечатлѣніе. Когда мы двинулись впередъ, я чувствовалъ, что меня уже ничто не можетъ поразить. Воображеніе отказывалось представить нѣчто такое, что могло быть еще лучше, еще прекраснѣе и величественнѣе того, что мы видѣли. А между тѣмъ, по мѣрѣ движенія впередъ, передъ нами открывались все новые и новые виды, столь же оригинальные, столь же грандіозные и поразительно прекрасные.

Продолжительный рядъ величественныхъ картинъ какъ то утомляетъ, удручаетъ случайнаго ихъ созерцателя. Чувствуешь, что весь внутренній міръ уже заполненъ этими впечатлѣніями, что новымъ уже нѣтъ мѣста въ душѣ. Сознаешь, что окружающіе виды не

хуже, если не лучше предшествовавшихъ, но они уже не дѣйствуютъ такъ, какъ прежніе; они точно покрыты какой-то пеленой,—точно видишь ихъ во снѣ, а не наяву. Черезъ какихъ-нибудь полчаса, они начинаютъ уже тяготить удручать. Встрѣчаемыя опасности кажутся гораздо серьезнѣе, значительнѣе. Голова слегка кружится и взоръ невольно обращается въ пропасть, которая какъ будто тянетъ въ свою невѣдомую глубину. Мысль работаетъ слабо. Лошадь бодро идетъ по краю карниза дорожки; отдѣльные камни срываются изъ подъ ея ногъ и шелестъ паденія ихъ въ бездну неневольно заставляетъ сердце усиленно биться. Такъ и кажется, что будь предоставленъ путнику выборъ, при несчастномъ паденіи съ лошади, свалиться налѣво, на скалу, гдѣ возможно еще задержаться, или направо, въ пропасть, гдѣ онъ будетъ истерзанъ о камни, прежде чѣмъ упадетъ на дно,—онъ невольно, повинуясь неопредолимой, точно гипнотической притягательной силѣ пропасти, добровольно избралъ бы паденіе направо, въ бездну.

Физическая усталость выступаетъ съ особой силой; колѣни начинаютъ дрожать отъ непривычнаго держанія ногъ въ короткихъ стременахъ казачьяго сѣдла, и я долженъ собрать всѣ силы, чтобы бодро держаться на лошади. Чтобы не вызывать большаго головокруженія невольнымъ заглядываніемъ въ бездну, я сосредоточиваю взглядъ на гривѣ и головѣ коня... Меня начинаетъ клонить ко сну. Крайняя усталость моя обращаетъ вниманіе Карасе и онъ предупредительно направляется ко мнѣ и ѣдетъ рядомъ со мной, оттѣсняя мою лошадь ближе къ скалѣ, а самъ пробираясь по самому карнизу. Несмотря на крайнюю опасность такой ѣзды, привычная лошадь его идетъ бойко и увѣренно. Это полное спокойствіе всадника и коня пріободрило меня и я начинаю разговоръ объ опастностяхъ такого путешествія. Карасе весело смѣется и въ отвѣтъ указываетъ мнѣ мѣстности, гдѣ происхо-

дять у нихъ скачки и джигитовки во время празднества въ честь покойниковъ. Не подтверди его словъ правдивый Габуди и не скажи онъ, что рѣдкое изъ этихъ торжествъ оканчивается благополучно, я, право, не повѣрилъ бы въ возможность подобной скачки во всю прыть тамъ, гдѣ отъ крутизны не можетъ удержаться никакой предметъ. Нужно имѣть когти кошки, чтобы пробраться по тѣмъ стремнинамъ, гдѣ происходятъ подобныя джигитовки.

Мы все поднимаемся и поднимаемся; изрѣдка проѣзжаемъ короткій крутой спускъ, но и то только для того, чтобы удобнѣе подняться дальше. Ущелье начинаетъ расширяться и дорога идетъ уже зигзагами; мы то и дѣло описываемъ повороты назадъ. Карнизъ дороги въ иныхъ мѣстахъ искусственно укрѣпленъ каменными стѣнами и путь, наконецъ, выходитъ близко къ вершинѣ лѣваго берега ущелья.

Здѣсь долина Уруха совсѣмъ широка и уже безлѣсна, а посрединѣ заполнена широкими массивными буграми, покрытыми низкорослой травою. Нашъ карнизъ-дорога переходитъ въ широкую площадку, постепенно спускающуюся ко дну ущелья. На ней мѣстами лежатъ громадныя глыбы известняка, точно разбросанныя чьей-то невидимой рукой. Вдали виденъ горный аулъ — Задалескъ, Махческаго прихода. У одинокого памятника, поставленнаго на могилѣ дигорца, нѣсколько лѣтъ назадъ упавшаго въ пропасть и, разумѣется, въ дребезги разбившагося, мы останавливаемся на отдыхъ. Смотрю на часы и узнаю, что собственно ущельемъ мы ѣхали ровно часъ съ четвертью, Первые полчаса привала проходятъ въ безмолвномъ отдыхѣ: всѣ мы собираемся съ силами. Когда усталость нѣсколько забылась, наше вниманіе привлекъ прежде всего надгробный памятникъ, представляющій собой толстую каменную плиту, вертикально воткнутую въ землю. Верхушка ея округлена, а на передней сторонѣ

вырѣзанъ и раскрашенъ грубый рисунокъ. Добрую половину плиты заняло неуклюжее изображеніе человѣка по поясъ. На шеѣ его изображенъ крестъ, на груди патроны, а передъ поясомъ нѣсколько молотковъ. Подъ чертой изображена всякая всячина: различное оружіе, олень, лошадь, сапоги и человѣкъ—все въ довольно миньятюрномъ видѣ, но грубо и безъ всякой отдѣлки. Въ самомъ низу надпись. „памятникъ Сабану Соспоеву, умеръ...“—числа разобрать нельзя. Я остановился на этомъ памятникѣ въ виду типичности его. По всей Осетіи, въ горахъ и на плоскости, можно встрѣтить много такихъ памятниковъ, стоящихъ то одиноко, то небольшими группами, то образующихъ, наконецъ, цѣлыя кладбища.

Противъ нашего привала въ скалистой стѣнѣ, образующей берегъ ущелья, по которому пролегаетъ дорога, на самой вершинѣ ея, легко замѣтить довольно правильное треугольное углубленіе, напоминающее входъ въ пещеру, а вблизи его—глубокую расщелину въ каменистомъ гребнѣ вершины, образовавшуюся точно отъ удара острымъ орудіемъ. По поводу этихъ двухъ расщелинъ, подошедшій пастухъ разсказалъ Габуди, а послѣдній перевелъ мнѣ легенду, которую я и привожу въ пересказѣ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ виденъ разрѣзъ скалы, была нѣкогда соляная жила, которую тщательно оберегалъ и хранилъ святой Георгій (по осетински—Уаснерги)—этотъ излюбленный герой-святитель всего осетинскаго народа. Онъ позволялъ людямъ свободно пользоваться солью, и все населеніе дорожило ею. Но Георгію нужно было уѣхать оттуда и онъ поручилъ одному человѣку сторожить ту соль, такъ какъ былъ въ тѣхъ мѣстахъ другой злой человѣкъ, который хотѣлъ похитить ее. Едва уѣхалъ Георгій, какъ явился злой человѣкъ къ этому мѣсту, но сторожъ не пустилъ его. Тогда пришла отъ него женщина, но и ее не пустилъ сторожъ. При-

ходилъ быкъ, но и тотъ потерпѣлъ неудачу. Наконецъ, является собака, которая, какъ извѣстно, не ѣстъ соли, а потому сторожъ и пустилъ ее. Но она схватила соль въ зубы и убѣжала. Возвращавшійся Георгій видѣлъ это и въ догонку пустилъ ей стрѣлу, которая попала, однако, въ скалу и образовала въ ней это треугольное отверстіе. Прискакавшій Георгій въ гнѣвѣ ударилъ шашкой по вершинѣ, гдѣ отъ этого удара образовалась видимая и теперь расщелина. Такъ была потеряна людьми соль въ этомъ мѣстѣ Дигоріи.

Нѣсколько правѣе въ той же скалѣ видна пещера-часовня, по мѣстному,—джіуара. Такихъ джіуаръ довольно много не только въ горной Осетіи, но и у другихъ горцевъ Сѣвернаго Кавказа. Всѣ онѣ имѣютъ много общихъ чертъ, а потому считаю нужнымъ остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе. Джіуары, устроенныя въ скалистыхъ естественныхъ гротахъ, имѣютъ одно, два и болѣе отдѣленій, входъ въ которыя, если онъ бываетъ слишкомъ широкъ, задѣлывается искусственной каменной стѣнкой лишь съ небольшимъ проходомъ. Внутри пещеры всегда можно видѣть, на нѣкоторомъ разстояніи отъ пола, нѣсколько брусьевъ, укрѣпленныхъ концами въ противоположныхъ стѣнахъ; тутъ же по угламъ укрѣпляются шесты, колья и палки, всѣ, какъ и брусья, употребляемые для навѣшиванія на нихъ предметовъ, предназначенныхъ для жертвоприношеній. Мясо приносимыхъ въ жертву животныхъ зажаривается здѣсь на устроенномъ изъ камней очагѣ, а затѣмъ переносится на жертвенникъ, представляющій возвышеніе посреди пещеры, обильно покрываемое вѣтвями и листьями. Вдоль стѣнъ укладываются брусья, замѣняющіе сидѣнья. Жертвоприношенія продолжаются до сихъ поръ, совершаясь,—какъ напримѣръ, въ Задолесскомъ джіуарѣ—два раза въ годъ отъ всего общества. Въ жертву приносятъ рѣшительно все, имѣющее какое-нибудь практическое зна-

ченіе. Больше всего въ такихъ пещерахъ можно встрѣтить роговъ и череповъ, оставшихся отъ принесенныхъ здѣсь въ жертву домашнихъ и дикихъ животныхъ: туровъ, быковъ, оленей, козъ и т. п. Много приносятъ сюда предметовъ домашняго обихода: ложекъ, чашекъ, котловъ и т. п., а также пуль, стрѣлъ, копій, кожъ, мѣдныхъ и серебрянныхъ монетъ, и много другихъ вещей.

Жители Задолеска—христіане, но это не мѣшаетъ имъ исполнять чисто языческіе обряды, въ томъ числѣ и жертвоприношенія. Впрочемъ, въ послѣднее время, вѣра въ джіуары падаетъ и среди молодежи были уже случаи похищенія нѣкоторыхъ жертвенныхъ вещей.

Отъ привала наша дорога уже совсѣмъ неблагоустроена и часто переходитъ просто въ тропу. Спуски чрезвычайно круты. Самая тропинка наклонна и одного неосторожнаго шага совершенно достаточно, чтобы скатиться въ пропасть. Голова кружится при спускѣ съ этой крутизны и по этимъ ужаснымъ тропамъ, удержаться нà которыхъ,—въ особенности когда онѣ смочены дождемъ,—почти невозможно. Мы то спускаемся съ одного бугра, то подымаемся на другой. Вдали показывается селеніе Лесгодъ. Лѣтъ 7—8 тому назадъ, въ немъ было двадцать „дымовъ“ (дворовъ), но снѣжный обвалъ въ одинъ зимній день стеръ съ лица земли 11 дворовъ, причемъ погибло 9 человѣкъ. Недалеко раскинулось живописное кладбище, состоящее изъ множества низкихъ, широкихъ часовенъ изъ дикаго камня. Одинокая башня близъ огромной скалы кажется какимъ-то волшебнымъ явленіемъ въ этомъ краѣ величественныхъ и суровыхъ картинъ дикой природы.

Въ воздухѣ пахнуло „холодомъ востока“, и мы, усталые и разбитые путники, не безъ удовольствія подъѣзжали къ селенію Донифарсъ, послѣ девятичасовой утомительной ѣзды.

---

3. Въ Донифарсѣ.

Типъ ауловъ кавказскихъ горцевъ достаточно извѣстенъ, а потому я не буду подробно останавливаться на немъ. Скажу только, что при посѣщеніи ихъ больше всего бросается въ глаза многоэтажность горскихъ саклей. Однако, этажи эти почти всегда располагаются не прямо одинъ надъ другимъ, а вполнѣ своеобразно и безпорядочно. Строясь на покатости, сакля обыкновенно задней стѣной упирается въ гору; эта же стѣна, выступая на плоскую крышу, служитъ фасадомъ слѣдующему этажу, который пріютился уже совсѣмъ неровно на болѣе высшей точкѣ пригорка, и имѣетъ, такимъ образомъ, единственный выходъ на плоскую крышу нижней части сакли; надъ второй частью ея, тоже на пригоркѣ, можетъ быть уже третья, имѣющая выходъ только на крышу второго отдѣленія, и т. д. И вотъ, распредѣляясь правильно, отдѣльныя сакли могутъ образовать нѣчто въ родѣ громадныхъ ступеней на гору. Но, къ сожалѣнію, правильно онѣ располагаются очень рѣдко, не смотря даже на то, что встрѣчаются сакли въ семь и болѣе этожей. Иногда второе отдѣленіе только одной частью своею опирается на первое и вновь развѣтвляется въ сторону еще на нѣсколько отдѣленій, которыя располагаются несиметрично, имѣютъ разную высоту и разные размѣры. Въ общемъ, получается безпорядочная груда каменныхъ ящиковъ, наставленныхъ одинъ на другой не всѣмъ своимъ основаніемъ, а частью его или углами·

При въѣздѣ въ Донифарсъ, общее вниманіе привлекаетъ огромная полуразрушенная башня, сложенная какъ и всѣ горскія постройки, изъ довольно большихъ каменныхъ плитъ, укрѣпленныхъ одна на другой глиной или же просто положенныхъ другъ на дружку. Эта башня заключающая въ себѣ цѣлый лабиринтъ отдѣленій, въ которыхъ легко заблудиться, принадлежала нѣкогда представителямъ „благороднаго“ рода, давно уже переселившагося въ Турцію.

Впрочемъ, и теперь еще въ Донифарсѣ насчитываютъ цѣлый десятокъ дворовъ, обитаемыхъ потомками привилегированныхъ сословій, да, кромѣ того, 58 дворовъ лицъ непривилегированныхъ; всего же 68 дымовъ, въ которыхъ числится 830 душъ обоего пола. Донифарсъ представляетъ центръ общества того же названія. Всѣ подобныя общества и приходы горной Дигоріи образуютъ нѣчто вродѣ нашихъ волостей и состоятъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ населенныхъ мѣстъ. Такъ, въ донифарскомъ приходѣ 3 селенія, въ махчесскомъ—11, въ стырь-дигорскомъ—9 и въ галіатскомъ—4. Всѣ эти населенныя мѣста очень незначительны по своимъ размѣрамъ: большее изъ нихъ, сел. Галіатъ, имѣетъ 96 дымовъ, а въ нѣкоторыхъ число ихъ едва достигаетъ 5—9 дымовъ. Всего четыре горныхъ прихода состоятъ изъ 27 населенныхъ мѣстъ, съ 929 дымами и 8,891 душами населенія обоего пола. Плоскостную же Дигорію составляютъ, какъ мы уже говорили, два селенія: Ново-Христіанское и Ново-Магометанское, съ нѣсколькими, приписанными къ нимъ, мелкими поселками и хуторами. Нѣсколько въ сторонѣ находится ново-урухскій приходъ съ четырьмя селеніями и занимаетъ предгоріе между плоскостной частью и собственно горной. Въ этомъ приходѣ числится 228 дымовъ съ 1,290 душами населенія. Плоскостныя общества имѣютъ пять населенныхъ мѣстъ съ 1,178 дымами и 7,428 душами обоего пола. Такимъ образомъ,

всю Дигорію составляютъ семь обществъ въ 36 селеній, поселковъ и хуторовъ, заключающихъ въ себѣ всего 2 335 дымовъ и 17,609 душъ населенія [1]).

Вся эта масса дигорцевъ располагаетъ совершенно ничтожнымъ земельнымъ богатствомъ въ горахъ и очень небольшими надѣлами на плоскости. Обиліемъ скота край тоже не можетъ похвалиться: крупнаго рогатаго скота во всѣхъ четырехъ приходахъ насчитываютъ нѣсколько менѣе семи тысячъ головъ, лошадей до 900, а ишаковъ (ословъ), овецъ и козъ около 38$^1/_2$ тысячъ. Такимъ образомъ, только число рогатаго скота можно было бы признать значительнымъ; но, имѣя въ виду, что рабочій скотъ здѣсь исключительно рогатый и что на одну плуговую упряжку на плоскости требуется не менѣе 2—3 паръ быковъ, нельзя не видѣть что дигорцамъ все-таки почти вдвое недостаетъ требуемаго количества рабочаго скота. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ оказывается также, что 157 домохозяевъ, т. е. 17% общаго числа ихъ, совсѣмъ не имѣютъ лошадей, а 193 домохозяина, т. е. до 20%, не имѣютъ и мелкаго скота. Муловъ встрѣчается сравнительно немного. Средняя стоимость ишака достигаетъ 20 р., лошади—50 р., а мула 80 и даже 100 руб.

Около сельскаго правленія, въ которомъ остановились мы, какъ въ лучшемъ углу Донифарса, быстро сошлось поглядѣть на нежданныхъ гостей почти все мужское населеніе аула. Не могу сказать, чтобы толпа этихъ людей, громко галдящая, въ своихъ воинственныхъ папахахъ и черкескахъ съ патронами, съ аршинными кинжалами, болтающимися на животахъ, а иногда и съ кремневыми пистолетами,—толпа, бросающая

---

[1]) Подробный цифровой матеріалъ приведенъ въ составленныхъ въ томъ же году „Статист. табл. насел. мѣстъ Терской обл.", т. II, вып. IV, изданныхъ подъ редакціей Евг. Максимова.

далеко не дружелюбные взгляды на русскаго чиновника,—могла представлять собою пріятное и успокоительное зрѣлище. Для русскаго человѣка, привыкшаго видѣть въ родной деревнѣ совсѣмъ иныхъ людей, часто спѣшащихъ переброситься съ пріѣзжимъ нѣсколькими словами, горскій аулъ не представляетъ на первый взглядъ такого пріятнаго и успокоительнаго уголка, въ которомъ можно было бы вполнѣ безопасно отдохнуть и подкрѣпиться. Только впослѣдствіи пріучаешься оставаться совершенно спокойнымъ среди этой недружелюбной и вооруженной толпы, а сначала невольно поглядываешь искоса на эти кинжалы и пистолеты въ рукахъ несдержанныхъ, быстро воспламеняющихся людей.

Оружіе въ рукахъ туземца—опасная вещь. Тамъ, гдѣ два русскихъ человѣка ограничатся тѣмъ, что вцѣпятся другъ другу въ бороды, а третій разниметъ ихъ, среди туземцевъ Сѣвернаго Кавказа окажутся двое съ распоротыми животами, а третій съ прострѣленной грудью. Всякое столкновеніе изъ-за самыхъ ничтожныхъ причинъ кончается обнаженіемъ кинжаловъ и кровопролитіемъ,—и ближайшимъ образомъ потому, что кинжалъ у поссорившихся тутъ же, за поясомъ. Возьмите длинные списки происшествій, печатающіеся въ „Терскихъ Вѣдомостяхъ", и вы убѣдитесь, что цѣлые потоки крови проливаются совсѣмъ не изъ-за какой-либо особой кровожадности туземцевъ, а просто потому, что есть оружіе, которымъ можно сдѣлать кровопусканіе. Нельзя сомнѣваться, что во многихъ случаяхъ, не будь кинжаловъ въ рукахъ у туземцевъ, дѣло ограничилось бы или выбитымъ зубомъ, или даже просто перебранкой. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ происшествій: 1) „Мая 28 дня, жители Христіанскаго сел., Владикавказскаго округа, дигорцы Габа Авзураговъ и Бодзай Габаевъ, въ происшедшей между ними неизвѣстно изъ-за чего дракѣ, нанесли другъ другу кинжальныя раны" (см. „Тер. Вѣд." № 89 за 1890 г.). 2) 18 „Мая,

между жителями сел. Верхній Науръ, Уматъ-Гиреемъ Шабазаровымъ и Абубакаромъ Абулкадыровымъ, изъ-за неуплаты послѣднему двоюроднымъ братомъ перваго долгу 1 р., произошла ссора, а затѣмъ и драка, во время которой они нанесли другъ другу опасныя кинжальныя раны въ разныя части тѣла". 3) „20 мая, между жителями селенія Месхеты, Ахматомъ Шабазовымъ и Стеханомъ Тухміевымъ, изъ-за собранныхъ ими во время половодья рѣки дровъ, произошла ссора, во время которой они нанесли другъ другу тяжкія кинжальныя раны въ разныя части тѣла". 4) „Въ ночь на 24 мая, въ Карасу-хуторѣ, житель сел. Аксая, Эльдорханъ Эмювовъ, во время картежной игры съ односельцемъ своимъ Юнусомъ Мамакаевымъ, поссорился съ нимъ, а затѣмъ, вышедши изъ дома во дворъ, нанесъ ему, Мамакаеву, смертельную кинжальную рану въ правый бокъ" (№ 90), 5) „2 сентября, изъ-за порчи жителемъ сел. Мартинъ-Кале, Израилемъ Тукаевымъ, принадлежащей Дудѣ Хаджіеву тыквы, произошла между ними драка, въ каковой Хаджіевъ нанесъ Тукаеву три кинжальныхъ раны" (№ 96) и т. д.

Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много. Только въ теченіе одного іюля мѣсяца 1890 г., когда, вслѣдствіе отвлеченія жителей полевыми работами, совершается наименьшее количество преступленій, число ихъ въ Терской области достигло, по свѣдѣніямъ той же офиціальной газеты (№ 92), сорока случаевъ съ кровавой развязкой, и изъ нихъ было 28 насильственныхъ смертей. И это, замѣтьте, въ области, гдѣ населенія числится, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза меньше, чѣмъ, напримѣръ, въ Курской губерніи. Знакомясь съ самымъ характеромъ преступленій, нельзя не видѣть, что они совершаются изъ-за самыхъ ничтожныхъ поводовъ: изъ-за испорченной тыквы, которой цѣна 3 к., изъ за неотдачи родственникомъ 1 р. долга, изъ-за карточной игры, изъ-за дровъ, а то и просто

безъ видимой причины. Что ссора и брань приводятъ темныхъ людей къ дракѣ, — это еще понятно, но что драки эти всегда заканчиваются убійствомъ или тяжкими ранами — съ этимъ трудно мириться даже при нашей малой культурности. Разумѣется, насильственнымъ разоруженіемъ населенія дѣла не исправишь: оружіе изъ явнаго станетъ тайнымъ и число кровопролитій не уменьшится. Но о воспитательныхъ воздѣйствіяхъ на населеніе, право, давнымъ давно пора серьезно подумать.

Громадное большинство кровавыхъ случаевъ, происходящихъ здѣсь, совершается, по преимуществу, въ средѣ туземцевъ и почти не выходитъ изъ нея. Покушенія же на жизнь лицъ, принадлежащихъ къ числу русскихъ властей, очень рѣдки. За два послѣдніе года, мнѣ пришлось слышать только объ одномъ случаѣ убійства акцизнаго чиновника. Поэтому-то большинство русскихъ людей скоро свыкается съ этой вооруженной толпой, сопровождающей ихъ по ауламъ. Впослѣдстіи и я, ближе ознакомившись съ осетинами, уже не обращалъ тревожныхъ взглядовъ ни на дикія лица толпы, ни на аршинные кинжалы.

Въ сопровожденіи такой же толпы пошли мы посмотрѣть на вполнѣ самобытную школу, возникшую недавно въ Донифарсѣ. По приглашенію нѣкоторыхъ родителей, одинъ изъ учениковъ двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Христіанскомъ, по окончаніи въ немъ курса, прибылъ въ Донифарсъ и занялся здѣсь обученіемъ грамотѣ дѣтей-осетинъ. Ему отвели пустующую саклю, очень просторную, но, къ сожалѣнію, слишкомъ темную. Вдоль трехъ стѣнъ установлены въ ней скамьи, а передъ ними — длинные узкіе столы съ горизонтальными досками. За ними примостилось 18 мальчугановъ, изъ которыхъ многіе поражаютъ красотой своихъ оживленныхъ лицъ. За каждаго мальчика родители платятъ учителю

по 1 руб. въ мѣсяцъ,—цѣна баснословно высокая для такого бѣднаго населенія, какъ горные дигорцы, почти совсѣмъ лишенные земли. Но стремленіе къ образованію и къ русской грамотѣ такъ велико, что даже эта плата не останавливаетъ дигорцевъ. Впрочемъ, значительная часть ихъ, вслѣдствіе крайней бѣдности, все таки лишена возможности обучать своихъ дѣтей. А между тѣмъ, здѣсь бы именно нужно было учить и учить. Въ дикомъ краю, подчиненномъ цивилизованному государству, съ особенной силой должна была бы проявляться культурная миссія его, тѣмъ болѣе важная и незатруднительная, что самъ осетинскій народъ идетъ навстрѣчу русской культурѣ и ищетъ ея. Дѣти донифарской школы, ни слова не знавшія раньше по-русски, несмотря на то, что обучаются только три мѣсяца, довольно сносно разбираютъ „Родное Слово" Ушинскаго ч. 1-ю и, какъ я убѣдился, понимаютъ и толково объясняютъ прочитанное. Собравшись въ кругъ, мальчуганы довольно правильно пропѣли въ унисонъ, подъ руководствомъ своего учителя, дѣтскую пѣсенку: „Жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ". Странно было слышать въ этомъ дикомъ горномъ гнѣздѣ русскую пѣсенку, исполняемую этимъ совсѣмъ чуждымъ намъ народцемъ, коверкающимъ трудныя русскія слова. Мы уже ушли далеко отъ школы, а отрывки пѣсни все еще долетали до насъ: у бабуски... кожликъ... и т. д.

Проходя по аулу, видишь между отдѣльными саклями и группами ихъ небольшіе участки тщательно обработанной земли, засѣянной въ большинствѣ случаевъ ячменемъ и рѣже картофелемъ. Другіе хлѣба здѣсь не вызрѣваютъ, да и картофель стали разводить только въ самое послѣднее время. Участки, величиной приблизительно въ $^1/_5$ десятины, расположены по страшнымъ крутизнамъ и буграмъ. О размѣрахъ ихъ въ населеніи ходитъ очень характерный анекдотъ... Одинъ осетинъ—разсказывали мнѣ—вышелъ съ утра обраба-

тывать свой участокъ. Цѣлый день работалъ онъ и, уставъ къ вечеру, легъ отдохнуть, разостлавъ подъ собой бурку. Проснувшись поутру, онъ снова хотѣлъ приняться за работу, но, къ удивленію своему, не могъ найти принадлежащаго ему участка земли. Долго бродилъ онъ, разыскивая землю и, наконецъ, въ отчаяніи, рѣшивъ вернуться въ аулъ, поднялъ съ земли разостланную раньше для отдыха бурку. Тутъ только узналъ онъ причину, по которой не могъ разыскать своего участка: онъ весь находился подъ его буркой! „Таковы-то,—добродушно острятъ надъ собой дигорцы,—наши земельныя богатства“! И дѣйствительно, въ Донифарсѣ, удобной для обработки земли имѣется всего около 100 десятинъ, такъ что на дворъ приходится менѣе полудесятины: на душу мужского пола 0,27, а на „ѣдока“—менѣе 0,15 десятины! Чтобы дать понятіе объ этомъ поразительномъ малоземельѣ, упомянемъ еще о Махческѣ, гдѣ на душу мужского пола приходится по 0,42 дес., а на ѣдока по 0,23 дес. Въ другихъ горныхъ обществахъ, земельныя владѣнія дигорцевъ не выяснены, но въ общемъ они едва ли больше донифарскихъ и махческихъ, а, судя по цѣнамъ на землю, даже меньше. При этомъ необходимо помнить, что и это ничтожное количество земли даетъ урожаи только послѣ приложенія къ ней, можно сказать, колоссальнаго труда. Чтобы сдѣлать безплодную скалу способной приносить хлѣбное зерно, дигорецъ вынужденъ наносить туда почву. И вотъ, маленькими коробочками носитъ дигорецъ навозъ и перегной на свой участокъ. Въ первое время послѣ занятія участка, онъ переносилъ туда цѣлую массу такихъ коробокъ, но теперь навоза требуется уже значительно меньше. На участокъ, дающій въ хорошій годъ мѣръ 50 ячменя, нужно отнести приблизительно 100 коробокъ навоза по 2 пуда въ каждой. Удобривъ землю, хозяинъ тщательно обрабатываетъ ее и три года сряду сѣетъ ячмень, а затѣмъ

опять долженъ приниматься за удобреніе. Этотъ колоссальный трудъ вознаграждается сравнительно хорошими урожаями, но тѣмъ не менѣе, за незначительностью посѣвовъ, хлѣба бываетъ недостаточно для прокормленія, и населеніе должно волей-неволей прибѣгать къ арендѣ земель на плоскости.

Жители Донифарса арендуютъ землю у владѣльцевъ Тугановыхъ. Арендная плата достигаетъ подъ кукурузу до 7 руб. за хозяйственную десятину. И это—замѣтьте—тамъ, гдѣ три четверти земли лежитъ необработанной, вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ и обилія земель въ краѣ. Часть урожая, идущая на прокормленіе населенія, возится съ арендуемыхъ земель за десятки верстъ въ аулы на ишакахъ, которыхъ навьючиваютъ мѣшками (изъ кожи животныхъ), наполненными зерномъ.

Придя въ сельское правленіе, я долженъ былъ заняться дѣлами, ради которыхъ предпринялъ поѣздку по горнымъ трущобамъ Сѣвернаго Кавказа. Здѣсь кстати сказать, что нѣкоторые осетины вообще, а дигорцы въ частности, успѣли уже соблазниться легкостью и доступностью кляузы и не прочь, при посредствѣ ложныхъ доносовъ, обдѣлывать свои личныя дѣлишки. Эта черта замѣчается не только русскими, но и болѣе просвѣщенными осетинами. Взаимныя неудовольствія очень часто влекутъ за собой взаимныя же и кляузы, причемъ кляузникъ разсчитываетъ на то, что за разборомъ дѣла никто не поѣдетъ въ такія трущобы, и самое дѣло будетъ рѣшено по его кляузѣ, приправленной значительной долей лести по адресу милостиваго начальства. Кляузники видимо имѣютъ основаніе надѣяться именно на такой эффектъ, а потому не особенно бываютъ довольны, когда ихъ жалобы разбираетъ на мѣстѣ непосредственно само начальство, которое они намѣревались такъ легко провести и обмануть.

Пока я былъ занятъ въ правленіи и со сходомъ—закипѣлъ самоварчикъ, единственный во всемъ аулѣ, предусмотрительно припасенный сельскимъ писаремъ. Старшина селенія считалъ себя нашимъ хозяиномъ и уже распорядился насчетъ барашковъ къ ужину, пару которыхъ и пронесли мимо нашихъ оконъ. Вечеромъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, ужинъ былъ готовъ. Опять появился такой-же, какъ и въ с. Магометанскомъ, низенькій круглый столикъ-блюдо, уложенный свѣжеиспеченнымъ чурекомъ, изломаннымъ на куски. На нихъ лежали кусочки вареной баранины и шашлыкъ. Посрединѣ тоже стояла мисочка съ кефиромъ и черемшой, и была насыпана кучкой черная крупная соль. Хозяинъ угощаетъ темнымъ, вкуснымъ и дѣйствительно прохлаждающимъ горскимъ пивомъ. Я убѣдительно прошу его пить самого. Осетинскій этикетъ не позволяетъ ему этого, и онъ сначала обращается къ намъ съ рѣчью, а затѣмъ отпиваетъ немного пива. Сказалъ онъ эту рѣчь по осетински, краснорѣчиво и съ воодушевленіемъ. Соломонъ Алексѣевичъ переводитъ ее мнѣ. „Пусть Богъ будетъ между нами,—такъ приблизительно говоритъ онъ,—дай Богъ, чтобы наши гости всѣмъ были довольны; чтобы мы угодили имъ; дай Богъ, чтобы они часто и всегда заѣзжали къ намъ, чтобы все и вездѣ было хорошо для нихъ, чтобы всякое желаніе ихъ исполнялось, чтобы нашимъ пріемомъ мы не вызвали и тѣни неудовольствія въ нихъ. Пью за васъ и ваше здоровье!“ Всѣ присутствовавшіе приподнимаютъ шапки и говорятъ какое-то краткое привѣтствіе. На любезность и добрыя пожеланія мы отвѣчаемъ тѣмъ же. Пока я и Соломонъ Алексѣевичъ закусывали, всѣ, не исключая и любезнаго хозяина, стояли въ сторонѣ, и на приглашенія наши ужинать вмѣстѣ, отвѣчали отказомъ,—такъ требуютъ правила осетинской вѣжливости. Тогда Соломонъ Алексѣевичъ, тоже согласно съ этими правилами, бралъ въ руки

куски баранины и передавалъ ихъ хозяину, Карасе и нѣкоторымъ другимъ изъ присутствовавшихъ, и они, пожелавъ намъ изобилія во всемъ, съѣдали свои куски. Хозяинъ такимъ образомъ, былъ привлеченъ къ нашему ужину. Въ концѣ этой трапезы самому почетному гостю, по обычаю, подаютъ голову того животнаго, которое было приготовлено для него, и онъ долженъ, хотя бы и немного, отпробовать мозгу изъ головы. Продѣлавъ это, я передалъ ее Габуди. Хозяинъ опять въ очень отборныхъ выраженіяхъ извинялся за скудость угощенія, а мы благодарили его. Теперь настала очередь ужинать остальнымъ присутствующимъ. Они отодвинули столикъ къ двери, расположились кругомъ него и скоро окончили двухъ изготовленныхъ барашковъ.

Ночной сонъ освѣжилъ и подкрѣпилъ насъ. На утро мы могли снова любоваться окружающей насъ природой. Здѣсь, какъ и раньше, она была также величественна и грандіозна, но печать особой мрачности и непривѣтливости сказывалась сильнѣе. Широкіе холмы едва прикрыты низкорослой травой, а веселаго яркозеленаго лѣса совсѣмъ не видно на горизонтѣ. Темныя и безплодныя скалистыя обнаженія свидѣтельствуютъ о чрезвычайной бѣдности земельныхъ угодій, пригодныхъ для сельско-хозяйственной культуры. На югѣ ясно обрисовалась цѣпь снѣжныхъ и скалистыхъ великановъ, замыкающихъ долину Уруха и его притоковъ. Одна изъ такихъ скалистыхъ вершинъ, по мѣстному—Уаза (на картѣ я не нашелъ такого названія), считается жителями самой высокой послѣ Эльбруса и Казбека. На нее, говорили мнѣ, рѣдко кто можетъ взойти. Только одинъ англичанинъ и одинъ дигорецъ поднимались на самую вершину; она оказалась свободной отъ снѣга, хотя ниже залегали громадные ледники. На вершинѣ же нашли они мельничный жерновъ и крестъ. Вдоль ущелья, которое значительно

шире здѣсь и представляетъ собой громадную балку, можно видѣть нѣсколько покинутыхъ, одиноко стоящихъ башенъ, жители которыхъ ушли въ Турцію. Отсюда же видна и башня селенія Махческъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Донифарса, намъ пришлось посѣтить жилую саклю. Сначала мы прошли черезъ помѣщеніе для рогатаго скота, затѣмъ черезъ конюшню, и только потомъ уже—въ стоящую нѣсколько выше жилую часть зданія. Она составляетъ просторную, обширную и довольно пустую комнату. Посрединѣ, на цѣпи спускается котелъ, подъ которымъ находится очагъ, съ постоянно поддерживаемымъ въ немъ огнемъ. Дымъ поднимается здѣсь же и застилаетъ высокій потолокъ помѣщеній. Всѣ стѣны закоптѣли и черны, какъ уголь. Мебели почти никакой. Я успѣлъ замѣтить только кровать да деревянную скамью,—обѣ грубой топорной работы. Вдоль одной изъ стѣнъ былъ выложенъ изъ камня пристѣнокъ въ видѣ карниза или порога, замѣнявшій, вѣроятно, диванъ. Въ верху прибита полка для посуды. Часть всего помѣщенія отдѣлена невысокими стѣнками и образуетъ, такимъ образомъ, родъ закрома для ячменя. Мой спутникъ Габуди приходился родственникомъ (кажется, двоюроднымъ внукомъ) хозяйкѣ этой сакли. Она подошла къ нему, обняла за плечи и, прижавшись головой къ его груди, простояла такъ нѣсколько минутъ.

Часовъ въ 10 утра двинулись мы въ дальнѣйшій путь по направленію къ Махческу. Старшина поѣхалъ проводить насъ. Какъ требуетъ осетинскій этикетъ, онъ ѣхалъ съ лѣвой стороны почетнаго гостя или вообще старшаго лица. По дорогѣ мы осмотрѣли нѣсколько мельницъ, очень напоминающихъ нехитрыя дѣтскія сооруженія. Вся текучая вода Донифарса состоитъ изъ небольшого ручейка, падающаго съ уступа на уступъ небольшими водопадами. Въ такихъ мѣстахъ, вода направляется по деревянному желобку и падаетъ на

крохотное колесо. Вверху послѣдняго находятся два камня, сбоку ихъ пріемникъ, а сверху ковшъ. Все это миніатюрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грубо. Производительность такихъ мельницъ едва доходитъ до перемола 2-хъ мѣръ ячменя въ сутки.

Выѣхавъ за аулъ, мы уговорили старшину возвратиться въ правленіе, гдѣ его ждали дѣла, а сами продолжали путь къ Галіату и Махческу.

---

4. Изъ исторіи дигорцевъ и ихъ творчества.

Отъ Донифарса до Махческа всего 12—15 верстъ. Но что это за дорога! Первый спускъ еще кое-какъ можно сдѣлать, но зато второй, несмотря на то, что разработанная дорога его имѣетъ 3—4 аршина въ ширину, крутъ до невозможности. Мы всѣ принуждены были встать съ лошадей, хотя Карасе, видимо, сдѣлалъ это изъ вѣжливости. Но и пѣшему не легко: ноги подгибаются, а головокруженіе доводитъ до тошноты. Почти цѣлый часъ тащились мы этимъ спускомъ, пока, наконецъ, усталые и разбитые, добрели ко дну долины, по которому катитъ свои воды бурный Урухъ. Нѣсколько ниже по теченію онъ принимаетъ въ себя Валлокомъдонъ. Въ образуемомъ, такимъ образомъ, углу находится ровная поляна Мацута, на которую и вступаемъ мы, переправившись черезъ Урухъ по мосту. Карасе увѣряетъ насъ, что названіе Мацута обозначаетъ „междумостіе", т. е. пространство между двумя мостами. Мѣсто это считается у дигорцевъ священнымъ и служитъ сборнымъ пунктомъ для жителей всѣхъ дигорскихъ обществъ. Въ старину здѣсь же производился и судъ. Долина эта считается, вмѣстѣ съ тѣмъ, почетнѣйшимъ кладбищемъ для туземцевъ. Когда, лѣтъ 70 тому назадъ, въ Дигоріи свирѣпствовала чума, несчастныхъ жертвъ ея хоронили въ этомъ же мѣстѣ. Склепы представляютъ собой низкіе каменные ящики, въ которые и кладутъ покойниковъ прямо на землю

не вырывая никакого углубленія. Заглядывая въ узенькое окошечко такого ящика, можно видѣть на землѣ бренные останки покойника: кости его и тонкую, какъ папиросная бумага, пелену отъ одежды. По стѣнкамъ склепа устроены широкія полки, на которыхъ видны такіе же останки. Когда заполнятся всѣ полки, истлѣвшія части покойниковъ снимаются съ нихъ въ углы склепа, а полки очищаются, такимъ образомъ, для новыхъ труповъ.

Здѣсь же, вдоль долины Мацуты, можно видѣть груды относительно мелкаго камня, въ родѣ обыкновеннаго щебня, расположенныя довольно правильно и, приблизительно, на одномъ и томъ же разстояніи одна отъ другой. Дигорцы говорятъ, снисходительно улыбаясь, что это ихъ народный герой Сосланъ-богатырь шелъ по этимъ мѣстамъ съ гигантскимъ камнемъ на плечахъ. Отъ сотрясенія во время ходьбы, части этого камня осыпались, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ступалъ онъ, образовались видимыя и теперь кучи щебня.

Мы дѣлаемъ привалъ на берегу Уруха, возвышающемся саженей на 8 надъ уровнемъ воды въ рѣкѣ. Карасе разсказываетъ намъ съ веселымъ смѣхомъ, какъ одинъ дигорецъ, во время послѣдней сходки въ этой долинѣ, держалъ пари на лошадь, въ томъ, что бросится съ моста въ Урухъ. Головорѣзъ этотъ выигралъ пари, спрыгнувъ въ рѣку, и благополучно вынырнулъ изъ бурныхъ водъ ея.

Во время отдыха въ сборномъ мѣстѣ дигорскихъ обществъ, я и Габуди припоминаемъ кое-какія свѣдѣнія изъ исторіи края. По господствующему нынѣ мнѣнію, осетины признаются одной изъ иранскихъ вѣтвей индоевропейскихъ народовъ, въ доказательство чего О. Миллеръ и М. М. Ковалевскій приводятъ немало данныхъ. Появленіе этой народности въ Европѣ, подъ названіемъ аланъ, на значительномъ пространствѣ

между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ до самаго Дона и Крыма, относятъ приблизительно за десять вѣковъ до Рождества Христова. Осетинъ,—или, какъ въ древности ихъ называли, оссовъ и яссовъ,—многіе считаютъ прямыми потомками аланъ, этого нѣкогда грознаго и великаго племени. Вся исторія послѣдняго представляется рядомъ безпрерывныхъ войнъ и набѣговъ, совершаемыхъ не столько въ силу необходимости и самозащиты, сколько изъ склонности къ разбою кочевого народа. Аланы же являются чаще другихъ и въ качествѣ паемныхъ войскъ Грузіи и Византіи. Съ появленіемъ на Кавказѣ арабовъ, объ аланахъ (осетинахъ) въ теченіе двухъ-трехъ столѣтій совсѣмъ нѣтъ историческихъ указаній. Имѣя постоянныя сношенія съ грузинами и греками и служа въ однихъ войскахъ съ ними, осетины, вѣроятно, въ это же время позаимствовали у нихъ и христіанство, которое усвоили, впрочемъ, вполнѣ поверхностно и, такъ сказать, съ внѣшней стороны. Въ X вѣкѣ, во время феодальныхъ смутъ, христіанство было оставлено ими: осетинскіе священники подверглись изгнанію, а храмы—разрушенію. Сношеніямъ же съ Греціей обязаны осетины и другимъ своимъ позаимствованіемъ—феодализмомъ, развившимся въ совершенно демократическомъ народѣ, только подъ вліяніемъ болѣе могущественныхъ сосѣднихъ народовъ. Сначала феодализмъ проникъ въ южную Осетію, гдѣ феодалами явились тѣ же грузины, а затѣмъ онъ медленно распространился и по сѣверной Осетіи, причемъ въ средѣ феодаловъ здѣсь встрѣчались уже и чисто осетинскія фамиліи. Въ XI вѣкѣ, одинъ изъ наиболѣе возвысившихся феодаловъ сталъ именоваться царемъ. Однако, возвышеніе Осетіи на степень царство не прекратило ни вражды народа къ чуждымъ ему по духу, а часто и по національности, феодаламъ, ни взаимной распри между послѣдними. Поэтому-то, когда, въ XIII вѣкѣ, Осетія попала подъ

власть великой орды Чингисъ-Хана и когда, благодаря этому, вліяніе Грузіи пошатнулось, въ народѣ съ особенной силой вспыхнула ненависть къ представителямъ грузинъ въ краѣ—феодаламъ. Началась ожесточенная борьба, длившаяся многіе десятки лѣтъ, то затихая, то снова вспыхивая съ удвоенной силой. Одно время, народъ взялъ перевѣсъ и феодалы были изгнаны; но впослѣдствіи южная Осетія снова подчинилась имъ, а въ сѣверной они остались только въ очень немногихъ мѣстахъ, да и то лишь изъ осетинскихъ фамилій. Это продолжительное междоусобіе сопровождалось страшными опустошеніями, кровопролитіями и всеобщимъ разореніемъ. Часть населенія переселилась къ побережью Азовскаго и Чернаго моря, а многолюдный осетинскій край запустѣлъ и обезлюдѣлъ.

Къ этому же времени относится появленіе кабардинцевъ въ сосѣдствѣ съ Дигоріей. Первое время отношенія между ними и осетинами были сносныя, но впослѣдствіи они испортились, главнымъ образомъ, вслѣдствіе чисто экономическихъ причинъ. Кабардинцамъ нужны были для своего скота предгорныя сочныя пастбища, а дигорцы нуждались въ плоскостныхъ мѣстахъ, пригодныхъ для земледѣльческой культуры. Первые стремились къ горамъ, послѣдніе имѣли обратное движеніе. Началась новая борьба, затянувшаяся на цѣлыя столѣтія. Обезсиленные прежнимъ междоусобіемъ, осетины не могли устоять подъ напоромъ свѣжихъ кабардинскихъ силъ и волей-неволей должны были уступить. Первою потеряла свою свободу Дигорія, какъ ближайшая къ Кабардѣ часть Осетіи.

Потерявъ большинство своихъ плоскостныхъ земель, дигорцы вынуждены были арендовать ихъ у новыхъ владѣльцевъ,—становясь, такимъ образомъ, въ экономическую зависимость отъ кабардинцевъ. Эта экономическая зависимость привела и къ политической подчиненности. Плоскостная Дигорія скоро вошла въ со-

ставъ владѣній удѣльныхъ кабардинскихъ князей Кайтухина рода, а горная Дигорія составила земли такихъ же князей рода Бекъ-Мурзы. Въ этой политической подчиненности немалую роль сыграли и тѣ вліятельные, богатые дигорскіе роды, въ которыхъ жили традиціи феодализма и привилегированное положеніе которыхъ какъ бы узаконялось съ присоединеніемъ къ аристократической Кабардѣ. Они не задумались промѣнять вольность своего народа ради призрачныхъ выгодъ сословности. Подъ вліяніемъ кабардинскаго господства, въ Дигоріи образовались слѣдующія сословныя группы: бадиляты, саргасаты и гагуаты, адамихаты (или вез-донъ), хуміаки и кассаки, и, наконецъ, хехесы. Первыя три группы считались людьми привилегированными, адамихаты находились, главнымъ образомъ, въ экономической зависимости отъ благородныхъ сословій, хуміаки—собственно крѣпостные, а кассаки—холопы. Эти два послѣднія сословія были освобождены уже русскимъ правительствомъ. Подъ именемъ хехесовъ извѣстны выходцы изъ другихъ осетинскихъ обществъ и преимущественно—алагирцы (по имени Алагирскаго ущелья). Изъ благородныхъ сословій, въ донифарскомъ обществѣ обитали только гагуаты; саргасаты же встрѣчались въ стыръ-дигорскомъ обществѣ, а баделяты—по теченію Солгуты-дона и по правому берегу Уруха до аула Задалеска. По принятому между привилегированными сословію обыкновенію, дѣти ихъ воспитывались въ Кабардѣ, а потому знаніе кабардинскаго языка считается существенной принадлежностью благородныхъ дигорцевъ. Въ числѣ привилегій ихъ долго сохранялось право брать за похищенный у нихъ предметъ въ шесть—десять разъ дороже дѣйствительной его стоимости. Съ окончательнымъ замираньемъ края, русскимъ правительствомъ до нѣкоторой степени поддерживались сословныя притязанія привилегированныхъ родовъ. Такъ,

послѣдніе получали нѣкоторыя права по службѣ, могли поступать въ нальчикское горское училище, основанное исключительно для дѣтей благородныхъ сословій, а нѣкоторыя фамиліи изъ нихъ, взамѣнъ потери правъ надъ сословіемъ адамихатовъ и др., получили въ собственность весьма значительныя земельныя богатства. Земли, пожалованныя на такомъ основаніи Тугановымъ и Кубатіевымъ и простирающіяся до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ, до сихъ поръ держатъ простыхъ дигорцевъ въ экономической зависимости отъ этихъ „благородныхъ фамилій“.

Адамихаты, подобно крѣпостнымъ, составлявшимъ имущество привилегированныхъ сословій, поступали въ раздѣлъ между наслѣдниками и обязаны были передъ ними тѣми же повинностями, какія несли для ихъ родителей. Такъ, убивая для себя домашнее животное, они обязаны были часть его, равно какъ и часть продуктовъ охоты, отдавать своимъ господамъ. Имъ же поставляли они къ главнымъ праздникамъ араку, давали по быку при выдачѣ замужъ дочери, при семейныхъ празднествахъ и т. п.

Адамихаты, поддерживаемые сочувствіемъ остальной массы непривилегированнаго населенія, никогда не забывали, что бадиляты, саргасаты и гагуаты не имѣютъ никакихъ заслугъ передъ общимъ отечествомъ, и что они лишь изъ-за личныхъ выгодъ своихъ всегда тянули къ Кабардѣ. Въ виду этого, у простого народа постоянно поддерживалось озлобленіе и неудовольствіе на привилегированные роды, за которыми, по ихъ мнѣнію, никакъ нельзя было признать именно „благородства“. Озлобленіе это, время отъ времени, принимаетъ острый характеръ и продолжаетъ проявляться до самаго послѣдняго времени. Политичные дигорцы, боясь возбужденія страстей, въ присутствіи посторонняго гостя избѣгаютъ поднимать сословный вопросъ и

благоразумно отмалчиваются, когда съ ними заговариваютъ о немъ.

Феодалы и „благородные роды“ жили въ неприступныхъ башняхъ, разсѣянныхъ по всей горной Дигоріи. Гнѣздо-башня одного такого рода до сихъ поръ напоминаетъ въ Донифарсѣ объ его минувшемъ могуществѣ.

Такимъ образомъ, прижатые къ горнымъ великанамъ болѣе сильной народностью, стѣсненные до величайшихъ предѣловъ въ экономическомъ отношеніи, обезсиленные постоянной кровавой борьбой, горные осетины постепенно дичали, грубѣли, замыкались въ самихъ себя, но, тѣмъ не менѣе, не потеряли своей постоянной любви къ свободѣ, не утратили вѣры въ самихъ себя, скромно сохранивъ притомъ сознаніе своего достоинства и свое мѣсто среди другихъ народовъ. Въ отношеніи этого именно взгляда на свои силы, у дигорцевъ сохранилась характерная сказка, содержаніе которой не могу не привести здѣсь же.

Былъ нѣкогда въ Осетіи одинъ Домбай (богатырь),—говорятъ осетины. — Силы онъ былъ непомѣрной. Могучѣе его, какъ говорили, не было никого. Однажды, близъ того аула, гдѣ жилъ Домбай, околѣлъ какой-то громаднѣйшій буйволъ. Время было лѣтнее и трупъ буйвола быстро сталъ разлагаться. Смрадъ былъ слышенъ за нѣсколько верстъ. Бѣдный народъ не зналъ, что дѣлать, и въ отчаяніи обратился къ Домбаю, чтобы тотъ какъ-нибудь избавилъ отъ бѣды. Домбай пошелъ къ трупу буйвола, взялъ его за хвостъ и бросилъ съ такой силой, что никто даже не видѣлъ, гдѣ онъ упалъ. Это еще болѣе возвысило Домбая въ глазахъ народа. О немъ говорили всѣ и вездѣ: мужчины на нахасахъ (сходкахъ, собраніяхъ), дѣти за играми и всѣ другіе Но болѣе всего говорила о силѣ Домбая жена самого Домбая, баба капризная и гордая. Разъ какъ-то сидѣла она съ своими товарками и по обыкновенію стала хва-

лить мужа своего.—„Да будетъ тебѣ носиться съ своимъ мужемъ,—прервала вдругъ жену Домбая одна вѣдьма, которой надоѣло, наконецъ, хвастовство ея,—на свѣтѣ есть много людей сильнѣе твоего мужа“. Жена Домбая сильно обидѣлась этимъ и сейчасъ же пошла жаловаться своему мужу. Домбай выслушалъ ее и сказалъ: „не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не найду того, кто сильнѣе меня. Поэтому иду сейчасъ же искать себѣ супротивника“. Сказавъ это, Домбай тотчасъ же снарядился, распрощался съ друзьями и пошелъ.

Долго ли, коротко ли онъ такъ шелъ, неизвѣстно. Но вотъ въ одинъ прекрасный день увидѣлъ онъ какого-то великана. Великанъ ловилъ рыбу удой, которая была величиной съ дерево. Когда Домбай увидѣлъ этого великана, духъ замеръ въ немъ, и онъ хотѣлъ было незамѣтно скрыться. Но великанъ уже замѣтилъ его и закричалъ: „Эй, горная пташка, откуда тебя Богъ несетъ?“—„Иду искать себѣ супротивника“,—сказалъ Домбай, подходя къ великану.—„Слышишь, пташка,—засмѣялся великанъ,—я бы съ удовольствіемъ помѣрился съ тобой силою, но не могу безъ позволенія старшихъ своихъ братьевъ сдѣлать это. Иди вверхъ по рѣкѣ и скажи о твоемъ дѣлѣ братьямъ моимъ“.

Пошелъ Домбай, проклиная внутренно и жену свою и вѣдьму, по милости которыхъ онъ попалъ въ такую бѣду. Скоро, дѣйствительно, показался великанъ. Только этотъ этотъ былъ вдвое больше прежняго. Это оказался средній братъ, пославшій его къ старшему брату, который былъ вдвое больше прежняго. Домбай и ему объяснилъ цѣль своего прихода.—„Ай, ай, пташечка,—захохоталъ великанъ,—мы боимся бороться съ тобой, иди спроси нашу мать, какъ она посовѣтуетъ“. Вздохнулъ бѣдный Домбай и пошелъ къ матери великановъ. Скоро онъ увидѣлъ среди степи женщину, вдвое больше старшаго великана. Женщина сидѣла и шила. Одинъ клыкъ ея касался неба, другой уходилъ

подъ землю; одна грудь лежала на землѣ спереди, другая была закинута черезъ плечо назадъ. Когда Домбай увидѣлъ ее, то совсѣмъ струсилъ. Одумавшись, онъ потихоньку подкрался къ той груди ея, которая была откинута назадъ, схватилъ ее и сталъ сосать *). Когда мать великановъ оглянулась, онъ тогда закричалъ: „ой, мамо, спаси меня"! — „Ну, сынъ мой, твое счастіе, что ты это сдѣлалъ, а то не сдобровать бы тебѣ. Разскажи теперь, какъ ты попалъ въ наши края". Домбай во всемъ чистосердечно признался.—„Ну, глупъ же ты, какъ я покажу—усмѣхнулась великанша:—куда тебѣ съ твоей силенкой искать супротивниковъ. Знаешь, сынъ мой, вѣдь мои сыновья тебя на ужинъ берегли; мы изъ человѣческаго мяса дѣлаемъ шашлыки. И тебѣ бы не миновать вертела, но ты ухитрился. Дѣлать нечего, теперь я спасу тебя". Сказавъ это, великанша накрыла Домбая своимъ наперсткомъ.

Къ вечеру пришли братья-великаны.—„Ну, что—обратился къ великаншѣ старшій сынъ,—гдѣ та горная пташка, которую мы направили къ тебѣ? Дай-ка его сюда, мы справимъ изъ него шашлычекъ".—„Оставьте его къ завтраку,—сказала мать,—теперь на ужинъ и рыбы будетъ довольно. Я его подъ наперстокъ посадила,—не убѣжитъ ни за что". Братья согласились и, поужинавъ рыбой, легли. Когда они заснули, великанша выпустила Домбая изъ подъ наперстка.—„Ну, сынъ мой,—сказала она Домбаю,—бѣги, какъ понесутъ тебя ноги, и постарайся къ утру быть за нашей границей, иначе, если еще попадешься въ руки сыновей моихъ, то я едва ли спасу тебя".

Домбай поблагодарилъ великаншу и пустился бѣжать.

Всю ночь бѣжалъ Домбай, изрѣдка останавливаясь, чтобы прислушаться—нѣтъ ли погони. Но ея не было.

*) Этимъ дѣйствіемъ узаконяется у осетинъ усыновленіе.

Только къ утру, когда солнце показалось на востокѣ, Домбай заслышалъ за собой погоню. Не смотря на всѣ усилія его, погоня съ каждой минутой приближалась. Отчаяніе уже стало охватывать Домбая. Вдругъ онъ видитъ: какой-то одноглазый старикъ-великанъ взбирается на гору. Послѣднія силы напрягъ Домбай и скоро догналъ стараго великана.—„Ой, отецъ спаси меня", закричалъ Домбай. Великану жалко стало Домбая, онъ взялъ его и положилъ въ дупло своего испорченнаго зуба. Тѣмъ временемъ, прибѣжали братья-великаны и стали требовать выдачи Домбая. Старикъ долго не обращалъ на нихъ вниманія, но когда они стали надоѣдать ему, онъ вырвалъ изъ бороды своей волосъ и перевязалъ имъ трехъ братьевъ. Потомъ онъ вытащилъ изъ зуба Домбая и сталъ разспрашивать его, какъ онъ попалъ сюда. Домбай все до мельчайшихъ подробностей разсказалъ ему. Старикъ расхохотался. „Ступай, сынъ мой, домой... Теперь ты видѣлъ, кто сильнѣе всѣхъ". Домбай ушелъ было, но скоро вернулся назадъ, нагналъ старика и спросилъ его — кто былъ тотъ, что выбилъ ему глазъ?—„О, чтобъ Богъ тебя не послушалъ,—отвѣчалъ ему старикъ,—старыя раны мои ты растравилъ. Но дѣлать нечего, садись тамъ, и я разскажу тебѣ, какъ я потерялъ свой глазъ".

Было насъ 12 братьевъ. Мы были молоды, кровь играла въ насъ, и вотъ, всѣ двѣнадцать, мы вздумали искать, какъ и ты, съ кѣмъ бы помѣряться силой. Приготовили мы для этого своихъ боевыхъ коней, такъ что они, вмѣсто зерна, ѣли одни гвозди, и отправились въ путь. Ночь застала насъ въ горахъ. Было дождливое время, и мы заѣхали въ одну пещеру ночевать. Утромъ, когда мы проснулись, то, къ величайшему своему удивленію, увидѣли, что мы не въ пещерѣ, а въ черепѣ человѣческомъ. Вдругъ прибѣжала какая-то громадная черная собака, схватила черепъ зубами и понесла насъ. Вблизи какихъ-то хо-

ромъ, она положила черепъ на землю и хотѣла его глодать. Въ это время, изъ хоромъ вышла дѣвушка-великанша и, увидѣвъ кость, вскричала: „эта проклятая собака ужасно надоѣла: собираетъ, гдѣ попало, кости и тащитъ ихъ сюда“. Съ этими словами она подошла къ черепу и ударила его ногой... Что было потомъ, я не помню. Когда я очнулся, то увидѣлъ, что всѣ мои братья мертвы, черепъ былъ изломанъ, а я лишился глаза... Ну, иди теперь,—закончилъ одноглазый старикъ-великанъ,—и будь доволенъ, что въ твоихъ краяхъ ты сильнѣе всѣхъ. А на свѣтѣ сильныхъ много“.

Домбай пошелъ тогда домой, и съ тѣхъ поръ никогда не хвастался своею силой.

Въ этой сказкѣ какъ нельзя лучше отражается воззрѣніе народа на свои силы. Онъ не отрицаетъ своего значенія и своей мощи, но онъ знаетъ, что есть народы неизмѣримо сильнѣе его, а потому, не теряя своего достоинства, онъ не хвалится своей силой и не одобряетъ такого хвастовства въ другихъ. Онъ сознаетъ, согласно русской пословицѣ: „кто высоко летаетъ, тотъ низко садится“, и разсказываетъ по этому поводу другую, художественную въ своей простотѣ, сказку о томъ, „Какъ мышь женилась“. Вотъ эта сказка:

Была нѣкогда мышь. Пришло ей какъ-то въ голову жениться. Она была очень горда и самолюбива, и потому всѣ дѣвушки-мыши казались недостойными ея. Она искала себѣ въ жены дочь такого отца, сильнѣе котораго не было бы въ мірѣ. Вслѣдствіе этого, она отправилась къ Мѣсяцу, про котораго говорили, что сильнѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ.—„Мѣсяцъ,—сказала она ему,—я ищу себѣ въ жены дочь сильнѣйшаго въ мірѣ, а про тебя у насъ на землѣ говорятъ, что сильнѣе тебя нѣтъ, и мнѣ хотѣлось бы породниться съ тобой“—„Да,—отвѣчалъ ей Мѣсяцъ,—силенъ я, слова нѣтъ, и нѣтъ такого мѣста, такого закоулка на землѣ, куда бы не проникалъ мой свѣтъ, когда я по

ночамъ хожу по небу; но восходитъ къ утру Солнце, и свѣтъ мой начинаетъ постепенно тускнѣть и, наконецъ, совсѣмъ пропадаетъ. Къ вечеру только, когда Солнце зайдетъ и свѣтъ его перестанетъ свѣтить на землю, ко мнѣ опять возвращаются мои силы, опять я обливаю своимъ свѣтомъ обширную землю. Нѣтъ, Мышь, Солнце будетъ посильнѣе меня: иди къ нему".

Пошла Мышь къ Солнцу.—„Солнце,—обратилась она къ нему—ищу я себѣ въ жены дочь сильнѣйшаго въ мірѣ, а про тебя ходятъ слухи, что ты именно и будешь такимъ. Не отдашь ли свою дочь за меня"?—„Правда, сильно и могущественно я,—отвѣчало Солнце,—и когда всхожу по утрамъ, мракъ ночей разсѣивается безслѣдно; звѣзды и самъ Мѣсяцъ не смѣютъ свѣтить при мнѣ на землю; меркнетъ ихъ свѣтъ передъ моимъ свѣтомъ и не бываетъ ихъ видно въ то время съ земли. Но есть что-то посильнѣе меня, которое застилаетъ мой свѣтъ, закрываетъ меня отъ земли—это Туча. Иди, поэтому, къ ней". Къ Тучѣ пошла Мышь и обратилась съ своимъ предложеніемъ. Подумала Туча и сказала: „вѣрно говоритъ солнце, силенъ его свѣтъ, и звѣзды, и Мѣсяцъ меркнутъ передъ нимъ, но не можетъ оно свѣтить на землю, когда я большимъ ковромъ обложу небо, и не бываетъ его видно тогда. Но не могу и я устоять противъ Вѣтра. Когда онъ подуетъ, разгуляется, то разрываетъ меня на клочки и разбрасываетъ по необозримому небу. Я слабѣю тогда и уничтожаюсь совершенно. Нѣтъ, Вѣтеръ сильнѣе меня!" Пошла Мышь къ Вѣтру. Но и Вѣтеръ не призналъ себя сильнѣйшимъ. „Правда,—говоритъ онъ.—силенъ я и однимъ дуновеніемъ уничтожаю Тучу; но вотъ, напримѣръ, когда человѣкъ пашетъ въ полѣ на быкахъ, то, хотя тамъ будетъ только пара быковъ, я не могу имъ ничего сдѣлать: мѣрно, тихо идутъ они по полямъ, будто и не чувствуютъ меня. Они будутъ посильнѣе меня". Обратилась Мышь къ быкамъ. Быки ей сказали: „сильны

мы, слова нѣтъ; но и насъ иногда осиливаетъ Плугъ, когда вдругъ зацѣпится за что-нибудь въ землѣ. Даже когда хозяинъ припрягаетъ къ намъ еще пары четыре, то и тогда мы не можемъ ничего подѣлать. Плугъ сильнѣе насъ". Пошла Мышь къ Плугу. Плугъ ей сказалъ: „силенъ я, правда, и когда мною пашутъ, я рѣжу сырую землю безъ всякаго затрудненія. Но есть одинъ Корень, который часто, когда я нахожу на него, останавливаетъ меня и я не могу его разрѣзать. Иди, поэтому, Мышь, къ нему; онъ много сильнѣе меня".

Пришлось Мыши обратиться къ Корню. „Да, силенъ я,—отвѣчалъ ей Корень,—и не можетъ Плугъ, иной разъ, меня перерѣзать; но вотъ мышь, даже самая маленькая, очень легко перегрызаетъ меня. Такъ что мыши будутъ посильнѣе меня". „Ага!—воскликнула тогда Мышь,—такъ, значитъ, сильнѣе насъ, мышей, нѣтъ"! И женилась она на простой мыши.

Вы видите отсюда, что осетинъ не заносится высоко въ своемъ самомнѣніи и остроумно подсмѣивается надъ такой заносчивостью. Онъ знаетъ цѣну себѣ, но видитъ преимущества другихъ. Поэтому, онъ охотно перенимаетъ то, что хорошо у другихъ народовъ; онъ ищетъ образованія, отдаетъ послѣдніе гроши на обученіе своихъ дѣтей русской грамотѣ и самъ идетъ навстрѣчу русской культурѣ. Это отсутствіе у осетинъ національной исключительности и видимая склонность и способность къ прогрессу дѣлаютъ изъ нихъ наиболѣе симпатичное племя изъ среды кавказскихъ горцевъ. Ихъ младенческое воззрѣніе на природу, стремленье одухотворить каждое мѣсто, каждый бездушный камень, указываетъ также и на богатый внутренній міръ. Осетинъ разскажетъ вамъ массу народныхъ преданій, легендъ и другихъ произведеній народнаго творчества. Вотъ здѣсь онъ укажетъ слѣды Сослана-богатыря, тамъ—результаты справедливаго гнѣва св. Георгія, а въ другомъ мѣстѣ укажетъ на три камня-гиганта и объяснитъ, что это

разгнѣванный Богъ обратилъ злыхъ братьевъ въ камни и т. д.

Проѣхавъ Мацуту, мы снова перебираемся на другой берегъ рѣки, для чего намъ приходится перейти самый ужасный изъ видѣнныхъ мною мостовъ. Представьте себѣ два довольно тонкихъ бревна, перекинутыхъ съ берега на берегъ на высотѣ нѣсколькихъ саженъ надъ водой. На эти бревна уложенъ обыкновенный плетень, прикрытый слегка навозомъ. Одно изъ этихъ бревенъ треснуло посрединѣ и готово обломиться окончательно, поэтому надъ нимъ по плетню положена другая, еще болѣе тонкая жердь, кое-какъ связанная съ нижней, надломленной. Въ такомъ видѣ мостъ настолько опасенъ, что даже наши ко всему привычныя лошади упираются и нейдутъ вмѣстѣ со всадникомъ. Приходится сойти съ нихъ и по одиночкѣ перегонять черезъ этотъ мостъ. Мы тоже переходимъ по одиночкѣ, и весь мостъ дрожитъ и гнется подъ нашей тяжестью. Полная возможность несчастій здѣсь признается даже Карасе, всегда легкомысленно относящимся къ опасностямъ.

Послѣ относительно небольшого спуска, снова перебираемся мы уже по болѣе прочному мосту, на лѣвый берегъ рѣки, и въѣзжаемъ въ аулъ Махческъ. Онъ—такого же типа, какъ и другіе. На краю его помѣстилась бѣдненькая церковь. Это обыкновенный деревянный домъ, крытый тесомъ, въ одномъ углу котораго укрѣпленъ небольшой крестъ, а въ другомъ поставлена вышка для небольшого же колокола. Вся постройка груба, незатѣйлива и чрезвычайно бѣдна. Нѣсколько лѣвѣе возвышается громадная полуразрушенная башня. Она необитаема.

Отъ Махческа мы спускаемся къ самому берегу рѣки и ѣдемъ вдоль его верстъ пять, перебираясь съ одной стороны ея на другую. Затѣмъ снова начинается зигзагообразный подъемъ, такой же крутой и утомительный, какъ и остальные. Часа черезъ полтора послѣ

выѣзда изъ Махческа, мы добрались, наконецъ, до аула Галіата. Здѣсь церковь такой же архитектуры, какъ и въ Махческѣ, но богаче и опрятнѣе. Она смазана глиной и выбѣлена, крыта желѣзомъ, увѣнчана небольшимъ куполомъ, а передъ ней, стѣна въ стѣну, поставлена досчатая, выкрашенная коричневой краской, невысокая колокольня. Прямо передъ Галіатомъ возвышается высокій и широкій конусъ съ округленной вершиной. На самой верхней площадкѣ его находится центральный въ галіатскомъ приходѣ аулъ—Комунты, въ которомъ живетъ старшина прихода и помѣщается сельское правленіе. Туда и направляемся мы на ночлегъ. Тридцать минутъ продолжается самый крутой изъ бывшихъ до сихъ поръ подъемовъ. Мы карабкаемся чуть не на отвѣсную скалу по узенькой, аршина въ 2—3, дорожкѣ. Отъ безпрерывнаго подъема все вверхъ и вверхъ, начинаетъ кружиться голова, ломитъ поясницу; общая усталость такъ велика, что я едва держусь на сѣдлѣ. Еще послѣднее усиліе,—и мы въ Комунтахъ, въ сельскомъ правленіи. Старшины нѣтъ дома, но здѣсь мы гости Карасе, имѣющаго въ аулѣ свое хозяйство. Добрая кружка прекраснаго, холоднаго горскаго пива поддерживаетъ наши силы, и мы съ истиннымъ наслажденіемъ растягиваемся на разостланныхъ буркахъ, передъ порогомъ сельскаго правленія.

---

5. Черты изъ хозяйственно-экономической жизни горскаго населенія.

Въ Комунтахъ мнѣ пришлось прожить два дня и я успѣлъ познакомиться за это время съ нѣкоторыми интересными сторонами хозяйственно-экономической жизни населенія.

Въ Дигоріи можно встрѣтить самыя разнообразныя формы землевладѣнія. Пастбища и лѣса состоятъ въ общинномъ пользованіи нѣсколькихъ обществъ и считаются собственностью ихъ всѣхъ. Горныя пастбища, выгоны, а изрѣдка и покосные луга находятся, въ большинствѣ случаевъ, въ общинномъ пользованіи домохозяевъ одного аула и составляютъ его нераздѣльную собственность. Отдѣльные роды тоже имѣютъ свою родовую собственность, состоящую изъ самыхъ разнообразныхъ сельско-хозяйственныхъ угодій и въ томъ числѣ изъ пахотныхъ участковъ. Наконецъ, отдѣльныя семьи имѣютъ свою частную собственность которою и пользуются исключительно по личному усмотрѣнію главы семейства. Но частную собственность отдѣльныхъ семей составляютъ только пахотныя земли и луга; пастбищами же, выгонами и лѣсомъ эти семьи пользуются на общинныхъ началахъ вмѣстѣ съ другими членами общества. Очень часто встрѣчаются такія семьи, которыя совсѣмъ не имѣютъ собственныхъ пахотныхъ и покосныхъ участковъ, а потому поль-

зуются только одними общинными угодьями. Такія семьи въ большинствѣ случаевъ арендуютъ землю у другихъ собственниковъ своего же общества.

Условія аренды (хаццонъ—аренда) довольно тяжелы для нанимателя. Безземельные арендуютъ участки обыкновенно у лицъ, удалившихся на плоскость и въ горахъ уже не живущихъ, поэтому они занимаютъ и постройки собственниковъ, но безплатно. Съ арендуемыхъ же культурныхъ земель уплачиваютъ съ каждаго бакцала (120 сноповъ) одного барана, стоимость котораго равняется тремъ мѣрамъ зерна. Такъ какъ бакцалъ только въ урожайные годы даетъ 6 мѣръ ячменя, то баранъ, въ большинствѣ случаевъ, составляетъ больше половины урожая. За собственникомъ всегда остается право удалить арендатора, но только съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій. Такъ, на участкахъ, отдаленныхъ отъ усадьбы, арендатору можно отказать по снятіи перваго урожая, но съ ближайшихъ пахотныхъ участковъ можно удалить арендатора только по снятіи имъ трехъ урожаевъ отъ послѣдняго удобренія, положеннаго на этотъ участокъ.

Арендаторы постоянно стремятся пріобрѣсти въ собственность арендуемыя ими земли, Но, благодаря, съ одной стороны, установившемуся въ населеніи взгляду, по которому проживать наслѣдіе отцовъ предосудительно, а съ другой—благодаря страшной дороговизнѣ земель, процессъ перехода ихъ совершается очень медленно и покупки происходятъ чаще всего только на часть земли. Въ галіатскомъ обществѣ, гдѣ жители стѣснены землею меньше, чѣмъ, напримѣръ, въ Стыръ-Дигорѣ, казенная десятина ближайшей къ усадебной осѣдлости пахотной земли, при покупкѣ, обходится отъ 1.200 до 1.870 руб. Удаленныя отъ усадьбы земли (афцаггаронъ-хуша) стоятъ гораздо дешевле, отъ 350 до 400 руб. за казенную десятину, незаливные луга (удаленные отъ усадьбы)—250—300 руб., а залив-

ные—500—700 руб. Впрочемъ, земля никогда не продается десятинами, а всегда тѣми участками, которыми располагаютъ владѣльцы. Участки же эти почти всегда не велики: 120, 140, 240 и 290 кв. саж. и—сравнительно рѣже—участки свыше $^1/_4$—$^1/_3$ казенной десятины. Въ Стыръ-Дигорѣ участки значительно меньше, а цѣны въ 2—3 раза больше. Единицей мѣры служитъ собственно бонцау, т. е. такой участокъ пахотной земли, который можно вспахать въ день одной парой воловъ, запряженной въ горную соху. Нормальный бонцау называется тоги-бонцау, т. е. такой участокъ, который по обычному праву дается въ вознагражденіе за кровь убитаго родственника. Онъ имѣетъ въ длину и въ ширину 8 веревокъ, въ которыхъ четыре ивазна (т. е. разстояніе между крайними точками горизонтально разставленныхъ рукъ). Считая такое разстояніе равнымъ $2^1/_2$ аршинамъ, получаемъ веревку равную 10 арш., а 8 веревокъ—80 арш., или около 27 сажень; весь же тоги-бонцау занимаетъ площадь въ 728 кв. саж. Хозяйственный же бонцау имѣетъ, какъ мы уже видѣли, довольно неопредѣленную величину и обыкновенно меньше тоги-бонцау.

Размѣры земельныхъ угодій дигорскихъ обществъ показываютъ уже, что отдѣльныя семьи считаютъ свои земли не десятками бонцау. Правда, есть нѣсколько семействъ, напримѣръ, Цопаковыхъ, которыя обладаютъ 20—40 бонцау, но масса едва располагаетъ 3—6, въ общей сложности едва достигающихъ половины одной казенной десятины. Такіе незначительные кусочки земли требуютъ постояннаго и неусыпнаго надзора за собой, и почти вся семья цѣлый день возится и копается на этомъ участкѣ, а въ концѣ концовъ все-таки не обезпечиваетъ себѣ хлѣба на весь годъ.

Кромѣ земледѣлія, второе мѣсто въ хозяйственной дѣятельности занимаетъ, по размѣрамъ, овцеводство. Овцы часто ввѣряются наемному пастуху (ласдзарокъ),

которому въ вознагражденіе за пятилѣтнюю пастьбу выдѣляется нѣсколько десятковъ овецъ, отмѣчаемыхъ на ушахъ особой помѣтой. Молочные продукты со всего стада поступаютъ въ пользу хозяина, а шерсть только съ овецъ, не мѣченныхъ пастухомъ; съ помѣченныхъ же шерсть дѣлится пополамъ между хозяиномъ и пастухомъ. На пятый годъ пастухъ обязанъ помочь въ заготовленіи сѣна, а по истеченіи пятилѣтняго срока всѣ мѣченныя овцы и ихъ приплодъ дѣлятся между хозяиномъ и пастухомъ поровну. Часто, особенно когда въ семьѣ мало рабочихъ рукъ, овцы сдаются въ аренду условія которой очень сходны съ условіями найма пастуха. Аренда тоже берется на 5 лѣтъ. Молочные продукты цѣликомъ получаетъ арендаторъ, а шерсть дѣлится пополамъ между нимъ и собственникомъ. Арендаторъ получаетъ право рѣзать овецъ на собственныя надобности, но обязанъ шкурки ихъ, также павшихъ овецъ,—какъ доказательство того, что онѣ не проданы,— отдать собственнику. Черезъ 5 лѣтъ все стадо дѣлится поровну; черезъ 3 же года арендаторъ получаетъ $^1/_3$ стада. Рѣже встрѣчается другой видъ аренды, когда арендаторъ беретъ овецъ на 3 года и обязывается по окончаніи срока возвратить собственнику вмѣсто каждыхъ двухъ взятыхъ у него овецъ—три. Продуктами же овцеводства, въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, пользуется одинъ арендаторъ безъ всякаго участія собственника.

Несмотря на сильное стѣсненіе въ землѣ, дигорскому овцеводству въ близкомъ будущемъ можетъ предстоять широкое развитіе, особенно если дигорцамъ будутъ отведены земельные надѣлы на плоскости, куда бы они могли перегонять свои стада на зиму. Дигорскія пастбища—однѣ изъ лучшихъ въ Осетіи, а потому изъ осетинскихъ сыровъ—дигорскій особенно выдается по своимъ качествамъ, а въ лучшемъ изготовленіи напоминаетъ швейцарскій. Приготовленіе сыра можетъ имѣть въ горной Дигоріи широкую будущность. То же

можно сказать и о дигорскомъ пивѣ. Мнѣ пришлось отвѣдать много сортовъ его, изготовляемыхъ нѣсколькими хозяевами, и о нѣкоторыхъ сортахъ я могу утверждать, что они имѣютъ полное право на широкое распространеніе. Вкусомъ лучшіе сорта дигорскаго пива напоминаютъ англійскій портеръ и, при незначительномъ улучшеніи техники производства, легко могутъ получить распространеніе.

Говоря далѣе о возможномъ экономическомъ будущемъ горной Дигоріи, нельзя не отмѣтить показанія мѣстныхъ жителей, которые единогласно утверждаютъ, что на земляхъ ихъ обильно встрѣчаются многіе цѣнные минералы. Намъ говорили о присутствіи здѣсь серебро-свинцовыхъ рудъ и даже золота. Очень желательно, чтобы эти показанія были тщательно провѣрены, а горныя богатства края подверглись бы обстоятельному изученію.

Не могу не упомянуть еще о лѣсахъ. Нѣкогда Дигорія была сплошь покрыта ими. Теперь же лѣсовъ осталось относительно немного. Мнѣ кажется, что на искусственное разведеніе лѣса здѣсь необходимо обратить вниманіе, тѣмъ болѣе, что съ устройствомъ на Кавказѣ горно-культурныхъ лѣсничествъ къ этому представляется полная возможность.

Вообще, объ этомъ забытомъ богомъ и людьми краѣ, брошенномъ въ неприступныя, непривѣтливыя горы, слѣдовало бы позаботиться серьезнѣе. Населеніе его охотно идетъ навстрѣчу русской культурѣ; само, безъ чужого почина, ищетъ обученія русскому языку и грамотѣ; само создало и намѣтило такія отрасли экономической производительности, которыя могутъ имѣть широкую будущность, а потому нашей обязанностью является протянуть ему руку помощи и дать возможность выйти изъ того тяжелаго положенія, въ которое оно поставлено. Для этого требуются прежде всего три условія—земля на плоскости, школа въ горахъ и мѣ-

стное самоуправленіе,—осуществленія которыхъ нельзя не пожелать въ самомъ близкомъ будущемъ.

Сельское правленіе, въ которомъ помѣстились мы, находится въ 5—6 саженяхъ отъ крутого обрыва-спуска, стоя на краю котораго, можно любоваться грандіозной картиной горной цѣпи, протянувшейся на югъ отъ Комунтъ. Внизу ясно видны два другихъ аула галіатскаго прихода—Дунда и Хунсаръ. Долина занимаетъ не болѣе половины квадратной версты, но склоны, образующіе ее, довольно отлоги и на нихъ расположены участки пахотныхъ земель, засѣянныхъ по обыкновенію ячменемъ. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ подъ Галіатомъ намъ удалось видѣть участокъ земли, засѣянный яровой пщеницей, довольно жалкой и низкорослой. Горы съ широкими конусами, точно осетинскія шляпы, столпились съ правой и лѣвой стороны долины и выглядываютъ одна изъ-за другой своими вершинами. Густое облако, на одной высотѣ съ нами, растянулось длинной полосой съ правой стороны и образовало точно дымную ленту гигантскаго паровоза. Изъ-за нея виднѣются то укутанные лѣсной зеленью склоны другихъ великановъ, то голыя каменныя обнаженія ихъ. Но вотъ скинули съ себя пелену сѣрыхъ тучъ и вершины, замыкающія съ юга всю долину. Здѣсь одинъ изъ кавказскихъ снѣжныхъ гигантовъ—Адай-хохъ—представляетъ какъ бы узелъ пресѣченія главнаго кавказскаго хребта съ боковыми. Адай-хохъ отбрасываетъ отъ себя два громадныхъ ледника: восточный Цейскій и западный Скатиномскій, а также множество мелкихъ. Вѣчные снѣга наполнили всѣ углубленія, всѣ трещины горныхъ гигантовъ, а надъ ними и рядомъ съ ними торчатъ голыя скалы. Ближайшій ледникъ, какъ говорятъ дигорцы, спускается всего въ 4—5 верстахъ отъ Комунтъ.

Пока мы любуемся съ Габуди горной картиной, насъ по обыкновенію окружаютъ жители аула, пришед-

шіе посмотрѣть рѣдкихъ гостей. Нѣкоторые изъ нихъ вооружены длинными палками съ навинченными на нихъ, въ видѣ наконечника, старыми штыками отъ солдатскихъ ружей. Наконечники другихъ палокъ представляютъ простую заостроенную желѣзную наковку. Я выбираю типичную горскую кизиловую палку съ такимъ именно желѣзнымъ наконечникомъ, симетрично расположенными на ней бородавками, образовавшимися отъ надрѣзовъ, сдѣланныхъ на деревѣ еще во время его роста, съ набалдашникомъ вверху, а на четверть ниже—съ несрѣзаннымъ сучкомъ для пальца. Палка только на четверть аршина ниже человѣка и можетъ служить хорошимъ подспорьемъ въ путешествіи по горамъ пѣшкомъ. Дигорцы употребляютъ ее въ иныхъ случаяхъ и для прицѣла. Втыкая острымъ концомъ въ землю, охотникъ кладетъ ружье на сучокъ, что возлѣ набалдашника, и прицѣливается, если ему позволяетъ время и положеніе звѣря. Я покупаю эту палку за одинъ рубль. Охотятся дигорцы на медвѣдя, тура, козу и другихъ обитателей горныхъ и лѣсныхъ трущобъ.

Въ Комунтахъ обстоятельства заставили меня заглянуть и въ одну изъ мѣстныхъ лавокъ. Ихъ всего двѣ. Одна изъ нихъ помѣщается въ крошечномъ сарайчикѣ и состоитъ изъ небольшого шкафа, въ которомъ на полкахъ лежитъ нѣсколько пачекъ папиросъ, десятка три-четыре коробочекъ сѣрныхъ спичекъ, нѣсколько ленточекъ, побрякушекъ, нѣсколько осьмушекъ чаю и... только. Вотъ и вся лавка. Въ такомъ же видѣ представляется и остальная торговля этого дикаго горнаго уголка.

Комунты былъ послѣдній дигорскій аулъ, въ которомъ я долженъ былъ побывать. Отсюда мнѣ нужно было перебраться въ другое ущелье, почти параллельное дигорскому—въ алагирское, идущее по р. Ардону и относительно благоустроенное. Для этого мнѣ нужно было перевалить черезъ кряжъ, отдѣляющій эти два

ущелья и называющійся, по имени высшей точки своей кіонъ-хоху-кіокскимъ переваломъ. Габуди съ проводникомъ Александромъ должны были остаться въ Комунтахъ, а я и Карасе двинулись въ путь. Версты двѣ мы поднимались по довольно сносной и относительно разработанной дорогѣ, переходящей затѣмъ въ тропу. Но и тропа большею частью удобна: она идетъ по широкой серединѣ горы, довольно полога и настолько просторна, что избавляетъ отъ необходимости смотрѣть въ бездну. Лишь мѣстами тропинка тѣснится сбоку горы и тогда она довольно опасна. Достигши вершины, мы оглядываемся назадъ. Облака значительно ниже насъ бѣлѣютъ за Комунтами, которыя кажутся какой-то игрушечной постройкой на вершинѣ конуса, окруженнаго громадами съ блестящими снѣгами.

Начался спускъ, и мы, отъѣхавши съ версту, останавливаемся на привалъ. Влѣво торчитъ зубчатая вершина Кіонъ-хоха, а направо уже видны колоссальныя стѣны Ардонской тѣснины, изъ-за которыхъ возвышается Казбекъ. Около нашего привала небольшое озеро въ 50—60 кв. саж., довольно глубокое, заросшее осокообразной травой. Оно,—какъ говоритъ Карасе,—никогда не высыхаетъ. Подкрѣпившись на привалѣ завтракомъ, мы отправляемся. Спускъ тянется то понадъ мелкимъ лѣскомъ, то у голыхъ склоновъ. Это одинъ изъ труднѣйшихъ и непріятнѣйшихъ спусковъ. Кажется, что лошадь становится въ перпендикулярное положеніе къ дорогѣ, а всадникъ—въ горизонтальное. Я вынужденъ былъ слѣзть съ лошади и передать ее Карасе. Онъ часто рысью съѣзжалъ съ горы, а я едва былъ въ силахъ сходить. Не будь у меня купленной въ Комунтахъ палки, я, кажется, и не сошелъ бы съ этого спуска. Мѣстами дорога усѣяна мелкимъ щебнемъ, который скользитъ и скатывается, когда наступаешь на него, вслѣдствіе чего я долженъ употреблять чрезвычайныя усилія, чтобы и самому не поскользнуться

и не упасть. Черезъ каждыя десять минутъ я выбиваюсь изъ силъ и долженъ по четверти часа отдыхать, чтобы опять пуститься въ путь. Полтора часа продолжается эта невозможная дорога черезъ кіонскій перевалъ, и я, совершенно разбитый и истощенный, дохожу до русла какого-то горнаго потока, впадающаго въ Ардонъ. Водораздѣлъ перейденъ, и черезъ часъ съ четвертью ѣзды мы пріѣзжаемъ въ поселокъ Садонскаго серебро-свинцоваго рудника.

Какъ мила и хороша показалось мнѣ чистенькая комнатка съ европейской обстановкой, въ которой нашелъ я пріютъ; съ какимъ удовольствіемъ вымылся я и переодѣлся,—этого невозможно и разсказать.

II.

По цѣлебному предгорью Кавказа.

О кавказскихъ минеральныхъ водахъ такъ много пишутъ и говорятъ, что браться за перо простому смертному, съ цѣлью повѣдать міру путевыя замѣтки о нихъ, было бы, по меньшей мѣрѣ, очень смѣло. Но для появленія въ свѣтъ настоящихъ замѣтокъ есть оправданіе, заключающееся въ томъ, что предметомъ ихъ служатъ не столько наши знаменитые „курорты", сколько окружающая ихъ, малоизвѣстная русскому обществу, преимущественно хозяйственная жизнь населенія. Съ проведеніемъ желѣзной дороги по „цѣлебнымъ предгорьямъ Кавказа", эти послѣднія получили большое экономическое значеніе. Мягкій климатъ края, его неистощимый черноземъ и другіе дары природы начинаютъ все болѣе и болѣе привлекать сюда и крестьянъ и другихъ переселенцевъ. Въ виду этого, нѣкоторыя хозяйственно-экономическія свѣдѣнія, встрѣчающіяся въ предлагаемыхъ замѣткахъ, надѣемся, покажутся не безъинтересными. Хотя, разумѣется, въ общемъ онѣ недостаточны для того, чтобы вполнѣ выяснить экономическій характеръ края, но могутъ все таки помочь оріентироваться въ его особенностяхъ, и, съ этой точки зрѣнія, вѣроятно, не будутъ совсѣмъ лишними.

---

6. Нѣсколько словъ о курортахъ.

Въ срединѣ іюля холернаго 1892 года я выѣхалъ изъ Владикавказа по желѣзной дорогѣ на станцію „Минеральныя воды". По случаю холеры, на станціонныхъ буфетахъ была одна мерзость запустѣнія, и всѣ пассажиры запаслись домашней провизіей. Спутникъ мой благодушно пыхтѣлъ надъ полуведернымъ чайникомъ, а сосѣди усиленно глотали противохолерное кахетинское. Диваны вагоновъ 2-го класса, несмотря на министерское распоряженіе, были еще безъ чехловъ, и пыльная обивка ихъ носила ясные слѣды пассажирскихъ ногъ. Черезъ часъ ѣзды, руки или перчатки покрывались уже сплошнымъ слоемъ грязи. Разговоръ естественно вращался около холеры. Говорилось очень много и очень горячо. Ораторы захлебывались отъ собственнаго краснорѣчія, умиляясь красотой его. По обыкновенію, всѣхъ и все бранили, особенно бакинцевъ и тифлисцевъ, занесшихъ холеру, бранили за тоже переселенцевъ и рабочихъ, бранили врачей, не изобрѣвшихъ „капель" отъ страшной болѣзни, и т. п. Всѣ были виноваты, и только мы правы. Когда кто-то замѣтилъ, что всѣ усилія отдѣльныхъ лицъ, по борьбѣ съ азіатской гостью разбиваются о несокрушимую стѣну бѣдности и нищеты народа и нашего же собственнаго невѣжества, что ничего невозможно подѣлать съ такими „культурными" людьми, отъ которыхъ за добрую сажень несетъ „русскимъ духомъ",—то ему не дали даже кончить и озлобленно набросились на его „либеральное доктринерство". Споръ прекратился только около станціи Прохладной, въ которой свирѣпствовала эпидемія. Здѣсь всѣ единодушно закрыли окна и двери, торопливо по-

прятали ѣду и напитки, чтобы не вскочила въ нихъ „подлая бацилла“, и закрыли рты. Нѣкоторые, судя по по ихъ лицамъ, почувствовали даже колики въ желудкѣ. Всѣ облегченно вздохнули, когда Прохладная скрылась съ горизонта. Но ненадолго. Раздался свистокъ паровоза, и поѣздъ остановился среди степи. Оказалось, что въ сторожевой будкѣ заболѣло два рабочихъ, которыхъ и подобрали въ санитарный вагонъ нашего поѣзда. Проходившій мимо оконъ докторъ едва успѣвалъ отвѣчать на тревожный вопросъ: чѣмъ больны рабочіе? Они были изъ категоріи сомнительныхъ.

Передъ станціей „Минеральныя воды“ вагоны оказались запертыми. Минутъ черезъ пять послѣ остановки поѣзда, вошелъ врачъ и вѣжливо опросилъ каждаго, откуда онъ ѣдетъ и какъ себя чувствуетъ. Путешествующій въ нашемъ вагонѣ офицеръ изъ Баку не преминулъ заявить, что ѣдетъ изъ Владикавказа. Памятуя, что въ холерное время полезно принимать пищу часто, но понемногу, наши пассажиры ѣли всю дорогу, а на „Минеральныхъ водахъ“ сѣли еще „легко пообѣдать“. Къ сожалѣнію, на этой станціи такая масса мухъ, что ѣсть въ то время, когда они роемъ окружаютъ васъ, очень неудобно. Однако большинство все таки ѣло, ожесточенно отмахиваясь отъ надоѣдливыхъ насѣкомыхъ.

— Вотъ въ Парижѣ,—ворчалъ мой спутникъ „слегка закусывая“ уже третьимъ блюдомъ,—я за цѣлое лѣто ни одной мухи не замѣтилъ, а у насъ ни одинъ соусъ безъ нихъ не приготовляется... Гдѣ это наша культура? въ чемъ она проявляется?..

Ѣдущихъ въ Пятигорскъ, кромѣ насъ двухъ, не оказалось, поэтому мы заняли вдвоемъ весь срочный казенный экипажъ—тѣсненькую и грязную коляску и добрались до цѣли нашего путешествія съ обычнымъ на россійскихъ дорогахъ благополучіемъ, т. е. съ поломаннымъ экипажемъ, павшей лошадью, опозданіемъ и т. п. Пятигорскъ тоже, разумѣется, не утѣшилъ насъ.

Начать съ природы. Въ половинѣ іюля здѣсь такая африканская жара, что дышать нечѣмъ. Ночью, при открытыхъ окнахъ, весь обливаешься потомъ. Не удивительно поэтому, что многіе нервные люди, подъ вліяніемъ гнетущей духоты, начинаютъ ночь истерическими рыданіями и только подъ утро забываются тревожнымъ сномъ. Побольше зелени въ садахъ и усадьбахъ, да пощедрѣе поливка улицъ, которыя кстати, сказать, поливаются далеко не всѣ, — вотъ первыя условія, чтобы хоть немного освѣжить воздухъ. Затѣмъ—помѣщенія. Какъ помѣщаются въ гостиницахъ, я не знаю, потому что не заглядывалъ въ нихъ. Но если бы даже тамъ было хорошо и удобно, то пользоваться ими могутъ очень немногіе, благодаря ихъ дороговизнѣ. Большинство небогатыхъ курсующихъ ютится въ частныхъ квартирахъ, которыя я видѣлъ на всѣхъ группахъ. Въ большинствѣ случаевъ, это крошечныя, низенькія комнатки, съ мѣщанской обстановкой, съ маленькими окошечками и зловонными отхожими мѣстами, вмѣсто необходимыхъ клозетовъ. О какой либо вентиляціи, объ устраненіи грязи, десятилѣтіями накопившейся на окнахъ, дверяхъ обояхъ и т. п.—здѣсь, разумѣется, и думать никто не хочетъ. Такимъ образомъ, климатъ, внѣшняя культурность и жилыя помѣщенія—все это вмѣстѣ соединилось противъ заѣзжихъ больныхъ. Остаются еще люди...

Но стоитъ посмотрѣть на этихъ „людей“ свѣжему человѣку, чтобы сразу оцѣнить ихъ. Здѣсь всѣ и все,—домовладѣльцы и пролетаріи, постояные жители и временные обыватели,—отдались лишь одному помыслу, и одному дѣлу: *извлечь возможно больше пользы изъ курсовыхъ,* обобрать ихъ какъ можно чище. Для этого пускаются въ ходъ всѣ пружины, въ числѣ которыхъ оговоры, клевета и ложь играютъ не послѣднюю роль. Во время моего посѣщенія группъ, весь интересъ вращался на томъ, какъ бы удержать курсо-

выхъ, которые начали разбѣгаться въ виду тревожныхъ извѣстій о холерѣ. Зловѣщая гостья появилась уже кругомъ, въ предѣлахъ области заболѣваютъ уже сотни, на желѣзной дорогѣ устроены обсерваціи, а пятигорцы безсовѣстно врутъ, что „у насъ никогда не было и не можетъ быть холеры". Но вотъ грянулъ громъ—умеръ кто-то съ симптомами, внушавшими подозрѣніе.—Докторъ, самъ живущій курсомъ, почтенный и всѣми уважаемый человѣкъ, послѣ изслѣдованія, вѣроятно, не безъ боли сердечной, долженъ былъ констатировать азіатскую холеру. Боже мой, какая поднялась послѣ этого кутерьма! Сколько мнѣ, постороннему человѣку, пришлось выслушивать по адресу этого доктора нападокъ, инсинуацій и прямо брани—такъ и представить себѣ трудно. Почтенный докторъ и человѣкъ вдругъ обратился въ шарлатана, ничего не знающаго и не понимающаго, котораго фельдшеръ водитъ за носъ и дѣлаетъ за него даже микроскопическія изслѣдованія. Разумѣется, всей этой массѣ лжи и клеветы могла повѣрить только обманутая алчность. Но пятигорцы вѣрили. Мало того, когда умеръ затѣмъ слѣдующій холерный, уже курсовой, то всѣ обрушились на лѣчившаго профессора, о которомъ раньше, заманивая на курсъ, говорили, какъ о „медицинской звѣздѣ".

— Какая тамъ холера,—говорили мнѣ,—просто профессоръ X. больного двѣнадцать дней одной касторкой пичкалъ.

Всѣ рады такому объясненію, несмотря на его нелѣпость, и спѣшатъ передать другимъ.

Весь смыслъ этихъ противорѣчій, лганья и инсинуацій скоро становится яснымъ отъ одной фразы мѣстнаго обывателя:

— Вѣдь городъ,—заявляетъ онъ,—въ каждый день курса зарабатываетъ 15 тыс. рублей.

Но вопросъ еще въ томъ, какъ „зарабатываетъ". Фабрикъ, заводовъ, кустарныхъ промысловъ здѣсь

нѣтъ; земледѣліемъ занимаются преимущественно станичники, но и у нихъ оно съ развитіемъ курса падаетъ. Поэтому населеніе, которое вездѣ считается рабочимъ, здѣсь въ большинствѣ случаевъ бездѣльничаетъ и всѣ свои рессурсы на годовое прозябаніе почерпаетъ въ 2—3 мѣсяца курса. Этотъ оригинальный мѣстный заработокъ прежде всего отучаетъ отъ всякой производительной работы, вслѣдствіе чего, помоему, потеря 15-ти-тысячнаго ежедневнаго дохода, кромѣ пользы, никому ничего не принесла бы.

Городское самоуправленіе тянетъ общую пѣсню. Оно до такой степени не желало признавать холеры, что даже послѣ второго смертнаго случая не имѣло еще ни установленной для больныхъ палатки или барака, ни экипажа для перевозки ихъ, ни особаго наемнаго состава санитаровъ и низшихъ медицинскихъ служителей...

Ессентуки не лучше. Сначала, пока передъ проѣзжающимъ мелькаетъ нѣсколько казенныхъ построекъ да паркъ, кажется, что имѣешь дѣло съ полупокинутой усадьбой богатаго помѣщика; но, проѣзжая дальше, теряешь и эту иллюзію. Вглядываясь, постепенно убѣждаешься, что около этого парка съ его источниками соткана цѣлая сложная паутина... Посмотрите на эти лавочки, въ которыхъ вамъ отпустятъ „самыхъ лучшихъ“ папиросъ, покрытыхъ внутри плѣсенью; на эти частныя квартиры для больныхъ, съ сыростью по угламъ, съ низкими потолками, маленькими окнами и пр. „удобствами“, и вы легко убѣдитесь, что все это имѣетъ единственною цѣлью—содрать возможно больше съ больного, не давъ ему взамѣнъ не только того, что необходимо для дѣйствительно больного, но даже самыхъ обычныхъ и элементарныхъ удобствъ жизни. Ессентукскій паркъ въ общемъ недуренъ, хотя, какъ единственнное мѣстъ гулянья, онъ все-таки малъ и во многомъ уступаетъ кисловодскому. Около парка есть

недурныя постройки, но самая станица Ессентукская плоха и грязна въ общероссійскомъ стилѣ. Въ ней насчитываютъ свыше 5$^{1}/_{2}$ тысячъ душъ обоего пола казачьяго населенія и до 2 тысячъ душъ „иногороднихъ". Ессентукскіе казаки имѣютъ свыше 55 тысячъ десятинъ надѣльной земли и еще недавно занимались очень усердно ея обработкой. Но въ послѣднее время казаковъ и иногороднихъ все болѣе и болѣе соблазняетъ легкая нажива на счетъ „курсового"; они бросаютъ земледѣліе и такъ или иначе пристраиваются къ высасыванію соковъ изъ пріѣзжаго люда. Легко наживаемое легко и прогараетъ, и въ результатѣ получается, съ одной стороны, разоренное хозяйство и облѣнившіеся хозяева, а съ другой—обобранный ни за что ни про что „курсовой". Этотъ результатъ сказывается уже въ довольно солидныхъ цифрахъ: въ то время, когда, въ среднихъ числахъ, у терскихъ казаковъ на 100 душъ населенія приходится 22 лошади и 213 штукъ мелкаго скота (овецъ преимущественно), у ессентукскихъ казаковъ первыхъ насчитывается только 13, а второго всего 64 головы на 100 жителей. Вотъ во что обходится простому казаку погоня за карманомъ курсующихъ въ Ессентукахъ больныхъ!..

А между тѣмъ Ессентуки, уже по своему громадному земельному надѣлу, могли бы играть не послѣднюю роль въ хозяйственной жизни края. Къ развитію этой жизни въ свое время прилагалось немало заботъ Здѣсь существовалъ нѣкогда особый казенный садъ, съ особымъ садовникомъ, имѣвшимъ цѣлью дать населенію хорошій примѣръ садоводства. Съ подобной же цѣлью, въ восьмидесятыхъ годахъ былъ устроенъ садъ и при ессентукскомъ двухклассномъ училищѣ, который, за короткое время своего существованія, успѣлъ уже распространить до 10 т. корней изъ своего питомника. Садъ этотъ, постепенно расширяясь, занимаетъ теперь до 6-ти десятинъ земли и поставленъ

очень недурно. Подъ вліяніемъ принятыхъ мѣръ, садоводство въ Ессентукахъ довольно распространено, хотя хорошихъ садовъ и немного. Къ такимъ принадлежатъ сады генерала Ѳедюшина, Золотарева и нѣсколькихъ молодыхъ казаковъ, бывшихъ учениковъ двухкласснаго училища. Большинство же садовъ, несмотря на довольно распространенную правильную посадку рядами, совершенно заброшены, заросли громаднымъ бурьяномъ и лишь изрѣдка даютъ урожаи. Въ гораздо большемъ порядкѣ содержатся сады выходцевъ изъ Россіи, такъ называемыхъ иногороднихъ. Уходъ за этими садами довольно значителенъ; но онъ нерѣдко обнаруживаетъ недостатокъ раціональныхъ знаній. Доходъ отъ нихъ гораздо больше, чѣмъ отъ казачьихъ, а урожаи постояннѣе и обильнѣе.

Очень интересное явленіе представляютъ въ этой мѣстности такъ называемые „дикіе сады“, довольно распространенные по долинѣ Подкумка и въ другихъ мѣстахъ. Въ низинахъ рѣкъ, среди большею частью истребленныхъ лѣсовъ, уцѣлѣли во многихъ мѣстахъ дикія яблони и груши. Болѣе заботливые хозяева не полѣнились привить ихъ въ расщепъ культурными сортами, и такимъ образомъ получились сады, возлѣ которыхъ, вблизи станицъ, нерѣдко находятся и „капустники“. Ухода за этими садами нѣтъ; но въ годъ, когда въ нихъ ожидается урожай, хозяева поселяются вблизи въ шалашахъ и принимаютъ на себя охрану; иногда такіе сады даютъ порядочный доходъ. Выгода ихъ, между прочимъ, заключается въ томъ, что плодовыя деревья, будучи расположены среди лѣса, защищены отъ вѣтровъ, а во многихъ случаяхъ и отъ страшнаго бича этихъ мѣстъ—града. При уходѣ и болѣе правильномъ лѣсномъ хозяйствѣ, сады эти могутъ имѣть будущность.

7. Экскурсія въ область сельскаго хозяйства.

Изъ Ессентуковъ мнѣ, съ моимъ спутникомъ и еще присоединившимся въ намъ знакомымъ чиновникомъ, пришлось попасть въ Кисловодскъ не обычнымъ прямымъ путемъ по шоссе, а исколесивши предварительно западную часть пятигорскаго отдѣла. Вся она представляетъ нагорную часть края, образующую въ большинствѣ случаевъ рядъ огромныхъ плато и довольно ровныхъ площадей, раздвигающихся отъ сосѣднихъ невысокихъ хребтовъ, каковы дарьянскій и другіе. Двѣ съ половиною—три тысячи футовъ надъ уровнемъ моря уже чувствуются здѣсь очень замѣтно. Несмотря на іюль мѣсяцъ, травы въ полномъ цвѣту, а высокій и густой овесъ еще совершенно зеленъ. Хотя дикая флора этихъ мѣстъ напоминаетъ средне-русскую, время созрѣванія травъ и уборка ихъ отодвигается на добрыхъ двѣ-три недѣли. Сѣнокосъ въ это время только еще начинался. Хлѣба созрѣваютъ тоже позднѣе. Ячмень и овесъ сѣютъ, какъ и въ Россіи, около пасхи, съ началомъ весны, а убираютъ: первый послѣ 20-го іюля, а послѣдній—къ Спасу. Просо оканчиваютъ посѣвомъ къ „вешнему Николѣ“, а гречиху — къ Тройцѣ. Уборка же ихъ затягивается иногда на сентябрь. Греча и овесъ здѣсь замѣчательно роскошные, высокорослые, сочные, широколиственные, и даютъ прекрасное, крупное зерно. Но главный предметъ сельско-хозяйственной культуры

въ западной части пятигорскаго отдѣла—это картофель, который тоже родится здѣсь очень хорошо. Населеніе „съ линіи", т. е. съ супесчаныхъ земель по Тереку и съ южнаго угла ставропольской губ., съѣзжается сюда за картофелемъ. Здѣсь совершается самая первобытная мѣновая торговля: пріѣзжіе даютъ пшеницу, а получаютъ картофель. Нерѣдко цѣнность послѣдняго настолько значительна, что обмѣнъ происходитъ мѣра на мѣру.

Самое полевое хозяйство должно быть отнесено къ переложно-залежной системѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь, какъ почти повсемѣстно на сѣверномъ Кавказѣ, хлѣбными растеніями заняты земли, отведенныя не подъ постоянную распашку, какъ при трехпольномъ хозяйствѣ въ Россіи, а лишь подъ временный посѣвъ хлѣба. Черезъ нѣсколько лѣтъ пользованія, пахотный участокъ оставляется невоздѣланнымъ, заростаетъ сорными травами, а позже—степными, послѣ чего поступаетъ снова въ пользованіе, но уже какъ сѣнокосъ и выгонъ. Для пахоты же отводится новый участокъ „цѣлины", т. е. земли, еще не тронутой плугомъ. Когда же оставленный изъ подъ пахоти участокъ, послѣ цѣлаго ряда сѣнокосныхъ лѣтъ, снова наберется производительныхъ силъ, онъ опять можетъ идти подъ распашку, если для этого нѣтъ „цѣлинныхъ" земель. Такой именно порядокъ оставленія въ залежъ распаханной земли, послѣ нѣсколькихъ годовъ пользованія ею для возстановленія производительныхъ силъ, и замѣна ея вновь выдѣляемыми для пахоты участками изъ пастбищныхъ, сѣнокосныхъ и, вообще, „отдохнувшихъ" земель,—и составляетъ сущность переложно-залежнаго хозяйства. Правильная организація его предполагаетъ раздѣленіе всей земли, принадлежащей данному имѣнію, на опредѣленное число участковъ, которые и эксплоатируются посѣвами хлѣбовъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. Но при этомъ наблюдается,

чтобы послѣ оставленія въ залежъ послѣдняго участка первый успѣлъ уже отдохнуть и снова могъ поступить въ распашку. Земля, какъ полагаютъ здѣсь, успѣваетъ вновь набраться производительныхъ силъ, пробывши въ залежѣ 8—12, а то и больше лѣтъ. Но съ теченіемъ времени періодъ этотъ, отъ постепеннаго истощенія почвы, удлиняется. Тогда наступаетъ время многопольно-травяного хозяйства, при которомъ участки, оставляемые въ залежъ, засѣваются травами. Этимъ обыкновенно укорачивается срокъ залежи. Но въ данное время, въ пятигорскомъ отдѣлѣ еще такъ много не эксплоатируемыхъ земель, что не только нѣтъ надобности въ многопольно-травяномъ хозяйствѣ, но даже и въ правильномъ дѣленіи имѣнія на участки.

При эксплоатаціи пахотныхъ земель въ западной части пятигорскаго отдѣла, сѣвооборотъ до сихъ поръ не установился. Въ иныхъ случаяхъ, по нови сѣютъ просо или ячмень, и гораздо рѣже ленъ, а въ другихъ—прямо начинаютъ овсомъ, гречей и даже картофелемъ. Распаханный участокъ засѣвается подрядъ не менѣе четырехъ-пяти лѣтъ, а въ иныхъ случаяхъ и цѣлые десятки лѣтъ сряду безъ всякаго удобренія. Настолько еще хорошъ и неистощимъ здѣшній черноземъ! Послѣдовательности въ посѣвѣ хлѣбовъ почти никакой. Одинъ послѣ ячменя посѣялъ снова ячмень, другой—картофель, третій—гречу и т. д. и т. д. Мѣстная земля, очевидно, большой философъ—все вынесетъ, все стерпитъ.

Озимыхъ хлѣбовъ въ нагорной части почти не сѣютъ, не потому, чтобы они не вызрѣвали здѣсь, а боясь „захвата", который губитъ ихъ. Явленіе этого „захвата" давно интересуетъ и мѣстныхъ хозяевъ, и ученыхъ, но объяснить его до сихъ поръ не удается. Одни видятъ въ немъ лишь слѣдствіе такихъ атмосферическихъ вліяній, какъ изсушающіе вѣтры и росы, другіе объясняютъ его развитіемъ паразитныхъ гриб-

ковъ. Какъ бы то ни было, но „захватъ“ чрезвычайно губителенъ для хлѣбовъ. Нерѣдко приходится слышать разсказы о томъ, какъ начавшаяся при благопріятныхъ условіяхъ жатва оканчивалась очень печально. Полное и прекрасное зерно вдругъ, послѣ „горячаго“ вѣтра или росы, дѣлалось щуплымъ, сморщенымъ, а иногда и никуда негоднымъ. Къ счастью земледѣльцевъ, „захватъ“ бываетъ не всегда, а преимущественно во второй половинѣ лѣта. Поэтому, надо думать, ранніе сорты ржи, напр., ивановскій, не страдаютъ отъ него. Но подобнаго опыта еще никто не производилъ въ этихъ мѣстахъ. Впрочемъ, въ такихъ опытахъ въ данный моментъ, пожалуй, нѣтъ надобности, такъ какъ богатая природа нагорной полосы предоставляетъ въ распоряженіе человѣка цѣлую массу источниковъ для безбѣднаго существованія. Однимъ изъ нихъ является пчеловодство, которому несомнѣнно суждено играть въ будущемъ значительную экономическую роль. Уже и теперь есть хозяева, исключительно живущіе пчеловодствомъ. Близость невысокихъ надъ уровнемъ моря мѣстъ, съ южнымъ знойнымъ климатомъ, даетъ возможность пчеловодамъ открывать пчельники очень рано, чуть ли не въ мартѣ. Здѣсь скоро является обильный „взятокъ“ для пчелъ. Съ уменьшеніемъ же его въ этихъ мѣстахъ, онъ подготовляется на болѣе высокихъ, гдѣ бываетъ именно въ такое время, когда въ Россіи пчела страдаетъ безъ взятка. Такъ продолжается до поздней осени, благодаря чему мѣстные хозяева располагаютъ столь продолжительнымъ періодомъ для взятка пчелъ, какого не найти нигдѣ въ остальной Россіи. Да и самый взятокъ такъ обиленъ и хорошъ, что мѣстная пчела даже не садится на цвѣтущую гречиху, считающуюся въ средней Россіи, вмѣстѣ съ липой, главнымъ медоноснымъ растеніемъ.

Воздухъ въ нагорной полосѣ невыразимо хорошъ.

Рѣдкая легкость, прозрачность и пріятность его явно замѣтна и чувствительна, послѣ пятигорской духоты и вони, по р. Подкумку, въ особенности въ верхнемъ его теченіи, на высотѣ уже четырехъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, на обширныхъ, слегка покатыхъ склонахъ, какого-то изъ второстепенныхъ хребтовъ. Огромная площадь пестрѣющихъ здѣсь на зеленомъ фонѣ роскошныхъ цвѣтовъ сочнаго сѣнокоса рѣдко красива и дышетъ всей свѣжестью дѣвственной природы. Разсматривая травянистую флору, среди которой во многихъ мѣстахъ преобладаетъ осотъ, дающій малопитательное сѣно, я замѣтилъ также во множествѣ и такія хорошія травы, какъ дикіе клеверъ и эспарсетъ, тимофеевку, а затѣмъ метлюкъ, лисій хвостъ, деревей, одуванчикъ, медунку, ромашку и др. травы, характеризующія луга внутреннихъ губерній. Глубокій черноземъ, никогда не тронутый плугомъ, южный скатъ поверхности, обиліе атмосферическихъ осадковъ и продолжительность растительнаго періода,—все это даетъ возможность травянистому покрову достигнуть рѣдкой свѣжести зелени и яркости цвѣтовъ. Вѣками слегшаяся и задервенѣвшая земля не выращиваетъ слишкомъ высокихъ стеблей, но, будучи „подпушена“ плугомъ, она производитъ громадныя по росту и прекрасныя по качеству травы. До сихъ поръ человѣкъ почти еще не тронулъ этой почвы, въ дѣвственной красѣ своей растилающейся на десятки верстъ кругомъ.

Прямо на югъ, противъ мѣста, на которомъ устроили мы привалъ, возвышаются грандіозные конусы Эльбруса, сплошь, пока видитъ глазъ, одѣтые вѣчными снѣгами, то сверкающими на солнцѣ ослѣпительной бѣлизной, то закрывающіеся мѣстами и на время легкой дымкой облаковъ. Добрые полчаса проводимъ мы въ созерцаніи этой величественной громады, отъ которой трудно отвести глаза. А, между тѣмъ, и вокругъ насъ тоже чудно хорошо: глубокое голубое небо точно

раздвинулось отъ прозрачнаго воздуха и ушло еще дальше въ невѣдомую высь; подъ ногами небольшая Темуразова балка шумитъ маленькимъ горнымъ потокомъ, а крутой и обрывистый противоположный берегъ ея пестрѣетъ то обнаженными горными породами известняка и кремнезема, то свѣжей зеленью мелкаго лѣска. Какъ-то особенно радостно и легко вдыхать этотъ прозрачный воздухъ, полный свѣжести, несмотря на палящіе лучи южнаго іюльскаго солнца; какъ-то особенно весело, бодро и пріятно; какъ-то шире и свободнѣй работаютъ легкія, съ особой легкостью и силой ловящія живительный горный воздухъ. Вотъ здѣсь бы устроить климатическую станцію для слабогрудыхъ, которые навѣрно, безъ всякихъ источниковъ, нашли бы здѣсь облегченіе, а, быть можетъ, и полное исцѣленіе. Но мечтать о цѣлебныхъ мѣстахъ будущаго не было времени, а нужно было вставать и ѣхать въ ближайшее селеніе Михайловское.

Это послѣднее—единственное крупное крестьянское поселеніе здѣшнихъ мѣстъ. Съ сѣвера и востока его окружаютъ казачьи станицы, а съ юга и съ юго-востока—кабардинскіе аулы нальчикскаго округа. На западѣ же, за р. Кумой, расположились абазинскія селенія кубанской области. Лѣтъ 25 тому назадъ, толпа воронежскихъ выходцевъ какими-то невѣдомыми судьбами забрела въ самый юго-восточный уголъ теперешняго пятигорскаго отдѣла, облюбовала между рѣками Кумой и Подкумкомъ участокъ свободной земли и, недолго думая, засѣла здѣсь безъ всякаго разрѣшенія. Къ этимъ выходцамъ скоро присоединились новые, уже изъ другихъ губерній, и небольшая деревня разрослась въ цѣлый поселокъ. Земля, занятая ими, оказалась казенной. Какъ только обнаружилось это обстоятельство, крестьянъ попробовали согнать, но они энергично отстаивали свою кормилицу. Поселокъ украсился церковью, а „ходатели“ пошли странствовать по бѣлу-

свѣту, подавать прошенія, искать покровительства и т. п. Разыгралась обычная переселенческая исторія, кончившаяся, къ счастью, благополучно: михайловцевъ надѣлили землею, хотя и скупо.

Жили здѣсь цѣлый вѣкъ кабардинцы, абазинцы; схватывались они въ молодецкихъ набѣгахъ, отбивали другъ у друга скотъ, а о хозяйствѣ помышляли мало. Съ замиреніемъ края, земледѣліе стало развиваться у казаковъ. На земляхъ же частно-владѣльческихъ оно все еще не было возможно. Но пришелъ крестьянинъ и картина измѣнилась. Кругомъ новаго поселка поля оказались вспаханными и обработанными, зазеленѣли и зажелтѣли овесъ, ячмень, просо, забѣлѣла гречка. На такое измѣненіе картины вознегодовали туземцы и проявили свою злобу цѣлымъ рядомъ покражъ скота, перестрѣлками съ пастухами и т. п. Михайловцы жáловались, но „за неразысканіемъ виновныхъ, дѣло было предано волѣ божіей“. Тогда михайловцы, какъ они сами разсказываютъ, прибѣгли кь „своимъ средствіямъ“. Не разбирая праваго и виноватаго, залучили они одного кабардинца да и „прикончили съ нимъ“; за первымъ послѣдовалъ второй, потомъ третій, потомъ четвертый и т. д. Кончилось дѣло тѣмъ, что кабардинцы и абазинцы стали за десять верстъ объѣзжать поселокъ Михайловскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно уменьшилось и конокрадство. Теперь у туземцевъ и крестьянъ устанавливаются лучшія отношенія, хотя безъ происшествій дѣло все еще не обходится.

Съ появленіемъ михайловскихъ обработанныхъ полей, казаки тоже принялись въ окрестностяхъ за плугъ, да и туземцы начинаютъ привыкать къ нему. Примазываются къ землѣ и частное хозяйство. Владѣлецъ урочища, съ котораго мы любовались дикостью природы, предназначилъ его съ 1893 г. къ распашкѣ. Вѣками затвердѣвшая дѣвственная почва въ первый разъ произведетъ хлѣбъ. Не будь здѣсь михайловцевъ, это дѣло

отодвинулось бы еще на десятки лѣтъ. Вотъ какой переворотъ произвела сотня крестьянъ, попавъ среди тысячъ воинственныхъ туземцевъ и казаковъ.

Меня очень интересовалъ вопросъ о томъ, какое хозяйство завели крестьяне на новомъ мѣстѣ и въ невѣдомомъ краю. Изъ разспросовъ оказалось, что земли у нихъ мало: на 137 дворовъ съ 539 душами мужскаго пола отведено всего 1894 дес. удобной земли, т. е. по 3,5 дес. на душу. Это, разумѣется, „россійскій" надѣлъ, такъ какъ казаки, при 22 дес. на душу, уже жалуются на тѣсноземелье. Михайловцы, съ такимъ крохотнымъ надѣломъ, ничего другого не могли придумать, какъ сдѣлать всю пахоть запольной. Такимъ образомъ. земля ихъ не знаетъ отдыха и засѣвается ежегодно. Только благодаря прекраснымъ качествамъ ея, обилію влаги, да нѣкоторому плодосмѣну, явившемуся вслѣдствіе введенія въ сѣвооборотъ гречи и картофеля, почва можетъ выдержать такую безпрерывную культуру. Крупныхъ неурожаевъ еще не было, но недостатокъ земли все таки очень чувствуется крестьянами. Послѣднимъ, въ виду этого, приходится обратиться къ арендѣ. Съ этой именно цѣлью и снято ими, на долгій срокъ, до 300 дес. частновладѣльческой земли. По условію владѣльца, земля раздѣлена на 3 участка по 100 дес. Одинъ участокъ будетъ распахиваться въ теченіе 7 лѣтъ, а два останутся подъ травой. Черезъ семь лѣтъ первый участокъ останется въ залежи, а второй поступитъ въ пахоть. Такимъ образомъ, когда придетъ пора опять распахать первый участокъ, онъ успѣетъ „отдохнуть", пролежавъ въ залежи 14-ть лѣтъ. Арендныя цѣны, три года тому назадъ колебавшіяся здѣсь около 50 к. за десятину, теперь возрасли до $1^1/_2$—2 р. и даже 3 р. Михайловцы заарендовали землю на 9 ть лѣтъ по 2 р. за десятину,—съ чѣмъ волей-неволей и мирятся, такъ какъ за время аренды лучшіе хозяева разсчитываютъ дать передохнуть и своимъ надѣламъ.

Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Михайловскомъ поселкѣ, намъ пришлось осмотрѣть одно частно-владѣльческое хозяйство, находящееся еще дальше въ горахъ. Переѣхавъ въ бродъ Подкумокъ, затѣмъ, за Абуковымъ ауломъ, Эшкаконъ, мы только часа черезъ четыре прибыли въ это имѣніе, представлявшее тѣмъ большій интересъ, что Терская область вообще крайне небогата частными хозяйствами и помѣстнымъ элементомъ. Громадное большинство помѣщиковъ и частныхъ землевладѣльцевъ принадлежитъ къ числу или туземцевъ, или офицеровъ терскаго войска. За единичными, до чрезвычайности рѣдкими исключеніями, хозяйство этихъ лицъ настолько рутинно и примитивно въ своихъ пріемахъ, что можетъ быть интереснымъ лишь со стороны характеристики даннаго экономическаго момента; поучительнаго же оно не представляетъ ровно ничего. Менѣе многочисленными являются пришлые частные землевладѣльцы въ области. Ихъ хозяйства наиболѣе доходны, хотя поучительность ихъ тоже во многихъ случаяхъ подлежитъ сомнѣнію. Основное отличіе такихъ хозяйствъ отъ коренныхъ, принадлежащихъ мѣстнымъ жителямъ,—это введеніе своего хозяйскаго труда въ процессъ добыванія доходовъ отъ земли. Несмотря на крайнее разнообразіе условій хозяйства въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ края, разнообразіе, соотвѣтствующее лишь чрезвычайной разнохарактерности отдѣльныхъ хозяйственныхъ районовъ, каковы: горный, предгорный, плоскостной, степной и т. п.,—эта характерная особенность хозяйничанья пришлыхъ землевладѣльцевъ въ большинствѣ случаевъ сохраняется повсемѣстно. Нѣтъ сомнѣнія, что пришлые элементы—вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе предпріимчивые: они разорвали связь съ родиной, бросили насиженныя гнѣзда, рисковали не приспособиться къ новымъ условіямъ жизни и хозяйства—и сдѣлали это прежде всего въ разсчетѣ на

хорошіе барыши. Отсюда естественное отличіе ихъ отъ коренныхъ хозяевъ, являющихся, такъ сказать, земледѣльцами по неволѣ,—это, какъ мы уже говорили, приложеніе своего личнаго труда къ добыванію доходовъ изъ земли. Къ этому же побуждаютъ ихъ иные, можно сказать, „россійскіе" взгляды и привычки въ пользованіи правомъ на земельную собственность. Въ то время, когда здѣсь, при громадныхъ пространствахъ свободныхъ земель, часто даже не эксплуатируемыхъ, на отдѣльные дары ихъ не обращаютъ вниманія, когда потравы, порубки и даже захваты небольшихъ площадей почти не привлекаютъ ничьего вниманія, пришлый въ краѣ земледѣлецъ еще у себя на родинѣ привыкъ строго соблюдать свои „хозяйскія" права. Онъ не только не мирится ни съ захватами земли, ни съ порубками лѣса, ни съ потравами луговъ и полей, но и не прочь, по обычаю кулака, сдѣлать изъ этого доходную статью. Все это заставляетъ его внести въ управленіе хозяйствомъ новые элементы и для этого приложить не только личный трудъ по управленію, но иногда, особенно на мелкихъ участкахъ, и по эксплуатаціи населенія. Чѣмъ больше земельный участокъ, тѣмъ больше, разумѣется, затрачивается хозяиномъ труда на управленіе имъ и тѣмъ меньше прилагаетъ онъ свои руки къ черному труду.

Имѣніе, въ которое мы прибыли, заключаетъ въ себѣ по плану до 2 т. дес. земли, лишь на половину удобной, т. е. представляющей относительно ровную плоскость. Но стоитъ посмотрѣть его въ дѣйствительности, чтобы прійти къ убѣжденію, что въ немъ если не въ два, то, по крайнні мѣрѣ, въ полтора раза больше земли. Вся дача, расположенная по обѣ стороны рѣчки Абаза-Кишлыкъ на всемъ ея теченіи, тянется далѣе отъ впаденія ея въ Эшкаконъ еще на нѣсколько верстъ, захватывая всѣ полутора и двухверстные склоны къ рѣкѣ, всѣ площадки и сотни десятинъ на

почти ровномъ горномъ плато. На объѣздъ верхомъ одной круговой межи требуется 10—11 часовъ, считая, разумѣется, и тѣ обхваты разныхъ неприступныхъ мѣстъ, по которымъ идетъ межа. На половинѣ склона отъ нагорнаго плоскогорья къ глубокимъ скалистымъ балкамъ, по которымъ текутъ рѣки Абаза-Кишлыкъ и Эшкаконъ, одиноко пріютился маленькій домикъ — сторожка съ комнатой для сторожа и другой—для хозяина, на случай пріѣзда. Нѣсколько ниже, на слѣдующемъ уступѣ колоссальнаго склона, начата разработка алебастра, залегающаго здѣсь на громадномъ пространствѣ, въ количествѣ, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ милліоновъ пудовъ. Отъ Михайловскаго и отъ Кисловодска идутъ сюда, постепенно подымаясь, колесныя дороги, хотя и оставляющія желать очень многаго, но во всякомъ случаѣ сносныя и особенно удобныя для ѣзды не въ рессорномъ экипажѣ, а, напр., на дрогахъ. Взъѣхавъ на горное плато, принадлежащее уже къ имѣнію, мы должны были спускаться добрыхъ полверсты къ сторожкѣ. Дорога, идущая здѣсь наискось, зигзагами, разработана по распоряженію владѣльца. Она сплошь усѣяна мелкими и болѣе крупными камнями, и изъ проѣханныхъ нами принадлежитъ къ наихудшимъ. Для подъема она чрезвычайно тяжела, требуетъ неимовѣрнаго усилія животныхъ, везущихъ тяжесть и особенно крѣпкихъ осей и колесъ. Но, во всякомъ случаѣ, колесное движеніе по ней, и затѣмъ по небольшой дорогѣ къ алебастровой ломкѣ, возможно. Совсѣмъ другое дѣло—остальныя дороги, или, вѣрнѣе, тропы, проложенныя скотомъ къ водопоямъ и къ рѣкѣ, движеніе по которымъ возможно только верхомъ, да и то не вездѣ. Спускаясь по такимъ тропинкамъ внизъ къ сліянію Абаза-Кишлыка съ Эшкакономъ, мы сочли болѣе удобнымъ, въ виду неимовѣрно крутыхъ спусковъ вести лошадей въ поводу, разумѣется, гуськомъ. Въ одномъ мѣстѣ скала подъ прямымъ угломъ обры-

вается внизъ, образуя наискось каменную лѣстницу, съ порогами, расположенными крайне безпорядочно—то громадными аршинными уступами, то гладкими, чрезвычайно крутыми ложбинами отъ весеннихъ потоковъ. Тянется эта лѣстница саженей десять, но бѣдныя лошади долго не хотѣли сходить съ нихъ, несмотря на привычку къ такимъ мѣстамъ и на энергичныя подергиванія поводовъ впереди и понуканія сзади. На разстояніи десяти саженей, онѣ десять разъ рисковали слетѣть внизъ и разбиться о камни. Въ теченіе прошлой зимы здѣсь погибло такимъ образомъ семь штукъ воловъ. Однако, горцы умудряются даже по этимъ порогамъ провозить тяжести, напр., деревья. Они подвозятъ ихъ на двухколесной арбѣ, разгружаютъ ихъ, и волокомъ втаскиваютъ деревья на вершину скалы, а затѣмъ волы ввозятъ уже порожнюю арбу. Спускаясь дальше, мы всходимъ на широкій, плоскій уступъ покатости и затѣмъ снова, пробираясь по узкой тропинкѣ склона, тѣсной и для одной лошади, спускаемся къ Абаза-Кишлыку, шумно несущему черезъ пороги и лѣсныя корчевки по каменистому дну чистую, какъ горный хрусталь, прозрачную воду. Лѣвый берегъ рѣки покрытъ довольно рѣдкимъ лѣсомъ, представляющимъ осенью эффектную и оригинальную картину. Перемежаясь съ отвѣсными скалистыми обнаженіями то темныхъ слоистыхъ породъ, то бѣлыхъ известняковъ, голубоватой глины, разнообразныхъ сланцевъ и желѣзистыхъ рудъ—деревья, украшенныя всѣми оттѣнками зелени, отъ блѣдной яри до темной листвы дуба, или успѣвшія уже отчасти покраснѣть и пожелтѣть, всѣ вмѣстѣ на блѣднозеленомъ фонѣ низкорослой травы образуютъ огромный букетъ всѣхъ цвѣтовъ радуги, живописно разбросанный по малодоступнымъ склонамъ горъ. Однако, несмотря на дикость и неприступность для человѣка всей этой мѣстности, разрушительное присутствіе полудикихъ

людей легко замѣтить, вглядѣвшись ближе въ окружающее. Среди лѣса преобладаютъ кустарники. Высокіе пни въ человѣческій ростъ торчатъ почернѣвшими, безжизненными остатками громадныхъ деревьевъ. Обрубленныя вѣтви тамъ и сямъ валяются вдоль русла шумной рѣчонки.

Возвращаясь отъ сліянія рѣкъ Абаза-Кишлыкъ съ Эшкакономъ, мы направились вверхъ по первой. Пробираясь между кустарниками по тропѣ, проложенной скотомъ, мы переѣзжаемъ въ бродъ черезъ рѣку и на лѣвобережной покатости попадаемъ въ болото, сплошь заросшее мелкимъ очеретомъ. Добравшись кое-какъ до половины болота, мы видимъ, что дальше намъ не проѣхать: движеніе лошадей все больше и больше затрудняется, а заднія ноги вытаскиваются уже съ большимъ трудомъ. Наше волненіе передается лошадямъ и онѣ, сами избирая путь къ отступленію, благополучно возвращаютъ насъ къ началу болота. Недалеко отсюда находится родникъ нарзана, или „кислой воды“, какъ говорятъ кабардинцы. Источникъ еще не разработанъ, вѣроятно, за неимѣніемъ въ немъ прямой практической надобности. Возвратившись отсюда на правый берегъ рѣченки, мы направляемся по верховьямъ ея, имѣя въ виду посмотрѣть сталактитовую пещеру, небольшое нагорное озеро и водопадъ. Однако, путаясь по скаламъ и крутизнамъ, мы рѣшили, что нужно поспѣшить къ сторожкѣ, такъ какъ ночь на горахъ можетъ обойтись намъ нелегко. Лошади наши выбились изъ силъ. Мы спѣшиваемся и, дѣлая неимовѣрныя усилія, взбираемся на крутизны. Еще нѣсколько минутъ— и насъ окутаетъ темная полоса тумана, нависшая послѣ захода солнца надъ горами, и тогда не разобраться въ мѣстности, ни даже разглядѣть другъ друга почти невозможно. Приходится снова гнать лошадей, вглядываясь въ надвигающійся мракъ. Не разбирая мѣстности, то между глыбами камня, то среди репейниковъ, дости-

гающихъ роста всадника, безъ тропинки, мы цѣною страшныхъ усилій лошадей, достигаемъ, наконецъ, сторожки. Пока мы успѣли сойти съ сѣделъ, наступила уже такая темнота, что съ трудомъ можно было пробраться въ комнату.

Останавливаясь подробнѣе на описаніи мѣстности и нашемъ путешествіи по Абаза-Кишлаку, я имѣлъ въ виду выяснить, съ одной стороны, естественныя свойства имѣнія, а съ другой—указать на трудность оріентироваться въ немъ одному человѣку — владѣльцу. Теперь я перехожу къ самому способу эксплоатаціи земли.

Въ такомъ громадномъ имѣніи, какъ Абаза-Кишлыкъ, расположенномъ притомъ на значительной высотѣ, одному владѣльцу почти невозможно эксплоатировать всю площадь. Прежде она или совсѣмъ не эксплоатировалась, или же отдавалась подъ выпасы по частямъ и случайно. Новый владѣлецъ началъ съ того, что разработалъ дорогу къ центру имѣнія и, построивъ здѣсь небольшой домикъ, посадилъ въ немъ сторожа, главная обязанность котораго заключается въ наблюденіи за цѣлостью лѣса. Но, конечно, на такомъ большомъ пространствѣ одному сторожу и даже десятку ихъ не уберечь лѣса. Будь здѣсь крестьянскій поселокъ, цѣнное богатство имѣнія, хищнически и неразумно расхищающееся, оберегалось бы гораздо лучше, къ пользѣ всего края, уже нуждающагося въ сбереженіи лѣсовъ. Затѣмъ владѣлецъ обратилъ вниманіе на горныя богатства имѣнія. Въ числѣ ихъ, очень вѣроятно, есть желѣзная или другая какая-нибудь руда, но пока онѣ еще лежатъ нетронутыми. Замѣтнѣе для глаза и доступнѣй для лопаты и лома оказались громадныя залежи алебастра, прекраснаго по качеству и не представляющаго для эксплоатаціи серьезныхъ техническихъ затрудненій. Пока добыта, разумѣется, только незначительная часть, да обнаженъ, для разработки предстоящей весной, пластъ, по

крайней мѣрѣ, въ 50 тысячъ пудовъ. Владѣлецъ разсчитываетъ довести ежегодную добычу алебастра до 100 тысячъ пудовъ. Но это еще сомнительно, ибо рабочихъ рукъ мало. Что касается собственно земельной площади, то эксплоатація ея наиболѣе затруднительна. Теперь плоскостныя мѣста представляютъ или сплошные нагорные сѣнокосы, или обильные травою выпасы. Всѣ эти мѣста арендуются карачаевцами или другими туземцами подъ пастьбу скота, преимущественно овецъ. Скашивая лишь незначительную часть травы для запасовъ на зиму, они всю остальную землю обращаютъ подъ выпасы. У естественныхъ пещеръ кое-какъ, на скорую руку, заплетается, изрѣдка съ большимъ навѣсомъ, *кошъ*—жилье пастуховъ и скотный дворъ для овецъ. Такихъ кошевъ на всемъ участкѣ бываетъ 3—5. Подобное хозяйство не удовлетворяетъ владѣльца. Онъ задумалъ обратить часть земель подъ пахоть и для этого „уловить“ крестьянъ выходцевъ изъ внутреннихъ губерній и поселить ихъ здѣсь хуторомъ. Такіе выходцы ежегодно бродятъ по области, ища заработка или аренды. Если бы у насъ относились къ нимъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, то имъ давно дали бы землю или помогли бы пріобрѣсть ее отъ владѣльцевъ. Но объ этомъ некому думать и частные владѣльцы пользуются этимъ. Хозяинъ осмотрѣннаго мной имѣнія разсчитываетъ отвести усадьбы подъ десятокъ дворовъ за небольшую плату, а землю отдавать подъ посѣвъ столько, сколько они одолѣютъ, тоже за плату или за извѣстную, напримѣръ, третью часть урожая. При этомъ условіи, доходность имѣнія должна значительно возрасти, но, разумѣется, за счетъ мужика. Впрочемъ, и теперь, съ разработкой алебастра, оно даетъ уже до 8 проц. чистаго дохода съ суммы за которую было пріобрѣтено.

Тѣ изъ сосѣднихъ имѣній, которыя остались еще въ рукахъ прежнихъ мѣстныхъ владѣльцевъ, эксплоа-

тируются почти исключительно сдачей земель въ аренду подъ выпасъ скота и подъ сѣнокосы. Лѣсъ, если онъ гдѣ еще уцѣлѣлъ, варварски истребляется и притомъ очень часто самовольными порубками. Имѣнія же, перешедшія въ руки новыхъ, постороннихъ въ краѣ людей, ведутся лучше, но достигается это лишь путемъ эксплоатаціи пришлыхъ крестьянъ. Хутора послѣднихъ возникаютъ почти исключительно на земляхъ новыхъ владѣльцевъ. Такъ именно возникъ здѣсь недавно хуторъ кіевскихъ переселенцевъ. Новые владѣльцы, вмѣсто аренднаго, пытаются вести свое собственное хозяйство. Одинъ изъ нихъ имѣетъ уже громадныя стада овецъ лучшихъ породъ. Другой и третій идутъ къ тому же постепенно. Къ ихъ услугамъ и государственный и частные банки и администрація, заботящаяся о насажденіи „культуры“ и невидящая того, что эта культура выѣзжаетъ на спинахъ россійскихъ мужиковъ, о которыхъ позаботиться совсѣмъ уже некому. Въ награду за распаханныя поля, они получаютъ кабальную аренду, да прикрѣпленіе къ усадебнымъ мѣстамъ. Вотъ какимъ путемъ идетъ современная русская колонизація!

8. Кисловодскъ и будущность цѣлебнаго предгорья.

Послѣ утомительнаго 35-верстнаго переѣзда отъ Абаза-Кишлыка, мы спустились къ Кисловодскому ущелью уже за-темно. Нельзя сказать, чтобы этотъ, славящійся своимъ горнымъ воздухомъ, курортъ встрѣтилъ насъ привѣтливо. Прежде всего, на насъ пахнуло такой вонищей россійскаго жилого мѣста, какой мы совсѣмъ не ожидали здѣсь. Невольно вспомнился намъ по этому поводу настоящій цѣлебный горный воздухъ проѣханной полосы. Вотъ тамъ бы пользоваться имъ слабогрудымъ и истощеннымъ, а не въ этой душной норѣ. Дальнѣйшее путешествіе по Кисловодску еще больше огорчило насъ. Вдоль знаменитой тополевой аллеи и въ началѣ парка еще можно было ѣхать, благодаря скудному освѣщенію немногихъ фонарей и магазинныхъ оконъ, но дальше пришлось положительно пробираться ощупью, такъ какъ кругомъ стояла тьма кромѣшная. Для великосвѣтскаго курорта это не большое удобство! Останавливаться намъ въ гостиницахъ не было надобности, такъ какъ спутники мои ѣхали „по казенной надобности". Поэтому мы прямо направились къ убогой земской станціи. Здѣсь ожидала, насъ новая непріятность. Какая-то подставная особа, назвавшаяся хозяиномъ дома и станціи, хотя по всѣмъ документамъ послѣдняя значится за другимъ лицомъ, встрѣтила насъ очень свирѣпо и даже не позволила хозяйкѣ ставить самоваръ. Въ станціонной комнатѣ

стоялъ отвратительный запахъ водки и чесноку, а покачивающійся властитель дома заводилъ все болѣе и болѣе крупный разговоръ. Въ концѣ концовъ, пришлось послать за слободскимъ старостой, который тоже оказался безсильнымъ усмирить бушующаго на станціи нахала. Усмирили ли его потомъ, или нѣтъ,—это осталось для насъ неизвѣстнымъ, но проѣзжающимъ чиновникамъ все-таки пришлось ретироваться со станціи, подъ прикрытіемъ старосты и сторожа слободскаго управленія на общественную квартиру. За отсутствіемъ въ этой части извозчиковъ, отступленіе на другой конецъ поселка совершилось пѣшкомъ, хотя и въ полномъ порядкѣ, но „въ угнетенномъ состояніи духа" отъ понесеннаго пораженія. Къ нашему благополучію, общественная квартира оказалась и относительно чистой и удобной. Послѣ утомительныхъ переѣздовъ верхомъ, на дорогахъ и въ „чертопхайкахъ" какъ окрестилъ мой спутникъ здѣшніе почтовые тарантасы, мы успѣли недурно отдохнуть и подкрѣпиться къ Кисловодскѣ.

Утро было посвящено осмотру знаменитаго курорта. Удобныхъ помѣщеній здѣсь гораздо больше, чѣмъ на другихъ группахъ. Но дешевыхъ удобныхъ квартиръ—нѣтъ, какъ нѣтъ! Ѣдущему сюда „курсовать" и расчитывающему на нѣкоторыя удобства помѣщенія нужно ассигновать на этотъ предметъ изрядную сумму. Погулять больному тоже есть гдѣ. Кисловодскій паркъ, даже въ здѣшнемъ благодатномъ климатѣ,—настоящая роскошь. Громадный, тѣнистый, съ величественными темными аллеями и свѣтлыми полянами, онъ раскинулся и по равнинѣ, и на пригоркахъ. Въ хорошую погоду уйти изъ парка невозможно даже для людей совершенно равнодушныхъ къ природѣ,—такъ здѣсь хорошо, тѣнисто и прохладно. Только по благоустройству, или—вѣрнѣе—по неблагоустройству, онъ ничѣмъ не отличается отъ ессентукскаго: нѣтъ здѣсь

даже павильона съ продажей минеральныхъ водъ, а мѣсто уединенія также грязно, какъ и вездѣ у россіянъ.

Каменная, просторная галлерея нарзана съ массой колоннъ помѣщается у самаго начала парка и прямо выходитъ въ него. Это роскошное и громадное зданіе, которымъ Кисловодскъ обязанъ кн. Воронцову, по своимъ размѣрамъ и красотѣ превосходитъ все, что можно видѣть на группахъ кавказскихъ минеральныхъ водъ. Въ дурную погоду оно вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ курсующихъ, свободно разгуливающихъ въ немъ. При выходѣ изъ галереи въ паркъ помѣщается и знаменитый нарзанъ, въ видѣ колодца съ вѣчно клокочущей, какъ кипятокъ, но холодной и пріятной на вкусъ газовой водой. За галлереей идутъ помѣщенія для ваннъ, сначала теплыхъ, а потомъ холодныхъ. Бассейнъ цѣльнаго „нарзана“ имѣетъ не болѣе 11° и въ немъ позволяютъ купаться далеко не всѣмъ, а только по спеціальнымъ докторскимъ разрѣшеніямъ. Такимъ образомъ, несмотря на полное неблагоустройство слободы Кисловодской и на значительные недосмотры самого курорта, этотъ послѣдній, по сравненію съ Пятигорскомъ, Ессентуками и, какъ говорятъ, съ Желѣзноводскомъ, даетъ все-таки больше удоствъ для лечащихся.

Но, за всѣмъ тѣмъ, въ главной цѣлебной силѣ природы—въ чистомъ горномъ воздухѣ,—Кисловодскъ уступаетъ и Абаза-Кишлыку, и горнымъ плато по Эшкакону и всѣмъ еще незагаженнымъ человѣкомъ мѣстамъ. Возможно, что современемъ, съ проведеніемъ дорогъ, съ устройствомъ проселковъ, съ оживленіемъ окрестностей, здѣсь разовьется, спеціально для больныхъ, дачная жизнь. Паровозъ будетъ не только привозить сюда курсующую публику, но и вывезетъ изъ этихъ мѣстъ хлѣбное зерно, прессованное сѣно, доходные продукты овцеводства; вывезетъ алебастръ, а, быть можетъ, и свиново-серебряную руду, о которой поговариваютъ мѣстные старожилы. Край несомнѣнно

долженъ оживиться, зазеленѣть новыми посѣвами, запестрѣть поселками не на арендованныхъ, а на своихъ земляхъ. Мирное человѣческое жилье появится и на 4-хъ тысячахъ футовъ надъ уровнемъ моря, и тогда Кисловодскъ, со своимъ душнымъ ущельемъ и $2\frac{1}{2}$ тыс. футовъ вышины, окажется отсталымъ. Найдутся курсующіе, которые не безъ удовольствія предпочтутъ Кисловодску, не отличающемуся особой чистотой воздуха и полному шумной сутолоки, какой нибудь уединенный Абаза-Кишлыкъ, гдѣ есть и вкусный нарзанъ, и могутъ быть созданы культурныя удобства. Дача, гдѣ нибудь у Михайловскаго поселка, расположенная близъ горнаго ручья съ хрустальной водой, противъ красавца-гиганта Эльбруса, среди дикой горной природы,—для многихъ покажется привлекательнѣй поселенія, имѣющаго претензію на городъ. Чистый, прозрачный, какой-то особенно легкій и пріятный воздухъ нагорной полосы дѣлаетъ всю ее не только особенно здоровой, но и цѣлебной, тѣмъ болѣе, что ессентукскія, желѣзноводскія и др. воды здѣсь вездѣ можно имѣть съ полнымъ удобствомъ. Прибавьте къ этому дикую прелесть природы, дѣвственныя поля, быстро растущіе лѣса, альпійскія пастбища и увѣнчанныя вѣчными льдами горы,— и вы поймете всю прелесть здѣшнихъ мѣстъ. Но это еще не все: тутъ и неистощимый черноземъ, дающій прекрасные урожаи хлѣбовъ, и обильные луга, и горныя богатства. При желаніи же, тутъ можно и работать, и трудиться на лонѣ природы. Послѣ этого, вы поймете, что цѣлебное предгорье Кавказа,—этотъ прекрасный и богатый уголокъ нашего отечества—должно имѣть рѣдкую будущность..., при условіи, разумѣется, заселенія его производительными работниками, а не эксплуататорами народнаго труда.

Желѣзная дорога привлечетъ сюда новые толпы русскихъ работниковъ, для которыхъ государство должно не только отвести всѣ казенныя земли. но и пріобрѣ-

сти частно-владѣльческія, имѣющіяся здѣсь, хотя и въ неособенно большомъ количествѣ. Экономическій подъемъ края, въ производительныхъ мужицкихъ рукахъ, повліяетъ и на наши курорты, которые тоже неминуемо должны улучшиться, такъ какъ дѣйствительно прочные культурные порядки возможны только тамъ, гдѣ предпріимчивость и трудъ создаютъ правильное развитіе народнаго богатства. При наличности этого условія, движеніе курортовъ по пути прогресса должно начинаться не съ „пинжака“ и „музыки“, процвѣтающихъ теперь на курортахъ, а съ производительнаго труда.

ПИСЬМА

СЪ

ГОЛОДНАГО КРАЯ.

Общая картина голодающаго края.

(Письмо 1-ое).

У насъ любятъ говорить объ отзывчивости къ добру русскаго общества, о щедрости нашихъ культурныхъ слоевъ населенія, о томъ, что рука дающаго не оскудѣваетъ.

Но вотъ я уже двѣ недѣли переѣзжаю изъ одного города Поволжья, охваченнаго крупнѣйшимъ неурожаемъ, въ другой, и ни пресловутой отзывчивости, ни прославленной щедрости не замѣчаю.

А между тѣмъ, неурожай прошлаго (1898) года дѣйствительно великъ, и голодъ, настоящій русскій голодъ, достигъ къ настоящему моменту (т. е. къ веснѣ 1899 г.) высшаго напряженія.

Несмотря на это большіе города живутъ своей обычной жизнью.

Громъ мостовой, нарядная толпа, пышныя шляпы разряженныхъ барынь, щегольскіе мундиры военныхъ, какой-то не то гулъ, не то стонъ,—все это можетъ сразу оглушить и ослѣпить въ большомъ городѣ всякаго, кто попадетъ въ него изъ деревенской глуши. Вездѣ роскошь, богатство, настоящій или мишурный блескъ. Огромные каменные дома проспектовъ и главныхъ улицъ ярко освѣщены волшебнымъ электрическимъ свѣтомъ. Магазины щеголяютъ другъ передъ другомъ витринами своихъ саженныхъ оконъ. Тутъ, рядомъ съ блестящей мишурой, сверкаютъ и драгоцѣнные брилліанты и золотыя бездѣлуши и шелкъ, бархатъ, фарфоръ и цѣлыя горы разнообразныхъ, бьющихъ на эф-

ектъ, предметовъ манятъ своимъ обманчивымъ блескомъ цѣлую толпу „публики“, не знающей лучшаго употребленія своихъ денегъ. А вотъ и эта „публика“, нарядная, шумная, веселая, праздная...

Больше всего шумятъ только что открывающіяся мѣста лѣтнихъ увеселеній, эти различныя „Аркадіи“, „Шато“, „Эрмитажи“ и проч. Здѣсь еще больше свѣта, яркихъ разноцвѣтныхъ огней, еще больше шуму, показнаго блеска, эффектныхъ приманокъ. Толпа рукоплещетъ, выражаетъ энтузіазмъ, тысячи глазъ сверкаютъ весельемъ и энергіей. И все это лишь по поводу недвусмысленнаго тѣлодвиженія шансонетной пѣвички, не имѣющей ни голоса, ни умѣнья пѣть...

Разумѣется, на улицахъ, въ садахъ и магазинахъ не весь городъ, не всѣ горожане, а только тѣ, которые дѣлаютъ его внѣшнюю жизнь. Но и среди остальныхъ мало утѣшительнаго.

Каменные мѣшки-дома, въ которыхъ изолированъ горожанинъ отъ свѣта, отъ солнца, отъ воздуха, отъ зелени, создали совсѣмъ особыхъ людей. Они знаютъ свои цифры, свои бумаги, свои счета, иногда свою газету. Они очень и очень далеки отъ жизни, хотя нерѣдко живутъ шумно и весело. Они десятки лѣтъ встрѣчаютъ простыхъ людей и даже не всегда знаютъ ихъ имена. Они или замкнулися въ свою семью, если она еще уцѣлѣла и не заразилась развратомъ улицы, или имѣютъ слишкомъ ограниченный кругъ... не знакомыхъ... нѣтъ, а сотрудниковъ, партнеровъ въ винтъ, собутыльниковъ и т. п. Что имъ эти простые Иваны, Петры, Марьи, что имъ законы природы, законы человѣческаго общежитія?! Что имъ бѣдствіе неурожая, голодающее населеніе и др. подобныя явленія и событія, отъ которыхъ если и можно чего ожидать, то только какого либо рода непріятности?!

— Я не знаю. Это въ столѣ или въ отдѣленіи Ивана Ивановича — нехотя отвѣтитъ вамъ такой чиновный

горожанинъ на вопросъ о голодѣ и продовольственной помощи.

Но и Иванъ Ивановичъ въ большинствѣ случаевъ скажетъ вамъ, что свѣдѣній еще не поступило, что слухи о голодѣ раздуты, что соотвѣтствующія представленія въ министерство уже сдѣланы, что во всякомъ случаѣ ничего особаго бояться не слѣдуетъ и т. п.

Чтобы получить хоть какія нибудь свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи вещей, нужно обратиться не къ добрымъ знакомымъ, не въ канцеляріи, а, оставивъ шумныя блестящія улицы съ щеголяющей туалетами публикой и затхлые, прокопченные губернскіе комитеты и присутствія,—спуститься съ нагорнаго берега, на которомъ расположенъ административный и торговый центръ города, поближе къ кормилицѣ Волгѣ и побесѣдовать съ настоящимъ кормильцемъ крестьянской семьи.

Въ мои первые проѣзды чрезъ большіе поволожскіе города мнѣ приходилось разговаривать съ болѣе или менѣе случайными встрѣчными рабочими и крестьянами, но когда, нѣсколько позже, въ нѣсколькихъ городахъ удалось устроить лечебно-продовольственные пункты для отхожихъ рабочихъ, кругъ моихъ наблюденій расширился, свѣдѣнія стали получаться гораздо опредѣленнѣе и картина голоднаго края выяснилась довольно быстро.

Интересна для всякаго наблюдателя, прежде всего, эта разнообразная смѣсь отхожихъ рабочихъ, идущихъ черезъ лечебно-продовольственные пункты.

Бо̀льшая—можно сказать—количественно подавляющая часть ихъ шла пѣшкомъ. Каменьщики шли партіями въ 50—90 человѣкъ; плотники въ партіи сплачивались рѣже, а чернорабочіе почти никогда. Партіи эти шли съ подрядчикомъ изъ ихъ же волости, нанятыя имъ зимой, или же къ подрядчику, который вызывалъ ихъ письмомъ или же самъ лично пріѣзжалъ нанимать ихъ, при чемъ, однако, не всегда выдавалъ

имъ задатокъ на дорогу. Не мало среди каменьщиковъ и плотниковъ было большихъ партій, большею частью односельчанъ, которые шли, по ихъ словамъ, „сами по себѣ“, разбиваясь гдѣ нибудь въ Саратовѣ или Царицынѣ на маленькія группы въ 5—10 человѣкъ. Всѣ рабочіе, прибывшіе на пунктъ, тратили на дорогу день, два, три, рѣдко—больше недѣли. Такихъ рабочихъ, которые вышли бы изъ дому нѣсколько недѣль или даже и мѣсяцевъ тому назадъ, какъ это наблюдается, напр., въ херсонскихъ продовольственныхъ пунктахъ, почти не было. Главная масса прошла раньше въ концѣ Святой и на Ѳоминой недѣлѣ...

Женщинъ, по моимъ наблюденіямъ, среди отходящихъ рабочихъ не много, небольше 5% общаго числа идущихъ. Въ большихъ партіяхъ каменьщиковъ и плотниковъ онѣ ѣдутъ въ качествѣ артельныхъ стряпухъ. Среди же чернорабочихъ онѣ идутъ вмѣстѣ съ мужьями на работу. Нерѣдко записывались на пунктѣ партіи, состоящія изъ нѣсколькихъ семействъ одной волости, съ кучей ребятъ и со старухами. Такія семьи, уходя изъ деревни, заколачиваютъ свою избу, а землю сдаютъ родственнику или постороннему въ аренду за подати; не мало и такихъ рабочихъ, которые оставляютъ дома жену съ малыми дѣтьми. У большой же части дома остаются братья, отцы... Попадались чернорабочіе, которые шли на чужую сторону искать работы потому, что у нихъ нѣтъ лошади.

— Будь лошадь, какъ-нибудь и перебились бы дома,—заявляли они.

Большинство идущихъ вдоль средняго теченія Волги—чернорабочіе. Они составляютъ до 40% общаго числа отхожихъ промышленниковъ. Затѣмъ идутъ каменьщики, плотники, рыболовы и спеціально сельскохозяйственные рабочіе. Направляются преимущественно на югъ - въ низовья Волги, Дона и т. д. Чтобы проѣхать, напр., на Донъ, нужно взять изъ дому никакъ

не меньше 3 р. Въ такомъ случаѣ можно добраться до мѣста назначенія, не прибѣгая къ милостынѣ. При меньшихъ уже деньгахъ, напримѣръ, при двухъ рубляхъ приходится нищенствовать, по крайней мѣрѣ, полъ-дороги. Поэтому съ меньшимъ запасомъ денегъ рискуютъ отправиться въ дорогу только въ относительно рѣдкихъ случаяхъ, когда дома предсталъ только одинъ исходъ: голодная смерть.

Многочисленные расспросы о питаніи въ пути даютъ самую неутѣшительную картину.

У тѣхъ, кто вышелъ вскорѣ послѣ Пасхи, питаніе было еще болѣе или менѣе сносно: чуть не каждый захватилъ съ собою на 2—3 дня десятокъ яицъ, лепешокъ, хлѣба, какъ разъ столько, чтобы доѣхать до мѣста. На мѣстѣ же громадное большинство уже покупало провизію. Съ такимъ запасомъ ѣхали побольшей части плотники и каменщики. Чернорабочіе обыкновенно могли взять съ собою только одинъ хлѣбъ. Но среди нихъ немало было и такихъ, которые шли подаяніемъ. Послѣдніе производятъ особенно тяжелое впечатлѣніе, если идутъ съ дѣтьми.

Одно изъ такихъ рабочихъ семействъ, состоящее изъ мужа, жены и четверыхъ ребятъ—старшей дѣвочкѣ пять лѣтъ—явилось въ врачебно-продовольственный пунктъ въ костюмѣ средняго крестьянскаго достатка, но лица были испитыя, сѣрыя. Грудной ребенокъ ни минуты не переставалъ кричалъ. „Все время плачетъ, какъ родился",—заявляла мать, когда врачъ началъ его изслѣдовать. При осмотрѣ ребенокъ оказался худымъ до нельзя,—одна кожа да кости. Не найдя у него ничего, кромѣ истощенія, и объясняя его крикъ тѣмъ, что онъ постоянно голоденъ отъ недостатка у матери молока, врачъ далъ ему коровьяго, послѣ чего ребенокъ пересталъ кричать и спалъ спокойно ночь. Эта семья жила при пунктѣ нѣсколько дней, пока не выхлопотали ей безплатнаго билета до Саратова, гдѣ она надѣялась

найти себѣ работу. Все это время, благодаря питанію молокомъ, ребенокъ не безпокоилъ мать своимъ крикомъ. Другой случай—татарка съ ребятами. Ихъ у нея четверо—старшему двѣнадцать лѣтъ. Два младшихъ сына съ большими животами, едва прикрытыми рваными рубашенками. У старшихъ гноятся глаза. Ни котомки, ни узелка, ни куска хлѣба—ничего нѣтъ съ ней. Мужъ ея убитъ, хозяйство разорилось, и вотъ она идетъ искать работы, чтобы пропитать дѣтишекъ. Она хлопотала о пенсіи,—мужъ былъ когда-то солдатомъ,—но изъ этого ничего не вышло... Ей нужна работа, нуженъ пріютъ для ребятъ.

Въ общемъ не находится и 1% такихъ, которые питались бы въ дорогѣ горячей пищей. Преобладаютъ хлѣбъ и сухари. Денежные запасы у ѣдущихъ совершенно ничтожны и имѣются преимущественно у тѣхъ, кто идетъ сравнительно далеко. Но и эти деньги предназначаются главнымъ образомъ на проѣздъ, а не на пищу.

Больныхъ среди идущихъ 12—15%. Болѣютъ большею частью лихорадкою, разными глазными болѣзнями, органами пищеваренья, болѣзнями кожи и подкожной клѣтчатки, органами дыханія; встрѣчаются съ травмотическими поврежденьями; сифилитиковъ около 1%.

Неприглядно положеніе рабочихъ, по ихъ разсказамъ, и на мѣстѣ работъ. Большая часть изъ нихъ—это чернорабочіе, живущіе въ отходѣ поденнымъ заработкомъ и питающіеся за свой счетъ, а это выраженіе „за свой счетъ“ въ данномъ случаѣ является синонимомъ слова „сухояденіе“. Дѣйствительно, мудрено питаться горячей пищей, когда заработная плата въ теченіе весны была въ Поволжскихъ губ. очень низка: для взрослаго рабочаго-мужчины 30—40 к., а для женщины 20—25 к. въ день. Рабочихъ дней въ мѣсяцѣ набирается не болѣе 25 и къ тому же весьма рѣдко встрѣчается счастливецъ, которому удавалось имѣть заработокъ въ

теченіе всего мѣсяца. Наконецъ, рабочій долженъ отсылать часть своего мизернаго заработка въ деревню. При этихъ условіяхъ, на пищу останется очень немного. Недостаточность заработка рабочіе объясняютъ значительнымъ превышеніемъ предложенія труда надъ спросомъ на него. Дѣйствительно, было весьма много рабочихъ, отправившихся на заработки въ первый разъ, и не мало такихъ, которые не выходили на заработки въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Крайне тяжелое впечатлѣніе производятъ идущіе на промыслы своимъ изнуреннымъ, мрачнымъ и угнетеннымъ видомъ. По разсказамъ служащихъ на пунктахъ, подтверждавшихся и моими наблюденіями, до половины іюля ни разу не приходилось слышать пѣсенъ и здороваго веселаго смѣха. Особенно плохо выглядѣли инородцы—чуваши и татары. Крестьяне этой категоріи одѣты въ общемъ очень бѣдно, часто въ какія-то грязныя лохмотья. Татары уходятъ на заработки въ большинствѣ случаевъ всей семьей, питаются плохо, преимущественно чаемъ съ хлѣбомъ. Среди чувашей преобладаютъ одиночки-мужчины. По своей крайней нищетѣ и истощенному виду они, можно сказать, родные братья татарамъ, но по своимъ физическимъ и умственнымъ качествамъ стоятъ еще ниже ихъ. Рѣдкій чувашъ не страдаетъ трахомой. Неразвитость ихъ прямо поразительна. На самые простые вопросы чувашъ даетъ отвѣтъ лишь послѣ продолжительнаго обдумыванія. Вообще, наблюдая представителей этихъ двухъ народностей, просто изумляешься ихъ выносливости и неприхотливости, а въ отношеніи чувашъ—вдобавокъ и ихъ тупой апатіи.

Въ общемъ, знакомство съ отхожими промыслами изъ неурожайныхъ губерній производитъ самое тяжелое впечатлѣніе. Да и сами эти промыслы даютъ слишкомъ мало. Кое-что зарабатываютъ лишь знающіе ремесла. Остальной доброй половинѣ промышленниковъ

*

приходится только удивляться, что гонитъ ихъ изъ родныхъ мѣстъ за сотни и тысячи верстъ. Заработокъ ихъ ничтожный, а рискъ и лишенія огромные. Многіе возвращаются не найдя никакой работы. Но какъ возвращаются. Кто ѣхалъ подводой—возвращается пѣшкомъ, кто шелъ въ сапогахъ и въ шапкѣ—возвращается въ лаптяхъ и съ непокрытой головой. А сколько при этомъ приходится переносить горя, лишеній и бѣдствій—объ этомъ и разсказать трудно. Вотъ ужъ поистинѣ „горя рѣченька бездонная".

Въ симбирской губерніи я имѣлъ возможность ознакомиться съ данными податныхъ инспекторовъ, собранными упрявляющимъ казенною палатою и ярко рисующими экономическое положеніе населенія.

Прежде всего, въ этой области нельзя не отмѣтить незначительнаго земельнаго обезпеченія крестьянъ, владѣющихъ всего 1.603.000 десятинами. При освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, бывшіе помѣщичьи крестьяне ни въ одномъ уѣздѣ не получили полнаго высшаго надѣла. Съ тѣхъ поръ количество земли, приходящееся на душу, еще уменьшилось, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія. Въ среднемъ на ревизскую душу у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ приходится $3,_{09}$ дес. У удѣльныхъ крестьянъ надѣлъ больше и достигаетъ $4,_{26}$ дес. на ревизскую душу; у государственныхъ же еще больше—$4,_{29}$ дес. Впрочемъ, у государственныхъ крестьянъ наблюдается большое колебаніе въ размѣрѣ ихъ земельнаго надѣла. Такъ, послѣдній опускается въ одномъ уѣздѣ даже до $2,_{1}$ дес. на ревизскую душу. При такомъ малоземельѣ, крестьяне всей губерніи должны выдѣлять еще до 18.500 дес. ($4,_{5}$%) площади своего землевладѣнія) подъ общественныя запашки, сборъ хлѣба съ которыхъ идетъ на погашеніе продовольственныхъ долговъ.

Изъ общей площади крестьянской земли распахано $76,_{3}$%. Всю пахатную надѣльную землю крестьяне дѣ-

лять на три приблизительно равные клина. Однако, у многихъ крестьянъ надѣлы отведены такъ неудобно, что дѣленіе на три поля положительно невозможно.

Такъ, въ одномъ официіальномъ документѣ разсказывается, что изъ 5.244 дес. надѣльной земли крестьянъ извѣстнаго въ губерніи крупнаго селенія значительное количество находится въ отдѣльныхъ участкахъ, окруженныхъ чужою землею, и въ нѣкоторыхъ изъ этихъ участковъ имъ не выдѣлено прогоновъ. По уставной грамотѣ имъ предоставлено право прогонять скотъ чрезъ чужія земли послѣ скоса и уборки хлѣбовъ, не причиняя потравы посѣвамъ; въ дѣйствительности же, крестьяне лишены возможности пользоваться этимъ правомъ, такъ какъ лица, распоряжающіяся этой землей, запрещаютъ имъ прогонъ и требуютъ, чтобы они арендовали прилегающія къ ихъ надѣлу земли. При этомъ имѣлъ мѣсто даже такой случай. Въ 1896 г. крестьяне были оштрафованы за то, что перевозили черезъ рѣку на лодкахъ, вмѣсто владѣльческаго платнаго парома, своихъ лошадей на надѣльный лугъ (494 д.); при этомъ они не произвели никакой потравы, хотя и должны были приставать къ берегу, узкая полоса котораго принадлежитъ не имъ, а владѣльцамъ. Штрафъ былъ наложенъ въ размѣрѣ 20 к. съ каждой лошади (138 головъ).

Почти никуда негодныхъ выгоновъ въ общемъ числѣ надѣльныхъ земель около 9%. А есть уѣзды, въ которыхъ неудобныя надѣльныя земли превышаютъ 17%. Почва тамъ низкаго качества, мѣстами густо покрытая камнями, дѣлающими ее почти непроизводительной. Есть селенія, въ которыхъ, значительное число домохозяевъ, имѣющихъ право на надѣльную землю, не желаетъ ею пользоваться, а сельскія общества не соглашаются брать ее на себя даже за лежащія на ней платежи. И это въ богатой прекрасными землями Симбирской губерніи!

Малопригодныя для культуры земли, да еще при малоземельѣ—хуже этого, кажется, и придумать нельзя. Иллюстраціей къ этому можетъ служить слѣдующая сценка.

Одинъ изъ симбирскихъ чиновъ не разъ жаловался мнѣ на бездѣлье крестьянъ вообще, а крестьянъ селенія Л. въ особенности. Ѣдемъ мы какъ-то съ нимъ по уѣзду и осматриваемъ общественныя работы. Особенно понравилась намъ работа сосѣднихъ съ Л. селеній.

— Молодцы,—говоритъ чиновникъ рабочимъ.—Хорошо сдѣлано. Это не то, что въ Л. Тамъ крестьяне заявили мнѣ, что не могутъ по сырости и холоду работать.

— Это точно, — подхватилъ одинъ изъ близъ стоящихъ десятниковъ.—Куда же имъ въ такую погоду работать: попростужаются и на уборку хлѣба не будутъ гожи. Нужно имъ поберечься.

— А вы же не простужаетесь? — спросилъ чиновникъ.

— Мы—другое дѣло—отвѣтилъ десятникъ.—Земля насъ бодритъ, а л—цы отъ нея осовѣли.

И десятникъ разсказалъ намъ, что у нихъ надѣлъ вдвое больше, чѣмъ у крестьянъ селенія Л., что земля у послѣднихъ хуже и что они давно „заплошали“ отъ малоземелья. Оттого л—цы и на работу малоспособны, плохо выносятъ ее и часто болѣютъ.

При недостаткѣ надѣльной земли у крестьянъ, для хозяйства ихъ важное значеніе имѣетъ земля, обрабатываемая испольно и снимаемая въ аренду. Площадь арендуемой крестьянами и испольно обрабатываемой земли составляетъ $22,_7$% надѣльной ихъ пашни, а площадь арендуемыхъ луговъ равна $37,_3$% площади луговъ надѣльныхъ. Вслѣдствіе большаго спроса на землю, арендныя цѣны на нее держатся на высокомъ уровнѣ и достигали, мѣстами, 25—30 руб. за

посѣвную казенную десятину подъ рожь и овесъ. Неурожаи 1890—1892 гг., а также низкія цѣны на хлѣбъ въ послѣдніе годы повліяли на пониженіе арендныхъ цѣнъ; тѣмъ не менѣе эти цѣны и въ настоящее время не соотвѣтствуютъ цѣнамъ на хлѣбъ и все еще остаются на высокомъ уровнѣ, потому что безъ аренды многія крестьянскія хозяйства не могли бы существовать. Крестьяне часто арендуютъ землю только для соломы, мякины и пастбища, употребляя всѣ вырученныя отъ продажи зерна деньги на уплату аренды,

Въ контракты на сдачу крестьянамъ удѣльныхъ и владѣльческихъ земель вносятся обыкновенно такія условія:

1) „Находящійся на участкѣ лѣсъ... арендаторы обязаны охранять отъ самовольныхъ порубокъ и пожаровъ. При неисполненіи сего арендаторы обязаны по первому требованію управляющаго имѣніемъ безъ суда уплатить, въ случаѣ обнаруженія порубки, кѣмъ бы она ни была произведена, тройную стоимость вырубленнаго по таксѣ, если лѣсъ увезенъ, а за часть вырубленнаго лѣса, оставшагося на мѣстѣ, двойную стоимость по таксѣ, а затѣмъ арендаторамъ предоставляется право преслѣдовать виновныхъ и обращать въ свою пользу взысканія, какія съ нихъ по суду присуждены будутъ“.

Условія эти исполняются строго. Такой порядокъ штрафовать безъ суда арендатора земли, можетъ быть, неповиннаго въ порубкѣ лѣса, а также обязательность для него охранять неарендуемый имъ и чужой для него лѣсъ, очень удобенъ для управляющихъ имѣніями, но безусловно вопіюще несправедливъ для съемщика земли.

2) Арендаторы,—говорится въ контрактѣ,—„отнюдь не должны пасти скотъ или косить траву на вырубленныхъ площадяхъ и не должны допускать къ тому другаго, а, напротивъ того, обязаны лѣсные всходы на вы-

рубкѣ охранять отъ потравъ и всякаго поврежденія и за неисполненіе сего подвергаются взысканію убытковъ въ размѣрѣ по опредѣленію управленія имѣніями порядкомъ безспорнымъ, чрезъ полицію".

Здѣсь, кромѣ обязанности арендатора охранять чужую собственность отъ правонарушеній другими посторонними лицами, весьма замѣчателенъ и способъ взысканія за чужую вину „порядкомъ безспорнымъ, чрезъ полицію", т. е., просто говоря, по произволу управляющаго.

3) Арендаторы не имѣютъ права отказаться отъ аренды до конца условленнаго срока, но „если сданная въ аренду земля понадобится управленію имѣніемъ для какой-либо цѣли, то арендаторы по первому о томъ заявленію обязаны безпрекословно передать ему арендную статью или ту часть оной, которая требуется". При этомъ, за такое нарушеніе контракта арендаторы не получаютъ никакого вознагражденія!

4) Сроками для взноса за каждый годъ арендной платы впередъ назначаются январь и іюль, т. е. время, когда крестьяне, затративъ на обработку земли свой трудъ, еще ничего не получили съ нея. Просрочка уплаты сопровождается пеней въ размѣрѣ 12% годовыхъ.

Назначеніе неудобныхъ для крестьянъ сроковъ уплаты является чуть ли не завѣдомымъ увеличеніемъ арендной платы. До полной годичной уплаты аренды и недоимокъ, продукты съ владѣльческихъ оброчныхъ статей не составляютъ собственности арендаторовъ. На основаніи этого пункта контракта широко практикуется наложеніе ареста на снятый арендаторами хлѣбъ, причемъ сама эта мѣра примѣняется разорительнымъ для крестьянъ способомъ. Большею частью арестъ налагается не на соотвѣтствующую недоимкѣ часть урожая, а на весь урожай, хотя бы онъ принадлежалъ товариществу или обществу, большинство членовъ котораго

своевременно уплатили аренду. Такъ, напр., въ 1897 г. у общества крестьянъ одного селенія былъ арестованъ сборъ съ 221 дес. на сумму около 7.000 р. за недоимку въ 43 р.; у общества другаго села за недоимку въ 7 р. было арестовано хлѣба на 105 р.; у общества крестьянъ третьяго селенія было арестовано 576 телѣгъ хлѣба на 2.166 р. за недоимку въ 45 р. Арестъ всего хлѣба лишаетъ арендатора возможности продать часть его для уплаты аренды и заставляетъ входить въ долги на обременительныхъ условіяхъ. При этомъ не всегда принимаются мѣры къ сохраненію арестованнаго хлѣба въ неповрежденномъ видѣ. Такъ, въ 1896 г., хлѣбъ, арестованный на арендуемой крестьянами двухъ селеній землѣ, былъ начначенъ въ продажу только въ апрѣлѣ слѣдующаго 1897 г. и оказался настолько испорченнымъ, что никто не пожелалъ его пріобрѣсти. Въ подобныхъ разоряющихъ крестьянъ случаяхъ владѣльческое управленіе обращаетъ взысканіе, согласно договору, на всякое другое принадлежащее арендаторамъ имущество, порядкомъ административнымъ, чрезъ полицію.

Урожайность земель обрабатываемыхъ крестьянами очень низка. Съ средняго надѣла, въ средній по урожайности годъ, получается ржи 39 пудовъ, яроваго зерна около 31 пуда, а сѣна менѣе 20 пудовъ.

А между тѣмъ, количество хлѣба для прокормленія крестьянскаго населенія, а также на прокормъ имѣющагося у нихъ скота, по самому уменьшенному расчету, требуется такое: 1) на продовольствіе населенія слѣдуетъ положить въ годъ не менѣе 13,5 пуд. ржи и 3 пуд. яровыхъ хлѣбовъ на наличную душу обоего пола, 2) на прокормъ скота необходимо: а) на лошадь не менѣе 15 пуд. овса или посыпки (ржаной или овсяной муки) и 20 пуд. сѣна; б) на корову не менѣе 2 пуд. овса или посыпки и 6 пуд. сѣна; в) на голову мелкаго скота не менѣе 3 пуд. сѣна и 1 пудъ посыпки—въ

среднемъ. Приведенныя нормы ниже дѣйствительныхъ, и значительно ниже нормъ, опредѣленныхъ уѣздными земскими управами и сельскими хозяевами сосѣднихъ губерній. Затѣмъ, въ подсчетъ не введены расходы крестьянъ по освѣщенію и отопленію избъ, расходы на одежду, поправку инвентаря и многіе другіе (напр., крестины, смерть и пр.).

Производя подсчетъ урожая и сопоставляя его съ потребностями, получимъ, что для продовольствія приходящихся на одинъ надѣлъ душъ крестьянскаго населенія, а также скота, къ цыфрамъ средняго урожая нужно добавить 7,11 пуд. ржи и 4,31 пуда сѣна. Яроваго же хлѣба будетъ избытокъ въ 7,58 пуд.

Для всей же губерніи, у крестьянъ на надѣльной землѣ будетъ недоставать: ржи—2.084.300 пуд., сѣна 1.674.007 пуд. Для продажи же на уплату повинностей, на покрытіе недостающаго количества ржи и сѣна и всѣхъ прочихъ расхдовъ у нихъ оостанется яровыхъ хлѣбовъ 2.322.047 пудовъ.

Если перевести на деньги (по среднимъ цѣнамъ за пятилѣтіе) тотъ недостатокъ въ продовольствіи, какой получается при среднемъ урожаѣ на надѣльной землѣ крестьянъ, то выйдетъ, что для удовлетворенія продовольствія населенія и корма скота необходимо ежегодно прикупить хлѣба и сѣна на 171.993 р. 8 к. При этомъ нужно имѣть въ виду, что часть недостающаго хлѣба и сѣна возмѣщена избыткомъ овса, и только стоимость невозмѣщенной части въ покупкѣ равна указанной суммѣ.

Не вводя читателя въ дебри статистическихъ выкладокъ, не могу не подѣлиться съ кимъ конечными выводами.

Согласно имъ, какъ уже сказано выше, надѣльныя земли не даютъ даже того, что необходимо только на одно продовольствіе. На эту потребность съ надѣльныхъ земель не добирается зерна на 171.993 р. со всѣхъ надѣловъ или 41,$_{25}$ к. съ одного надѣла и 10,$_{7}$ к. съ

десятины земли. Этотъ недоборъ покрывается изъ другихъ источниковъ, и прежде всего изъ аренды владѣльческихъ земельныхъ имуществъ, которыя въ совокупности даютъ крестьянамъ 576.586 р. Затѣмъ, заработки отъ отхожихъ и мѣстныхъ работъ, если изъ валовой суммы доходовъ отъ нихъ исключить примѣрно 25% на матеріалы для кустарныхъ промысловъ, на дорогу, одежду, обувь и проч., даютъ до 4.422.937 р., что на надѣлъ составитъ около 10 р. 80 к., а на десятину надѣльной земли 2 р. 74 к. Наконецъ, крестьянскія оброчныя статьи даютъ имъ дохода до 315.518 р., или на надѣлъ до 77, а на десятину до 20 к. Вычитая изъ суммы доходныхъ статей недоборъ на продовольствіе по надѣльнымъ землямъ находимъ, что за покрытіемъ элементарнѣйшихъ потребностей прокорма населенія (только растительной пищей) и скота, у крестьянскаго населенія остается сумма дохода въ 5.143.085 р., т. е. 12 р. 33 к. на надѣлъ и 3 р. 28 к. на десятину.

Эта ничтожная сумма является результатомъ годового труда. Но и она не поступаетъ въ распоряженіе крестьянской семьи. Изъ указаннаго дохода должно быть выплачено 4.956.568 р. различныхъ податей и платежей, что составляетъ 11 р. 89 к. съ надѣла или 3 р. 9 к. съ десятины. Если же къ означенной суммѣ оклада податей и платежей прибавить недоимки (свыше 1.660.287 р.), то общая цыфра ихъ достигнетъ 6.616.856 р., т. е. 15 р. 87 к. на надѣлъ и 4 р. 12 к. на десятину.

Значитъ, расходъ на продовольствіе и прокормъ, на уплату податей и недоимокъ превышаетъ всю совокупность крестьянскихъ доходовъ.

За уплатою годовыхъ окладовъ безъ недоимокъ, на наличную душу остается $28,_{48}$ к. При взысканіи же недоимокъ отъ всѣхъ крестьянскихъ доходовъ для уплаты будетъ недоставать $1.473.771,_{42}$ р. для всей губерніи.

Расчетъ продовольствія на наличную душу, сдѣ-

ланъ, какъ уже было сказано, по minim'альнымъ нормамъ, причемъ не приняты во вниманіе другія потребности. Населеніе принуждено почти круглый годъ оставаться безъ мяса, такъ какъ цѣна мясу 9 к. фунтъ, и на годовой доходъ въ 28 к. купить мяса придется немного. И ни для кого не тайна, что здѣшній крестьянинъ „вегетеріанецъ по нуждѣ". Населеніе нуждается въ одеждѣ и обновленіи ея, что, при всей простотѣ костюма, все-таки обходится не дешево.

Если припомнить, что и хозяйственный инвентарь крестьянина требуетъ расходовъ, что у крестьянъ бываютъ крестины, свадьбы и погребенія, требующія особыхъ затратъ, то станетъ понятнымъ, какъ неустойчиво ихъ экономическое положеніе.

При недостаточно близкомъ знакомствѣ съ бытомъ крестьянъ, кажется страннымъ, какимъ это образомъ каждый недородъ хлѣбовъ можетъ уже вызывать заболѣванія цынгой, требовать огромной по размѣрамъ помощи, колоссальныхъ затратъ и т. п. На самомъ же дѣлѣ положеніе крестьянина настолько неустойчиво, что при среднемъ урожаѣ оплата имъ годового оклада платежей происходитъ за счетъ удовлетворенія продовольственной и другихъ потребностей. Колебанія же урожая сразу ставятъ преобладающую крестьянскую массу въ положеніе, при которомъ обойтись безъ общественной помощи совершенно немыслимо.

Таковы печальные выводы изъ данныхъ офиціальной статистики, склонной скорѣй къ замалчиванію, чѣмъ къ преувеличенію зла.

Перейду теперь отъ цыфровыхъ къ нѣкоторымъ другимъ даннымъ о деревенскихъ дѣлахъ.

Я долго жилъ въ деревнѣ и люблю нашу деревню.

Люблю этотъ безконечный, безпредѣльный горизонтъ ржи, пшеницы, овса, гречи, проса, и снова ржи, пшеницы, овса, гречи. Люблю видѣть, какъ темнѣетъ, точно зеленый островокъ, полоска конопли среди сѣро-зеле-

ной громадной площади злаковъ, какъ переливаются отъ вѣтра матовыя волны колосьевъ, какъ рѣетъ и рябитъ надъ ними дымка цвѣточной пыли. Идешь этимъ грандіознымъ моремъ хлѣбной растительности, и сознаешь себя несказанно малой былинкой въ немъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рычагомъ, который повернулъ это море, вызвалъ его къ жизни, выдвинулъ на поверхность земли и снова снесетъ его куда то далеко.

Какъ бы ни было низко умственное развитіе деревенскаго жителя, онъ всегда сознаетъ двѣ силы творящія его богатства—свой трудъ и силу природы. Онъ на каждомъ шагу видитъ то и другое, а потому онѣ наполнили собой всю его жизнь, всѣ его интересы. Храня и оберегая трудовую, рабочую силу, деревенскій обыватель не станетъ прожигать свою жизнь; прожигатель здѣсь такая же рѣдкость, какъ и труппа шансонетныхъ пѣвицъ. Его интересы сосредоточиваются въ другой области: въ области тѣхъ факторовъ, которые создали весь этотъ океанъ хлѣбной растительности Онъ внимательно слѣдитъ за всѣми явленіями природы: какъ солнце взошло, былъ ли туманъ, велика-ли роса, откуда вѣтеръ, какія облака, куда движутся и скоро ли, сильно ли пригрѣваетъ солнце, какъ оно заходитъ и т. д., и т. д. Чуть ли не весь интересъ его жизни сосредоточивается около этихъ явленій. Велика-де роса, да туманъ былъ—значитъ будетъ ведро, можно ѣхать пахать или косить: за тучку сѣло солнышко—нужно сѣно сгрести, а то какъ бы дождя не было; вѣтеръ съ западу—какъ бы тучку не нагналъ. А вотъ и она, эта тучка съ свинцово-бѣлыми отливами; вотъ послышался гдѣ-то далеко шумъ „точно горохъ бросаютъ". „Лапотитъ"—говоритъ крестьянинъ, внимательно вслушиваясь, и вся деревня снимаетъ шапки передъ грянувшей грозой.

Цѣлые вѣка наука стремится познать природу въ ея разнообразныхъ явленіяхъ—и въ этомъ ея громад-

ная заслуга. Цѣлые вѣка земледѣлецъ поддерживаетъ въ себѣ тотъ же высшій интересъ къ познанію природы, которымъ справедливо гордится наука: цѣлые вѣка онъ сосредоточиваетъ на ней свое вниманіе, свои помыслы. Если онъ не оформилъ, не систематизировалъ своихъ наблюденій въ стройную научную систему, то нельзя отрицать, что онъ вліялъ на науку не только въ ея прикладныхъ, но и теоретическихъ основаніяхъ. Историческій ходъ вещей сдѣлалъ изъ нашего земледѣльца всегда серьезнаго, всегда преданнаго высшимъ интересамъ мысли человѣка; тотъ же историческій процессъ лишилъ его даже грамотности. Но дайте ему въ руки орудія научной дѣятельности и вы увидите, что можетъ сдѣлать простой земледѣлецъ для человѣческаго прогресса.

Соціальныя явленія нераздѣльные спутники эксплоатаціи человѣкомъ природныхъ богатствъ. Гдѣ является эта эксплоатація, тамъ вслѣдъ за однимъ человѣкомъ идетъ другой, третій, четвертый и т. д.; тамъ, слѣдовательно, возникаетъ общество и общественная жизнь. Чѣмъ ближе къ природѣ, къ землѣ человѣкъ, тѣмъ естественнѣе и нормальнѣе его общественныя отношенія. Это замѣтно даже на культурномъ человѣкѣ, если онъ близокъ къ землѣ и работаетъ на ней. Та же власть природы, земли, труда и общественности тяготѣетъ надъ нимъ, смиряетъ его эгоизмъ, самонадѣянность всезнайство, его страсти и порывы. Властное вліяніе приковываетъ его вниманіе къ высшимъ интересамъ и если только онъ не звѣрь по натурѣ и не рабъ постороннихъ воздѣйствій,—пробуждаетъ въ немъ лучшія чувства „возвышенныя стремленія“.

Такова деревня еще въ недавнемъ прошломъ; такова она и теперь въ отвлеченномъ представленіи, въ абстракціи, въ юношеской мечтѣ. Но не то она въ современной дѣйствительности.

Ей начинаетъ измѣнять даже природа.

— Посмотрите, — докладываетъ одинъ помѣщикъ этого края дворянскому собранію,—что представляетъ теперь изъ себя наша деревня, которая, всего тридцать лѣтъ тому назадъ, щеголяла своими просторными избами, хорошими дворами, рослыми лошадьми и обиліемъ немолоченныхъ скирдъ стараго хлѣба. Теперь въ деревнѣ развалившіяся и подпертыя избы, раскрытые дворья, множество келій безъ всякихъ дворовъ; низкорослыя, заморенныя и недоразвитыя отъ безкормицы лошади; едва передвигающія ноги коровы, похожія болѣе на годовыхъ телятъ, чѣмъ на дойныхъ коровъ. Количество скота все убываетъ. Уже теперь есть цѣлыя волости, гдѣ въ селеніяхъ насчитывается болѣе половины безлошадныхъ дворовъ. На гумнахъ исчезли копны стараго хлѣба. Всюду полное оскудѣніе.

Въ шестидесятыхъ годахъ—вспоминаетъ тотъ же докладчикъ—„масса свѣжихъ, чистыхъ, прозрачныхъ ключей, рѣкъ, озеръ всюду окружала наши селенія. На всѣхъ рѣкахъ и даже ручьяхъ, зиму и лѣто, работали десятки водяныхъ мельницъ. Берега рѣкъ, по всему теченію, были густо покрыты вязникомъ, ракитникомъ, душистой черемухой, шиповникомъ, калиной и другими многочисленными русскими кустарниками. По этимъ зарослямъ струились рѣки, не размывая и не углубляя своихъ ложъ. Крутые склоны, овраги были всюду покрыты лѣсной поросью. Гребни горъ представляли живописные виды подъ покровомъ зеленѣющихъ и синѣющихъ лѣсовъ. Прелестныя березовыя и дубовыя рощи, осиновые колки и разныя заросли пересѣкали по всѣмъ направленіямъ наши пахатныя поля. Лѣса, скоплявшіе массу снѣга, способствовали сохраненію почвенной влаги, охраняли ключи, пруды и рѣки отъ засоренія, удлиняли продолжительность и уменьшали размѣры весеннихъ водополей. Накопляющаяся въ рыхлой лѣсной почвѣ въ обиліи снѣговая

вода, стекая медленно и постепенно по непроницаемымъ подпочвеннымъ слоямъ, круглый годъ питала ключи, рѣки и озера. Эти самые рѣчные бассейны съ ихъ густыми береговыми зарослями, разбросанные по по всѣмъ направленіямъ рощи и лѣса, обросшіе чальникомъ и всегда дышащіе сыростью оврага, въ продолженіи всей весны доставлили массу влаги въ окружающую насъ атмосферу. Благодаря этомъ мѣстнымъ парообразователямъ наши нивы пользовались, весною, почти ежедневными росами и частыми небольшими перемочками въ самое необходимое вегетаціонное время, что, при обиліи почвеной влаги, было для нихъ вполнѣ достаточно... Вспоминая все видѣнное прежде“—горько сѣтуетъ все тотъ-же симбирскій дворянинъ—„и сравнивая съ тѣмъ, что можетъ видѣть теперь каждый изъ насъ, сердце обливается кровью и становится жутко,—до того сильно измѣнилась картина нашихъ селъ, деревень и окружающихъ полей“.

„Поля наши теперь всюду представляютъ однообразное и унылое зрѣлище: куда ни взглянешь, всюду однѣ только распаханныя земли да зіяющіе, по всѣмъ направленіямъ, обнаженные овраги и нигдѣ ни одного деревца, ни одного кустика. Кое-гдѣ уцѣлѣвшіе лѣса имѣютъ жалкій болѣзненный видъ, нѣтъ прежней роскошной кроны, нѣтъ прежней прохлады въ лѣсахъ; на деревьяхъ всюду тощій, мелкій листъ; на каждомъ шагу встрѣчаются десятки полувысохшихъ деревьевъ. На высокихъ же гривахъ, при внимательномъ осмотрѣ, вы поражаетесь картиною огульнаго высыханія лѣса на корню. Рѣки всюду загрязнены до невозможности и протекаютъ по глубокимъ ложамъ среди сыпучихъ песчаныхъ береговъ. Лѣтомъ, въ засуху, большія рѣки сильно мелѣютъ, а мелкія совсѣмъ пересыхаютъ. Водяныя мельницы все болѣе и болѣе замѣняются вѣтрянками. Колодцы высыхаютъ начисто. (Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ уже теперь приходится ѣздить за водою за

цѣлыя версты). Озера и ручьи исчезаютъ. Грунтовыя воды, годъ отъ года, все понижаются. Выѣзжая весною въ поле, вы уже не испытываете того неподдающагося описанію наслажденія природою, какое вы ощущали прежде. Съ одной стороны, дымятся (при небольшемъ даже вѣтрѣ) высохшіе пески, отложившіеся по берегамъ рѣкъ во время весенняго половодья. Съ другой, дымятся такіе же пески на гребняхъ горъ послѣ вырубленныхъ лѣсовъ. Въ воздухѣ носятся всегда цѣлыя массы пыли. То увлажняющее дѣйствіе, которое ранѣе оказывали лѣса, береговыя заросли, многочисленные водоемы и поросшіе лѣсомъ овраги, замѣнилось нынѣ изсушающимъ дѣйствіемъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разрастающихся песковъ. Вѣтры, не встрѣчая на своемъ пути никакихъ преградъ, дуютъ, не переставая, все лѣтнее время, начиная съ ранней весны, превращаясь то и дѣло въ пыльные ураганы, которые иногда бываютъ до того стремительны, что цѣлыя десятины легкой почвы съ задѣланными уже сѣменами уносятся въ пространство".

Такова, по мнѣнію консервативно и даже реакціонно настроеннаго помѣщика-администратора, картина ухудшенія естественно-климатическихъ условій края.

Измѣняется природа — измѣняются и люди. „Отъ продолжительнаго плохаго питанія нашъ крестьянинъ сталъ—по мнѣнію того же лица—вялъ, лѣнивъ и апатиченъ. Бодрый и привѣтливый видъ населенія смѣнился унылымъ и недружелюбнымъ. Ради сокращенія топлива двѣ-три крестьянскихъ семьи зачастую скучиваются нынѣ, на всю зиму, въ одну избу и такія избы, зимою, скорѣе напоминаютъ (по своему испорченному воздуху) скотскіе хлѣвы, чѣмъ жилыя людскія помѣщенія. Болѣзни съ каждымъ годомъ увеличиваются. Мы тратимъ огромныя деньги на медицину, не подозрѣвая, что при плохихъ гигіеническихъ условіяхъ, при спертомъ воздухѣ, при плохомъ питаніи и испорченной водѣ, ме-

дицина совершенно безсильна... Замѣчается постепенное вырожденіе деревенскаго населенія, что̀ наглядно выражается въ его, по сравненію съ прежнимъ, тѣлосложеніи, силѣ и красотѣ“.

Противъ физическаго вырожденія, разумѣется, почти ничего не дѣлалось. Еще меньше дѣлалось противъ народной темноты. Земства Симбирской губерніи чисто дворянскія земства и постановка медицинской части у нихъ и особенно народнаго образованія, вопреки приведенному мнѣнію, очень неважная.

А между тѣмъ, значительная часть мѣстъ, охваченныхъ недородомъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, населеніе которыхъ съ испоконъ вѣку, кажется, больше всего страдало отъ своего невѣжества. Еще недавно оно бунтовало по случаю переписи и волновалось отъ того, что, по распоряженію администраціи, у селеній ставили столбы, съ крестообразно прибитой дощечкой, указывающей путь къ сосѣднему селенію. Татарское населеніе принимало эти столбы за кресты и увѣряло, что постановка ихъ влечетъ за собой перемѣну религіи. Оно предпочитало умирать съ голоду, но не ѣсть въ столовыхъ, имѣющихъ на своихъ стѣнахъ знакъ Краснаго Креста. Оно отказывалось иногда отъ общественныхъ работъ потому, что своекорыстные или невѣжественные люди увѣряли его, что работы отъ антихриста, который платой заманиваетъ населеніе въ свои сѣти. Въ татарскихъ селеніяхъ муллы и мѣстные кулаки умышленно скрывали отъ народа о существованіи помощи отъ земства и „Краснаго Креста“ или увѣряли его, что помощь эта дорого обойдется ему. Они желали оставаться единственными „благодѣтелями“ народа, получающаго у нихъ и ссуды, и помощь, но... цѣной тяжкой кабалы... О какой же высшей земледѣльческой культурѣ можно говорить при такихъ условіяхъ?! Какую улучшенную технику производства можно предлагать населенію?!

Правда, русское населеніе, какъ я уже сказалъ,

толковѣе татарскаго, но безъ образованія, какъ и безъ земли—этого источника его существованія, и ему трудно выбиться на болѣе широкую дорогу. Въ глухихъ дебряхъ Поволжья міровоззрѣніе крестьянъ нерѣдко заключено въ узкія рамки сельской и волостной жизни, съ ихъ тяжелыми нуждами, съ господствомъ кулака, а иногда и любого проходимца. Тяжелый гнетъ экономической неурядицы, податной и частной задолженности, ряда недородовъ и неурожаевъ, — все это сосредоточило самое напряженное вниманіе населенія около затягивающейся вокругъ него петли и гонитъ всякую мысль о чемъ-нибудь другомъ. Чтобы додуматься до какого нибудь улучшенія въ хозяйствѣ, нужна, прежде всего, земля, въ достаточномъ для хозяйства размѣрѣ, нужно свободное время, нужно отсутствіе гнетущей заботы и спокойствіе духа. Чтобы придумать, чѣмъ заняться и гдѣ искать работы, нужно знать, гдѣ что требуется, гдѣ какой спросъ, гдѣ какой рынокъ. А откуда взять эти знанія мужику какого-нибудь медвѣжьяго угла, вродѣ Малмыжскихъ, Яранскихъ, Курмышскихъ, Буинскихъ и другихъ подобныхъ селъ и деревень? И вотъ, если онъ и идетъ на заработки, то совершенно наугадъ, совсѣмъ не представляя себѣ, гдѣ та самая Самара, въ которой иногда можно заработать, какія въ ней теперь цѣны и есть ли даже работа? Сколько силъ, здоровья и жизней тратится въ этихъ хожденіяхъ наугадъ, сколько неудачъ и лишеній приносятъ они. Сколько сохранялось бы рабочей энергіи, если бы населеніе знало, куда ему идти, къ кому обратиться, гдѣ чему научиться, гдѣ чего искать, насколько выгоднѣе и производительнѣе могло-бы устроить оно свое хозяйство, если бы у него было достаточно земли, если бы ему дали общія и спеціальныя знанія и противопоставили бы темной силѣ, запугивающей крѣпостнымъ правомъ и антихристомъ, свѣтъ образованія и просвѣщенія. Безъ земли, безъ знанія и безъ цѣлаго ряда дру-

*

гихъ мѣръ, населенію трудно улучшить хозяйство, трудно выбиться изъ кабалы, въ которую оно попало въ послѣднее время, трудно стать на собственныя ноги.

Полное невѣжество и связанная съ нимъ неподвижность ума, незнаніе окружающаго, даже ближайшихъ общественныхъ учрежденій,—все это создаетъ едва преодолимыя препятствія къ трудовой жизни населенія. Но они еще болѣе усиливаются вслѣдствіе такого положенія крестьянскаго населенія, при которомъ, во многихъ случаяхъ, ему не къ кому обратиться въ самыхъ вопіющихъ своихъ экономическихъ нуждахъ. Можетъ быть, наемъ рабочихъ зимой на лѣтнія работы, почти что по зимнимъ цѣнамъ, и не составляетъ дѣянія преступнаго съ точки зрѣнія юридической, но, предоставляя возможность сильному „нажить“ на счетъ слабаго не меньше 100%, онъ возмущаетъ нравственное чувство. Между тѣмъ, противъ него крестьянинъ безсиленъ. Если онъ пожалуется начальству, то почти навѣрно проиграетъ дѣло и прежде всего потому, что подобное дѣяніе не наказуемо. Также онъ беззащитенъ и во всѣхъ своихъ арендныхъ договорахъ. Эти послѣдніе разсматриваются съ юридической точки зрѣнія, какъ актъ взаимнаго и добровольнаго соглашенія, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности „добровольное соглашеніе“, вслѣдствіе недостатка и земли и заработка, превращается въ неизбѣжное для крестьянина и въ весьма желательное для владѣльца земли. На почвѣ противоположности интересовъ послѣдняго съ первымъ возникло и то неестественное положеніе, которое въ крайныхъ проявленіяхъ выражается въ полномъ разрывѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ частновладѣльческихъ экономій съ мѣстными крестьянами. По отзывамъ знающихъ лицъ, кое-гдѣ управляющимъ имѣніями такой разрывъ вмѣняется ихъ хозяевами, въ нѣкоторомъ родѣ, въ обязанность и служитъ испытаніемъ преданности управляющаго хозяйскимъ интересамъ. Въ этихъ раз-

рывахъ крестьяне всегда остаются въ проигрышѣ и едва ли во многихъ случаяхъ могутъ найти себѣ защиту, такъ какъ культурные слои, которые могли бы оказать имъ помощь, въ силу своихъ групповыхъ интересовъ, рѣдко бываютъ на ихъ сторонѣ.

Обсчеты, обмѣры, обвѣсы, вовлеченіе въ невыгодныя сдѣлки, обманы, ростовщичество, лихоимство и пр. и пр. — все это въ широкой мѣрѣ свойственно нашей деревнѣ, не вооруженной ни правами, ни знаніями, ни средствами для того, чтобы противостоять имъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣющей ни юридической опоры, ни близкаго безпристрастнаго, внѣ групповыхъ интересовъ, органа защиты.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи не даромъ Симбирская губеррія была родиной земскихъ начальниковъ. Вѣдь, печальной извѣстности иниціаторъ этого института — Пазухинъ — симбирскій помѣщикъ и притомъ, по характеру своего отношенія къ населенію,— типичный симбирскій помѣщикъ.

Вся совокупность явленій, отмѣченныхъ выше лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ, порождаетъ такую бѣдность и безпомощность деревни, которыя, въ свою очередь, дѣлаютъ крайне затруднительными всякія попытки улучшенія быта населенія. Общая картина этой бѣдности, особенно въ тяжелую годину неурожая, просто поразительна.

Подъ вліяніемъ усиленнаго развитія этой бѣдности, современная деревня „неурожайныхъ мѣстъ“ перестала быть однородной. Въ ней нельзя не видѣть болѣе или менѣе рѣзкаго дѣленія крестьянъ по ихъ благосостоянію на нѣсколько группъ, изъ которыхъ средняя еще недавно была преобладающей и количественно, и по своему вліянію на общественныя дѣла. Теперь положеніе этой группы существенно измѣнилось. Оффиціальныя свѣдѣнія по одному изъ земскихъ участковъ, пострадавшему отъ неурожая, очень ярко иллюстри-

руютъ ослабѣвающую силу этой группы крестьянскаго населенія. Въ деревнѣ Н. этого участка въ 1889 году 135 домохозяевъ имѣли 193 лошади и 133 головы рогатаго скота; теперь у нихъ осталось 95 лошадей и 79 головъ рогатаго скота. Десять лѣтъ тому назадъ безлошадныхъ было нѣсколько человѣкъ; теперь ихъ 55, но зато 10 домохозяевъ сдѣлались многолошадными, однолошадные же сократились почти наполовину общаго количества домохозяевъ,—ихъ насчитываютъ 76. Чуть не двѣ трети дворовъ не имѣютъ мелкаго скота, а около половины (60 дворовъ) не имѣютъ и крупнаго рогатаго. Село К. имѣло десять лѣтъ тому назадъ 180 дворовъ съ 295 лошадьми и 287 головами рогатаго скота; теперь въ немъ 204 двора, но лошадей 169, а рогатаго скота 161 голова; многолошадныхъ 33 двора, безлошадныхъ 75, а однолошадныхъ меньше половины—82. Въ деревнѣ У. изъ 75 домохозяевъ безлошадныхъ 42, а однолошадныхъ 26 и т. д. Всѣ эти цифры взяты не по выбору, а наудачу изъ ряда селеній, заполняющихъ мои списки.

Непосредственныя деревенскія впечатлѣнія.

(Письмо 2-ое).

Я пріѣхалъ „на голодъ“ не одинъ, а съ нѣсколькими товарищами-сотрудниками. Мы начинали съ того, что собирали преимущественно оффиціальныя и земскія свѣдѣнія въ городахъ, а потомъ уже получали ихъ непосредственно въ деревняхъ, на самой нашей работѣ. Всѣ мы пришли къ убѣжденію, что на первыхъ впечатлѣніяхъ и на спѣшно собранныхъ свѣдѣніяхъ нельзя успокоиться. Нужно попытаться заглянуть въ деревню поглубже, подойти къ ней поближе и стать, что называется, вплотную къ населенію.

Въ маѣ мѣсяцѣ поволжская деревня сохраняла съ виду свой обычный, такъ сказать, заурядный видъ. Избы и надворныя постройки въ большинствѣ случаевъ выглядѣли такъ же, какъ и въ урожайные годы, и только большихъ плѣшинъ на крышахъ, не закрытыхъ соломой, больше обыкновеннаго. На выгонахъ стояли остатки стадъ, но для проѣзжаго человѣка, разумѣется, незамѣтно—стада ли это или только жалкіе ихъ остатки, а потому и они ничего не говорили о нуждѣ. Весенніе праздники давали даже противоположное впечатлѣніе. Группы разодѣтыхъ въ яркіе красные и синіе сарафаны дѣвушекъ оживленно и весело спускались съ пригорка къ ближайшему лѣсу и живописно располагались у его свѣтло-зеленой опушки. Чувствовалось радостное

праздничное настроеніе и юношеская бодрость вступавшей въ свои права весны. Гдѣ же тутъ голодъ, болѣзнь, смерть, несчастье? А они дѣйствительно гнѣздятся здѣсь же и дѣйствительно придавили населеніе. Веселится только часть его, да и то относительно небольшая часть; большинству же далеко не до веселья.

Въ томъ же селеніи У., гдѣ я видѣлъ мелькомъ наиболѣе праздничное настроеніе, на его окраинѣ пріютилась, съ виду уютная, опрятная земская больничка. Она расчитана на 25 больныхъ. Но теперь въ ней лежитъ 175 цынготныхъ.

Всѣ служащіе больницы сбились въ квартиру доктора и освободили свои помѣщенія для больныхъ. Но и при этомъ условіи, мѣстъ не хватаетъ. Больные лежатъ на полу между кроватями, въ палаткахъ, лежатъ въ корридорахъ, на крытой верандѣ, въ запасныхъ комнатахъ, словомъ, вездѣ, гдѣ можно. Въ иныхъ мѣстахъ между больными трудно пройти. Воздухъ, несмотря на открытыя окна, тяжелый и даже зловонный. Изстрадавшіяся лица больныхъ цынгой, иногда съ воспаленными глазами, гноящійся ротъ, почернѣвшія отъ кровоподтековъ ноги и руки—производятъ гнетущее, удручающее впечатлѣніе. Работать цынготные, даже съ легкими формами болѣзни, совершенно не могутъ, а когда болѣзнь разовьется, она превращаетъ людей въ калѣкъ. Вотъ, примѣръ такого человѣка. Крупный, повидимому, нѣкогда сильный, съ большимъ туловищемъ мужчина лежитъ теперь прикованный къ постели. Мускулы рукъ и ногъ его до чрезвычайности уменьшились въ объемѣ, атрофировались. Нижнія конечности имѣютъ видъ тонкихъ палокъ съ безобразнымъ утолщеніемъ посрединѣ, т. е. въ колѣняхъ; онѣ не въ силахъ поддерживать тѣла, и больному предстоятъ костыли. Но и это только въ лучшемъ случаѣ, т. е. если въ рукахъ, въ свою очередь, высохшихъ и тоже представляющихъ „кожу да кости“, останется достаточно силы, чтобы

опираться на костыли и владѣть ими. Въ противномъ случаѣ, бѣдный человѣкъ до конца жизни будетъ прикованъ къ одному мѣсту. Тоже угрожаетъ и другимъ, пораженнымъ тяжелыми формами цынги и остающимся безъ врачебной помощи. А помощь эта самая несложная и простая: хорошее питаніе, массажъ и ванны. Обыкновенно трехъ дней такого леченія достаточно, чтобы положеніе больныхъ улучшилось. Три дня подкормиться — и картина болѣзни мѣняется, передъ больнымъ мелькаетъ надежда выздоровленія и онъ замѣтно оживляется, ободряется. Однако, до полнаго выздоровленія, при которомъ мужику возможно возвратиться къ трудовой жизни, еще далеко: для этого нужно пролежать въ больницѣ, въ среднемъ, недѣль шесть. И вотъ, сколько больныхъ цынгой отбудетъ этотъ шестинедѣльный срокъ въ больницѣ, столько людей вновь станетъ на ноги, вновь пойдетъ по хозяйству. Многіе врачи хорошо это сознавали въ текущую весну и напрягали всѣ силы къ тому, чтобы успѣть до начала рабочей поры провести черезъ больницы возможно большее количество цынготныхъ. Больницы, такимъ образомъ, являются крупнымъ факторомъ, возстанавливающимъ крестьянскую работоспособность, крестьянское хозяйство и экономическое благосостояніе населенія.

Но, къ несчастью, число больницъ очень и очень невелико.

Я видѣлъ земскіе медицинскіе участки, гдѣ вмѣсто одной больницы открыто уже пять, гдѣ число кроватей съ 20 доведено до 400 и даже болѣе; но оказывается, что и этого мало и даже очень мало, такъ какъ число больныхъ въ такихъ участкахъ составляетъ уже многія тысячи, достигая почти четверти всего населенія. Изъ лично мнѣ извѣстныхъ уѣздовъ, пораженныхъ цынгой, я могу назвать Ставропольскій Самарской губ. и Симбирскій, въ каждомъ изъ которыхъ еще въ апрѣлѣ мѣ-

сяцѣ было зарегистровано по 10 тыс. больныхъ. Затѣмъ идутъ Тетюшскій и Спасскій уѣзды Казанской губ., Буинскій — Симбирской и др. Къ веснѣ нужда чрезвычайно обострилась: послѣднія крохи были съѣдены, послѣдній инвентарь спущенъ, лучшая одеженка заложена, полосы сданы въ аренду, а скотъ распроданъ. Деревня дошла до кульминаціоннаго пункта нужды: продать и заложить нечего, работать нѣтъ силъ, да и платной работы немного. При такихъ условіяхъ немудрено, что цынга разыгралась съ полной силой, съ ужасающей безпощадностью. И было бы ошибочно думать, что число зарегистрованныхъ цынготныхъ выражаетъ дѣйствительное число больныхъ этою болѣзнью. Региструются только больные, которые идутъ въ больницу или въ пріемный покой или которые зовутъ врача на домъ. Когда же нѣкоторые врачи нѣкоторыхъ уѣздовъ предприняли подворный обходъ для полной регистраціи больныхъ и подачи помощи, они сами пришли въ ужасъ отъ размѣровъ болѣзни, которая къ тому же продолжала развиваться и захватывать все новыя и новыя жертвы. Сотни прежде зарегистрованныхъ больныхъ стали превращаться въ тысячи, а цифры, установленныя раньше для цѣлаго уѣзда, были малы для одной—двухъ волостей.

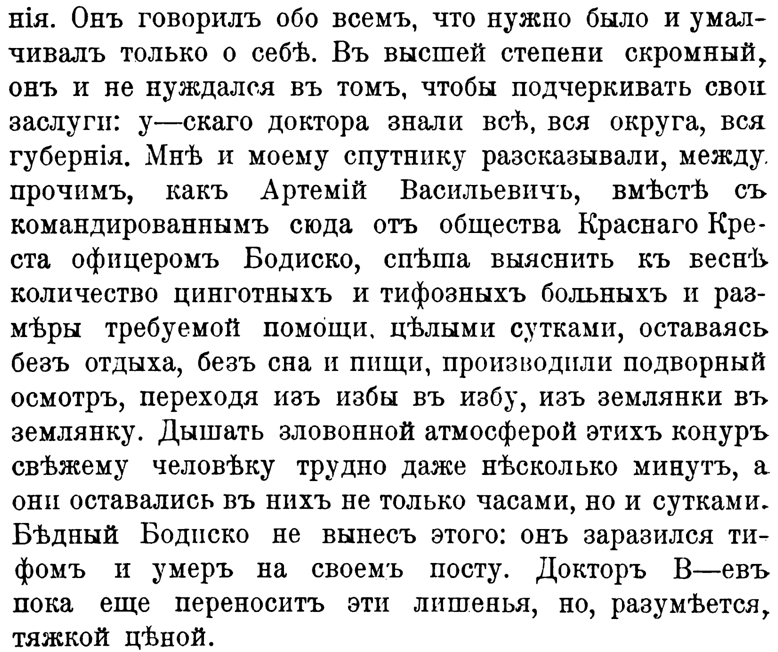
А какіе ужасы нужды обнаружилъ подворный обходъ,—это и передать трудно. Мракъ, сырость и холодъ непривѣтливой избы, удушливая вонь гнойныхъ пораженій человѣческаго тѣла, зловоніе всевозможныхъ выдѣленій людей и животныхъ, грязь, вповалку лежащіе больные, испитыя, истощенныя лица, худенькія, прозрачныя дѣтскія руки, съ тихимъ стономъ протягивающіяся за хлѣбомъ, молящіе взоры взрослыхъ,—все это вмѣстѣ захватываетъ у свѣжаго человѣка дыханіе, сжимаетъ невольно подступающими рыданіями горло и повергаетъ въ такое отчаяніе, въ такую скорбь отъ сознанія собственнаго безсилія, кото-

рыя не поддаются выраженію словами. Безпредѣльность этой нужды и горя нужно видѣть, чтобы затѣмъ никогда, во всю жизнь, не забыть ихъ.

Какимъ, напр., ужасомъ вѣетъ отъ такихъ явленій, созданныхъ этой нуждой, какъ недавно описанная „лежка“, несомнѣнно существующая, хотя и въ разныхъ степеняхъ, во всѣхъ неурожайныхъ мѣстностяхъ. „Это въ своемъ родѣ промыселъ. Наблюдается онъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хроническій недородъ, являясь, обычнымъ результатомъ хозяйственной дѣятельности, нерѣдко обостряется до полнаго неурожая. Естественно, что населеніе, постоянно угрожаемое голодомъ, должно искать какого нибудь выхода изъ такого положенія“. И оно нашло его вч „лежкѣ“. „Лежка“— это форма приспособленія къ минимальнымъ потребностямъ, своеобразные опыты съ отученіемъ человѣка отъ пищи. Лишь только домохозяинъ замѣчаетъ, что хлѣба, при нормальномъ потребленіи, ему не хватитъ до конца года, онъ распоряжается о сокращеніи потребительныхъ нормъ. Но, зная, что въ такомъ случаѣ ему трудно будетъ сохранить свое здоровье, а главное рабочія силы въ ихъ обычномъ объемѣ, онъ погружается въ „лежку“, т. е. по просту говоря, укладывается на печь лежать въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ. Вставая только для того, чтобы съѣсть ломоть хлѣба съ водой или истопить печь, онъ старается, какъ можно меньше двигаться и больше спать. „Въ такомъ состояніи человѣкъ, погруженный въ лежку, дѣйствительно, успѣваетъ, задержать всѣ физіологическіе процессы, сократить обмѣнъ веществъ до minimum'а и поэтому, безъ особаго вреда для себя, уменьшить потребленіе. Не двигаясь, можетъ быть, даже совсѣмъ не думая, человѣкъ, въ теченіе цѣлой зимы, заботится только о томъ, чтобы меньше расходовать тепла въ организмѣ, чтобы меньше ѣсть, меньше пить, меньше двигаться, говорить, однимъ словомъ, меньше жить: этому сокращенію жизни по-

священы всѣ мысли человѣка „въ лежкѣ“. Каждое лишнее движеніе, лишнее поворачиванье шеи, руки, языка должно отозваться на усиленномъ обмѣнѣ, на лишней отдачѣ тепла, а это, въ свою очередь, можетъ вызвать излишній аппетитъ, нарушить ту минимальную норму потребленія, которая одна въ состояніи довести хлѣбные запасы до новаго хлѣба. Поэтому, чтобы меньше ѣсть, нужно меньше двигаться. Даже вовсе перестать двигаться, перестать говорить, если можно, перестать дышать и думать, лучше спать, спать и спать, потому что во снѣ всѣ процессы тоже задерживаются. Въ домѣ воцаряется мракъ и тишина. По разнымъ угламъ, а больше на печкѣ и полатяхъ, кучками и въ одиночку, лежитъ вся семья. Думы всѣхъ поглощены „лежкой“, сокращеніемъ жизни. Нѣсколько разъ на дню и на всю ночь думы эти переходятъ въ сонъ.. Ни звука... Только безпокойный сверчекъ, да легкій храпъ спящихъ нарушаютъ эту замогильную тишину. Наступаетъ полное смѣшеніе дня и ночи... Это и есть лежка, въ которую погружается не одна семья, даже не одно селеніе, а рядъ ихъ, цѣлый уѣздъ, образуя сказочное царство, гдѣ въ теченіе долгой зимы, царитъ непробудный сонъ, гдѣ день превращается въ глухую, безпросвѣтную ночь, укрывающую въ темныхъ лачугахъ сотни тысячъ спящихъ тѣлъ почти безъ признаковъ жизни, гдѣ спитъ все: и звѣри, и люди, и гдѣ рѣчь человѣческая не раздается въ теченіе 4 мѣсяцевъ, замѣняясь повальнымъ соннымъ храпомъ“.

Я и спутникъ мой Л—нъ—молодой, изящный и красивый офицеръ одного изъ гвардейскихъ полковъ—обходили У—скую больницу въ какомъ-то чаду горя и отчаянія. Горѣло лицо, кружилась голова, подкашивались ноги. А нашъ милый, гостепріимный хозяинъ—земскій врачъ Артемій Васильевичъ В—евъ—продолжалъ давать намъ все новыя и новыя объясне-

нія. Онъ говорилъ обо всемъ, что нужно было и умалчивалъ только о себѣ. Въ высшей степени скромный, онъ и не нуждался въ томъ, чтобы подчеркивать свои заслуги: у—скаго доктора знали всѣ, вся округа, вся губернія. Мнѣ и моему спутнику разсказывали, между прочимъ, какъ Артемій Васильевичъ, вмѣстѣ съ командированнымъ сюда отъ общества Краснаго Креста офицеромъ Бодиско, спѣша выяснить къ веснѣ количество цинготныхъ и тифозныхъ больныхъ и размѣры требуемой помощи, цѣлыми сутками, оставаясь безъ отдыха, безъ сна и пищи, производили подворный осмотръ, переходя изъ избы въ избу, изъ землянки въ землянку. Дышать зловонной атмосферой этихъ конуръ свѣжему человѣку трудно даже нѣсколько минутъ, а они оставались въ нихъ не только часами, но и сутками. Бѣдный Бодиско не вынесъ этого: онъ заразился тифомъ и умеръ на своемъ посту. Докторъ В—евъ пока еще переноситъ эти лишенья, но, разумѣется, тяжкой цѣной.

— Вы знаете—говорили намъ его сослуживцы,—онъ спитъ, главнымъ образомъ, въ дорогѣ. Пришлютъ за нимъ подводу къ больному, онъ сядетъ въ телѣгу и спитъ, пока доѣдетъ. Хорошо еще, если ѣхать нужно куда нибудь не въ У., тогда хоть $^1/_2$ часа или часъ соснетъ, а то всего нѣсколько минутъ... Только разломитъ всего... А здѣсь, въ больницѣ, спитъ только, когда съ ногъ свалится.

Но Артемій Васильевичъ не любитъ этихъ разговоровъ.

— У меня организмъ такой... мнѣ много спать не нужно... такъ привыкъ,—скажетъ онъ и постарается перевести разговоръ на другую тему.

—Цыганская кобыла—ворчитъ недовольный сослуживецъ—тоже было совсѣмъ привыкла ничего не ѣсть, да только издохла... Вотъ ужъ цынга у самаго развивается...

И дѣйствительно, у Артемія Васильевича, вслѣдствіе истощенія отъ непомѣрной работы, болѣе недѣли продолжались признаки цынги. Теперь онъ болѣе или менѣе здоровъ и бодръ, но кажется, благодаря, главнымъ образомъ, усиленнымъ пріемамъ кофеина, явленія отравленія которымъ уже обнаруживаются у него. Великій подвигъ въ глуши и безъизвѣстности совершаетъ онъ цѣной своего здоровья и невольно вызываетъ не только изумленіе, но и преклоненіе передъ своимъ самоотверженіемъ и геройствомъ.

Мы уже кончили обходъ больницы и усталые, разбитые отъ всего видѣннаго и слышаннаго, молча пили чай. Съ нами, однако, не было Артемія Васильевича и поручика Л. Я выглянулъ въ окно и увидѣлъ перваго въ сопровожденіи ключника, направляющагося куда-то по хозяйству. Шагахъ въ тридцати за нимъ шелъ Л. Черезъ четверть часа я снова выглянулъ въ окно и снова увидѣлъ куда-то спѣшащаго Артемія Васильевича, а позади , на нѣкоторомъ разстояніи Л. Послѣдній имѣлъ какой-то растерянный видъ и озирался по сторонамъ. Наконецъ, черезъ полъ-часа я увидѣлъ ту же картину. У меня мелькнула мысль, что Л. можетъ мѣшать Артемію Васильевичу, самъ не догадываясь объ этомъ. Я вышелъ на крыльцо и окликнулъ Л. Онъ подошелъ весь красный отъ смущенія и не дожидаясь моего вопроса, быстро заговорилъ:

— Знаете, это выше человѣческихъ силъ... Разсказамъ я не повѣрилъ бы, но я самъ видѣлъ... Знаете,— съ особой рѣшимостью сказалъ онъ, кивнувъ въ сторону удалявшагося Артемія Васильевича—я хотѣлъ, чтобы онъ остался одинъ .. я ходилъ за нимъ, чтобы... чтобы поцѣловать его руку...

И сконфуженный поручикъ убѣжалъ въ свою комнату. Онъ такъ былъ хорошъ въ своемъ признаніи, что его самаго хотѣлось обнять и расцѣловать.

Я и мои товарищи тоже обошли нѣкоторые

дворы въ сел. У. и въ другихъ завѣдомо пострадавшихъ селеніяхъ. Въ тѣхъ же изъ нихъ, которыя пострали меньше, а потому еще не были обслѣдованны, мы дѣлали полный подворный обходъ. Въ одной изъ такихъ деревень, одинъ изъ моихъ товарищей составлялъ поименныя записи. У меня сохранилась, напр., запись о крестьянинѣ Исидорѣ Ивановѣ.

Земство купило ему лошадь. Онъ живетъ въ избѣ, въ которой 3 сажеки длины и 2 ширины. Четверть избы занята развалившейся печью, которая нестерпимо дымитъ. Надворныхъ построекъ никакихъ. Всю лишнюю одежду, самоваръ, двухъ овецъ и коровъ Ивановъ продалъ зимой 1898 г., чтобы имѣть возможность прокормить семью и лошадь. Семья Иванова состоитъ изъ жены и двухъ маленькихъ дѣтей. Жена весной 1899 г., болѣла цынгой. Въ апрѣлѣ 1899 г. у Иванова пала отъ неизвѣстной причины лошадь. Между тѣмъ, Ивановъ съ января 1899 года нанялся въ пожарные сторожа при деревенскомъ обозѣ и по условію при обозѣ долженъ держать лошадь. Апрѣль, май и часть іюня, до покупки лошади, Ивановъ арендовалъ лошадь, чтобы не лишиться заработка въ 60 руб. въ годъ. Ивановъ не единственный въ деревнѣ; наоборотъ, онъ счастливецъ, такъ какъ имѣетъ постоянный доходъ и очень скоро, при помощи пожертвованій и земской поддержки, обзавелся лошадью. Общее же положеніе деревни, въ которой онъ живетъ, обостренное недородомъ, очень печально.

Населеніе ея смѣшанное: 59 чувашскихъ домовъ и 86 татарскихъ. Жителей обоего пола 847 душъ. На 145 дворовъ 194 дес. удобной земли; 70 десятинъ пахотной земли занесено пескомъ. Лѣса нѣтъ. Луговъ лишь 12 десятинъ у татарской половины деревни. Весной нынѣшняго года въ ней болѣло цынгой 190 чел., т. е. болѣе 20% населенія. Въ столовыхъ „Краснаго

Креста“ кормились 416 чел., т. е. почти половина населенія.

Недородъ 1898 г. вызвалъ усиленную распродажу скота въ деревнѣ. Итоги такого вліянія „недорода“ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, составленной на основаніи подворнаго обхода и опроса домохозяевъ деревни.

	Лошадей.	Коровъ.	Овецъ.
Всего въ деревнѣ осенью 1898 г. было	226	234	1,003
Къ 13 іюля 1899 г. осталось . .	145	61	313
Убыло за зиму	81	173	695
Убыль въ процентахъ	35,7%	74%	69%

Комментировать эту таблицу нѣтъ нужды. Изъ 145 дворовъ въ іюнѣ 1899 г. 29 домовъ не имѣли никакого скота, т. е. приблизительно 20% домохозяевъ и 8 домохозяевъ имѣли только корову или овцу.

Въ другой ближайшей деревнѣ живутъ чуваши. Здѣсь убыль скота подъ вліяніемъ недорода 1898 г выразилась въ такихъ цыфрахъ:

	Лошадей.	Коровъ.	Овецъ.
Осенью 1898 г. было	253	269	1.226
Къ 13 іюля 1899 г. осталось . .	188	114	472
Убыло	63	115	754
Убыль въ процентахъ	25%	57%	61%

Такое „таянье“ наиболѣе цѣннаго имущества крестьянъ произошло за одну зиму.

Въ третьей — болѣе благополучной деревнѣ — 970 душъ обоего пола; цынгою хворало 115 чел., т. е. болѣе 10 проц. Домохозяевъ — 167, изъ нихъ 34 домохозяина безлошадныхъ, причемъ 6 дворовъ не имѣютъ даже своихъ избъ. Убыль скота за зиму 1898—1899 гг. въ селеніи выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Лошадей.	Коровъ.	Овецъ.
Осенью 1898 г. было	228	217	1.153
Къ 1 іюля осталось	198	135	745
Убыло	30	82	408
Убыль въ процентахъ	13%	38%	35,3%

Ко всѣмъ бѣдамъ нужно прибавить, что населеніе села—чуваши—сильно болѣетъ трахомой. По крайней мѣрѣ 30% населенія села поражено трахомой съ ея послѣдствіями, и нѣкоторая часть больныхъ находится на пути къ слѣпотѣ.

Нищета, до которой доходятъ иные „жители“ современной деревни, принимаетъ прямо ужасныя формы. Въ татарской деревнѣ Л., татаринъ Низамтинъ Эдегемовъ дошелъ до того, что съ тремя довольно взрослыми дѣтьми жилъ, за неимѣніемъ дома, въ ямѣ, вырытой въ землѣ и прикрытой сверху навѣсомъ отъ дождя. Свѣтъ въ это жилье попадалъ лишь черезъ двери и то тогда, когда кто-нибудь входилъ. Единственное имущество этого домохозяина—котелъ, гдѣ онъ варитъ свой чай. Вся семья оборвана до послѣдней степени, и чѣмъ онъ живетъ и питается зиму,—вѣдаетъ одинъ Аллахъ. Въ нынѣшнемъ году Эдегемовъ посѣялъ десятину гороха. На этотъ горохъ вся его надежда. Между тѣмъ, прежде онъ не такъ бѣдствовалъ и принадлежалъ къ среднимъ хозяевамъ, еще недавно преобладавшимъ въ деревнѣ и составлявшимъ оплотъ нашей сельской жизни. Теперь этотъ средній мужикъ слабѣетъ и уменьшается количественно.

Какъ совершается этотъ процессъ, можно видѣть изъ предыдущаго; но вотъ еще одинъ интересный примѣръ. Семнадцать домохозяевъ одной изъ пострадавшихъ отъ неурожая деревень, не имѣя лошадей для вспашки 40 десятинъ своей надѣльной земли, вошли въ договоръ съ болѣе зажиточными домохозяевами, по которому послѣдніе обязались вспахать имъ землю за

сумму по 2½ руб. за десятину, т. е. всего за 100 руб. Плату эту можно считать нормальной. Но зажиточные крестьяне, очевидно, не имѣли въ виду ограничиться ею. Они ввели въ договоръ маленькое добавленіе, по которому указанную сумму въ 100 руб. за вспашку безлошадные домохозяева должны были выплатить имъ къ 14 іюня, а если не выплатятъ, то должны отдать имъ ни больше, ни меньше, какъ половину урожая. Въ настоящее время хозяева оцѣниваютъ валовой урожай десятины въ 50 руб., вслѣдствіе чего зажиточные крестьяне должны были получить отъ безлошадныхъ за вспашку по 25 р. съ десятины, или 1.000 р. съ 40 десятинъ. Разсчетъ былъ сдѣланъ очень предусмотрительно, такъ какъ къ 14 іюня безлошадные, разумѣется, оказались не въ силахъ уплатить слѣдуемые съ нихъ 100 руб. Окончательное разореніе ихъ было готово. Къ счастью, случайная помощь стороннихъ лицъ, на этотъ разъ, спасла ихъ. Но это была случайная и сторонняя помощь. Обыкновенно такихъ крестьянъ ничто не спасаетъ: они переходятъ въ разрядъ безхозяйственныхъ, а на ихъ счетъ обогащается небольшая кучка сельскихъ міроѣдовъ. Голодный годъ неизмѣримо увеличиваетъ число случаевъ такой именно потери хозяйственности. Средній, одно-и—двухлошадный хозяинъ, съ плачемъ и причитаніемъ семьи, продаетъ лошаденку, и неизбѣжно переходитъ въ разрядъ безлошадныхъ и безхозяйственныхъ. Тутъ-то и начинается для него истинное бѣдствіе.

Обыченъ также недостатокъ топлива. Онъ приводитъ къ тому, что двѣ-три семьи, сокращая расходъ его, зачастую скучиваются, какъ я уже говорилъ, „на всю зиму, въ одну избу, и такія избы зимою скорѣе напоминаютъ, по своему испорченному воздуху, скотскіе хлѣвы, чѣмъ жилыя людскія помѣщенія“. Другія семьи переселяются на зиму въ землянки, гдѣ, несомнѣнно, теплѣе, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ трудно про-

жить, не заболѣвъ. И населеніе „неурожайныхъ мѣстъ“ дѣйствительно болѣетъ и усиленно умираетъ. Въ Симбирской, напр., губерніи въ 1898 г. умерло на 10.323 человѣка больше, чѣмъ въ предшествовавшемъ, причемъ особенно увеличилась смертность дѣтей въ возрастѣ до 2-хъ лѣтъ. Но такъ какъ отъ голода, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, у насъ почти не умираютъ, а только усиливается смертность отъ истощенія, вслѣдствіе систематическаго недоѣданія, и, какъ показалъ опытъ 1891—1892 гг., это усиленіе наблюдается главнымъ образомъ въ слѣдующій за неурожайнымъ годъ,—то особаго повышенія смертности нужно ждать въ текущемъ 1899 году.

Наблюденія надъ цынгой не оставляютъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, такъ какъ истощеніе отъ нея не можетъ пройти безслѣдно...

Если положеніе взрослаго населенія неурожайныхъ мѣстъ тяжело и не можетъ не трогать всякаго, близко наблюдающаго его, то положеніе дѣтей тамъ же должно заставить содрогнуться сердце самаго нечувствительнаго человѣка.

Общій видъ дѣтей голодающихъ деревень самый печальный: блѣдныя, исхудалыя, истомленныя, вялыя, съ какой то дѣтской серьезностью, они производятъ самое удручающее впечатлѣніе. Многія изъ нихъ едва прикрыты грязными дырявыми рубашенками, а нѣкоторыя не имѣютъ даже и этихъ послѣднихъ. Особенно тяжело смотрѣть на грудныхъ и близкихъ къ нимъ по возрасту дѣтей, матери которыхъ больны цынгой. Многія изъ такихъ матерей, ложась въ больницу, вынуждены брать съ собой и дѣтей. Эти послѣднія такъ истощены, такъ обезсилены, даже въ томъ случаѣ, если сами не больны, что почти ничѣмъ не проявляютъ обычной дѣтской рѣзвости, живости и подвижности. Съ блѣдными, зеленоватыми личиками, съ тоненькими рученками, прозрачная кожа которыхъ

просвѣчиваетъ, что называется, всѣ жилки, съ потускнѣвшими безучастными глазами, они или спятъ, или тихо, безъ стона сидятъ около матерей.—„Это ангельскія души“,—говорила одна простая женщина, во время осмотра нами земской больницы, переполненной матерями съ такими дѣтьми,—ясно предусматривавшая неизбѣжный, фатальный конецъ этихъ ни въ чемъ неповинныхъ страдальцевъ. Но даже и въ томъ случаѣ, если такихъ дѣтей „отходятъ“, т. е. возвратятъ къ жизни,—какое поколѣніе представятъ они собою?!

Сердце сжимается отъ боли, когда подумаешь объ этомъ! И передъ лицомъ великой народной нужды, какими мелкими и ничтожными кажутся не только личныя дѣла и интересы, но и многіе изъ тѣхъ вопросовъ „государственной важности“, изъ-за которыхъ народъ былъ покинутъ въ его нуждахъ и предоставленъ на разгромъ и разоренье темныхъ силъ.

Самъ народъ несетъ свое великое горе съ тѣмъ исключительнымъ стоицизмомъ, который такъ присущъ русскому народу. Но силы его слабѣютъ. Явленія апатіи, болѣзненнаго безучастія даже къ самому себѣ проявляются все чаще и чаще. Истощенное то хроническимъ надоѣданьемъ, то періодическими голодовками, то болѣзнями, то предъявляемыми къ нему всевозможными непосильными требованіями, населеніе слабѣетъ физически, замираетъ нравственно. Оно даже жалуется уже рѣдко. И только вглядываясь въ лихорадочно блестящіе глаза тифознаго или въ потускнѣвшій взоръ цынготнаго и въ „замирающій“ взглядъ „ангельской души“—ребенка, начинаешь понимать что кроется подъ этимъ давящимъ, какъ кошмаръ, молчаніемъ.

Мало слезъ, а горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная...

А когда я снова пріѣхалъ въ городъ, я увидѣлъ, что онъ попрежнему живетъ своей особой жизнью. Попрежнему суета на пристаняхъ, на вокзалахъ и на улицахъ. Попрежнему гремятъ оркестры и хоры въ зацвѣтающихъ общественныхъ садахъ, рукоплещутъ канканирующей танцовщицѣ и заливаютъ шампанскимъ примадонну. Попрежнему рауты, обѣды, пикники и просто кутежи и попойки.

„Благородные“ работодатели и лѣнивые мужики.

(Письмо 3-ье).

Разговоровъ о голодѣ въ Поволжьѣ немало, но точнаго представленія о силѣ его и размѣрахъ нѣтъ почти ни у кого, не исключая и многихъ официіальныхъ лицъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ дѣлу борьбы съ послѣдствіями неурожая. Общіе факты обычно смѣшиваются такъ называемымъ образованнымъ обществомъ съ единичными, осторожныя обобщенія—съ скороспѣлыми заключеніями. Властьимущіе „чины“ и зажиточная часть населенія не перестаютъ жаловаться на развращающее вліяніе „даровыхъ подачекъ“, въ видѣ хлѣбныхъ ссудъ (которыхъ-де крестьяне не возвращаютъ), роздачи лошадей, благотворительныхъ пособій и т. п., а благородное дворянство, соединившись на этотъ разъ съ мѣстными кулаками, подрядчиками, арендаторами, „управителями“, различными промышленниками и прочими „неблагородными“ „міроѣдскихъ дѣлъ мастерами“, усиленно вопитъ о томъ, что мужикъ облѣнился, пьянствуетъ и не желаетъ работать. И такой удивительный этотъ мужикъ! Ему предлагаютъ самыя льготныя условія работы, даютъ самую высокую рабочую плату, обставляютъ его самымъ прекраснымъ образомъ, а онъ—безчувственный—бѣ-

житъ и отъ работы и отъ „высокихъ“ заработковъ и отъ „прекрасныхъ“ условій труда!

— Ну, и народецъ!—возмущаются благородные и неблагородные по крови, но очевидно „благородные“ по духу, работодатели неурожайныхъ губерній.

Возмущеніе это такъ распространено, такъ охотно воспринимается, что я долженъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Въ подтвержденіе того, что рабочіе не желаютъ работать обычно приводится „множество“ примѣровъ. Тамъ-то и тамъ рабочіе ушли-де съ работы и вообще отказываются приниматься за трудъ, несмотря даже на его выгодность. Въ такомъ-то селеніи, возвратившіеся съ фабрики рабочіе стали требовать себѣ „паекъ“. Имъ, разумѣется, отказали. Но они съ „развязностью“ заявили, что рано или поздно получатъ его, такъ какъ безъ „пайка“ „непремѣнно заболѣютъ“. И дѣйствительно, въ концѣ концовъ, среди нихъ начались заболѣванія цынгой и тифомъ и ихъ пришлось кормить „на казенный счетъ“.

— Кому охота работать,—говорятъ одни, — когда можно прожить и безъ работы.

— Отъ получающихъ даровое пропитаніе—добавляютъ другіе,—нельзя ждать и бережнаго отношенія къ выдаваемымъ пособіямъ.

Въ доказательство разсказываются случаи, когда татары, получивъ продовольственную помощь, будто бы продавали хлѣбъ и на вырученныя деньги покупали въ подарокъ женамъ разныя блестящія побрякушки и бездѣлушки, а затѣмъ опять шли за пособіемъ и благотворительной помощью. Вообще татары, по мнѣнію здѣшнихъ сердцевѣдовъ, какъ и всѣ поволжскіе инородцы, очень падки на ненужные блестящіе предметы, незаботливы, лѣнивы и при всякой возможности уклоняются отъ труда, Русскіе трудолюбивѣе, но и ихъ развращаетъ даровой паекъ и всякія безплатныя подачки.

Характернымъ для поволжскихъ работодателей является высказанное въ печати мнѣніе хотя и донского помѣщика, но ярко рисующее общее настроеніе этого привилегированнаго слоя нашего населенія.

Онъ утверждаетъ, что изъ 24-хъ его рабочихъ восемь ушло отъ него, говоря, что дома ихъ даромъ кормитъ „Красный крестъ". По этому поводу, онъ замѣчаетъ, что „у насъ хозяева лѣтомъ ходятъ въ фуражкахъ, рубашкахъ, кальсонахъ и чирикахъ, а слуги всѣ въ шляпкахъ, бурнусахъ и резиновыхъ калошахъ. Во всей станицѣ ни у кого нѣтъ домашней прислуги. Всѣ, кому *надлежитъ работать* (курсивъ нашъ), бродятъ, просятъ милостыню и развратничаютъ на желѣзной дорогѣ (!). Не имѣю до сихъ поръ и я ни женщины въ домѣ, ни выростка (?!) кучеренка, хотя передъ моими окнами стоитъ толпа ожидающихъ рублевой и полуторарублевой платы, какъ это было въ прошломъ году".

Въ этихъ помѣщичьихъ ламентаціяхъ все замѣчательно: и хозяйскія кальсоны, какъ образецъ добродѣтели, и мужичьи резиновыя калоши, какъ доказательство народной развращенности, и желѣзныя дороги въ качествѣ мѣстъ разврата, и люди, которымъ надлежитъ работать, очевидно противопоставляемые той особой группѣ, которой, повидимому, не надлежитъ работать, и даже жалобы на отсутствіе выростка! Жаль только, что авторъ этихъ сѣтованій не объясняетъ сколько платилъ онъ ушедшимъ рабочимъ при условіи наличности полуторарублеваго поденнаго заработка, въ дѣйствительности совсѣмъ небольшого въ рабочую пору на всемъ югѣ и въ частности на Дону.

Для того, чтобы судить о томъ, насколько голодающее населеніе не желаетъ работать, нужно хотя нѣсколько ознакомиться съ условіями предлагаемой работы, нужно также имѣть въ виду, что часть работы, возлагаемой на него во время наибольшей про-

довольственной нужды, въ это именно время не даетъ ему никакого заработка. Объясняется это установившимися здѣсь, да кажется и повсемѣстно въ Россіи, особыми условіями найма сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

Внѣнадѣльные земледѣльческіе промыслы въ Поволжьѣ состоятъ почти исключительно въ работахъ у частныхъ землевладѣльцевъ, а также на удѣльныхъ и казенныхъ земляхъ. Спѣшность сельскохозяйственныхъ работъ лѣтомъ и подъемъ въ это время цѣнъ на рабочія руки побуждаютъ работодателей обезпечить свои лѣтнія работы необходимымъ количествомъ рукъ еще съ зимы и даже съ осени, въ теченіе которыхъ и производится обыкновенно наемъ на лѣтнія работы. Осенью, пока у крестьянъ есть еще свой хлѣбъ, такой наемъ идетъ туго. Но какъ только хлѣбь подберется, т. е. будетъ съѣденъ или проданъ, что наступаетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ меньше былъ урожай, такъ наемъ на лѣтнія работы начинаетъ идти у работодателей гораздо успѣшнѣе. Производится онъ далеко не всегда за деньги. Крестьяне, нуждаясь въ хлѣбѣ для себя, въ соломѣ и сѣнѣ для скота, въ топливѣ и пр., берутъ все это по извѣстной расцѣнкѣ, обязываясь слѣдуемую съ нихъ сумму уплатить или отработать. А такъ какъ денегъ у нихъ нѣтъ, то отработокъ дѣлается неизбѣжнымъ, причемъ условія этого отработка диктуетъ, разумѣется, работодатель. Не согласиться крестьянину на эти условія нельзя, потому что они вездѣ болѣе или менѣе одинаковы, да къ тому же нужда не ждетъ. Работодатель знаетъ это, а потому ставитъ условія наиболѣе для себя удобныя и выгодныя. Для крестьянъ же такой способъ пользованія ихъ трудомъ сплошь и рядомъ обращается въ прямое разореніе.

Чѣмъ голоднѣй крестьянину, тѣмъ чаще дѣлается онъ жертвой такого найма. Въ сущности, массовое примѣненіе онъ имѣетъ всегда; въ такіе же голодные года,

какъ настоящій, указанный способъ найма является не только преобладающимъ, но и почти единственнымъ. Сколько такихъ наймовъ, договоровъ и обязательствъ заключено прошлой зимой, сколько выдано крестьянами „добровольныхъ“ закрѣпощеній и кабалъ—это и сосчитать трудно. Въ одномъ случаѣ, ради задатка, рабочіе нанимаются по ноябрьскимъ цѣнамъ на апрѣль-майскія работы, причемъ вмѣсто 60—70 к. весенней платы въ день они получаютъ въ ноябрѣ 30 к., и, къ удивленію россійскихъ оптимистовъ, не считаютъ себя облагодѣтельствованными. Въ свою очередь, наниматели, сбавившіе за задатокъ, выданный на 6—7 мѣсяцевъ впередъ всего лишь 100—120% рабочей платы, по благородству своихъ чувствъ, не считаютъ себя кровопійцами, а, напротивъ того, склонны умиляться своей собственной добродѣтелью и „благородствомъ“ своихъ чувствъ. Въ другомъ случаѣ, крестьяне нанялись на двѣ и даже на три уборки хлѣба впередъ и тоже по цѣнамъ почти вдвое меньшимъ противъ обыкновенныхъ. Голодный годъ заставилъ ихъ впередъ проѣсть заработокъ двухъ-трехъ послѣдующихъ лѣтъ. Въ третьемъ, взявъ ссуду у помѣщиковъ, крестьяне обязались отработать въ два раза противъ средней ея стоимости. Въ четвертомъ, пятомъ, шестомъ и многихъ другихъ случаяхъ, чтобы какъ-нибудь пережить голодовку, крестьяне обратились къ тѣмъ же попрекающимъ ихъ лѣнью и бездѣльемъ „благодѣтелямъ“ и заложили или запродали имъ свои посѣвы, отдали въ наемъ надѣлы, отказались отъ части урожая съ нихъ, распродали живой и мертвый инвентарь, одеженку, постройку и т. п.

— Какой онъ хозяинъ—говоритъ о такомъ мужикѣ сельскій кулакъ, взявшій у него за пудъ муки копну хлѣба,—онъ своего соблюсти не умѣетъ... Ему бы все царскій паекъ получать. Одно развратство нонче пошло съ эфтими пайками: никакого отъ мужика уваженія не стало, отъ работы отбились...

Баринъ только чувствительно вторитъ въ такихъ отзывахъ.

А между тѣмъ, въ результатѣ взаимныхъ „уваженій“ вышло, по словамъ какой-то газетки, то, что „между крестьянами и болѣе зажиточными классами населенія сложались... такія отношенія, которыя нельзя иначе назвать, какъ кабальными“. При наличности ихъ, чувства тѣхъ и другихъ другъ къ другу не оставляютъ мѣста никакой неопредѣленности. Раздраженіе съ обѣихъ сторонъ накопилось въ такой мѣрѣ, что самое рѣзкое обнаруживаніе его проявляется все чаще и чаще и притомъ все рѣзче и рѣзче. Рабочіе говорятъ, что у нанимателей „креста нѣтъ“, что они „прижали“ ихъ со всѣхъ сторонъ, что они кровопійцы, міроѣды, грабящіе народъ; а работодатели, въ свою очередь, обвиняютъ рабочихъ въ недобросовѣстности и лѣни и, что называется, „шипятъ“ на нихъ.

Я бывалъ во многихъ мѣстахъ Россіи и всегда приглядывался къ взаимнымъ отношеніямъ между собой деревенскихъ обывателей. Много приходилось видѣть и слышать въ этой области. Но такого озлобленія между помѣщиками и крестьянами, которое наблюдалось мной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Поволжья,— я не встрѣчалъ нигдѣ ни раньше, ни позже. Г.г. помѣщики обладаютъ такимъ лексикономъ россійскихъ ругательствъ по отношенію къ крестьянамъ, который очень плохо гармонируетъ съ „благородствомъ“ ихъ происхожденія. Крестьяне, по этому лексикону,—даже не мужики, а „мужичье“, а затѣмъ: пьяницы, воры, хамы, разбойники, лѣнтяи, мошенники, мерзавцы и т. д., и т. п. Всѣ помыслы этого „мужичья“ направлены къ тому, чтобы такъ или иначе обмануть безкорыстныхъ и благородныхъ помѣщиковъ. Имъ, поэтому, ни въ чемъ нельзя довѣрять; съ ними нужно обращаться какъ съ скотами ,потому что они-де зазнаются и не только ноги на столъ положатъ, но и на шею вамъ сядутъ.

На этомъ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ выросъ и созрѣлъ проектъ объ учрежденіи земскихъ начальниковъ, и недаромъ родиной его считается одна изъ Поволжскихъ губерніей—Симбирская.

Крестьяне, конечно, видятъ и знаютъ такое отношеніе къ себѣ, и это обстоятельство, разумѣется, не способствуютъ ихъ успокоенію, тѣмъ болѣе, что они чувствуютъ себя обиженными помѣщиками и при надѣленіи землей, и въ арендѣ, и на сельскохозяйственныхъ работахъ. Озлобленіе ихъ постоянно растетъ и, разумѣется, принимаетъ время отъ времени уродливыя, дикія формы. Удивляться этому не приходится, такъ какъ и въ относительно культурной помѣщичьей средѣ отношенія эти дики и уродливы. Помѣщикъ не прочь „дать въ зубы“ мужику, отхлестать его нагайкой, а мужикъ, при случаѣ, стащитъ барскую вещь и даже пуститъ краснаго пѣтуха. Скверно и дико съ обѣихъ сторонъ, но не равноцѣнно, ибо то, что болѣе или менѣе простительно не культурному человѣку, то омерзительно въ культурномъ баринѣ. Взаимными упреками и перекорами, впрочемъ, тутъ не поможешь, а помочь крайне необходимо, потому что, если пугачевщина и возможна опять въ Россіи, то, пожалуй, прежде всего здѣсь—въ Поволжьѣ.

Мнѣніе о лѣности мужика и нежеланіи его работать—плодъ тѣхъ же отношеній, приправленныхъ своекорыстіемъ заинтересованныхъ лицъ, т. е. тѣхъ, кто, пользуясь, бѣдственнымъ положеніемъ населенія, не прочь притѣснить его, нанять подешевле и т. п. Но, къ сожалѣнію, это мнѣніе повторяется и людьми безразличными, привыкшими къ осужденіямъ и обобщеніямъ по непровѣреннымъ и неустановленнымъ слухамъ. Разумѣется, въ отдѣльныхъ случаяхъ для такихъ сужденій были и поводы. Ни для кого не тайна, что нѣкоторая часть крестьянскаго населенія, совершенно потерявшая хозяйственность, бѣдствуетъ въ обычные урожай-

ные годы такъ же сильно, какъ бѣдствуетъ средній мужикъ въ голодные годы. Для этого, именно, разряда безхозяйственныхъ крестьянъ формально признанная голодовка лучше обильнаго урожая, такъ какъ положеніе ихъ въ голодовку бываетъ относительно обезпеченнѣе, чѣмъ въ обычное время. О нихъ немножко начинаютъ заботиться, имъ выдаютъ кое-какое продовольствіе, устраиваютъ столовыя и т. п. А такъ какъ большинство такихъ крестьянъ принадлежитъ къ числу лицъ болѣзненныхъ, старыхъ и вообще совсѣмъ неспособныхъ или мало способныхъ къ труду, то естественно, что они и не стремятся къ нему. Въ урожайные годы они бѣдствуютъ и имъ не откуда ждать помощи,—поэтому волей-неволей имъ приходится искать работы, нерѣдко рискуя на ней остатками здоровья. Такимъ крестьянамъ мѣсто въ богадѣльнахъ, въ пріютахъ для малоспособныхъ къ труду и въ тому подобныхъ учрежденіяхъ, и если они не находятся тамъ, то единственно потому, что призрѣніе больныхъ и бѣдныхъ у насъ не устроено. А между тѣмъ, мнѣ лично приходилось наблюдать въ Поволжьѣ случаи, когда отказы отъ работъ такихъ именно „маломочныхъ“ мужиковъ служили поводомъ къ огульному обвиненію крестьянъ въ лѣни и тунеядствѣ. Въ неурожайные годы число такихъ ослабѣвшихъ и физически и нравственно лицъ увеличивается, а потому возможно допустить, что увеличивается и число отказовъ отъ работы. Къ какому труду можно неволить человѣка, когда у него отекли ноги отъ цынги, когда онъ обезсиленъ до того, что не можетъ поднять даже незначительную тяжесть? Нужно знать, какъ живетъ населеніе, чтобы предъявлять къ нему тѣ или другія требованія. А о томъ, какъ живетъ оно въ неурожайные годы, я уже говорилъ. Могу добавить еще къ этому сообщеніе одного офиціальнаго лица. „Тысячи семействъ—пишетъ оно—въ ужасномъ положеніи: живутъ въ нетопленныхъ избахъ, питаются

однимъ хлѣбомъ и водою. Не только кашу и картофель, но даже и капусту, можно встрѣтить въ рѣдкомъ домѣ. Соли нѣтъ; освѣтиться нечѣмъ. Скота не осталось и $^1/_4$ того, что было раньше,—весь съѣденъ или распроданъ за неимѣніемъ кормовъ. Обнищаніе кругомъ полное. Болѣе $^9/_{10}$ населенія питается исключительно однимъ ссуднымъ хлѣбомъ, въ размѣрѣ 35 фунтовъ на ѣдока, котораго на мѣсяцъ, конечно, не хватаетъ. За неимѣніемъ своихъ подсобныхъ кормовъ положеніе многихъ семей въ концѣ зимы стало бы критическимъ, если бы не благотворительная помощь. Число цынготныхъ больныхъ отъ недоѣданія поражающее: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ почти повальное заболѣваніе“.... и т. д. При такомъ положеніи населенія отъ работы можно и бѣжать, но бываетъ положеніе и хуже. Одинъ врачъ на офиціальный къ нему запросъ земскаго начальника такъ описываетъ полуизсохшихъ отъ голода людей. „Они—пишетъ онъ—настолько обезсилены и настолько истощены, что не могутъ ходить, хотя при самомъ тщательномъ изслѣдованіи въ организмѣ не находится никакихъ причинъ, объясняющихъ подобный упадокъ силъ и истощеніе. На первый планъ у нихъ выступаютъ: рѣзкое малокровіе, страшное исхуданіе и упадокъ отправленій всѣхъ органовъ. Подобные больные представляютъ слѣдующую картину: субъектъ очень истощенный, кожа блѣдна, съ грязно-желтоватымъ, отливомъ, суха, морщиниста слегка шелушится, подкожный жировой слой совершенно отсутствуетъ, мышцы дряблы, потеряли свою упругость, языкъ покрытъ бѣловатымъ налетомъ, слизистыя оболочки совершенно блѣдны, рѣчь вяла, мышленіе затруднено, такъ какъ на вопросы больные отвѣчаютъ медленно, видимо затрудняясь уяснить себѣ сущность вопроса; аппетитъ почти отсутствуетъ, животъ сильно втянутъ, стулъ задержанъ. При объективномъ изслѣдованіи, со стороны легкихъ находятся большею частью разсѣянные хрипы, тоны

сердца чисты, но ослаблены, границы печени нѣсколько уменьшены. Температура отъ 35,8 до 36,5° Ц.". Такихъ больныхъ докторъ видѣлъ въ своемъ участкѣ, въ февралѣ мѣсяцѣ, девять человѣкъ, но затѣмъ, говоритъ онъ, „много встрѣчалось больныхъ въ переходныхъ, болѣе легкихъ формахъ. Нѣкоторые же больные представляютъ видоизмѣненія: вмѣсто исхуданія, рѣзко выступаетъ отекъ кожи, въ особенности на ногахъ".

Таковы эти „бездѣльничающіе" работники, норовящіе получить даровой паекъ. Не въ лучшемъ состояніи скотъ, на которомъ они должны работать у частныхъ владѣльцевъ. О томъ, какъ уменьшился этотъ скотъ подъ вліяніемъ неурожая, я уже писалъ. Хотя мои данныя касалась только одной губерніи, но я имѣю достаточно поводовъ думать, что и во всемъ остальномъ голодающемъ Поволжьѣ убыль скота была не меньшей. Въ этомъ меня убѣждаетъ, между прочимъ, и усиленная въ этихъ другихъ губерніяхъ раздача „казенныхъ лошадей", т. е. лошадей, купленныхъ по порученію министерства внутреннихъ дѣлъ гдѣ-то на востокѣ и пригнанныхъ сюда для снабженія ими крестьянъ къ весенней пахотѣ. Что это были за лошади—въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться лично.

Помню, я ѣхалъ раннимъ утромъ на хорошей почтовой тройкѣ. Съ широкаго простора столбовой дороги, окаймленной зеленымъ моремъ озимей, начинавшихъ уже выбрасывать колосъ, открывался еще болѣе широкій видъ на всю округу. Ясное утреннее солнце еще боролось съ ночной прохладой, но уже ярко и привѣтливо освѣщало весь огромный горизонтъ, разстилавшійся передо мною. Слѣва расположилась обширная равнина, замыкавшаяся темной дымкой лѣсовъ, синѣла извилистая рѣка, густо унизанная группами садовъ, избъ и церквей расположившихся по ея теченію селеній, а справа, почти примыкая къ дорогѣ, блисталъ на солнцѣ своей молодой зеленью, обильно орошенной росой, мо-

лодой лѣсъ. Мелькали небольшія стада, слышался неясный шумъ проснувшагося лѣса. Бодро, полной грудью дышалось въ этомъ прохладномъ свѣжемъ воздухѣ, въ этомъ просторѣ русскаго пойзажа, залитаго яснымъ свѣтомъ весенняго солнца. Чувствовался особый приливъ бодрости, энергіи, силы, желанія работать.

— Экая благодать,—говоритъ ямщикъ—погода-то какая, а въ деревнѣ все еще съ посѣвами не справились.

— Отчего же?—любопытствую я.

— Моченьки нѣту,—отвѣчаетъ онъ.—Лошадей, чай, на половину перевели за зиму, да и тѣ, что остались не лучше казенныхъ. Вишь, какія онѣ...

Мы догоняли въ это время группу крестьянъ, ведущихъ мелкихъ, крайне истощенныхъ и буквально еле передвигающихъ ноги лошаденокъ. Я сталъ распрашивать—откуда они и почему лошади ихъ такъ плохи.

Оказалось, что въ казенной партіи въ нѣсколько сотъ головъ, приблизительно только около сотни было недурныхъ лошадей, по крайней мѣрѣ, съ виду. Впрочемъ, и онѣ, какъ степныя лошади, были не приспособлены къ пахотѣ и съ ними пришлось порядочно-таки помучиться, пока онѣ стали пригодны для работы. Остальныя такъ были измучены и истощены многотысячными перегонами, что прежде чѣмъ пустить ихъ въ дѣло, нужно было добрый мѣсяцъ откармливать. Оттого и съ работами, разумѣется, запоздали и весенній посѣвъ не сдѣлали во-время.

Чѣмъ дальше подвигались мы по дорогѣ, тѣмъ чаще встрѣчали то одиночныхъ крестьянъ съ лошадьми, то группы ихъ. Мнѣ объяснили, что лошадей раздавали вчера съ вечера въ дальнія селенія и крестьяне съ утра повели ихъ къ себѣ. Мы пересмотрѣли такъ нѣсколько десятковъ лошадей и не видѣли буквально ни одной хорошей. Онѣ такъ болѣзненно и вяло передвигали ноги,

что, казалось, опирались на своихъ проводниковъ-крестьянъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ лошади пали, не дотащившись до дому и ихъ новые хозяева снимали съ нихъ кожу.

Возвратившись вечеромъ въ городъ, я побывалъ въ спеціально загороженномъ дворѣ для этихъ лошадей. Часть ихъ уже была отдѣлена, такъ какъ оказалась подозрительной по сибирской язвѣ, а часть, еще не разобранная крестьянами, представляла такую, по выраженію ветеринара, „калѣчь", что на нее „едва ли кто можетъ польститься".

Позже оказалось, однако, что и на нее „польстились", несмотря даже на необходимость, хотя и льготно, но все-таки платить за нихъ. Такъ велико было желаніе у крестьянъ „хозяйствовать" съ своей лошадью и имѣть хоть какой-нибудь заработокъ.

Мѣстная администрація, какъ я узналъ потомъ, прекрасно видѣла какими лошадьми надѣляются крестьяне, даже возмущалась этимъ, писала по начальству въ Петербургъ. Но въ Петербургѣ сдѣлали кислую мину и мѣстныя власти попритихли.

Несомнѣнное истощеніе и физическое ослабленіе населенія и часто невозможность работать за отсутствіемъ или истощеніемъ рабочаго скота, казалось бы, должны побуждать къ большей осторожности въ обвиненіяхъ мужика въ лѣни и тунеядствѣ, но къ сожалѣнію, у людей прямо не заинтересованныхъ въ вопросѣ этой-то осторожности и не наблюдается. Заинтересованные же въ немъ и озлобленные прямо клевещутъ, иногда болѣе или менѣе безсознательно, но часто съ полнымъ сознаніемъ своей клеветы. По общему же наблюденію безпристрастныхъ людей,—всѣ крестьяне, рѣшительно всѣ, могущіе работать, ищутъ работы и принимаютъ ее, если только, кромѣ физической способности, является хоть какая-нибудь хозяйственная возможность выполнить работу. Къ сожалѣнію, и это

26

наблюдается далеко не всегда. Работа нерѣдко настолько не выгодна и даже убыточна, что взяться за нее совершенно невозможно. Вотъ нѣсколько обслѣдованныхъ въ поволжскихъ губерніяхъ примѣровъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ однимъ крупнымъ работодателемъ было заявлено, что крестьяне отказываются работать у него на проходныхъ рубкахъ въ лѣсу, потому что издѣльная цѣна въ 1 р. 20 к. яко бы мала. Мѣстная администрація нарядила формальное дознаніе, кокоторое выяснило, что означенная работа требуетъ на значительное время пользованія лошадью для доставки деревъ въ опредѣленное мѣсто. Обезсиленныхъ же лошадей необходимо хорошо кормить и относительно дорого платить за кормъ. Вслѣдствіе такихъ условій работы, оказалось, что отъ означенной платы на рабочаго остается въ день только 10 к. и притомъ на его, рабочаго, харчахъ. Принявъ это въ расчетъ, а равно порчу пилъ, рукавицъ, обуви, армяковъ и т. п., дознаніе установило, что указанная работа прямо убыточна для крестьянъ. Работодатель не согласился съ такимъ выводомъ, и тогда, для провѣрки его, на работу былъ поставленъ извѣстный своей добросовѣстностью и трудолюбіемъ мужикъ съ взрослымъ сыномъ и своей лошадью. Онъ проработалъ 5 дней, кормилъ лошадь только на 30 к. въ день (т. е., по цѣнамъ на кормъ въ голодный годъ, далеко не полно) и заработалъ съ сыномъ по 16 к. въ день на каждаго, при прежнихъ условіяхъ, т. е. на своихъ харчахъ, при порчѣ пилы, рукавицъ и проч.

На другой лѣсной работѣ предполагалось, что крестьяне будутъ зарабатывать 30—45 к. въ день сдѣльно. Имъ поручена была выборочная рубка, при которой деревья валились не сплошь, а только мѣченныя; повалить дерево требовалось такъ, чтобы не сломать и не испортить другихъ деревьевъ, вслѣдствіе чего надъ нѣкоторыми деревьями приходилось возиться по цѣлому дню. Заработокъ въ такихъ случаяхъ неизмѣримо по-

нижался. Удивительной при этомъ оказалась выносливость рабочихъ: чтобы заработать, въ лучшемъ случаѣ 30--45 к. въ день, нужно было въ концѣ марта провозиться цѣлый день въ глубокомъ тающемъ снѣгу, имѣя рваную одеженку и отдыхъ въ землянкѣ, выкопанной тутъ же, въ мерзлой, отсырѣвшей землѣ. Приглашая на эту работу, работодатель весьма осмотрительно предупреждалъ, чтобы пришлые рабочіе не слушали розсказней мѣстныхъ. Часть рабочихъ, дѣйствительно, не слушала и осталась работать, а другая часть ушла. Оставшіеся сознавали, что сильно рисковали своимъ здоровьемъ и говорили, что кое-какъ покормились, но что „на лапти ничего не осталось—все проѣли".

На работахъ по шоссировкѣ дорогъ мѣстами камень настолько крѣпокъ, что послѣ нѣсколькихъ дней разбивки его руки отекаютъ и опухаютъ, тѣмъ не менѣе въ большинствѣ мѣстностей Поволожья недостатка въ рабочихъ и на такую работу не было. Напротивъ того, предложеніе труда нерѣдко превышало спросъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ были жалобы на предпочтеніе якобы крестьянами нищенства заработку.

Нѣкій московскій работодатель сообщалъ, что отъ него рабочіе ушли только потому, что привыкли нищенствовать, и что нищенство въ Москвѣ оказывается выгоднѣе работы. На повѣрку оказалось, что ушли они потому, что получали на своихъ харчахъ двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ, т. е. цѣну въ Москвѣ безусловно низкую. Пошли искать другую работу, о которой слышали; а такъ какъ паспортовъ имъ на руки не выдали, безъ нихъ же никуда на работу не приняли, то пришлось питаться Христовымъ именемъ.

Въ другомъ случаѣ крестьяне отказались принять работу въ самый сѣнокосъ, что̀, разумѣется, вызвало массу нареканій. А работа была такова: требовалось 45 чел. для покоса травы по 1 р. 25 к. за полную обработку десятины луга на хозяйскихъ харчахъ. Въ

дѣйствительности же, меньше двухъ рублей за десятину добровольно никто не косилъ. Одинъ управляющій имѣніемъ предлагалъ за десятину покоса 1 р. 80 к., но десятина оказалась „экономическая“—въ 3.200 кв. саженъ, т. е. соотвѣтствующая $1^1/_3$ настоящихъ десятинъ. Нѣсколько партій рабочихъ, рискуя попасть въ лѣнтяи, отказались отъ уборки хлѣба по 4 р. за десятину въ 60×80 саж., причемъ нѣкоторые изъ нихъ въ тотъ же день нанялись по $6-6^1/_2$ р., а черезъ три дня по 7—8 р. Таковы были дѣйствительныя цѣны въ этомъ году.

А между тѣмъ, извѣстны случаи, когда на жнитво хозяева обезпечили себѣ работниковъ по 3 р. за десятину. Они раздавали осенью и зимой, во время тяжкой нужды народа, деньги и хлѣбъ и въ уплату обезпечивали себѣ по указанной цѣнѣ обработку или взамѣнъ того платежъ 5 р. Какъ на зло, хлѣбъ у всѣхъ поспѣваетъ одновременно, и всякая запоздалая уборкой полоса погибаетъ: если не осыпется, то будетъ забита скотомъ. Передъ крестьяниномъ стоитъ трудно разрѣшимая дилемма: если идти жать къ хозяину, то погибнетъ собственный хлѣбъ, если идти на свою землю, то нужно уплатить за 3 р.—5. При нынѣшнемъ урожаѣ одинъ человѣкъ можетъ убрать десятину только въ 7—8 дней, что дастъ заработка копѣекъ 40. И это въ рабочую пору урожайнаго года! Нѣкоторые крестьяне предлагали тому же хозяину помириться на 4-хъ р., но онъ отказался. Тогда, не рискуя потерять свой урожай—рожь уже начала сыпаться,—они совсѣмъ не пошли къ нему. Еще въ одномъ случаѣ крестьяне зимой согласились принять работу, даже въ то время казавшуюся невыгодной, а именно по 4 р. 50 к. за двѣ десятины. Когда лѣтомъ опредѣлился прекрасный урожай, наниматель не захотѣлъ прибавить, несмотря на то, что уборка каждой десятины доходила до 8 р. Крайне раздраженные крестьяне совсѣмъ не вышли на работу.

Это, разумѣется формально неправильно, но нельзя же отрицать и того, что хозяинъ, болѣе морально чуткій нашелъ бы выходъ, такъ какъ крестьяне пошли бы и на небольшую прибавку.

Таковы бываютъ нерѣдко условія мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ въ Поволжьи, объясняющія, съ одной стороны, поводы къ несправедливымъ упрекамъ рабочимъ въ лѣни и тунеядствѣ, а съ другой,—причины жалобъ рабочихъ на хозяевъ.

Данныхъ объ условіяхъ мѣстныхъ работъ въ промышленныхъ заведеніяхъ у меня немного, но и онѣ нисколько не свидѣтельствуетъ о лѣности крестьянъ и о нежеланіи ихъ работать. Мои данныя говорятъ какъ разъ обратное.

Въ промышленныхъ заведеніяхъ занято въ губерніи сравнительно немного рукъ: всего, по свѣдѣніямъ податныхъ инспекторовъ, тысячъ 18 душъ, зарабатывающихъ въ среднемъ до 100 р. на работника. Это несомнѣнно составляетъ значительную поддержку въ семьѣ, но, очевидно, пользуются ею не многіе. Несомнѣнно также, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне не извлекаютъ всѣхъ тѣхъ выгодъ отъ работъ на фабрикахъ, какія могли бы извлечь. Такъ, напримѣръ, въ одномъ селеніи, гдѣ почти всѣ крестьяне работаютъ на фабрикѣ и нуждаются въ этой работѣ, фабрикантъ, пользуясь этимъ, потребовалъ отъ крестьянскаго общества исправленія водопровода, проходящаго вдоль всей деревни на его усадьбу. Какъ заявили крестьяне, нужды имъ въ исправленіи водопровода никакой нѣтъ: воды имъ хватитъ. Все дѣло въ томъ, что мало воды самому фабриканту, вслѣдствіе чего онъ и вынуждаетъ крестьянъ произвести эту работу. Не достаетъ же у него воды въ усадьбѣ отъ того, что онъ устроилъ въ ней нѣсколько бассейновъ, которые поглощаютъ массы воды. Крестьяне волей-неволей должны согласиться на его требованія. А требованія эти не изъ легкихъ:

онъ предлагаетъ имъ свои услуги для исправленія водопровода, но съ тѣмъ условіемъ, что они уплатятъ ему по 4 р. съ каждой ревизской души, погашая ихъ по зимамъ, путемъ вычета изъ заработка на фабрикѣ. Подвозъ матеріала и работу принимаютъ на себя крестьяне на свой счетъ. Три года тому назадъ ему уже чинили желобъ и уплатили тогда фабриканту 190 р. Когда крестьяне мѣшкали съ приговоромъ, то фабрикантъ уволилъ съ фабрики крестьянъ этого села, послѣ чего они немедленно постановили приговоръ. Несмотря на текстъ уставной грамоты, по которому крестьяне, взявъ на себя обязанность содержать водопроводъ, проходящій по ихъ селу, пользуются правомъ безплатно пускать пасти скотъ на пастбище фабриканта, крестьяне за эту пастьбу жнутъ ему 40 дес. ржи и 5 дес. яровыхъ. Такъ какъ низшая цѣна за жнивье 3 р. съ десятины, то за 45 десятинъ выходитъ 135 р., да привозка въ усадьбу не менѣе рубля съ десятины, а слѣдовательно, крестьяне выплачиваютъ фабриканту за пастьбу скота 180 р. Всѣ эти жертвы приносятся съ единственной цѣлью имѣть заработокъ, имѣть работу.

На устроенныхъ мной и моими товарищами по поѣздкѣ общественныхъ работахъ, мы по возможности, всегда воздерживались назначать рабочую плату по своему усмотрѣнію. Такъ какъ мы предпочитали мелкія работы и при томъ такія, которыя были полезны тому или другому селенію, то нерѣдко и плату мы поручали устанавливать наиболѣе заинтересованному сельскому сходу. Крестьяне цѣнили это и въ большинствѣ случаевъ назначали плату ниже средней. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ они отказывались отъ одной трети и даже половины заработка, въ другихъ настолько понижали его, что, напримѣръ, кубикъ земляныхъ работъ обходился намъ въ 40 к., вмѣсто средней цѣны въ 90 к. и даже въ 1 р. 10 к. И это при страшной нуждѣ и совер-

шенно безъ всякаго давленія на крестьянъ или побужденія ихъ къ уступкамъ въ цѣнѣ. И несмотря на пониженную разцѣнку труда, вслѣдствіе добровольнаго согласія крестьянъ довольствоваться меньшей, противъ обычной, заработной платой,—у насъ буквально не было отбоя отъ рабочихъ. Предложеніе труда всегда значительно превышало спросъ на него. Не рѣдко на наши работы являлось рабочихъ вдвое, втрое и даже въ десять разъ больше, чѣмъ намъ было нужно. Каждому изъ насъ пришлось выслушиваать множество просьбъ крестьянъ о томъ, чтобы мы увеличили и расширили наши работы и чтобы земство усилило свои дорожныя сооруженія. Дѣло доходило до формальныхъ жалобъ на производителей земскихъ работъ за то, что они берутъ мало наемныхъ рабочихъ и не мѣняютъ ихъ время отъ времени. Населеніе прямо завидовало тѣмъ, которые попадали на работу, и не только не избѣгало послѣдней, но напротивъ того всячески ея искало.

Я далеко не исчерпалъ всѣхъ сохранившихся у меня данныхъ, могущихъ служить опроверженіемъ распространеннаго и усердно распространяемаго господами работодателями мнѣнія о лѣни крестьянъ и о нежеланіи ихъ работать. Но думаю, что и преведенныхъ свѣдѣній достаточно, чтобы убѣдить безпристрастнаго читателя въ томъ, что на нашъ народъ возведена настоящая, несомнѣнная, гнусная, а часто и злостная клевета.

Когда у гг. работодателей начинаетъ колебаться подъ ногами почва, когда ихъ барышамъ грозитъ какой либо ущербъ, они не останавливаются ни передъ какими средствами. Въ такихъ случахъ работодательская совѣсть разрѣшаетъ все: и клевету, и ложь, и всякій „подвохъ“, и даже политическій доносъ. Я и мои товарищи-сотрудники испытали это и на себѣ, и все на той же почвѣ обереганія работодательскихъ интересовъ.

Дѣло въ томъ, что одной изъ важнѣйшихъ цѣлей на-

шей поѣздки въ неурожайныя губерніи было, какъ я уже говорилъ, устройство общественныхъ работъ. Какъ только объ этомъ освѣдомилась публика, заинтересованная въ дешевомъ наймѣ рабочихъ, среди нея и ея вольныхъ и невольныхъ приспѣшниковъ сейчасъ же начались толки, что общественныя работы отвлекаютъ крестьянъ отъ полевого труда и поднимаютъ цѣны на рабочія руки. Къ тому же общественныя работы-де легче полевыхъ и крестьяне будутъ предпочитать первыя послѣднимъ. Помѣщики не будутъ располагать достаточнымъ количествомъ рабочихъ, и интересы отечественной сельскохозяйственной промышленности пострадаютъ.

Конечно, въ глубинѣ души, всѣ сознавали, что „отечество“ тутъ не причемъ; но у насъ такъ уже изстари заведено, что личныя выгоды всегда прикрываются отечественными, а отстаиваніе личныхъ интересовъ сплошь и рядомъ переходитъ въ политическое доносительство. При такихъ склонностяхъ „образованнаго“ общества обо мнѣ и моихъ товарищахъ стали распускать самые невѣроятные слухи.

Заѣзжаетъ какъ-то ко мнѣ мѣстный генералъ и „осторожно“ начинаетъ разсказывать, что одинъ изъ моихъ товарищей, во время поздки по уѣзду „позволяетъ себѣ довольно-таки подозрительные разговоры съ крестьянами“.

— Представьте себѣ,—говорилъ онъ—вашъ сотрудникъ вздумалъ подробно разспрашивать Х—скихъ крестьянъ объ ихъ работѣ въ дачахъ удѣльнаго вѣдомства и главнымъ образомъ о томъ, какую получаютъ они тамъ плату. При этомъ онъ нашелъ, что заработокъ ихъ очень малъ и совѣтовалъ имъ требовать прибавки. Съ этимъ требованіемъ онъ имѣлъ безтактность послать рабочихъ къ управляющему дачей, снабдивъ ихъ своей визитной карточкой.

— А въ имѣніи Ш.—продолжалъ генералъ —вашъ

товарищъ счелъ возможнымъ для себя разбирать старый споръ крестьянъ съ владѣльцемъ о починкѣ водопровода и призналъ требованіе крестьянъ справедливыми,—о чемъ и сообщилъ имъ.

Говоря это, генералъ не приминулъ замѣтить, что онъ не сомнѣвается въ добрыхъ намѣреніяхъ моего товарища, но что онъ очевидно молодъ и неопытенъ, что такимъ своимъ поведеніемъ онъ можетъ вызвать „броженіе“ среди крестьянъ и „законное“ неудовольствіе на себя со стороны „гг. землевладѣльцевъ и управляющихъ“, что хотя онъ, генералъ, и готовъ не придавать этому значенія, но что дѣло можетъ получить „дальнѣйшее движеніе“ помимо его воли.

Я поблагодарилъ генерала за предупредительность, и будучи увѣренъ, что все, что онъ наговорилъ мнѣ сплошная клевета, въ свою очередь, предупредилъ его, что вѣроятно и товарищъ мой позаботится о „дальнѣйшемъ движеніи“ этого дѣла.

Конечно, генералу это послѣднее мое замѣчаніе не очень понравилось и онъ сталъ увѣрять меня, что его сообщеніе имѣетъ характеръ „дружескаго предостереженія“, что „дѣло не стоитъ раздувать“ и т. д. Видя, что я не склоненъ проникнуться его краснорѣчіемъ, онъ попытался запугать меня.

— Я противъ огласки этого дѣла и потому еще — заявилъ онъ—что оно можетъ дойти до дворянскаго или земскаго собранія и поднять общій вопросъ о вліяніи общественныхъ работъ на цѣны на рабочія руки. Это было бы невыгодно для вашего дѣла въ краѣ.

— Но дворянскихъ и земскихъ собраній до зимы не будетъ—возражаю я,—и мы успѣемъ къ тому времени окончить наше дѣло. Къ тому же рѣшеніе дворянскаго и земскаго собраній общаго вопроса объ общественныхъ работахъ для меня не обязательно и не важно. Я говорю о возможности вывести на чистую воду сплетню и клевету, которую вамъ передали.

Генералъ морщится и убѣждаетъ меня, что бороться съ дворянствомъ цѣлой губерніи не легко и что онъ передалъ мнѣ эту исторію „по дружескому расположенію“, не имѣя въ виду, что она можетъ вызвать осложненія такого характера.

Я, каюсь, не хотѣлъ предавать дѣло забвенію именно для того, чтобы отбить всякую охоту отъ такихъ поползновеній гг. чиновниковъ и работодателей на будущее время, тѣмъ болѣе, что, какъ я и предполагалъ, мой товарищъ ничего безтактнаго не сдѣлалъ. Онъ, дѣйствительно, ѣздилъ въ указанныхъ мѣстахъ, узнавалъ условія производимыхъ работъ и количество занятыхъ рабочихъ, справедливо считая это необходимымъ для опредѣленія мѣста общественныхъ работъ, размѣра и для составленія предварительныхъ смѣтъ на эти работы. Все это дѣлалось открыто, при многихъ свидѣтеляхъ и дальше указаннаго не шло. Работодатели, боявшіеся повышенія цѣнъ на рабочія руки, подъ вліяніемъ спроса на нихъ на нашихъ работахъ, какъ и слѣдовало ожидать, желали не пустить насъ съ нашими работами въ свою округу, и безсовѣстно налгали и наклеветали на моего товарища, а легкомысленный генералъ повѣрилъ и поспѣшилъ ко мнѣ съ жалобой на моего товарища. Этотъ послѣдній оказался очень горячимъ молодымъ человѣкомъ. Онъ потребовалъ у генерала объясненій и хотѣлъ уже телеграммой вызвать своихъ секундантовъ. Къ счастью, „исторія“ закончилась благополучно, но для насъ она была небезполезна. Открытое „доносительство“ по начальству больше не повторялось, а къ втихомолку распространяемой и скрываемой отъ свѣта клеветѣ „благородныхъ“ работодателей мы относились съ полнымъ презрѣніемъ. Мы, вѣдь, въ этомъ случаѣ не составляли исключенія и были не одиноки—народъ былъ оклеветанъ несравненно больше, неизмѣримо сильнѣй насъ. А на міру, какъ извѣстно, и смерть красна.

О трудовой помощи вообще и о нашемъ планѣ ея въ частности.

(Письмо 4-ое).

Я и мои товарищи поѣхали на голодъ съ спеціальною цѣлью оказывать населенію такъ называемую трудовую помощь.

Терминъ этотъ, какъ извѣстно, заключаетъ въ себѣ два понятія: узкое и распространенное. Въ узкомъ смыслѣ подъ нимъ принято подразумѣвать собственно *предоставленіе работъ*, т. е. организацію для нуждающихся работъ общественныхъ, на дому и въ особыхъ учрежденіяхъ (напримѣръ, въ домахъ трудолюбія), а также пріисканіе работъ и занятій для неимѣющихъ ихъ. Въ смыслѣ же распространенномъ, трудовая помощь объемлетъ *мѣры къ поддержанію и развитію трудовой жизни и дѣятельности* или — что одно и то же — мѣры, устраняющія препятствія къ трудовому существованію отдѣльныхъ лицъ, семей и группъ ихъ. Такими препятствіями могутъ быть не только отсутствіе самой работы, но и разнообразныя причины этого отсутствія, напримѣръ, неумѣнье работать, недостаточность матеріаловъ и орудій труда, а также и многія условія быта—семейнаго, общественнаго и др. Въ этомъ распространенномъ смыслѣ, трудовая помощь представляетъ область очень обширную, но тѣмъ не менѣе

не охватывающую всѣхъ мѣръ борьбы съ бѣдствіями, вызываемыми неурожаями хлѣбовъ и травъ.

Съ другой стороны, трудовая помощь не можетъ быть разсматриваема какъ основа и центральный пунктъ общей соціальной политики, т. е. системы мѣръ, направленныхъ къ улучшенію общественнаго строя въ интересахъ трудового населенія, принимающаго главное участіе въ созданіи національнаго богатства.

Съ этой точки зрѣнія, трудовая помощь не можетъ включать въ кругъ своихъ дѣлъ, напр., общаго разрѣшенія аграрнаго вопроса, хотя правильное, сообразное съ нуждами народа, разрѣшеніе этого вопроса и составляетъ первѣйшую и важнѣйшую потребность страны. Не можетъ она обнимать и податной системы, хотя бы послѣдняя была построена въ интересахъ труда и упадала всей своей тяжестью на такъ называемый избыточный „незаработанный“ доходъ и на богатства, возникшія и возросшія благодаря общественнымъ усиліямъ, росту культуры, увеличенію населенія, улучшенію путей сообщенія и т. п. Такое обложеніе можетъ положить предѣлъ всякой денежной спекуляціи, всякой погонѣ за неограниченными доходами и слѣдовательно можетъ привести къ чрезвычайному повышенію разцѣнки труда и къ такому же увеличенію потребленія трудящимися массами продуктовъ производства. Все это въ интересахъ труда, но это не трудовая помощь. Точно также и вопіющая необходимость улучшенія правового положенія массы не можетъ быть поставлена въ задачу трудовой помощи. Это мѣры общей соціальной политики, мѣры къ измѣненію общаго строя, къ улучшенію положенія всей массы населенія или очень значительной части. Трудовая же помощь объемлетъ мѣры индивидуальной политики, т. е., какъ говоритъ В. Зомбартъ, „мѣропріятія, которыя направлены ко благу отдѣльныхъ лицъ или группъ“, которыя имѣютъ своимъ „объектомъ судьбу отдѣльныхъ... индивидуумовъ“.

Съ этой своей стороны, трудовая помощь — сестра общественнаго призрѣнія, продовольственной помощи и филантропіи, но сестра не родная, а по совмѣстному съ ними жительству, рядомъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, бокъ-о-бокъ. По духу же своему, трудовая помощь неизмѣримо выше этихъ своихъ сестеръ, хотя бы уже потому, что, возстанавливая трудовую дѣятельность, она имѣетъ значеніе мѣръ, предупреждающихъ и предотвращающихъ развитіе бѣдности и является, такимъ образомъ, по-преимуществу средствомъ профилактическимъ. Общественное призрѣніе и большинство видовъ филантропіи своимъ объектомъ имѣютъ по преимуществу нетрудоспособныхъ; они даютъ пріютъ, пропитаніе и кровъ дряхлымъ, больнымъ, калѣкамъ, дѣтямъ и т. п. нуждающимся. Трудовая же помощь примѣняется прежде всего къ трудоспособнымъ съ ближайшей цѣлью поставить ихъ на ноги и вернуть къ самостоятельной трудовой хозяйственной дѣятельности. Затѣмъ, важное преимущество трудовой помощи заключается еще и въ томъ, что нѣкоторыя формы ея служать какъ бы подготовительной, переходной ступенью къ будущимъ высшимъ формамъ производительной дѣятельности народа. Лица и организаціи, создающія различныя учрежденія трудовой помощи, напримѣръ, мастерскія, склады кустарныхъ и др. издѣлій и даже общественныя работы не заинтересованы въ извлеченіи изъ нихъ доходовъ и прибылей; въ этихъ учрежденіяхъ производства какъ бы обобществляются, соціализируются, а потому вся выручка ихъ можетъ идти въ пользу работающихъ, повышая ихъ заработокъ, улучшая ихъ положеніе и даже косвенно вліяя на подъемъ заработной платы внѣ этихъ учрежденій. Наконецъ, въ учрежденіяхъ трудовой помощи примѣнимѣе, чѣмъ въ другихъ учрежденіяхъ, различные виды кооперацін, — что тоже даетъ имъ преимущество въ ряду другихъ отраслей и формъ индивиду-

альной политики. Разумѣется, для такой постановки трудовой помощи нужно немало сознательно и настойчиво поработать, но вступивъ на этотъ путь и послѣдовательно руководствуясь идеей насажденія, въ подготовительныхъ и воспитательныхъ цѣляхъ, учрежденій высшаго экономическаго строя, при посредствѣ трудовой помощи можно достигнуть не малыхъ положительныхъ результатовъ. Конечно, было бы большой ошибкой видѣть въ трудовой помощи важнѣйшій способъ къ разрѣшенію соціальнаго вопроса и въ этомъ смыслѣ возлагать на нее слишкомъ крупныя надежды. Но имѣть въ ней вспомогательное средство къ такому именно разрѣшенію проблемъ новаго строя, путь къ подготовкѣ и воспитанію отдѣльныхъ тружениковъ и группъ ихъ въ духѣ такого строя,—не только можно, но и должно. Въ этомъ смыслѣ трудовая помощь, при дѣятельномъ, сознательномъ и послѣдовательномъ проведеніи высшихъ формъ ея въ жизнь, можетъ сыграть дѣйствительно крупную роль и сослужить несомнѣнно полезную службу.

Отмѣченное выше послѣдовательное развитіе трудовой помощи возможно, разумѣется, по преимуществу, въ условіяхъ обычной, неспѣшной работы. Въ горячкѣ же бѣдствій голода, въ чрезвычайныхъ условіяхъ, имъ вызываемыхъ, такое развитіе ея очень затруднено. Поэтому, когда я долженъ былъ выработать планъ примѣненія трудовой помощи въ нѣкоторыхъ голодающихъ мѣстностяхъ Поволжья, я, разумѣется, не могъ разсчитывать на строгую систематичность его. Тѣмъ не менѣе, руководствуясь добытыми мною и моими товарищами свѣдѣніями о положеніи голодающаго населенія и о важнѣйшихъ его нуждахъ, я попытался намѣтить такой планъ мѣръ трудовой помощи, который хотя бы до нѣкоторой степени удовлетворялъ и требованіямъ послѣдовательности и систематичности.

Прежде всего, мнѣ казалось необходимымъ, въ интересахъ голодающаго населенія, а также и въ видахъ послѣдовательнаго примѣненія трудовой помощи, начать не съ самаго предоставленія нуждающимся заработка, а съ оказанія всяческаго содѣйствія въ самой возможности трудиться, въ тѣхъ, разумѣется, случаяхъ, когда есть работа, а нѣтъ возможности исполнить ее.

Сильно ослабленное физически, плохо одѣтое, занятое домашними дѣлами и лишенное орудій труда и умѣнья, населеніе радо было бы работать, но иной разъ совсѣмъ не можетъ. Его нужно прежде всего накормить, возстановить силы усиленнымъ питаніемъ. Организація учрежденій для послѣдняго будетъ потому вполнѣ соотвѣтствовать въ такихъ случаяхъ самымъ важнымъ цѣлямъ трудовой помощи. Съ этой точки зрѣнія, на отмѣченныхъ въ третьемъ моемъ письмѣ лѣсныхъ работахъ, вполнѣ цѣлесообразной была бы помощь одеждой и орудіями труда (пилами), такъ какъ работать въ рваной одеженкѣ, въ лаптяхъ, при глубокомъ мокромъ снѣгѣ и непогодѣ, оказалось невозможнымъ даже для тѣхъ, кто имѣлъ свою пилу, а для неимѣвшихъ ея—и тѣмъ болѣе. Затѣмъ, въ цѣляхъ устраненія условій, мѣшающихъ принять работу, особенно женщинамъ и матерямъ, не послѣднюю роль могутъ сыграть также и дѣтскія ясли, ясли-пріюты и пріюты. Освобождая матерей отъ ухода за дѣтьми, эти учрежденія позволяютъ имъ оставлять свой домъ и идти на работу за предѣлы села.

Облегчая, въ цѣляхъ увеличенія заработка, возможность трудиться, организаціи трудовой помощи должны облегчать вслѣдъ затѣмъ и самое пріисканіе работъ. Для этой послѣдней цѣли необходимо воспользоваться посредническими по найму рабочихъ конторами и бюро, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ, могли бы служить и рабочими биржами. Эти послѣднія существуютъ въ неорганизованномъ и примитивномъ видѣ почти на всякой

базарной площади. Здѣсь, повсемѣстно встрѣчаются излюбленные рабочими уголки, иногда даже крытые навѣсы, у которыхъ собираются наниматели и нанимаемые, обыкновенно и заключающіе здѣсь, нерѣдко послѣ бурныхъ переговоровъ, договоры о наймѣ—письменные или устные; здѣсь же рабочіе получаютъ и задатки. Если эти самобытныя биржи пріурочить къ посредническимъ по найму рабочихъ конторамъ, если послѣднія снабдить свѣдѣніями о требованіяхъ на рабочія руки на сосѣднихъ и даже болѣе отдаленныхъ рынкахъ, о наемныхъ цѣнахъ тамъ и объ условіяхъ работы, то постепенно можно будетъ установить и правильный отливъ лишнихъ рабочитъ рукъ, и регулированіе цѣнъ на нихъ, и предупредить крайнее обезцѣненіе труда и вовлеченіе въ невыгодныя сдѣлки. Организованныя на такихъ началахъ конторы, разумѣется, не разрѣшаютъ вопроса о невыгодности условій заработка, но, несомнѣнно, въ ряду другихъ мѣръ въ этой области помогутъ населенію.

Неумѣнье работать, въ свою очередь, является нерѣдко препятствіемъ къ самостоятельной трудовой дѣятельности, а потому борьба съ этимъ неумѣньемъ тоже должна составлять задачу трудовой помощи. Въ этихъ цѣляхъ, мѣропріятія къ развитію и распространенію профессіональныхъ умѣній несомнѣнно всегда будутъ представлять крупный отдѣлъ въ ряду мѣръ трудовой помощи. Обыкновенно для развитія профессіональныхъ умѣній рекомендуютъ устройство спеціальныхъ школъ. Однако, организаціи трудовой помощи едва ли могутъ останавливаться на послѣднихъ. Профессіональныя школы существующихъ типовъ обходятся большей частью дорого и потому не могутъ получить широкаго распространенія. Въ виду этого, а также значительности въ нихъ теоретическаго курса, школы эти выпускаютъ сравнительно мало мастеровъ, затрачивая на это много времени и все-таки

не подготовляя практически умѣлыхъ и вполнѣ приспособленныхъ къ своей спеціальности людей. Пользоваться поэтому профессіональными школами въ цѣляхъ оказанія трудовой помощи едва ли цѣлесообразно. Желанныхъ результатовъ гораздо скорѣе можно достигнуть при посредствѣ другихъ учрежденій и преимущественно учебно-практическихъ и показательныхъ мастерскихъ и дополнительныхъ ремесленныхъ и т. п. курсовъ при общеобразовательныхъ народныхъ школахъ или независимо отъ нихъ. Не останавливаясь теперь въ подробностяхъ на типѣ этихъ учрежденій, отмѣчу, однако, что главной цѣлью ихъ должна быть выучка ремеслу или другому профессіональному умѣнью въ обычныхъ условіяхъ промышленной мастерской. Въ этихъ видахъ, общеобразовательный теоретическій курсъ въ учебно-практическихъ мастерскихъ приходится, обыкновенно, сократить и проходить его между дѣломъ, въ часы, свободные отъ занятій ремесломъ. Затѣмъ, въ цѣляхъ распространенія и развитія профессіональныхъ умѣній, могутъ служить демонстративныя выставки, опытныя и показательныя поля и усадьбы, показательныя выставки образцовъ кустарныхъ и ремесленныхъ издѣлій и т. п. учрежденія, а также распространеніе образцовыхъ рисунковъ, чертежей, моделей, усовершенствованныхъ орудій производства и пр. Главное достоинство всѣхъ отмѣченныхъ мѣропріятій по выучкѣ профессіональнымъ умѣніямъ заключается въ ихъ дешевизнѣ, а потому и въ доступности для массы населенія. Сѣть такихъ учрежденій, дѣйствующихъ при томъ быстро и безъ задержки, должна повліять на увеличеніе недостаточнаго теперь числа квалифицированныхъ рабочихъ и поднять ихъ заработки.

Еще болѣе къ той же цѣли приведутъ мѣры, направленныя противъ упадка кустарныхъ промысловъ. Въ числѣ ихъ серьезное значеніе имѣетъ организація для

кустарей облегченныхъ способовъ пріобрѣтенія сырыхъ матеріаловъ производства, или путемъ устройства складовъ для нихъ или коммиссіонными операціями. Практика подобныхъ складовъ и операцій указываетъ на возможность пониженія, при посредствѣ ихъ, стоимости сырыхъ матеріаловъ на 50, а иногда даже и на 100%. Вслѣдствіе этого заработокъ кустарей можетъ быть повышенъ на всю сумму сбереженій, получаемыхъ отъ удешевленія матеріаловъ. Но, кромѣ того, снабженіе послѣдними населенія освобождаетъ его отъ кабалы, въ которой оно находится у продавцевъ сырья, взимающихъ съ него за оказываемый ими кредитъ огромные проценты. При значительномъ спросѣ на сырые матеріалы, организаціи трудовой помощи могутъ учреждать также изъ мелкихъ промышленниковъ различнаго рода потребительные, а равно и производительные союзы: артели, товарищества, общества, кредитныя кассы и т. п. Всѣ, они, несомнѣнно, будутъ способствовать какъ удешевленію предметовъ и матеріаловъ производства, такъ и увеличенію заработка. Не менѣе важной въ тѣхъ же цѣляхъ представляется и организація сбыта, служащаго теперь въ рукахъ мѣстныхъ скупщиковъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ орудій эксплоатаціи. Существующій въ этой области опытъ указываетъ, что выставки издѣлій съ продажей ихъ, пріемомъ заказовъ и пріобрѣтеніемъ ихъ у крупныхъ потребителей могутъ сыграть въ дѣлѣ сбыта издѣлій весьма крупную роль. Очень важное значеніе въ организаціи правильнаго сбыта, какъ и въ снабженіи сырымъ матеріаломъ для производствъ, можетъ пріобрѣсти кредитъ. Во многихъ случаяхъ онъ осуществимъ безъ всякаго риска подъ залогъ доставленныхъ въ складъ или на выставку готовыхъ издѣлій. Удобныя формы кредита примѣняются, между прочимъ, и Пермскимъ кустарнымъ банкомъ.

Все это мѣры подготовляющія къ трудовой дѣятельности, облегчающія трудъ и заработокъ, если онъ есть,

т. е., если есть на чемъ приложить его. Но сплошь и рядомъ приложить его не къ чему: нѣтъ собственныхъ хозяйствъ, на которыхъ можно было бы использовать весь запасъ наличнаго труда, нѣтъ спроса на него и со стороны.

Въ такихъ именно случаяхъ выступаетъ на сцену вторая и при этомъ самая центральная задача трудовой помощи, задача по предоставленію нуждающимся труда и заработка. Въ этихъ цѣляхъ возможно прежде всего предоставленіе работъ на домъ, затѣмъ организація общественныхъ работъ и работъ въ спеціально-устроенныхъ для этого заведеніяхъ.

Важнѣйшее мѣсто въ этой группѣ мѣръ трудовой помощи принадлежитъ общественнымъ работамъ.

Изъ всѣхъ видовъ послѣднихъ наибольшее значеніе имѣютъ работы относительно мелкія, предпринимаемыя на самыхъ мѣстахъ нужды и при томъ всегда, когда возможно, въ интересахъ отдѣльныхъ селеній. Крупныя общественныя работы гораздо труднѣе для выполненія, рискованнѣе, а нерѣдко и менѣе полезны. Судя по опыту общественныхъ работъ прежняго времени и особенно 1892 г. (о которыхъ справедливо установилось очень нелестное мнѣніе), работы эти имѣютъ два существенныхъ недостатка, по которымъ, во 1-хъ, большая часть суммъ, необходимыхъ для нихъ, идетъ не на рабочую плату, а на надзоръ, на матеріалъ и пр., а, во 2-хъ, заработокъ населенія распредѣляется неравномѣрно между нуждающимися въ немъ. При мелкихъ же работахъ населеніе получаетъ троякую помощь: заработкомъ, освобожденіемъ его отъ натуральной повинности и улучшеніемъ или увеличеніемъ какого-либо предмета общаго пользованія (площади культурной земли, дороги, болота, водоемовъ и т. п.). При крупныхъ работахъ освобожденія населенія отъ натуральной повинности почти никогда не наблюдается, да и выгоды отъ такихъ работъ не столь замѣтны. Крестьянамъ,

напр., далеко не всегда приходится пользоваться удобствами желѣзныхъ и шоссированныхъ путей, по которымъ имъ часто нечего бываетъ возить, элеваторовъ, въ которыхъ нечего ссыпать, большихъ мостовъ, нерѣдко объѣзжаемыхъ стороной и т. п. Къ тому же большія работы рискованы, въ смыслѣ ихъ полезности и прочности, опасны для выполненія лицами, не обладающими спеціальными техническими познаніями. и не всегда могущими взвѣсить всѣ мѣстныя условія. Мелкія работы не представляютъ такихъ опасностей и оказываютъ помощь населенію, не отвлекая его на сторону, а помогая ему въ несеніи повинностей. На мѣстныя мелкія работы возможно допускать не все населеніе, а только дѣйствительно нуждающееся, осторожно выбирая его. Въ большихъ работахъ, привлекающихъ крестьянъ изъ десятковъ селеній, такой выборъ гораздо труднѣе, а сплошь и рядомъ даже прямо невозможенъ. Поэтому на крупныя работы и идутъ всѣ желающіе и всѣ болѣе готовые для работы, т. е. имѣющіе платье, обувь, лопату, топоръ и пр. Дѣйствительные же бѣдняки могутъ и не попасть на нее. Въ виду этого, распредѣленіе выгодъ отъ крупныхъ работъ не всегда соотвѣтствуетъ нуждамъ отдѣльныхъ работниковъ, при чемъ жители ближайшихъ селеній къ мѣсту работъ получатъ слишкомъ много, а отдаленныхъ—слишкомъ мало. О другихъ подробностяхъ общественныхъ работъ я еще буду говорить теперь же отмѣчу только, что въ число ихъ необходимо включить и работы по договорамъ съ предпринимателями, если за нихъ берутся цѣлыя сельскія общества, или товарищества, а также и работы съ промышленными цѣлями. Организаціи трудовой помощи могутъ помогать населенію въ пріисканіи работъ перваго и второго рода. Онѣ могутъ организовать артели для вырубки лѣса, для расчистки зарослей, для извоза, для ломки камня и т. д., и т. п. Въ цѣляхъ же промышленныхъ, возможна, напр., покупка лѣса для его раз-

работки и распилки, выдѣлка кирпича, разработка торфа и проч. Для организаціи такихъ работъ нерѣдко бываетъ достаточенъ самый ограниченный и скромный кредитъ.

Важное значеніе въ ряду общественныхъ работъ могутъ имѣть тѣ изъ нихъ, которыя предназначаются для улучшенія естественно климатическихъ условій жизни и трудовой дѣятельности населенія. Борьба съ изсяканіемъ водъ, съ небрежнымъ пользованіемъ ими, засореніемъ ихъ и загрязненіемъ, приводящимъ къ уменьшенію источниковъ, борьба съ безводіемъ и наоборотъ съ обиліемъ влаги, съ болотами и топями, а также съ размывами и оврагами, разрушающими сельскохозяйственныя угодья, борьба съ сыпучими песками и заносами—все это не рѣдко составляло предметъ общественныхъ работъ и цѣликомъ можетъ входить въ систему трудовой помощи. Улучшенія естественно-климатическихъ условій представляется тѣмъ болѣе желательнымъ, что, помимо сельскохозяйственнаго быта населенія, захватываетъ и еще одну обширную область, а именно санитарную. Въ цѣлой массѣ селеній и деревень десятками лѣтъ гнѣздятся самыя различныя заболѣванія, поддерживаемыя, помимо общихъ условій наличностью спеціально антисанитарныхъ причинъ. Плохая питьевая вода, навозная гать, стоячее болото и много другихъ подобныхъ явленій деревенской жизни нерѣдко въ такой мѣрѣ ухудшаютъ общія естественно-климатическія условія, въ такой степени обезсиливаютъ болѣзнями и населеніе, и скотъ, что устраненіе ихъ должно явиться истиннымъ благодѣяніемъ какъ съ общей, такъ и съ чисто-хозяйственной точки зрѣнія.

Особенно же важно, что осушеніе болотъ, орошеніе полей, борьба съ сыпучими песками и оврагами весьма близко затрагиваютъ и такую чрезвычайно важную причину деревенскаго обѣднѣнія, какъ—крестьянское мало-

земелье. Если укрѣпленіе овраговъ лишь предупреждаетъ дальнѣйшую порчу полей, луговъ и лѣсовъ, то осушеніе болотъ, орошеніе полей и прекращеніе движенія сыпучихъ песковъ нерѣдко предоставляетъ населенію совершенно новыя площади земли для эксплоатаціи или возращаетъ ей площади, ранѣе утраченныя. Производство этихъ работъ, а также устройство дамбъ, ограждающихъ поля отъ заноса иломъ и пескомъ во время разлива рѣкъ, цѣлесообразное устройство гатей и плотинъ и много другихъ подобныхъ работъ нерѣдко способны возвратить къ хозяйственно-трудовой дѣятельности цѣлый рядъ селеній, погибающихъ въ нынѣшнихъ аграрныхъ условіяхъ отъ малоземелья. Но въ борьбѣ съ послѣднимъ трудовая помощь не можетъ останавливаться и передъ другими мѣрами, если только по условіямъ дѣятельности онѣ окажутся доступными ей. Въ ея область можетъ входить, при наличности средствъ, и устройство спеціальныхъ фондовъ для покупки земли, и помощь въ доплатахъ крестьянъ-покупщиковъ крестьянскому банку, и содѣйствіе въ пріисканіи свободныхъ для культуры земель, и ходатайства по пріобрѣтенію ихъ передъ крестьянскимъ банкомъ, и поддержка при переселеніи на такія земли, и помощь въ разселеніи крупныхъ поселковъ въ мелкіе [1]). Случаевъ для помощи въ этихъ формахъ встрѣчается очень много, и весь вопросъ сводится лишь къ средствамъ и организаціи.

Помимо общественныхъ работъ, предоставленіе труда и занятій возможно и на дому, особенно тамъ, гдѣ развиты домашніе кустарные промыслы. Здѣсь жела-

[1]) Всѣ эти мѣры проектировались еще въ то время, когда болѣе рѣшительныя мѣры къ разрѣшенію аграрнаго вопроса не были поставлены въ государствѣ съ такой опредѣленностью, какъ теперь. Въ настоящее время онѣ не имѣютъ уже прежняго значенія и должны приспособляться къ вновь создаваемымъ въ области аграрнаго вопроса условіямъ.

тельно заручиться крупными заказами отъ интендантства, отъ земства и т. п. учрежденій. Въ крайности возможны заказы и вообще для рынка, т. е. для вольной продажи изъ складовъ и базаровъ, но такіе заказы, при неопредѣленности покупателя, всегда болѣе или менѣе рискованы.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣленные заказы не могутъ быть выполнены кустарями на дому по неприспособленности ихъ домашней обстановки и примитивности орудій производства. Въ такихъ случаяхъ цѣлесообразно учреждать общія мастерскія и трудовые пункты, т. е. гигіенично устроенныя и хорошо оборудованныя съ технической стороны помѣщенія, въ которыя, какъ на фабрику или въ частную мастерскую, могли бы сходиться работники и работницы для выполненія заказовъ или для работъ на рынокъ. При хорошей постановкѣ и болѣе или менѣе опредѣленныхъ заказахъ, такія общія мастерскія и трудовые пункты могутъ принять формы или артелей и коопераций или общественныхъ мастерскихъ съ обобществленнымъ производствомъ. Этимъ учрежденіямъ трудовой помощи, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ предстоять широкое распространеніе и крупная роль въ интересахъ будущаго.

Устранивъ такимъ образомъ, по мѣрѣ возможности, условія, препятствующія работѣ, подготовивъ къ ней нуждающихся и предоставивъ имъ самую работу, остается еще озаботиться возможнымъ увеличеніемъ заработка работающихъ.

Конечно, въ наше время было бы наивно предполагать, что дѣятели трудовой помощи могутъ по своему произволу увеличивать или уменьшать расцѣнку труда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать, что ихъ дѣятельность останется безъ вліянія въ этой области.

Рабочая плата, какъ извѣстно, опредѣляется прежде всего размѣрами спроса и предложенія. Поэтому возможно ожидать, что съ распространеніемъ и развитіемъ

указанныхъ выше мѣръ трудовой помощи, а также спеціальныхъ умѣній, предложеніе труда найдетъ большое примѣненіе, свободныхъ рукъ станетъ меньше, а потому цѣна на нихъ естественно повысится. Дальнѣйшее уменьшеніе невыгодности заработка должно послѣдовать отъ улучшенія общихъ условій жизни: увеличенія землевладѣнія и производительности сельскаго хозяйства, повышенія общаго и спеціальнаго образованія, установленія надзора за исполненіемъ условій договора со стороны нанимателей, регулированія отлива лишнихъ рабочихъ рукъ и т. д. Совокупность этихъ мѣръ трудовой помощи не можетъ остаться безъ результатовъ, а потому вліяніе ихъ на усиленіе заработка едва ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію.

Въ качествѣ спеціальныхъ мѣръ, ведущихъ, съ одной стороны, къ увеличенію заработковъ, а съ другой, къ уменьшенію расходовъ, служатъ главнымъ образомъ коопераціи и общественно-промышленныя предпріятія, муниципализирующія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, и обобществляющія производства. Важнѣйшее значеніе, разумѣются, имѣютъ всякія производительные артели и ассоціаціи, но нужно сказать правду, что устройство ихъ сопряжено съ наибольшимъ рискомъ и удача ихъ зависитъ отъ многихъ условій и случайностей, предвидѣть и устранить которыя не такъ-то легко. Въ виду этого, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, вѣроятно, практичнѣе было бы начинать не прямо съ производительныхъ кооперацій и артелей, а съ общихъ для опредѣленной группы работниковъ, съ общественныхъ и муниципальныхъ мастерскихъ и трудовыхъ пунктовъ, въ которыхъ въ роли капиталиста-предпринимателя являлись бы или частные общества и кружки, или сельскія общественныя, земскія и городскія управленія или другія подобныя имъ учрежденія. Рабочіе такихъ предпріятій заняли бы первенствующую роль въ управленіи ими не сразу, а постепенно, при

чемъ постепенно и сами предпріятія могли бы переходить къ кооперативнымъ формамъ.

Другіе виды кооперацій—потребительные, кредитные, сырьевые, по сбыту произведеній и т. п., хотя также нелегки въ своемъ осуществленіи, при современныхъ условіяхъ нашей жизни, но во всякомъ случаѣ легче производительныхъ. Онѣ имѣютъ крупное не только экономическое, но и воспитательное значеніе, а потому устройство ихъ очень важно и желательно. Но наряду съ ними могутъ дѣйствовать и не кооперативныя, а общественныя предпріятія съ тѣми же задачами, напр. земскіе и т. п. склады сырыхъ матеріаловъ, такіе же склады и выставки для продажи кустарныхъ, ремесленныхъ и др. издѣлій, учрежденія мелкаго кредита и, между прочимъ, такъ называемыя кассы трудовой помощи и многія другія подобныя же предпріятія и начинанія.

Таковъ, въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ, былъ тотъ планъ трудовой помощи, который я намѣтилъ для осуществленія въ неурожайныхъ губерніяхъ. Конечно, я не надѣялся осуществить его въ полной мѣрѣ и въ широкихъ размѣрахъ. Я зналъ, что для этого въ моемъ распоряженіи не было достаточно средствъ и что самыя условія работы не позволили бы мнѣ полно и широко примѣнить его. Но я не сомнѣвался, что кое что удастся сдѣлать не только для облегченія положенія населенія, но и посѣять хотя бы не многія сѣмена для будущаго. Насколько исполнились такія мои предположенія—я какъ нибудь разскажу послѣ, а теперь мнѣ хотѣлось бы сказать преимущественно о тѣхъ начинаніяхъ моихъ и моихъ товарищей-сотрудниковъ, которыя получили по тѣмъ или другимъ причинамъ наибольшую извѣстность и популярность, независимо отъ того, имѣютъ ли они главное или второстепенное значеніе въ системѣ трудовой помощи. Къ такимъ именно нашимъ начинаніямъ относятся, во 1-хъ,

заботы о дѣтяхъ, и во 2-хъ, общественныя работы. Первыя принадлежатъ къ той группѣ начинаній трудовой помощи, которыя я отнесъ выше къ имѣющимъ подготовительный характеръ; вторыя же—къ начинаніямъ по предоставленію работъ. Изъ третьей группы учрежденій я разскажу о кассахъ трудовой помощи, главнымъ образомъ потому, что кассы эти получили только мѣстную и временную извѣстность, въ широкихъ же кругахъ населенія ихъ знаютъ мало. Къ сожалѣнію, я не имѣю времени и мѣста коснуться многихъ другихъ нашихъ учрежденій и начинаній. А такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ того, чтобы ознакомиться съ ними повнимательнѣе, то я попытаюсь сдѣлать это въ будущемъ, въ особой статьѣ.

Теперь же перехожу къ дѣтскимъ учрежденіямъ.

Заботы о „малыхъ сихъ“.

(Письмо 5-ое).

Когда мы узнали въ У—ской больницѣ о дѣтяхъ, питающихся молокомъ цынготныхъ матерей, когда мы увидѣли этихъ дѣтей—„ангельскихъ душъ“, на истощенныя тѣльца которыхъ буквально страшно было смотрѣть, для насъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что нужно было съ ними дѣлать.

— Питать и питать, прежде всего питать, раньше всего питать,—говорилъ взволнованный и потрясенный всѣмъ видѣннымъ поручикъ Л.

Я, разумѣется, соглашался. Но какъ питать и гдѣ питать?—Это еще нужно было обдумать. Устройство дѣтскихъ столовыхъ не входило въ нашу компетенцію, а сразу устроить ясли не представлялось возможнымъ. О нихъ предварительно нужно было собрать разныя свѣдѣнія и справки. Поэтому, чтобы не сидѣть сложа руки, мы рѣшили по указанію доктора, организовать раздачу дѣтямъ молока. Принялъ это на себя одинъ изъ студентовъ, работавшихъ при больницѣ.

Въ селеніи нашлось нѣсколько крестьянскихъ семей, въ которыхъ не было дѣтей, но отъ голоднаго разгрома уцѣлѣло нѣсколько молочныхъ коровъ. Семьи эти приняли на себя обязательство доставлять молоко въ больницу. Такое же обязательство принялъ на себя одинъ изъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ въ больницѣ сосре-

доточивалось два-три ведра молока въ день. Его кипятили, и утромъ и вечеромъ, а иногда и три раза въ день раздавали матерямъ, приносившимъ дѣтей въ больницу. На каждаго ребенка отпускалось по пузырьку, содержавшему въ себѣ полтора-два стакана молока. Многія дѣти тутъ же, на мѣстѣ раздачи молока, и потребляли его.

Эта простая, доступная и дешевая мѣра очень скоро повліяла на уменьшеніе заболѣваемости и смертности дѣтей. Она была распространена на весь У—скій медицинскій участокъ и перешла въ сосѣдніе участки. Но мы, разумѣется, не могли успокоиться на ней, какъ потому, что она не могла быть мѣрой трудовой помощи, такъ и потому, что полныхъ результатовъ она все-таки не давала: при ней не могло быть организовано и полнаго питанія дѣтей, и правильнаго ухода за ними.

Въ этомъ отношеніи ясли стояли гораздо выше раздачи молока. Разумѣется, въ строгомъ смыслѣ и онѣ, какъ и столовыя для голодающихъ, не могутъ быть причислены къ мѣрамъ трудовой помощи; но все-таки, какъ вспомогательныя учрежденія, онѣ допустимы, особенно въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ распространенъ уходъ женщинъ на такія поденныя работы, какъ полка и окучиваніе корнеплодовъ и т. п. Здѣсь ясли, освобождая женщинъ отъ присмотра за дѣтьми, несомнѣнно предоставляютъ имъ возможность заработка, и съ этой стороны могутъ быть разсматриваемы какъ мѣра трудовой помощи.

Имѣя въ виду, что задачи этой послѣдней стояли у меня и моихъ товарищей на первомъ планѣ, мы условились открывать ясли прежде всего въ тѣхъ нуждающихся въ нихъ селеніяхъ, въ которыхъ распространены женскіе заработки и уходъ женщины на работы изъ дому.

Однако, послѣдовательно проводить это рѣшеніе намъ удавалось далеко не всегда. То не было лица, которое руководило бы яслями, то не было помѣщенія,

то населеніе относилось недружелюбно и проч. Изъ трехъ извѣстныхъ мнѣ губерній въ этомъ отношеніи въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ оказалась Вятская, благодаря сочувствію здѣсь дѣлу и поддержкѣ его со стороны земства.

Въ общемъ, въ виду указанныхъ затрудненій въ выборѣ мѣстъ для открытія яслей, не послѣднюю роль игралъ случай.

Въ принципѣ, конечно, рѣшено было не руководиться національностью населенія при организаціи яслей: онѣ устраивались и въ инородческихъ селеніяхъ, и въ русскихъ, хотя эти послѣднія представляли для яслей гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ первыя, уже потому, что населеніе ихъ, какъ болѣе культурное, несравненно скорѣе понимало всю важность и пользу организуемыхъ учрежденій, и если не сразу, то, въ концѣ-концовъ, все-таки шло навстрѣчу начинаніямъ ихъ организаторовъ. Въ инородческихъ селахъ сочувствіе къ новымъ учрежденіямъ пріобрѣталось гораздо медленнѣе, а иногда (какъ, напр., въ Казанской губерніи) и вовсе не достигалось. Здѣсь предубѣжденіе противъ яслей, особенно въ татарскихъ селеніяхъ, было настолько велико, что открытіе ихъ для дѣтей-татаръ совсѣмъ не состоялось. Характеренъ, между прочимъ, слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ этой губерніи. Инородческое населеніе одной изъ деревень, сильно пострадавшей отъ неурожая и цынги (изъ 3.000 жителей болѣе 900 страдало этой ужасной болѣзнью) и потому до крайности нуждавшееся въ открытіи яслей, наотрѣзъ отказалось приносить и отдавать въ нихъ своихъ дѣтей, несмотря на то, что организаторомъ ихъ явилось лицо, пользовавшееся особымъ довѣріемъ и популярностью среди татаръ. Несомнѣнно, здѣсь дѣйствовали тѣ же самые религіозные мотивы, которые удерживали татаръ отъ пользованія безплатными столовыми Краснаго Креста, только потому, что на зда-

ніяхъ столовыхъ была изображена эмблема общества.

Симбирская губернія была счастливѣе въ этомъ отношеніи и ясли открывались, хотя и невсегда, здѣсь и въ чувашскихъ, и въ татарскихъ селеній. Въ одномъ изъ этихъ послѣднихъ селеній Сызранскаго уѣзда иниціаторы яслей долго не могли получить согласія мѣстныхъ татаръ на ихъ открытіе и рѣшили открыть ихъ безъ такого согласія. Во главѣ яслей стала молодая энергичная дѣвушка-фельдшерица. Она убѣдила двухъ-трехъ женщинъ, особенно нуждавшихся, отдать своихъ дѣтей въ ясли. Сначала способы ухода вызывали неудовольствіе: матери протестовали противъ мытья дѣтей и особенно противъ мытья головы, противъ укорачиванія волосъ у дѣвочекъ, противъ пищи и т. д. Но затѣмъ ясли все-таки завоевали довѣріе. Съ половины лѣта въ нихъ было уже болѣе ста дѣтей и просуществовали онѣ, по просьбѣ населенія, дольше другихъ, до поздней осени. А когда учредитель яслей пріѣхалъ посмотрѣть ихъ, то татарки окружили его экипажъ и горячо благодарили его.

Съ предразсудками и суевѣріями при открытіи яслей приходилось очень и очень считаться. Такъ, напримѣръ, въ иныхъ мѣстностяхъ, населеніе, со словъ старухъ,—съ устройствомъ яслей лишившихся возможности быть нанятыми на время страды въ няньки къ дѣтямъ своихъ односельчанъ, какъ это практиковалось раньше,—утверждало, что дѣтей, отданныхъ въ ясли, „запишутъ въ казну“, а потомъ отдадутъ въ солдаты; что ихъ отошлютъ за море на „нѣмые острова“ обучать говорить нѣмыхъ обитателей этихъ островов; что за нихъ будутъ взимать особую подать, а на рукахъ у дѣтей будутъ прикладывать печать и т. п., и т. п. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть всю нелѣпость возникавшихъ слуховъ, очевидно, составляющихъ грустное слѣдствіе поразительной темноты и невѣжества нашего сѣраго населенья и не безъ осно-

ванія, разумѣется, воспитавшагося въ немъ недовѣрія къ барину и его „затѣямъ“. Современемъ и даже довольно скоро слухи эти разсѣялись, но на первыхъ порахъ съ ними несомнѣнно приходилось считаться.

Одно изъ существенныхъ затрудненій при открытіи яслей представлялъ для насъ вопросъ о помѣщеніи для нихъ. Требовалось, обычно находящееся въ центрѣ селенія, просторное, свѣтлое зданіе, съ садомъ при немъ и дворикомъ, гдѣ дѣти могли бы рѣзвиться и устраивать игры. Такое зданіе не всегда можно найти въ русской деревнѣ: школьные дома, по размѣрамъ и центральному положенію своему, удовлетворяютъ первому условію, но садовъ и дворовъ при нихъ по большей части не бываетъ. Однако, за неимѣніемъ выбора, приходилось пользоваться по преимуществу ими. Но и въ этомъ случаѣ дѣло не всегда обходилось безъ треній.

Заѣзжаетъ какъ-то ко мнѣ докторъ, принимавшій горячее участіе въ подгородниxъ ясляхъ и начинаетъ, что называется, съ мѣста въ карьеръ.

— У насъ, въ Л—скихъ ясляхъ,—говоритъ онъ,— большое смятеніе. Завѣдующая яслями учительница въ полномъ отчаяніи. Вчера ее призывала къ себѣ баронесса К., крупная мѣстная землевладѣлица и попечительница школы и стала допрашивать ее, на какомъ основаніи она допустила ясли въ школьномъ домѣ. Яслями-де школа загрязнится, могутъ быть занесены заразныя болѣзни, насѣкомыя, пособія испортятся и т. п. А главное—де, какъ смѣли завести ясли въ школѣ, не спросивъ ее, попечительницу Она совсѣмъ не сочувствуетъ этой глупой затѣѣ, которая только балуетъ и портитъ мужиковъ.

— А отчего же, правда, вы не переговорили предварительно съ ней?—спрашиваю я.

— Да никакой не было надобности—возражаетъ докторъ.—Намъ разрѣшило использовать школьное по-

мѣщеніе учебное начальство. Я спеціально ѣздилъ по этому поводу къ инспектору. А просить баронессу значило навѣрно нарваться на отказъ. Тогда неловко было бы воспользоваться и разрѣшеніемъ инспектора.

— У баронессы,—добавилъ онъ,—самыя невозможныя отношенія съ мужиками. Она не только ничего не сдѣлаетъ для нихъ, но и сдѣланное уже, хотя бы и не ею, постарается учесть. Я боюсь теперь, что зимой она не будетъ давать школѣ топлива. Не съѣздить ли вамъ умилостивить ее?

Конечно, приходилось ѣхать и умилостивлять. А чего это стоило, такъ сказать, для души—объ этомъ и вспоминать тошно.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ школьныхъ помѣщеньяхъ приходилось дѣлать ремонтъ и спеціальныя приспособленья для яслей. Въ большинствѣ же случаевъ устраивались безъ особыхъ передѣлокъ.

Изрѣдка открывали ясли и въ наемныхъ помѣщеньяхъ, а еще рѣже и въ церковныхъ сторожкахъ, и въ постройкахъ на помѣщичьихъ усадьбахъ, и въ больничныхъ флигеляхъ и т. п. Большинство помѣщеній было удовлетворительно, но многія все-таки страдали недостаткомъ свѣта и воздуха. Даже лучшія помѣщенія оказались не вполнѣ приспособленными для яслей. Въ виду этого, въ селеніяхъ, гдѣ ясли или ясли-пріюты будутъ открываться ежегодно, желательно устроить для нихъ спеціально приспособленныя зданія и притомъ, повозможности, въ центрѣ селенія. При нѣкоторыхъ ясляхъ имѣлись бани.

Съ помѣщеніями еще кое-какъ справлялись, но вопросъ о завѣдующихъ яслями повергалъ насъ иной разъ, особенно въ началѣ нашей дѣятельности, въ полное отчаяніе.

Дѣло въ томъ, что, въ виду крайняго истощенія дѣтей въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, приходилось устраивать въ нихъ не просто ясли, а лечебныя ясли, ясли-

санаторіи. Въ такихъ ясляхъ обычныя смотрительницы и завѣдующія не годились. Нужны были по преимуществу фельдшерицы, которыхъ добыть было трудно. Въ Поволжьѣ въ теченіе одного мѣсяца сразу открывалось нѣсколько сотъ яслей, сразу требовалось столько же завѣдующихъ и изъ нихъ нѣсколько десятковъ фельдшерицъ. Я обратился къ содѣйствію врачей и просилъ ихъ снестись со всѣми лично извѣстными имъ фельдшерицами, которыхъ они могли бы рекомендовать на мѣста завѣдующихъ въ ясляхъ. Были написаны срочныя письма; но отвѣтовъ долго не было. Полетѣли телеграммы. Мы ждали день за днемъ, волнуясь „упущеніемъ времени, смерти невозвратной подобномъ", считали дни, даже часы, потому что цынга развивалась все больше и больше. Наконецъ, стали приходить отвѣты и по преимуществу все не утѣшительные. Однѣ фельдшерицы уже выѣхали изъ Петербурга, другія получили постоянныя мѣста, третьи сомнѣвались идти во временныя учрежденія, какими были ясли, четвертыя не считали дѣло послѣднихъ медицинскимъ дѣломъ или боялись взяться за незнакомую имъ работу, пятыя нуждались въ отдыхѣ и т. д., и т. п. При такихъ условіяхъ набрать намъ полный комплектъ фельдшерицъ—завѣдующихъ яслями такъ таки и не удалось. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось замѣнить ихъ болѣе обстоятельными учительницами, поручивъ работу ихъ особому вниманію врачей, охотно принимавшихъ на себя это трудное дѣло.

Впрочемъ, большинство яслей не имѣло лечебнаго характера. Были и такія, которыя занимали промежуточное мѣсто между лечебными и нелечебными. Найти завѣдующихъ ими было уже легче, хотя не всегда и не вездѣ.

Въ казанской губерніи многія сельскія учительницы, жены мѣстныхъ священниковъ и дьяконовъ и другія лица изъявляли обыкновенно желаніе завѣдывать яс-

лями совершенно безвозмездно. Этимъ лицамъ, какъ наиболѣе интеллигентнымъ въ деревнѣ и близко знакомымъ съ мѣстными условіями, отдавалось тамъ при выборѣ смотрительницъ предпочтеніе. Поэтому, расходъ по завѣдыванію яслями въ казанской губерніи былъ очень невеликъ, всего лишь 6—7 проц. общихъ расходовъ. Симбирская губернія въ этомъ отношеніи была поставлена въ менѣе благопріятныя условія, въ виду того, что почти всѣ интеллигентныя силы губерніи, которыя можно было использовать для дѣятельности въ деревнѣ, еще съ зимы устроились при столовыхъ и больницахъ Краснаго креста. Поэтому весной найти здѣсь завѣдующихъ яслями было очень трудно: пришлось даже приглашать изъ другихъ губерній. Въ силу тѣхъ же причинъ, трудъ большинства такихъ завѣдующихъ нужно было оплачивать, причемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ были фельдшерицы, въ качествѣ завѣдующихъ, получавшія по 45 руб. въ мѣсяцъ. Большинство же завѣдующихъ яслями получало по 15 руб. въ мѣсяцъ. Однако, общій расходъ на завѣдываніе яслями и здѣсь въ среднемъ былъ невеликъ,— приблизительно рублей 20 на однѣ ясли. Въ вятской губерніи смотрительницы во всѣхъ ясляхъ тоже были платныя, получая 18 руб. въ мѣсяцъ на своемъ продовольствіи. Почти всѣ завѣдующія отдавались дѣлу съ полнымъ самоотверженіемъ и усердіемъ.

Не мало затрудненій было также съ привлеченіемъ въ ясли няней, особенно въ рабочее время. Старухъ еще можно было найти, но онѣ пригодны преимущественно для грудныхъ дѣтей; для болѣе же взрослыхъ нужны были подвижныя и расторопныя молодыя женщины. Между тѣмъ, все здоровое и сильное уходитъ на работы въ поле, и потому найти няней было нелегко; приходилось повышать цѣну или самой завѣдующей нести усиленной трудъ. Въ среднемъ, одна няня приходилась на 6 дѣтей (одного грудного и пять

болѣе старшаго возраста). Съ такимъ числомъ нянь можно, по удостовѣренію завѣдующихъ, обходиться только при условіи помощи со стороны старшихъ дѣтей.

Когда ясли были распредѣлены по селеніямъ, когда найдены были подходящія помѣщенія и болѣе или менѣе собрался личный персоналъ, приступили къ организаціи внутренняго распорядка жизни въ ясляхъ.

Особенность ихъ, въ нашей организаціи, заключалась прежде всего въ томъ, что онѣ были временными яслями, учрежденными только на время полевыхъ работъ, т. е. на два, на три и самое большое на четыре мѣсяца. Затѣмъ, всѣ наши ясли не были собственно яслями въ узкомъ значеніи этого слова, т. е. предназначались не исключительно для грудныхъ дѣтей (которыя составляли лишь незначительную часть призрѣваемыхъ,—напр., около 15%), но служили и для этихъ послѣднихъ и для болѣе старшихъ дѣтей дошкольнаго возраста—отъ 2 до 5 и даже до 10-ти лѣтъ. Такимъ образомъ, онѣ были по типу своему или яслями-пріютами, или дневными убѣжищами. Особенность эта объяснялась, во 1-хъ, истощенностью, вслѣдствіе голода, дѣтей какъ грудныхъ, такъ и старшихъ и одинаковой необходимостью поддержать силы тѣхъ и другихъ; во 2-хъ, большей склонностью населенія отдавать въ ясли дѣтей старше грудного возраста; въ 3-хъ, затруднительностью пріискать завѣдующихъ яслями, знающихъ уходъза грудными дѣтьми, и подготовленную прислугу и т. п. условіями.

Поставить такія ясли труднѣе, чѣмъ обыкновенныя, такъ какъ дѣло съ дѣтьми разнаго возраста разностороннѣе и сложнѣе и требуетъ нерѣдко большаго напряженія силъ отъ завѣдующихъ. Послѣднимъ мы дали поэтому въ руководство инструкціи только общаго характера, предоставивъ имъ въ остальномъ разбираться собственными усиліями и пользоваться собственной иниціативой.

Между прочимъ, полный просторъ былъ предоставленъ завѣдующимъ и въ выборѣ инвентаря для яслей. При этомъ условіи, можно было ожидать большаго разнообразія въ обстановкѣ яслей. Но въ дѣйствительности этого не случилось. Очевидно, всѣ завѣдующія шестьюдесятью яслями, которыя я видѣлъ, были въ такой мѣрѣ проникнуты сознаніемъ необходимости беречь народную копѣйку, что сочли обязательнымъ для себя ограничиться самой простой, самой дешевой обстановкой. У всѣхъ были почти одинаковыя длинныя некрашенныя скамьи, такіе же столы, табуреты, полочки для посуды, простыя лампы и проч. Для ночевки дѣтямъ устраивались въ нѣкоторыхъ ясляхъ нары, а для того, чтобы дѣти не свалились съ нихъ, наколачивались на нихъ, на подобіе настоящихъ яслей, ящики, каждый изъ которыхъ служилъ отдѣльнымъ помѣщеніемъ для одного ребенка. Въ нихъ клали изъ простаго холста мѣшки, набитые мягкою соломой, и такія же подушки; для послѣднихъ иногда шили дешевыя ситцевыя наволочки. Груднымъ дѣтямъ часто устраивали корзины (вродѣ обычныхъ бѣльевыхъ) и рѣже—зыбки-колыбели, которыя привѣшивались къ потолку. Зыбка завѣшивалась ситцевымъ пологомъ. Однако, устройство зыбокъ, въ виду извѣстной негигіеничности укачиванія дѣтей, по возможности, избѣгалось; пользовались ими, лишь уступая традиціознымъ желаніямъ матерей. Изъ посуды въ ясли пріобрѣтали деревянныя чашки и ложки, а для питья по большей части эмалированныя кружки, въ виду ихъ прочности. Покупали самый дешевый ситецъ, изъ котораго шили дѣтямъ, преимущественно груднымъ, платьица. На одежду дѣтей постарше употребляли холсты и грубыя сарпинки мѣстнаго издѣлія. Кромѣ того покупали гребни, полотенца, рукомойники, тазы, ванны и корыта. Ванны (желѣзныя)—чище и удобнѣе корытъ для купанія дѣтей, хотя обходятся онѣ зна-

чительно дороже. Въ ясляхъ съ лечебнымъ характеромъ имѣлись аппараты Sexlet'a для стерилизаціи молока. Въ другихъ ясляхъ предпочитали кипятить молоко въ кастрюляхъ. Для грудныхъ дѣтей имѣлись стеклянные рожки и пузырьки съ гутаперчивыми сосками. Замѣна ими обычныхъ сосокъ и самодѣльныхъ рожковъ изъ коровьяго рога, съ надѣтымъ на него выменемъ, — признанныхъ врачами въ высшей степени антигигіеническими,—имѣла особую важность, такъ какъ впослѣдствіи, по окончаніи дѣятельности яслей, дѣти привыкали къ стеклянной посудѣ и по большей части не хотѣли уже употреблять другой.

Въ видѣ правила было установлено, что дѣти будутъ оставаться въ ясляхъ только въ теченіе дня. Но въ дѣйствительности изъ этого правила приходилось дѣлать многочисленныя исключенія. Завѣдующія яслями тѣмъ охотнѣе допускали ихъ, что ночевки дѣтей въ ясляхъ обставлялись лучшими гигіеническими условіями, чѣмъ на дому, что было важно при незавидномъ состояніи здоровья очень многихъ дѣтей. По единогласному свидѣтельству завѣдующихъ яслями, пребываніе дѣтей ночью въ ясляхъ очень хорошо вліяло на ихъ здоровье. Въ праздничные и воскресные дни родственники такихъ дѣтей брали ихъ къ себѣ на домъ.

Многія дѣти поступали въ ясли въ крайне неопрятномъ видѣ. Иныхъ покрывала кора грязи и струпьевъ; волосы были такъ спутаны, что ихъ нельзя было расчесать. Сразу нѣкоторыхъ дѣтей невозможно было отмыть. Въ виду этого, на чистоту было обращено большое вниманіе. Въ ясляхъ было установлено, что, какъ только дѣтей приводили въ ясли, ихъ сейчасъ же обмывали, снимали съ нихъ бѣлье и всю одежду и въ продолженіе дня вымывали все бывшее на нихъ; днемъ дѣти ходили въ платьѣ, принадлежащемъ яслямъ, а вечеромъ тѣхъ дѣтей, которыя не оставались на ночь, отпускали домой въ ихъ собственномъ, но уже вымытомъ платьѣ. На

ночь одежда, принадлежащая яслямъ, отдавалась въ стирку и къ утру была уже суха. Конечно, такой порядокъ соблюдался не во всѣхъ ясляхъ, а только въ тѣхъ, гдѣ были частныя пожертвованія дѣтскимъ платьемъ и бѣльемъ.

Если вблизи была рѣка или прудъ, то передъ обѣдомъ дѣти купались въ нихъ; маленькихъ купали въ ваннѣ. Небезынтересно, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ крестьянки, принося своихъ дѣтей въ ясли, обращались къ завѣдующимъ съ очень своеобразной просьбой:

— А ты, милая,—говорили онѣ, обращаясь къ ней,— мою Дуньку-то не купай. Она не барышня нѣжная. Отъ купанья-то, баютъ, только простуда да нѣжность заводится. Ужъ ты, пожалуйста, пожалѣй дѣвочку-то. У насъ нельзя изъ нея нѣженку сдѣлать. Купать-то—это барская затѣя.

Разумѣется, такихъ просьбъ и совѣтовъ не исполняли и мыли дѣтей самымъ исправнымъ образомъ.

Въ ясли дѣтей доставляли въ 4—6 часовъ утра. Ночевавшія дѣти вставали часомъ позже. Питаніе дѣтей въ ясляхъ согласовалось съ питаніемъ зажиточной крестьянской семьи. Такъ, напримѣръ, въ обыкновенныхъ ясляхъ въ 7 час. утра старшимъ давали кусокъ хлѣба, а груднымъ молоко, въ 12 часовъ—обѣдъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ: напр., 1-е блюдо—щи, супъ или каша (въ скоромные дни съ мясомъ), 2-е—каша съ масломъ, а иногда и съ молокомъ. Въ 4 часа пополудни опять по куску хлѣба—съ чаемъ, гдѣ это принято, въ 8 часовъ ужинъ (остатки отъ обѣда). Маленькія дѣти получали пищу чаще. Въ лечебныхъ ясляхъ питаніе было нѣсколько лучше, напр., утромъ давался завтракъ изъ молока съ небольшимъ количествомъ кипятку и чернаго хлѣба (черный хлѣбъ давался всегда, кто сколько съѣстъ); послѣ завтрака дѣти шли играть, иногда съ няньками въ поле или въ лѣсъ, и приходили всѣ къ 12 часамъ дня, когда имъ давался обѣдъ изъ

супа съ достаточнымъ кускомъ мяса и крупой и молочной каши съ молокомъ или масломъ. Послѣ обѣда дѣти опять играли съ няньками до 4 часовъ, т. е. до чаю; чай давался съ молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ (по 1 куску). Послѣ чаю дѣти снова шли гулять и въ 8 часовъ ужинали молочной кашей, или кашей съ молокомъ, или яйцами съ хлѣбомъ. Въ 8 часовъ всѣ дѣти ложились спать или въ пріютѣ, или старшіе уводили ихъ домой. Грудныя дѣти питались исключительно однимъ стерелизованнымъ молокомъ ($^2/_3$ молока, $^1/_3$ воды, сахаръ).

Въ иныхъ случаяхъ правильное и раціональное питаніе больныхъ дѣтей представлялось нѣсколько затруднительнымъ, такъ какъ матери изъ боязни, что дѣтей не накормятъ досыта въ ясляхъ, снабжали ихъ огурцами и прочей зеленью. На убѣжденія завѣдующихъ не дѣлать этого, матери, оправдываясь, говорили: „тамъ, вѣдь, имъ этого не даютъ". Вообще, въ дни, слѣдующіе за праздниками, въ которые дѣтей обыкновенно отпускали домой, наблюдались наиболѣе сильныя желудочныя разстройства—прямое послѣдствіе антигигіеничнаго домашняго питанія.

Дѣти возможно чаще играли на открытомъ воздухѣ. Почти передъ каждыми яслями находилась куча песку для игръ; пріобрѣтались грошовыя игрушки мѣстнаго производства и телѣжки для тѣхъ, кто еще не ходилъ. Подросткамъ смотрительницы читали книжки и разсказывали разныя исторійки. Несмотря на это, нужно сознаться, что въ общемъ занятія дѣтей не были поставлены на должную высоту. Большинство завѣдующихъ не было знакомо съ фребелевскими играми, не знало многихъ полезныхъ для дѣтей русскихъ народныхъ игръ, не имѣло представленія о дѣтской гимнастикѣ и не было подготовлено къ особенно полезному занятію ручнымъ трудомъ. Поэтому, систематическихъ занятій дѣтей въ ясляхъ не удалось организовать и иногда

дѣти, особенно въ дурную погоду, скучали. Этотъ недостатокъ яслей едва ли можно вполнѣ преодолѣть, не располагая контингентомъ хорошо подготовленныхъ завѣдующихъ ими. Болѣе взрослыя дѣти пріучались къ работамъ по хозяйству: помогали мыть полы, бѣлье, ухаживать за младшими дѣтьми и т. п. Но все это, разумѣется, въ размѣрахъ, не обременявшихъ дѣтей.

Всѣ эти порядки наладились, конечно, не сразу, но въ общемъ дѣло почти повсемѣстно пошло удовлетворительно. Я и мои товарищи старались почаще посѣщать ясли и постоянпо поддерживать съ ними связь. Это было не трудно и въ большинствѣ случаевъ пріятно. Черезъ двѣ-три недѣли пребыванія въ ясляхъ дѣти переставали дичиться и весело гурьбой встрѣчали пріѣзжающихъ. Они спѣшили подѣлиться своими радостными новостями.

— А мнѣ тетенька (т. е. завѣдующая) новый сарафанъ сшила,—щебечетъ шестилѣтняя кокетка съ большими синими, какъ лѣтнее небо, глазами.

— Вечеръ Дуньку бабушка по кусочки посылала, а она къ тетенькѣ въ ясли убѣгла,—сообщаетъ другая дѣвочка.

— А меня въ школу отдадутъ,—съ сознаніемъ собственнаго достоинства говоритъ солидный восьми-лѣтній „мужикъ".

— И я буду ходить въ школу,—говоритъ другой поменьше,—тетенька сказала, что пріиметъ.

— И я буду въ сколу ходить—баситъ, шепелявя пятилѣтній бутузъ.

— Куда тебѣ!—смѣясь кричатъ другіе.

— Ты еще малъ!

— Подрости маленько!

Дѣти добродушно смѣются и спрашиваютъ его, что онъ будетъ дѣлать въ школѣ.

Завѣдующая очень занята съ грудными дѣтьми. Ей некогда принимать гостей, а дѣти, что по старше,

усердно приглашаютъ меня въ сосѣдній лѣсъ, опушка котораго начинается не дальше, какъ въ 200-хъ саженяхъ отъ яслей. Веселой гурьбой окружаютъ они меня и не переставая щебечутъ о своихъ дѣлахъ.

У опушки начинается оживленная игра въ горѣлки, въ мячикъ. Время идетъ быстро; дѣти устаютъ, толпа играющихъ рѣдѣетъ. Подъ развѣсистымъ дубомъ собирается группа дѣтей постарше; откуда-то появляется книжка съ сказками и начинается монотонное чтеніе про жаръ-птицу, про сѣраго волка, про Ивана-царевича.

Вечерѣетъ. Настроеніе дѣлается сосредоточеннѣе, строже, дѣтскія лица становятся серьезнѣе, вдумчивѣе. Сказочная фантазія уже захватываетъ ихъ и они съ всѣмъ извѣстнымъ чувствомъ дѣтскаго любопытства и страха всматриваются въ глубь лѣса.

Съ яслей дѣлаютъ знаки, что пора возвращаться.

Когда мы поднялись къ нимъ съ широкой зеленой впадины, отдѣлявшей зданіе яслей отъ лѣса, солнце уже заходило, освѣщая розовымъ свѣтомъ своего заката и поляну, и темнѣющій лѣсъ. Таинственныя тѣни набѣгали на него и онъ казался такимъ огромнымъ, такимъ могучимъ и непроходимымъ. Навѣрно, во многихъ дѣтскихъ головкахъ шевельнулась мысль, что въ немъ можно уже встрѣтить и сѣраго волка и пожалуй жаръ-птипу. Скользившіе по вершинамъ деревьевъ розовато-пурпуровые лучи заходящаго солнца не нарушали таинственности лѣса. Напротивъ того, она все больше и больше сгущалась къ низу, къ землѣ, куда уже не проникаетъ животворящій лучъ солнца. А тамъ, за далью лѣса, сѣрѣетъ стальная лента могучей рѣки, по возвышенному берегу которой весело играютъ отблески солнца, проникающіе въ далекую ширь желтѣющихъ хлѣбовъ.

Передъ глазами все, что дорого человѣческому сердцу въ нашей русской природѣ: и могучій лѣсъ, и широкое раздолье рѣки, и безпредѣльный горизонтъ

хлѣбнаго поля, и ласковый нѣжный свѣтъ, заходящаго солнца и, казалось, тихій безмятежный уголокъ русскаго поселенія...

Но, къ сожалѣнію, это только казалось...

Когда одни дѣти были отпущены изъ яслей, а другіе улеглись спать, мы занялись съ завѣдующей прозаическими подсчетами расходовъ, соображеніями о томъ, что и какъ сократить, ибо презрѣннаго металла, очевидно, уже не хватитъ. Затѣмъ, начались и еще болѣе прозаическіе разговоры. „Батюшка“ послалъ куда слѣдуетъ донесеніе о томъ, что въ спасовку истощенныхъ дѣтей кормили скоромнымъ, что молоко „жрутъ“ даже по средамъ и пятницамъ. Пріѣзжавшій становой приставъ усердно рылся въ дѣтскихъ книжкахъ... Помѣщикъ тоже чѣмъ-то недоволенъ и т. д., и т. п.

Въ городѣ такихъ „удовольствій“ еще больше. Одинъ губернскій генералъ еле кланяется; другой имѣетъ сосредоточенно-озабоченный видъ.

— Да,—говоритъ онъ,—все забываю сказать вамъ, что ко мнѣ какъ-то заходилъ главноуправляющій имѣніями князей N., которымъ принадлежитъ половина губерніи и разсказывалъ, что, посѣтивъ недавно съ Павломъ Ивановичемъ ваши ясли въ У., онъ нашелъ ихъ антисанитарными. Грязно, тѣсно, скверный воздухъ—одна зараза. Завѣдующая яслями фельдшерица не ладитъ съ докторомъ и потому у нихъ неурядицы.

— Я разслѣдую это,—отвѣчаю я,—хотя предупреждаю, что къ свидѣтельскимъ показаніямъ о нашихъ дѣлахъ главноуправляющаго необходимо относиться очень осторожно.

— А я помню,—улыбается генералъ,—онъ недоволенъ на васъ за то, что вы выхлопотали, помимо его, у князей N. нѣкоторыя льготы для крестьянъ.

— И началъ свою месть намъ—продолжаю я—тѣмъ, что сочинилъ политическій доносъ на отца Дмитрія.

— Но теперь онъ ссылается на свидѣтеля Павла Ивановича, да и исправникъ подтверждаетъ, что фельдшерица дѣйствительно не ладитъ съ докторомъ.

— Значитъ уже и административное разслѣдованіе было? Но я произведу свое, хотя и теперь догадываюсь въ чемъ дѣло. Въ у—ской больницѣ ремонтъ и часть незаразныхъ больныхъ переведена во флигель, въ которомъ помѣщаются ясли. Немудрено, если въ послѣднихъ стало тѣсно и запахло больными.

Дѣло такъ именно и было, какъ выяснилъ я, немедленно вслѣдъ за этимъ посѣтивъ У.

Послѣ генерала, съ какими-то недоразумѣніями выступаетъ еще одинъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, а тамъ еще чиновные и нечиновные обыватели, которые тоже чѣмъ-то недовольны, чего-то добиваются.

Но все это только цвѣточки,—ягодки еще впереди, когда начинается подведеніе итоговъ и ликвидація яслей. Тутъ ужъ намъ сюрпризы сыпятся съ двухъ сторонъ: и отъ мѣстныхъ сплетничающихъ и злобствующихъ обывателей и отъ завѣдующихъ яслями.

Вотъ уже двѣ недѣли какъ тянется эта ликвидація. Въ одни мѣста нужно выѣхать самому, изъ другихъ являются завѣдующія яслями. Молоденькая и бойкая фельшерица, завѣдывавшая яслями въ одномъ изъ самыхъ глухихъ угловъ Поволожья, провинившаяся въ относительно значительной (рублей на 100!) передержкѣ, начинаетъ „объясненія" съ энергичной атаки. Ей нужно покрыть долги и пополнить свои личныя израсходованныя на ясли средства, но она помнитъ, что ей усиленно рекомендовали экономить, чувствуетъ, что проштрафилась, и, атакуя меня, быстро сыпетъ упреками:

— Вы наши ясли совсѣмъ забыли. Вашъ помощникъ только два раза былъ у меня въ ясляхъ; мнѣ не съ кѣмъ было посовѣтоваться и я все должна была рѣшать

сама. А тутъ дѣтей приводятъ все новыхъ и новыхъ, истощенныхъ, болѣзненныхъ...

— Позвольте, — перебиваю я. — У моего товарища было сорокъ учрежденій на рукахъ, разбросанныхъ на большой территоріи. Онъ чаще ѣздить не могъ, но писалъ вамъ часто. Отчего вы, если имѣли нужду въ его совѣтахъ, не писали ему или мнѣ?

— Но у насъ почта идетъ больше недѣли,—не унимается она—я боялась, что письма пропадутъ. У меня много ихъ пропало. Пока еще отъ васъ отвѣтъ получишь, а у меня дѣло на рукахъ. Деньги такъ и идутъ: и помощница, и прислуга, и пища... Я взяла взаймы у земскаго начальника 50 р., да своихъ личныхъ издержала...

— Значитъ,—допекаю я,—у васъ было съ кѣмъ посовѣтоваться. Я увѣренъ, что земскій начальникъ не рекомендовалъ бы вамъ выходить изъ смѣты.

Результатовъ, разумѣется, отъ такихъ разговоровъ получалось немного, если не считать взаимнаго раздраженія. Ясли, по общимъ отзывамъ, шли недурно. Счета и оправдательные документы были на-лицо и въ порядкѣ. Платить, конечно, нужно, тѣмъ болѣе, что передержка пошла, несомнѣнно на дѣло и что явилась-то она результатомъ естественнаго у молодой дѣвушки чувства состраданія, принявшей въ ясли, вмѣсто 60-ти дѣтей, 80-тъ. Все это такъ, но, съ другой стороны, и въ моемъ распоряженіи средствъ мало, такъ, мало, что еще нѣсколько такихъ передержекъ и мнѣ нечѣмъ будетъ платить. Что дѣлать тогда въ чужомъ городѣ, гдѣ вся денежная публика не только не поможетъ, но, напротивъ того, порадуется неудачѣ. Молоденькой фельдшерицѣ все это очень мало извѣстно, и она сердится на нашу „черствость“, на „формализмъ“, придирки. Я и ее хорошо понимаю, но мнѣ отъ этого не легче.

Съ докторомъ, гораздо болѣе умудреннымъ опытомъ, но тѣмъ не менѣе сдѣлавшимъ передержку въ

50 р., приходится вести бесѣду гораздо „откровеннѣе“.

— Вѣдь я же говорилъ вамъ, докторъ, что передержки не допускаются. У меня уже дефицитъ и мнѣ не изъ чего покрывать перерасходы.

— Да что же мнѣ было дѣлать?—горячо возражаетъ онъ.—Изъ положеннаго мнѣ комплекта дѣтей я вѣдь не вышелъ. Но вы сами видѣли, какія это были дѣти. Если бы мы не прибавили имъ молока, не подняли питанія, не улучшили ухода, прибавивъ няньку, то добрая половина ихъ перемерла бы.

— Но изъ чего же я платить-то буду?!—горячусь, въ свою очередь, и я.

— Не могу же я, какъ человѣкъ и врачъ, ставить человѣческія жизни въ зависимость отъ нѣсколькихъ десятковъ рублей.

Въ отвѣтъ приходится только рукой махнуть и, разумѣется, платить и платить.

Для этого, однако, нужно сѣсть за ломберный столикъ, исправляющій должность въ „первоклассныхъ“ провинціальныхъ гостиницахъ письменнаго стола, и написать какому нибудь милостивому государю или какой либо милостивой государыни, что, по измѣнившимся обстоятельствамъ, я не могу оказать поддержки открываемому имъ дѣтскому пріюту для круглыхъ сиротъ, какъ предполагалъ раньше, и вынужденъ отложить помощь до болѣе благопріятнаго времени.

А наступитъ ли оно?—Это еще большой вопросъ.

Тѣмъ временемъ пріѣзжаетъ священникъ, завѣдующій постройкой дома, предназначеннаго лѣтомъ для яслей, а зимой для трудового пункта.

— Пожалуйте деньги,—говоритъ онъ.—Домъ заканчивается. Близокъ расчетъ. У меня только 125 р., а нужно еще 450.

— Да вѣдь я три недѣли тому назадъ передалъ эти деньги черезъ земскаго начальника.

— Не могу знать.

Тутъ ужъ дѣло, что называется, скверно пахнетъ. Посылаются телеграммы, письма. Черезъ два дня выясняется, что все обстоитъ благополучно и опасенія были напрасныя.

Помѣщица Р. обидѣлась, что я поручилъ принять отъ нея денежный отчетъ ближайшему участковому врачу. „Меня еще никто не ставилъ въ такое положеніе"—писала она мнѣ. Землевладѣлица В., которая, какъ это мнѣ точно было извѣстно, почти втрое увеличила изъ своихъ средствъ отпущенныя мною деньги на ясли въ ея селеніи, категорически заявляетъ, что никакого отчета давать не желаетъ и въ принципѣ не признаетъ этихъ „бюрократическихъ выдумокъ". Фельдшерица К. пишетъ, что она съ чувствомъ живѣйшаго отвращенья составляетъ мнѣ отчетъ, но не по моимъ длиннѣйшимъ формамъ, а по собственному усмотрѣнію. Почтенная матушка попадья никакъ не хочетъ отдавать оправдательные документы, хотя они у нея на лицо и въ полной исправности. Затѣмъ, цѣлая масса еще и еще такихъ же заявленій, капризовъ, обидъ и проч.

Всѣхъ нужно такъ или иначе ублаготворить. Однимъ нужно написать, къ другимъ послать, къ третьимъ поѣхать самому, и всѣхъ убѣждать, увѣщевать, усовѣщевать, просить, а иногда и пристыдить. Голова кружилась и болѣла отъ всей этой горячки и нервное возбужденіе достигало высшей степени напряженности.

— Пропади вы всѣ пропадомъ!—говорилъ въ такихъ случаяхъ одинъ изъ моихъ сотрудниковъ—докторъ О., и тутъ же спрашивалъ не нужно ли еще куда съѣздить и кого либо умаслить,—что онъ выполнялъ съ такимъ хладнокровіемъ и съ такой выдержкой, которыя никакъ не согласовались съ только что приведеннымъ его восклицаніемъ.

Его спокойствіе могло объясняться исключительно только увѣренностью въ томъ, что, несмотря на всѣ шероховатости, взаимныя и, въ большинствѣ случаевъ, временныя неудовольствія, огорченія и непріятности, нашъ первый опытъ съ массовымъ устройствомъ яслей удался и удался вполнѣ. Это мы видѣли сами, слышали и отъ крестьянъ и отъ интеллигенціи. Объ этомъ же свидѣтельствовали и завѣдывавшіе яслями.

Завѣдывающій Л-скими яслями подробно сосчиталъ, что 15 матерей тѣхъ 30 дѣтей, которыя находились въ ясляхъ, имѣли возможность, благодаря этому, заработать вмѣстѣ по 8 рублей въ день. Ясли для нихъ были, вслѣдствіе этого, весьма важной трудовой помощью. Въ такой же мѣрѣ были важны ясли и въ другихъ мѣстностяхъ Благодаря имъ, бѣднѣйшее населеніе избавилось отъ расходовъ на наемъ нянекъ для ухода за дѣтьми во время полевыхъ работъ, и отъ расходовъ на прокормъ дѣтей,—расходовъ, которые нерѣдко вынуждаютъ крестьянъ неурожайныхъ мѣстностей соглашаться на самыя ростовщическія сдѣлки по ссудѣ имъ сельскими кулаками хлѣба и денегъ. Затѣмъ, многіе крестьяне сами удостовѣряли, что у нихъ ежегодно бываютъ пожары, происходящіе исключительно отъ шалостей безпризорныхъ дѣтей и что въ 1899 году они избѣжали ихъ благодаря яслямъ.

Несомнѣнно также и вліяніе яслей на самихъ дѣтей. По нашимъ наблюденіямъ и общимъ отзывамъ завѣдующихъ, дѣти вначалѣ были капризны, угрюмы, дичились, постоянно ссорились и дрались между собой, а къ концу яслей, наоборотъ, стали гораздо общительнѣе, веселѣе дружно играли вмѣстѣ и т. п. Кромѣ того они пріучились къ опрятности, порядку, дисциплинировались, стали любознательнѣе, добрѣе, выучились соблюдать элементарныя правила приличія и проч.

Но особенно поразительно вліяніе яслей на физи-

ческое состоянiе дѣтей. Данныя тѣхъ изъ этихъ учрежденiй, въ которыхъ производилось взвѣшиванiе дѣтей, удостовѣряютъ, что, въ среднемъ, каждый ребенокъ прибылъ въ вѣсѣ болѣе чѣмъ на 3,41 фунта, въ отдѣльныхъ же случаяхъ даже до $6^{1}/_{4}$ ф. И это при условiи, что въ нормальной обстановкѣ крестьянской жизни дѣти за лѣто всегда худѣютъ и убываютъ въ вѣсѣ отъ усиленнаго лѣтомъ движенiя и плохого питанiя. Въ ясляхъ же наблюдалось обратное явленiе, причемъ, чѣмъ старше были дѣти, тѣмъ больше прибыли они въ вѣсѣ. Затѣмъ, дѣти въ ясляхъ росли быстрѣе, сдѣлались бодрѣе, сильнѣе, подвижнѣе, лица ихъ покрывались румянцемъ и полнѣли. Пребыванiе въ ясляхъ благотворно отражалось и на настроенiи дѣтей. Сами матери нерѣдко признавались въ этомъ.

— Прежде бывало намаешься съ нимъ,—говорили онѣ,—всю ночь кричитъ и спать не даетъ, а теперь принесешь его изъ яслей, такъ спитъ и не шелохнется.

Поразительно также влiянiе яслей на уменьшенiе смертности. Эта сторона дѣла была подробно обслѣдована докторомъ Кудрявцевымъ въ особой книгѣ его о дѣтскихъ ясляхъ одной изъ поволжскихъ губернiй—симбирской. По его даннымъ, оказывается, что если сопоставить смертность дѣтей симбирской губернiи, непользовавшихся яслями, съ смертностью бывшихъ въ ясляхъ, то получится поразительная разница, несмотря даже на то, что въ ясли, вѣроятно, попадали только слабѣйшiя дѣти. Среди первыхъ дѣтей, въ возрастѣ до 1 года, умирало до 43 проц. (426 на 1.000), среди же вторыхъ почти въ четыре раза меньше—11,4 проц. (114 на 1.000). Въ слѣдующемъ возрастѣ отъ 1 до 5 лѣтъ разница еще больше: не бывшихъ въ ясляхъ дѣтей умирало 9.5 проц. (95 на 1.000), а бывшихъ въ ясляхъ 0,6 проц. (6 на 1000), слѣдовательно, въ 16 разъ меньше. Наконецъ, въ возрастѣ отъ 5 до 10 лѣтъ среди первыхъ умирало 2 проц. (20 на 1.000), а среди вто-

рыхъ смертности совсѣмъ не наблюдалось. Въ общихъ же цифрахъ для дѣтей до 10 лѣтняго возраста смертность для непользовавшихся яслями была равна 12,28 проц. (122,8 на 1.000), для пользовавшихся же ими — въ десять разъ меньше—1,25 проц. (12,5 на 1000). Такое вліяніе яслей на пониженіе дѣтской смертности имѣетъ тѣмъ больше значеніе, что оно наблюдалось въ голодный годъ, когда необходимо было ожидать высшаго процента смертности. Во время самаго пребыванія дѣтей въ ясляхъ Симбирской губ., смертность наблюдалась лишь въ 13 ясляхъ, остальныя 48 въ этомъ отношеніи были благополучны. Въ Казанской же губерніи число дѣтей умершихъ во всѣхъ ясляхъ не превышало 0,3 проц. Да и то умирали лишь дѣти, про которыхъ сами родители говорили, что они, „уже не жильцы на свѣтѣ“. Завѣдующимъ ни разу не приходилось слышать упрековъ въ небрежномъ уходѣ, повлекшемъ за собою смерть больного ребенка. Напротивъ того, крестьяне повсемѣстно выражали свое удовольствіе тому, что въ ясляхъ удавалось вылечивать дѣтей, признанныхъ родителями безнадежными. Эти факты имѣютъ особую важность при условіи, что населеніе, въ особенности въ первое время, смотрѣло на ясли далеко не дружелюбно.

Результаты дѣятельности яслей оцѣнили не только крестьяне, почти повсемѣстно выражавшіе горячее пожеланіе о возобновленіи ихъ въ слѣдующемъ году, но также и земства и болѣе отзывчивыя частныя лица. Послѣднія образовали въ поволожскихъ губерніяхъ нѣсколько кружковъ и обществъ, задавшихся цѣлью открывать ясли каждое лѣто. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ успѣшно до сихъ поръ. Въ селенія и деревни проникли такимъ образомъ новыя общественныя орзанизаціи, которыя привлекаютъ въ свою среду и рядовыхъ крестьянъ. Конечно, коренные вопросы деревни недалеко подвинулись впередъ отъ этихъ орга-

низацій и учрежденій, но тамъ гдѣ пробуждается самодѣятельность населенія, гдѣ начинаетъ пускать корни общественность, тамъ подготовляется почва и для скорѣйшаго разрѣшенія коренныхъ вопросовъ.

„Вы думаете",—писалъ мнѣ пріятель-докторъ изъ Поволожья, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ моей поѣздки на голодъ,—„что культурная работа въ народѣ такъ таки и пропадаетъ безслѣдно. Вы жестоко ошибаетесь въ этомъ. Неужели, по-вашему, всѣ эти книжки, картины, школы, школки, волшебные фонари, чтенія, лекціи, библіотеки, читальни, курсы, ясли, опытныя поля, склады сельскохозяйственныхъ орудій, общественныя, работы, ссудо-сберегательныя и кредитныя товарищества, выставки, мастерскія и прочія и прочія „начинанія", какъ вы ихъ называете, неужели все это, по-вашему, не внесло въ деревню никакихъ новыхъ понятій, не внушило никакихъ новыхъ мыслей, не открыло никакихъ горизонтовъ и такъ-таки ни на что не повліяло, не оставило никакихъ слѣдовъ въ народной жизни?! Посмотрѣлъ бы я, что вы сказали бъ, послушавши нашихъ мужиковъ въ сельскохозяйственныхъ обществахъ „малого района", въ земскихъ собраніяхъ и особенно у себя дома, промежъ себя, когда не насѣдаетъ на нихъ ни земскій начальникъ, ни господинъ урядникъ. Вы поняли бы, что сдѣлали эти „начинанія" для пробужденія сознательности въ народѣ и для самаго освободительнаго движенія. Послѣднее—стихія, вихрь, поднявшій тучу матеріала „по лицу земли родной", распространившій его по всѣмъ угламъ и закоулкамъ, а матеріалъ то—сознательность шла ни отъ чего другого, какъ отъ этихъ же „начинаній". Не будь матеріала—нечего было бы и вихрю поднимать"...

Изъ практики общественныхъ работъ.

(Письмо 6-е).

Съ общественными работами было гораздо труднѣй, чѣмъ съ яслями: и самое дѣло сложнѣй, и народу при нихъ больше, и денегъ требуется много. Къ тому же очень ужъ насъ пугалъ неудачный опытъ Анненковскихъ работъ 1892 года и многихъ другихъ, устраивавшихся въ прежнее время. Въ виду этого, мы приступали къ нимъ не безъ тайныхъ страховъ и опасеній.

По совѣщанію между собой, мы установили, что будемъ устраивать общественныя работы, въ прямомъ смыслѣ этого слова, преимущественно тамъ, гдѣ невозможно будетъ организовать домашнихъ работъ. Въ пользу послѣднихъ говорило очень много соображеній. При нихъ работники оставались въ обычной для нихъ средѣ, дѣлали привычное для нихъ дѣло и часто не подвергались рѣзкимъ атмосферическимъ вліяніямъ. Поэтому всегда, когда представлялась возможность, мы предпочитали давать домашнюю работу.

Наибольшее распространеніе этотъ родъ работъ получилъ въ вятской губерніи. Здѣсь сравнительно много было предоставлено на домъ тканья. Раздача его производилась очень просто. Ткачихи приглашались въ опредѣленное мѣсто въ селеніи, напримѣръ, въ школу, и здѣсь каждая изъ нихъ вмѣстѣ съ заказомъ получала и соотвѣтственное же количество бумаги или

льняной пряжи. По изготовленіи заказа онъ отбирался отъ работницъ, а послѣднія получали условленную плату за вычетомъ задатка, если онъ выдавался. Всѣмъ выдачамъ и заказамъ, разумѣется, велись точныя записи.

Организація витья веревокъ была нѣсколько иная. Кустари сами просили помочь имъ, въ виду того, что обычные ихъ заказчики сократили свои заказы и значительно понизили плату. Послѣ личныхъ переговоровъ съ кустарями, послѣдніе выбрали изъ своей среды трехъ довѣренныхъ лицъ, черезъ посредство которыхъ и производились имъ выдачи сырого матеріала (пеньки), пріемъ отъ нихъ сработаннаго матеріала и расплата за работы. Произведенный на такихъ основаніяхъ опытъ въ одной деревнѣ сарапульскаго уѣзда оказался удачнымъ и вызвалъ подраженіе въ другихъ деревняхъ и селеніяхъ, въ свою очередь, обратившихся за такою же помощью. Однако, не всѣ кустари воспользовались ею. Такъ, крестьяне двухъ деревень уклонились отъ предложенной помощи по той причинѣ, какъ это выяснилось впослѣдствіи, что мѣстные скупщики и оптовые торговцы, какъ только узнали о начатыхъ работахъ, немедленно предложили съ своей стороны для всѣхъ желающихъ прядильщиковъ матеріалъ и подняли сбавленную ими раньше плату за работу до платы нормальной для предшествующихъ лѣтъ. Крестьяне-прядильщики не хотѣли входить въ могущія возникнуть недобрыя отношенія со своими постоянными заказчиками, отъ которыхъ они во многихъ отношеніяхъ находятся въ зависимости, и поэтому предпочли ихъ предложенія нашимъ. По этой же причинѣ нѣкоторые изъ прядильщиковъ, просившіе о помощи, не вошли въ образовавшіяся артели или даже вышли изъ нихъ впослѣдствіи, особенно когда мѣстные скупщики подняли плату за работу даже выше нормальной.

При сложившихся такимъ образомъ условіяхъ, трудовыя артели, будучи открыты для всѣхъ желающихъ поступить въ нихъ и имѣя непрерывную работу, служили регуляторомъ заработной платы въ данной мѣстности и въ данномъ промыслѣ, подняли спросъ на рабочихъ у постоянныхъ мѣстныхъ заказчиковъ и тѣмъ сдѣлали возможнымъ, при сравнительно умѣренныхъ затратахъ, достигнуть намѣченныхъ цѣлей трудовой помощи въ данномъ производствѣ.

Еще разъ мѣстные торговцы и скупщики показали себя при сбытѣ изготовленныхъ издѣлій. Желая подорвать возникшее безъ ихъ посредства веревочное производство, они или совсѣмъ отказавались отъ покупки его издѣлій, или предлагали цѣну настолько низкую, что едва окупались расходы, или же, наконецъ, соглашались взять на комиссію за очень высокій процентъ. Въ виду этого, за продажу пришлось взяться самимъ крестьянамъ-прядильщикамъ. Они уполномочили нѣсколькихъ своихъ же артельщиковъ, которые и повели продажу на базарахъ г. Сарапуля. Сначала дѣло шло туго, но затѣмъ крестьяне расторговались, и издѣлія были проданы съ прибылью.

Раздача работъ на домъ кустарямъ была организована и въ другихъ губерніяхъ, кромѣ вятской, но въ размѣрахъ значительно меньшихъ. Не останавливаясь на ней, скажу еще объ организаціи самаго производства работъ.

Однимъ изъ условій при снабженіи прядильщиковъ сарапульскаго уѣзда работой было отчисленіе въ ихъ пользу полученной отъ продажи прибыли. Однако, этимъ воспользовались не всѣ.

Крестьяне дер. Е., образовавъ постоянную артель, отказались отъ дѣлежа этой прибыли, прося назначить ее на покупку для артели инструментовъ и амбаровъ, на что и было затрачено до 200 р. Постоянная артель была организована на тѣхъ же условіяхъ, что и времен-

ная: въ составъ ея могли входить не только односельчане деревни Е., но и изъ другихъ селеній; плата назначалась сдѣльная, а получавшаяся прибыль отъ продажи въ теченіе перваго года предназначалась на развитіе начатаго дѣла, а въ послѣдующіе горы должна была дѣлиться между участниками пропорціонально работѣ. На первое время на оборотныя средства выдано было артели 30 пудовъ пеньки на сумму 70 р. и 100 р. деньгами, переданными въ земскую управу для расплаты за работу и на покупку матеріала.

Дѣятельность артели была поставлена подъ непосредственное наблюденіе сарапульской земской управы. Послѣдняя приняла на себя выдычу сырого матеріала, производство расплаты за сработанныя издѣлія и сбытъ ихъ. Впрочемъ, при извѣстныхъ условіяхъ, не исключалась продажа веревокъ и самими кустарями. Этотъ опытъ въ дѣлѣ снабженія крестьянъ-веревочниковъ сырымъ матеріаломъ показалъ, что веревочное производство составляетъ одинъ изъ выгоднѣйшихъ кустарныхъ промысловъ, обѣщающій широкое развитіе въ будущемъ, при надлежащей постановкѣ его. Въ виду этого, признано было весьма желательнымъ не только поддержать названную артель въ снабженіи сырымъ матеріаломъ на выгодныхъ условіяхъ и въ сбытѣ продуктовъ производства, но и содѣйствовать организаціи подобныхъ же артелей въ другихъ селеніяхъ уѣзда, даже и въ тѣхъ, гдѣ веревочное производство до сихъ поръ не существовало. Для осуществленія послѣдней цѣли предположено или допускать крестьянъ для обученія въ названную артель въ деревнѣ Е., или же разсылать въ намѣченныя селенія мастеровъ.

Приведеніе въ исполненіе этого плана взяла на себя уже сарапульская земская управа.

Что касается собственно общественныхъ работъ, то прежде чѣмъ приступить къ ихъ организаціи, мы пытались собрать необходимыя свѣдѣнія въ земскихъ

управахъ, у чиновъ министерства земледѣлія и въ губернскихъ правленіяхъ или точнѣе — во врачебныхъ отдѣленіяхъ послѣднихъ. Къ сожалѣнію, нужно признаться, что систематическихъ свѣдѣній о состояніи земельныхъ угодій крестьянъ, т. е. о качествѣ ихъ надѣловъ, о движеніи на ихъ земляхъ сыпучихъ песковъ, о ростѣ овраговъ, о болотахъ и т. п. достать было неоткуда. Отдѣльныя лица знали кое что объ отдѣльныхъ селеніяхъ, но составить по ихъ указаніямъ полную картину состоянія крестьянскихъ угодій не было возможности. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія имѣлись только о дорогахъ, да объ особенно загрязненныхъ прудахъ и другихъ источникахъ питьевыхъ водъ. Конечно, это были интересныя и важныя для насъ свѣдѣнія, но мы придавали особое значеніе улучшенію крестьянскихъ земель и главнымъ образомъ увеличенію культурной площади ихъ, а потому, за неимѣніемъ этихъ свѣдѣній въ общественныхъ учрежденіяхъ, должны были обратиться къ частнымъ лицамъ. Но и здѣсь насъ ждало разочарованіе. Одни помѣщики сами ничего или почти ничего не знали, а другіе умышленно не хотѣли давать намъ этихъ свѣдѣній.

Какъ-то случайно я получилъ довольно неопредѣленныя указанія о томъ, что у крестьянъ селенія Н., сильно пострадавшихъ отъ неурожая и очень бѣдствовавшихъ, были совсѣмъ плохіе, запущенные и кочковатые луга, улучшеніе которыхъ путемъ срѣзыванія кочекъ и частичнаго распахиванія могло бы значительно поднять на нихъ урожайность травъ. Чтобы собрать болѣе подробныя свѣдѣнія, я поѣхалъ къ сосѣднему владѣльцу Н., извѣстному въ городѣ за очень почтеннаго состоятельнаго старика, вполнѣ просвѣщеннаго и даже время отъ времени печатающаго свои статьи въ одномъ солидномъ либеральномъ журналѣ.

Н., дѣйствительно, оказался и почтеннымъ, и пріятнымъ, и добродушнымъ старикомъ, но тѣмъ не менѣе

онъ никакъ не могъ войти въ курсъ нашихъ дѣлъ и не могъ или не хотѣлъ понять нашихъ цѣлей. Онъ подтвердилъ мнѣ, что крестьянскіе луга очень и очень плохи и что улучшить ихъ совсѣмъ немудрено, что такія улучшенія онъ сдѣлалъ на своихъ лугахъ и благодаря этому получаетъ съ десятины въ три-четыре раза больше сѣна, чѣмъ крестьяне.

— Я много разъ—разсказывалъ онъ—убѣждалъ ихъ срѣзать кочки, перепахать и проч., предлагалъ имъ безплатно мои кочкорѣзы, но они никакъ не могутъ собраться сдѣлать это.

— Но почему же?—полюбопытствовалъ я.

— Главная причина — малосильность крестьянъ, бѣдность ихъ—отвѣчалъ онъ. — Повозиться прійдется съ этимъ порядочно таки, а имъ нужно не терять времени и побольше набраться платной работы. Да и расходы нужны...

— Всѣ расходы я возьму на себя—заявляю я.

Н. дѣлаетъ большіе, удивленные глаза и продолжаетъ:

— Я вотъ тоже предлагалъ имъ безплатно свои кочкорѣзы и плуги. Не слушаютъ, потому что заработокъ въ нашихъ имѣніяхъ, изъ за своей работы, утеряютъ.

— Но я оплачу ихъ работу, — подтверждаю я.

Н. недоумѣваетъ. Ему, повидимому, хочется сказать, что я не въ своемъ умѣ, но онъ ограничивается замѣчаніемъ, что вѣдь работать крестьяне будутъ на своихъ лугахъ и въ свою пользу, что платить имъ при этомъ условіи „едва ли возможно“.

— Вы сами изволили сказать, — возражаю я,—что крестьянамъ, по ихъ бѣдности, невозможно отказаться отъ платной работы для того, чтобы поработать на своихъ лугахъ. Въ виду этого, они цѣлый вѣкъ будутъ собираться улучшить луга и никогда не сдѣлаютъ этого. Ни рабочихъ рукъ не будетъ, ни денегъ на необходимые расходы. А между тѣмъ, они терпятъ

большіе убытки и вѣроятно порядочно таки поддержали бы свои хозяйства, если бы собирали сѣна въ два-три раза больше теперешняго.

— Да,—перебиваетъ меня Н.—они прямо стали бы на ноги, если бы это сдѣлать. Но, посудите сами, какъ же платить имъ за то, что они для себя будутъ дѣлать?!

Разговоръ въ этомъ духѣ продолжался долго. Старикъ мягко, но упорно стоялъ на своемъ. Я не имѣю основаній заподазривать его въ томъ, что въ нашемъ спорѣ онъ руководствовался соображеніями о своихъ выгодахъ, какъ работодателя, о томъ, что я отобью отъ него рабочихъ, что платить имъ придется дороже и т. п. Нѣтъ, съ виду, покрайней мѣрѣ, этого не было. Н. былъ для этого слишкомъ добродушнымъ и порядочнымъ человѣкомъ. Вѣроятнѣе, что въ немъ безсознательно жила и поддерживалась рабовладѣльческая традиція, по которой мужика не слѣдуетъ поощрять „подачками“, а то онъ совсѣмъ разбалуется, что всякія жертвы въ пользу его—нелѣпость, ибо все равно онъ ихъ не оцѣнитъ.

Впрочемъ, можетъ быть я и ошибаюсь. Можетъ быть Н. хитрилъ и, какъ огромное большинство г.г. помѣщиковъ, боялся, прежде всего, что наши работы позволятъ крестьянамъ, что называется, передохнуть отъ работодательскихъ тисковъ.

Какъ бы то ни было, отъ г.г. помѣщиковъ въ вопросѣ о выборѣ работъ мы узнали немногое и рѣшили въ этомъ отношеніи вести „свою линію“ и придерживаться желаній самихъ крестянъ.

Населеніе нашихъ селъ и деревень имѣетъ такую массу первостепенныхъ нуждъ, что выбрать изъ нихъ наиболѣе важныя не легко. Тѣмъ не менѣе, нельзя было не видѣть, что нѣкоторыя работы дѣйствительно служатъ къ удовлетворенію коренныхъ и болѣе или менѣе постоянныхъ нуждъ населенія, а другія—временныхъ.

При равныхъ условіяхъ первыя, по нашему мнѣнію, должны были имѣть несомнѣнныя преимущества. Къ числу ихъ въ особенности принадлежатъ, какъ я уже говорилъ, работы по укрѣпленію песковъ, по осушенію болотъ и орошенію. При оцѣнкѣ этихъ работъ, мы имѣли въ виду, что въ малоземельныхъ мѣстностяхъ онѣ увеличиваютъ площадь крестьянскаго землепользованія и такимъ образомъ служатъ средствомъ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ.

Съ этой точки зрѣнія, очень полезны были работы по укрѣпленію песковъ близъ с. К., въ казанской губ., которыми не только возстановилась культурная площадь земли болѣе чѣмъ въ 100 дес., но и предупреждалось занесеніе пескомъ еще большей площади. Правда, работа эта обошлась относительно дорого, около 5-ти тыс. руб., но по простотѣ своей и несложности она была доступна всему населенію. Столь же полезно осушеніе болотъ, произведенное, напримѣръ, близъ села К., вятской губ. Въ результатѣ этой работы крестьяне получили до 200 дес. сѣнокосныхъ луговъ, раньше остававшихся неиспользованными, и кромѣ того избавились отъ гніющаго болота, служившаго источникомъ самыхъ разнообразныхъ и тяжкихъ заболѣваній. Подобныя же работы были столь же удачно произведены и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ симбирской губ.

Уже изъ этихъ примѣровъ видно, какое крупное значеніе имѣютъ работы по осушенію болотъ и укрѣпленію сыпучихъ песковъ. Требуя лишь ничтожныхъ затратъ на матеріалы, онѣ въ главной части стоимости своей идутъ въ видѣ заработной платы мѣстному чернорабочему населенію и въ этомъ отношеніи должны быть разсматриваемы, какъ вполнѣ удобный способъ оказанія временной помощи населенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ служатъ, какъ я уже указывалъ, мѣрой къ удовлетворенію одной изъ самыхъ настоятельныхъ и коренныхъ нуждъ крестьянскаго населелія по расши-

ренію его землепользованія и въ то же время часто служатъ для оздоровленія селеній. Въ виду этого, можно съ увѣренностью утверждать, что онѣ представляютъ собою идеальный видъ общественныхъ работъ, предпринимаемыхъ для оказанія помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая. Почти такое же значеніе имѣетъ и укрѣпленіе овраговъ, особеннно если имъ регулируется направленіе весеннихъ водъ, засоряющихъ поля.

Изъ другихъ видовъ работъ мы останавливались преимущественно на тѣхъ, которыя имѣли своей цѣлью водоснабженіе. Для углубленія и расчистки прудовъ и ключей и для исправленія плотинъ требуется, если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ, очень немного цѣннаго матеріала; главная стоимость ихъ обусловливается заработной платой,—что, въ нашихъ цѣляхъ, было очень важно. Черный трудъ въ этихъ работахъ преобладаетъ, а потому онѣ доступны для большинства населенія и, слѣдовательно, вполнѣ удобны въ качествѣ общественныхъ работъ во время неурожаевъ. Въ экономическомъ отношеніи онѣ уступаютъ работамъ первой группы, но сравниваются съ ними въ своемъ санитарномъ значеніи: очень многія наши селенія совсѣмъ не имѣютъ сносной питьевой воды и иногда берутъ воду изъ рѣкъ и прудовъ, обложенныхъ по берегамъ мусоромъ и загражденныхъ навозными плотинами. Такъ устроенные пруды нерѣдко обращаются въ стоячее болото и сплошь и рядомъ служатъ источникомъ заразы для людей и для животныхъ. Расчистить, углубить и оздоровить такіе пруды, удалить изъ плотинъ навозъ и замѣнить его негніющимъ матеріаломъ—въ большинствѣ случаевъ значитъ не только предоставить бѣдствующему населенію заработокъ, но и избавить его отъ усиленной заболѣваемости, а слѣдовательно и повысить его трудоспособность.

Общественныя работы по дорожнымъ сооруженіямъ, въ свою очередь, заслуживаютъ вниманія, хотя, разу-

мѣется, онѣ менѣе важны. Главнымъ побужденіемъ для устройства ихъ служило то, что содержаніе въ исправности проселочныхъ дорогъ составляетъ, какъ извѣстно, натуральную повинность сельскаго населенія, особенно тяжелую въ неурожайные годы. При этомъ условіи организація дорожныхъ сооруженій, за исключеніемъ болѣе сложныхъ, представлялась тамъ въ качествѣ общественныхъ работъ нерѣдко вполнѣ желательной.

Наиболѣе отрицательное отношеніе вызывали у насъ строительныя работы. Онѣ примѣнялись нами сравнительно рѣдко и исключительно для постройки такихъ общественныхъ зданій, какъ трудовые пункты, общественныя и учебныя мастерскія, народныя школы, мосты, изгороди и т. п. Конечно, все это полезно и при обиліи средствъ все это можно, а часто и должно сдѣлать. Но при недостаточности ихъ и необходимости помочь прежде всего въ заработкѣ на продовольствіе населенія, предпринимать строительныя работы, особенно при отсутствіи дарового лѣса, едва ли слѣдуетъ. Строительныя работы распредѣляютъ заработокъ независимо отъ нужды въ немъ. Обычно больше другихъ нуждаются чернорабочіе и при томъ безлошадные хозяева, между тѣмъ какъ при постройкахъ главный заработокъ упадаетъ на обученныхъ рабочихъ—плотниковъ, столяровъ, или—на имѣющихъ лошадей. При постройкѣ, напр., въ с. Р.-Ю. дома на плотниковъ было израсходовано почти 371 р., да на вывозку лѣса—148 руб. Собственно же чернорабочіе за заготовку лѣсныхъ матеріаловъ получили всего 36 р. 13 к. Разумѣется, и плотники могутъ нуждаться и дѣйствительно нуждаются, но, во-первыхъ, ихъ—меньшинство, а во-вторыхъ, у нихъ два шанса найти работу: и какъ плотникамъ и какъ чернорабочимъ, у большинства же населенія только одинъ послѣдній шансъ. Въ виду этого, въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ чернорабочимъ насе-

леніемъ общественныя работы съ чернымъ трудомъ и малыми затратами на матеріалъ, очевидно, должны преобладать.

Вообще, по вопросу о выборѣ работъ у насъ не было недоразумѣній ни между собою ни съ крестьянами. Мы твердо стояли на томъ, чтобы устраивать работы преимущественно въ интересахъ отдѣльныхъ селеній, создавая при этомъ такія полезности для нихъ, которыя, будучи важны для настоящаго, могутъ имѣть значеніе и въ будущемъ и хоть отчасти могутъ служить для предупрежденія или смягченія самихъ неурожаевъ. Съ этой точки зрѣнія, мы, какъ я уже говорилъ, всегда отдавали предпочтеніе работамъ по расширенію и улучшенію крестьянскихъ земельныхъ угодій.

Съ этой же точки зрѣнія, лично я предпочиталъ мелкія работы крупнымъ.

Мелкія работы, какъ было сказано выше, по характеру своему, легче въ техническомъ отношеніи и слѣдовательно, менѣе рискованы въ смыслѣ прочности и правильности устройства. Сложныя и крупныя техническія сооруженія, по моему мнѣнію, не должны предприниматься пріѣзжими людьми, мало освѣдомленными съ технической стороной работы и съ мѣстными данными. Такія работы должны подготовлять мѣстные хозяйственные органы исподволь и производить не спѣшно, съ должной осмотрительностью и осторожностью. Мы же, пріѣзжіе и сторонніе люди, не могли рисковать на такихъ работахъ.

Установить въ изложенныхъ чертахъ характеръ работъ было не трудно. Гораздо труднѣй оказалась работа по самой ихъ организаціи.

Насъ, пріѣхавшихъ на трудовую помощь, было всего нѣсколько человѣкъ. Каждый изъ насъ могъ взять въ свое непосредственное завѣдываніе, при массѣ другихъ дѣлъ, одну—двѣ, много—три—четыре работы. Между тѣмъ, ихъ предстояло устроить нѣсколько десятковъ.

Значитъ, нужно было найти не мало такихъ людей, которые приняли бы на себя завѣдываніе и руководство отдѣльными работами и при томъ безплатно, въ виду незначительности средствъ, которыми мы располагали. Гдѣ было ихъ взять? Надъ этимъ вопросомъ приходилось думать немало.

Чиновники въ огромномъ большинствѣ случаевъ относились къ намъ отрицательно. Они считали, что мы развращаемъ населеніе, такъ какъ оно само „обязано" строить себѣ дороги, гати, мосты, дамбы и т. п. Не всякому же чиновнику удобно было объяснять, что мужики „обязаны" и хлѣбъ свой имѣть, и не голодать, чтобы не безпокоить начальство, но тѣмъ не менѣе упорно своихъ „обязанностей" не исполняютъ и ничтоже сумняшеся и хлѣба не имѣютъ, и голодаютъ, и начальству покоя не даютъ. Иной чиновникъ высокаго ранга, нисколько не отказываясь отъ своихъ воззрѣній на мужицкія обязанности, могъ, пожалуй даже обидѣться за такія объясненія,—а это для насъ во всѣхъ отношеніяхъ было неудобно. Поэтому, „ожогшись", какъ говорилъ мой сотрудникъ докторъ О., на высшихъ чинахъ, мы рѣшили ихъ не безпокоить.

— Я, по крайней мѣрѣ—объяснялъ нашъ докторъ—больше не въ силахъ разговаривать съ ними. Въ этихъ разговорахъ я всегда чувствую, что я дуракъ дуракомъ. И замѣчательно: чѣмъ генералъ, съ которымъ я разговариваю выше по рангу, тѣмъ большимъ дуракомъ я себя чувствую. Нѣтъ, ужъ, меня отъ нихъ избавьте.

За высшими чинами тянулись и многіе низшіе. Конечно, были и такіе, которые сами напрашивались къ намъ въ завѣдующіе общественными работами. Но, по наведеннымъ о нихъ справкахъ, отъ ихъ любезныхъ предложеній приходилось всячески открещиваться. Въ концѣ концовъ изъ чиновниковъ у насъ работало въ общемъ очень и очень немного лицъ.

О помѣщикахъ и промышленникахъ нечего было и

думать. Едва ли не большинство ихъ стояло на точкѣ зрѣнія старичка Н., о моихъ переговорахъ съ которымъ я уже разсказывалъ. Но были и такіе,—и при томъ далеко нерѣдко,—которые даже и не разговаривали, а просто рычали на крестьянъ, ругательски ругались или издѣвались надъ ними. Только сравнительно немногіе, преимущественно изъ земскихъ дѣятелей, относились къ общественнымъ работамъ терпимо; но и они предпочитали сооруженія для общаго крестьянъ и помѣщиковъ пользованія, т. е. дороги, мосты, общіе пруды и т. п., на сооруженія же, предпринимаемыя спеціально въ интересахъ сельскихъ обществъ, смотрѣли косо и подозрительно. Тѣмъ не менѣе, кой къ какимъ работамъ мы привлекли ихъ и пользовались ими, хотя, разумѣется, въ умѣренныхъ размѣрахъ.

Главными нашими работниками были представители все того же пресловутаго „третьяго элемента" въ земствѣ и въ деревнѣ вообще, т. е. земскіе техники, врачи, учителя, фельдшерицы, а также и часть священниковъ и ихъ „матушки".

Съ ними, въ большинствѣ случаевъ, приходилось намѣчать селенія для открытія работъ и самыя работы, съ ними обсуждали мы техническія подробности, если они не требовали спеціальныхъ консультацій техниковъ, съ ними разрабатывали не сложныя смѣты и даже чертили планы, съ ними выбирали рабочихъ или устанавливали способы подбора ихъ; имъ предоставляли вести денежныя записи, покупать матеріалы, расплачиваться съ рабочими и т. д., и т. п.

Посовѣтовавшись и поговоривши съ такимъ человѣкомъ, по его же совѣту, приглашали двухъ-трехъ дѣловитыхъ крестьянъ и уславливались съ ними о подробностяхъ дѣла. Затѣмъ созывали сельскій сходъ или— если это почему либо было неудобно—стариковъ и опять въ подробностяхъ разсматривали вопросъ. При очень мелкихъ работахъ дѣло обходилось, разумѣется,

и безъ схода и безъ стариковъ. Но и въ такомъ случаѣ мы старались всѣмъ кому возможно выяснить характеръ работы. Вообще, мы пришли къ убѣжденію, что сознательнаго отношенія крестьянъ къ работамъ необходимо добиваться во всѣхъ случаяхъ, такъ какъ эта сознательность всегда служитъ лучшимъ залогомъ успѣшности работы.

Впрочемъ, съ созывомъ схода не всегда было легко. Въ это время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Поволжья уже явно сказывалось отрицательное отношеніе къ тому обезличенію сходовъ, которое признавалось сановнымъ Петербургомъ необходимымъ для поддержанія пресловутаго авторитета „твердой власти“.

— Чево тамъ на сходъ—слышались злобно-ироническія замѣчанія мужиковъ по поводу созыва ихъ на сходъ—земскій самъ все разберетъ.

— Хоть иди, хоть не иди,—говорили другіе,—все одно не по нашему будетъ.

Третьи прямо заявляли, что давно уже перестали посѣщать сходъ и впередъ не пойдутъ, такъ какъ сходъ собирается только „для отвода глазъ“, „для проформы“.

При очевидной для крестьянъ и ясно сознаваемой ими тенденціи всякаго начальства убить или понизить у нихъ самостоятельность, прежде чѣмъ добиться созыва схода приходилось въ нѣкоторомъ случаѣ принимать мѣры, чтобы заинтересовать крестьянъ. Въ этихъ случаяхъ намъ помогали тѣ нѣсколько крестьянъ, съ которыми мы предварительло обсуждали наше дѣло. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ собрать сходъ такъ таки и не удалось.

На сходахъ, когда они собирались, тоже дѣло налаживалось не всегда сразу. Часто приходилось сначала сломать ледъ недовѣрія крестьянъ къ „барскимъ затѣямъ“. Но въ концѣ концовъ почти всегда искренняя рѣчь и отсутствіе невысказанныхъ желаній и „заднихъ

мыслей“ растаивали этотъ ледъ. Замѣчанія крестьянъ становились постепенно все откровеннѣе и дѣловитѣе.

Долженъ сознаться, что пока я самъ не побывалъ на нѣсколькихъ сходахъ и не послушалъ такихъ толковыхъ, дѣльныхъ и добросовѣстныхъ рѣчей крестьянъ,—я какъ то точно забылъ или не принялъ во вниманіе возможности и даже необходимости во многихъ случаяхъ совсѣмъ не имѣть другихъ посредниковъ въ общественныхъ работахъ между мною и рабочими, кромѣ тѣхъ „довѣрителевъ“, которыхъ избиралъ самъ сходъ. Каюсь и сожалѣю, что я догадался объ этомъ довольно поздно, когда большинство работъ было уже налажено; тѣмъ болѣе сожалѣю, что завѣдываніе работами при посредствѣ крестьянскихъ „довѣрителевъ“ избавило бы меня въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ необходимости упрашивать принять на себя завѣдываніе ими такихъ лицъ, которыя мало интересовались или еще меньше сочувствовали имъ.

Подъ конецъ моей дѣятельности на голодѣ почти всѣми новыми, т. е. позже другихъ открытыми, работами, завѣдывали уже довѣренные отъ крестьянъ. Я настаивалъ, чтобы сходъ выбиралъ обыкновенно трехъ крестьянъ, къ которымъ я прибавлялъ учителя или священника или доктора, какъ бы въ видѣ представителя отъ себя и для непосредственнаго веденія, въ качествѣ грамотнаго человѣка, записей и счетовъ. Такія коллегіи, во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ, дѣйствовали вполнѣ успѣшно, прекрасно выбирали рабочихъ изъ дѣйствительно нуждающихся крестьянъ, аккуратно сдавали отчеты и зорко слѣдили за самыми работами. Правда, эти послѣднія на всегда выходили красивыми по внѣшности. Онѣ были, дѣйствительно, мужичьими работами. Но зато онѣ всегда были основательны и прочны. Русскій мужикъ, въ сущности, смышленый и недурной техникъ и этимъ его качествомъ никогда не вредно пользоваться на общественныхъ работахъ.

Поручать завѣдываніе послѣдними выборнымъ изъ крестьянъ полезно и въ томъ отношеніи, что, по окончаніи работъ, въ ихъ лицѣ въ селеніи остаются радѣтели о нихъ, заботящіеся о поддержаніи сооруженій или о завершеніи и продолженіи ихъ. Проникнутые почти всегда сознаніемъ полезности предпринятой работы, они нерѣдко убѣждали болѣе зажиточныхъ крестьянъ пожертвовать на общественную работу лѣсъ или другой какой либо матеріалъ, безплатно подвести его къ мѣсту работъ, уменьшить размѣръ своего заработка и т. п. Вообще выборные и довѣренные отъ крестьянъ всегда полезны на работахъ, а иногда и положительно необходимы.

Очень полезны и сходы, особенно при установленіи размѣровъ заработной платы. Въ этомъ отношеніи, если крестьяне поняли значеніе работы, они бываютъ вполнѣ добросовѣстны. Отдѣльныя попытки сорвать и содрать, разумѣется, бываютъ, но большинство присутствующихъ на сходахъ обычно ихъ обрываетъ и выводитъ на чистую воду. Однако, и со стороны предлагающаго работу требуется въ такихъ случаяхъ полная откровенность и добросовѣстность. Предлагаемая имъ рабочая плата должна быть нормальной, а не пониженной условіями заработковъ въ голодный годъ. Уборка десятины хлѣба въ извѣстныхъ мнѣ мѣстностяхъ Поволжья обходится, напримѣръ, при хорошемъ урожаѣ въ 8—10 р., при среднемъ—въ 5—6 р., а при плохомъ падаетъ до 3-хъ рублей и даже до 1—2 р. Разумѣется, эта послѣдняя цѣна, даже если она преобладаетъ въ данное время, не можетъ быть признана нормальной. Предлагать ее—значитъ предлагать работать въ убытокъ, усиливать народное бѣдствіе и совсѣмъ не понимать ни цѣли, ни значенія общественныхъ работъ. Задачей послѣднихъ въ такихъ случаяхъ должно быть поднятіе рабочихъ цѣнъ по крайней мѣрѣ до средняго, а при возможности и до высшаго уровня, а никакъ не пониженіе ихъ. И

крестьяне прекрасно оцѣниваютъ въ этихъ случаяхъ роль организатора работъ.

Оказывать трудовую помощь нуждающемуся населенію не значитъ давать работу всѣмъ безъ исключенія. Это было бы возможно лишь при огромномъ, колоссальномъ количествѣ работъ, могущихъ занять всѣ наличныя рабочія руки. При отсутствіи же этого условія работу необходимо давать лишь дѣйствительно нуждающимся въ ней. Слѣдовательно, нужно дѣлать выборъ работниковъ, а для этой цѣли нужно дѣлать предварительное обслѣдованіе нуждающихся домохозяйствъ. Зажиточность нашего сельскаго населенія сплошь и рядомъ зависитъ отъ количества рабочихъ рукъ въ семьѣ: чѣмъ больше ихъ, тѣмъ богаче дворъ и наоборотъ. Поэтому при отсутствіи обслѣдованія нуждающихся и выбора работниковъ изъ числа наиболѣе потерпѣвшихъ легко можетъ случиться, что общественныя работы будутъ служить исключительно для зажиточныхъ семей и что наиболѣе нуждающіеся, особенно изъ неимѣющихъ лопаты, заступа и другихъ орудій, или обуви, одежды и пр., совсѣмъ не воспользуются работами. Въ такомъ случаѣ, главная цѣль общественныхъ работъ останется недостигнутой. Въ виду этого, при ограниченности средствъ и количества общественныхъ работъ, производству послѣднихъ необходимо должно предшествовать обстоятельное обслѣдованіе нуждающихся дворовъ и выборъ работниковъ только изъ ихъ среды. Безъ этого условія нерѣдко не слѣдуетъ и начинать работъ.

Сельскіе сходы прекрасно усваиваютъ это и при ихъ посредствѣ составъ рабочихъ опредѣляется быстро и вѣрно. Для этого обыкновенно не требуется ни сплошного обхода дворовъ, ни провѣрки ихъ по посемейнымъ спискамъ. Крестьяне сами называютъ на сходѣ дворы въ порядкѣ ихъ расположенія по улицѣ, обсуждаютъ здѣсь же нужду ихъ въ работѣ и возможность

ее выполнить и тутъ же, совершенно откровенно высказываютъ свое мнѣніе. Если въ отдѣльныхъ случаяхъ, относительно нѣкоторыхъ дворовъ, возбуждаются сомнѣнія, то въ концѣ схода полезно будетъ зайдти въ нихъ. Въ небольшихъ селеніяхъ и въ деревняхъ работу сходовъ удачно выполняютъ и старики и выборные довѣренные. Подворный обходъ здѣсь тоже доступнѣе и удобнѣе.

Для увеличенія заработковъ населенія на общественныхъ работахъ, цѣлесообразно прибѣгать къ артельному способу ихъ производства. При полномъ и наиболѣе выгодномъ, а потому и наиболѣе желательномъ, осуществленіи артельнаго начала, рабочіе должны составлять и складочныя, и потребительныя, и производительныя группы (артели), въ которыхъ матеріалы поставляются всѣми участниками, и продовольствіе ведется за общій счетъ и на равныхъ основаніяхъ, а равно и заработокъ поступаетъ не отдѣльнымъ работникамъ, а всей артели и распредѣляется между отдѣльными участниками по ихъ опредѣленію. Къ сожалѣнію, такое полное осуществленіе артельнаго начала въ общественныхъ работахъ, по моимъ наблюденіямъ, часто очень затруднительно. Артельщики не располагаютъ обычно средствами на пріобрѣтеніе и поставку матеріаловъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда требуется, напр., мелкій лѣсъ и крестьяне имѣютъ лѣсной надѣлъ, или когда на послѣднемъ есть нужный для работъ песокъ, камень и проч. Но такіе случаи относительно рѣдки. Если же они встрѣчаются, то ими необходимо пользоваться. Гораздо возможнѣе примѣненіе артельнаго начала на самой работѣ, хотя и здѣсь организація производительныхъ артелей можетъ встрѣтить многія препятствія, напр., въ искусственномъ подборѣ артельщиковъ по ихъ бѣдности и нуждѣ, а не по довѣрію другъ къ другу и въ т. п. обстоятельствахъ. Лично мнѣ въ осуществленіи производительныхъ артелей препятство-

валъ сильный недостатокъ времени. Просто, было некогда и притомъ чрезвычайно некогда. А жаль, такъ какъ такія артели имѣютъ большое воспитательное значеніе, и какъ временныя, учреждаемыя на короткій срокъ, удаются лучше постоянныхъ. Харчевыя и вообще потребительныя артели наиболѣе доступны и осуществимы почти всегда на работахъ, предпринимаемыхъ вдали отъ мѣстожительства рабочихъ.

Большой соблазнъ для неопытныхъ устроителей общественныхъ работъ представляютъ обильныя предложенія своихъ услугъ подрядчиками. Но пользоваться ими—значитъ совсѣмъ не понимать роли и значенія этихъ работъ.

А значеніе онѣ, дѣйствительно, могутъ имѣть весьма крупное. Важна прежде всего ихъ принципіальная сторона. Сама организація ихъ знаменуетъ до нѣкоторой степени признаніе права на трудъ. Форма же организаціи общественныхъ работъ осуществляетъ одинъ изъ видовъ муниципализаціи или даже соціализаціи предпріятій. Предпринимателями общественныхъ работъ являются учрежденія—будь они частныя или общественныя—не только не заинтересованныя въ извлеченіи предпринимательскихъ выгодъ, но даже, напротивъ того, обязанныя заботиться объ общественной пользѣ. Въ виду этого, они имѣютъ полную возможность предоставлять рабочимъ всѣ выгоды отъ ихъ труда, не заботясь о предпринимательскихъ доходахъ, и въ то же время, избирая такія работы, которыя создаютъ наибольшія полезности для самихъ же рабочихъ. Улучшая такимъ образомъ настоящее положеніе нуждающихся, онѣ одновременно съ тѣмъ ознакомляютъ и освоиваютъ населеніе съ формами производства будущаго, воспитывая въ нихъ работниковъ и открывая пути перехода къ этимъ формамъ безъ крупныхъ потрясеній.

Кромѣ этихъ важнѣйшихъ вліяній, общественныя

работы имѣютъ не малое значеніе и въ другихъ отношеніяхъ. Не распространяясь уже, послѣ сказаннаго выше, о непосредственной пользѣ ихъ создаваемыми ими полезностями и заработкомъ, нерѣдко спасающимъ жизнь, я долженъ отмѣтить, что лично не разъ наблюдалъ, какъ онѣ поднимаютъ бодрость въ населеніи, возбуждаютъ въ немъ энергію и иниціативу.

Помню, напримѣръ, какое значеніе въ этомъ смыслѣ имѣла въ сущности очень простая работа въ селеніи Г. Здѣсь разливы рѣки Усы изъ года въ годъ затопляли обширныя выгонныя поля крестьянъ, заливая и занося ихъ пескомъ. Ежегодные убытки отъ этого достигали 1.500 р. Одинъ изъ моихъ товарищей рѣшилъ помочь крестьянамъ постройкой простѣйшей дамбы, ограждающей выгоны отъ разливовъ рѣки. Но располагая скромными средствами, онъ могъ ассигновать на эту работу только очень небольшія деньги. Съ рѣдкой и изумительной энергіей крестьяне принялись за дѣло. За два дня ихъ вышло на работу 985 человѣкъ, т. е. почти все мѣстное рабочее населеніе. Немедленно было доставлено 800 возовъ хворосту и соотвѣтствующее количество кольевъ, и огромная дамба—въ 700 погонныхъ саженъ—выросла точно по мановенію волшебнаго жезла. Радостный подъемъ духа въ населеніи нисколько не уменьшился отъ того, что наши средства были исчерпаны, что называется, до копѣйки. Крестьяне рѣшили за свой счетъ продолжать работу. По постановленію схода, они продолжили дамбу еще на 800 саженъ, произвели со стороны Усы посадку ветелъ, а сверху насыпи разбросали свѣжій хворостъ, вслѣдствіе чего вся плотина получила видъ высокой, огромной, тянущейся на три версты, и живописной живой изгороди. Населеніе же точно вновь пріобрѣло прекрасный обширный выгонъ съ чудеснымъ пастбищемъ для скота и значительный лугъ съ хорошей

травой. У крестьянъ являлась уже мысль и объ улучшеніи самаго луга.

Не менѣе интересенъ примѣръ осушенія болота при селеніи К. По поводу его въ мѣстной земской управѣ шла безконечная переписка и образовалось цѣлое объемистое дѣло. Болото осматривали и врачи и техники. Спеціальная комиссія пришла по поводу его къ очень неутѣшительнымъ выводамъ. Селеніе К. расположено въ глубокой котловинѣ, открытой къ югу, къ рѣкѣ Кошкѣ. Мѣсто это никогда не высыхаетъ, вода застаивается и портится, на мочежинномъ мѣстѣ образуется масса гніющихъ веществъ, заражающихъ воздухъ. Къ юго-востоку, за чертой села, на выгонѣ для скота находится кочковатое болото съ истокомъ въ рѣку Кильну. По увѣренію ветеринарнаго врача, вода этого болота, служащаго водопоемъ для скота, портится во время лѣтнихъ жаровъ до чрезвычайности и вызываетъ массу заболѣваній скота и даже служитъ главнымъ источникомъ для распространенія сибирской язвы, которая ежегодно наблюдается въ селеніи К. Комиссія приняла все это во вниманіе и признала крайне необходимымъ, съ одной стороны, осушить мочежину, устроивъ для этого дренажъ изъ фашинника, а съ другой,— осушить кочковатое болото, проведеніемъ открытыхъ канавъ. Мѣстные крестьяне—чуваши не понимали вреда отъ болота, и поэтому, и особенно по выдающейся своей бѣдности, не хотѣли осушивать его за свой счетъ. Распря ихъ по этому вопросу съ уѣздной санитарной комиссіей обострилась и послѣдняя рѣшила сама осушить болото, но стоимость работъ взыскать съ „строптивыхъ“ крестьянъ. Дѣло это едва ли кончилось бы благополучно, если бы мы не приняли осушки на свой счетъ.

По указаніямъ инженера, сначала было дренировано болото за селомъ. Вдоль склона его къ юго-западу мы провели 12 канавъ съ нѣсколькими вѣтвями, а

затѣмъ всѣ канавы соединили въ нижнемъ концѣ ихъ въ одну общую канаву, по которой обильная вода изъ болота стала стекать въ Кильну. При прорытіи канавъ,—общее протяженіе которыхъ дошло до 748 саж.,—былъ невыносимый гнилостный запахъ. Крестьяне скоро поняли значеніе работы и къ концу ея у нихъ не осталось и тѣни упорства или недовѣрія къ пользѣ работы. Удаленіе зловонной воды произвело на нихъ хорошее впечатлѣніе, а когда недѣли черезъ двѣ почва пообсохла и появилась травка, чуваши были обрадованы и начали понемногу выпускать на болото скотъ.

Дренированіе болота, находившагося въ самомъ селѣ, было гораздо труднѣе. Мягкая, почти жидкая почва затрудняла рытье канавъ, которыя заплывали почти слѣдомъ за прорытіемъ. Четыре канавы были, вырыты съ сильными затрудненіями. Бока ихъ, чтобы предупредить заплываніе, пришлось заложить досками, а на дно уложить камень и фашинникъ. Въ заключеніе, оврагъ находившійся въ селѣ, заплели плетнемъ изъ тальника, часть котораго проросла и прекратила распространеніе оврага. Мѣстность селенія была, такимъ образомъ, оздоровлена и крестьяне были очень довольны работой.

Крестьяне с. Г. сами обратились къ намъ съ просьбой осушить имъ 30 десятинъ болотистаго луга. Работа и здѣсь была такъ удачна, что сельскій сходъ рѣшилъ распространить ее уже на свой счетъ и на остальные свои мокрые луга.

Вообще, общественныя работы были настолько наглядно полезны и встрѣчали настолько большое сочувствіе населенія, что невольно являлось желаніе упрочить ихъ и сдѣлать ихъ постоянными. Однако, вопросъ о томъ, какъ это сдѣлать, вызывалъ и продолжаетъ вызывать большіе споры.

Одинъ изъ моихъ товарищей по поѣздкѣ въ голодающія губерніи, работавшій въ уѣздѣ, имѣвшемъ

хорошій составъ земской управы, пользовался поддержкой и сотрудничествомъ земцевъ, былъ ими доволенъ и утверждалъ, что общественныя работы должны сосредоточиваться въ земствѣ и имъ исполняться.

— Земство — говорилъ онъ — имѣетъ возможность разработать цѣлую систему такихъ работъ, заготовить планы и смѣты ихъ и осуществлять по мѣрѣ средствъ и нужды. На случай эпидемій оно можетъ усилить работы по оздоровленію селеній, при неурожаяхъ заняться обводненіемъ и т. п.

— Съ вами можетъ быть и можно было бы согласиться,—возражалъ докторъ О.—если бы у насъ земства были выразителями дѣйствительно земскихъ, а неземлевладѣльческихъ интересовъ. А такъ какъ они поистинѣ крѣпостническія земства, то посмотрите, напримѣръ, на тѣ уѣзды, гдѣ я былъ,—какіе тамъ планы и смѣты разработаны. Въ нихъ ни одной правильной цифры нѣтъ, ни одного вѣрнаго плана мѣстности. А въ Б—скомъ уѣздѣ земцы прямо мнѣ сказали, что никакихъ имъ общественныхъ работъ не нужно. Такъ неужели же ихъ обязать производить эти работы?

Погорячились мои собесѣдники въ этомъ спорѣ порядочно. Но такъ какъ нужно было найти какой-нибудь практическій исходъ, то остановились мы на слѣдующемъ.

Попытаться вездѣ, гдѣ будетъ возможность, образовать въ селеніяхъ и городахъ хотя бы небольшіе, въ три—пять лицъ, „кружки трудовой помощи“, а гдѣ возможно, то и „общества трудовой помощи“ и поручить имъ наблюденіе за состояніемъ уже исполненныхъ работъ, за своевременнымъ ремонтомъ и расширеніемъ ихъ, а также — заботу о продолженіи и организаціи новыхъ общественныхъ работъ. Постараться привлечь къ этому и другія добровольныя общественныя организаціи, напримѣръ, благотворительныя общества и даже попечительства народной трезвости. Мобилизировать,

такимъ образомъ, всѣхъ въ этой области добровольныхъ дѣятелей, всѣхъ, кто желаетъ, не изъ корыстныхъ видовъ, заняться ими.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ не только не игнорировать земскихъ учрежденій, но, напротивъ того, употребить всѣ усилія, чтобы и ихъ привлечь къ этому дѣлу. Вездѣ, гдѣ земство возьмется за него, оно естественно, само собой, станетъ во главѣ его: объединитъ частные кружки и общества, поможетъ имъ средствами и т. п.

Въ свою очередь и въ центрѣ нужно похлопотать объ объединяющей организаціи и о средствахъ для нея, которыя могли бы переводиться мѣстнымъ кружкамъ и земствамъ и служить для постановки и развитія дѣла трудовой помощи.

Къ сожалѣнію, осуществленіе этого плана затормозилось и проектированные нами кружки получили самое скромное осуществленіе, да и то больше для содержанія дѣтскихъ пріютовъ и учебныхъ мастерскихъ, чѣмъ для веденія дѣла общественныхъ работъ.

Попытки организовать доступный кредитъ.

(Письмо 7-ое).

Мѣсяца за полтора до своего отъѣзда изъ голоднаго края, заѣхалъ я какъ-то, странствуя по Поволжскимъ городамъ и весямъ, къ знакомому священнику села Л—ки отцу Павлу.

Онъ собирался пойти версты за двѣ отъ селенія посмотрѣть лѣсныя дѣлянки, предназначенныя удѣльнымъ вѣдомствомъ въ продажу на срубъ. По поводу ихъ, какъ сказалъ онъ мнѣ, у него явились „кое-какія мысли“, о которыхъ ему хотѣлось даже написать мнѣ. Я охотно согласился пройтись съ нимъ и побесѣдовать по поводу его мыслей.

Начиналась уже осень, и лѣсъ, украшенный осенними цвѣтами своей листвы, дышалъ совершенно особой своеобразной красотой. На бѣлыхъ, испещренныхъ темными полосками березахъ, стоялъ уже ярко-желтый лиственный уборъ, то образуя кудрявую головку, то спускаясь плакучими гирляндами къ землѣ. Толстое старое дерево, видавшее на своемъ вѣку многіе виды, еще не сдавалось: его красивый зеленый уборъ отчетливо выдѣляется на желтомъ фонѣ молодыхъ деревьевъ и еще ярче оттѣняетъ ихъ нѣжную окраску. Темная листва дуба мѣстами уже побагровѣла, съежилась и вмѣстѣ съ красновато-желтыми листьями осины и пурпуровой листвой какого-то низкорослаго кустарника

дополняла эффектное разнообразіе осеннихъ цвѣтовъ лѣса. А рядомъ—обширная поляна, то сплошь покрытая яркой молодой зеленью озимыхъ всходовъ, то усѣянная скирдами душистаго сѣна. И при этомъ голубое небо, едва подернутое на склонахъ горизонта сѣроватой дымной осени, яркое солнце, свѣжій прохладный бодрящій воздухъ и то особое возвышающее чувство силы и сознанія законченнаго дѣла, которое невольно охватываетъ земледѣльца при видѣ убраннаго хлѣба, сложеннаго сѣна, засѣянныхъ полей. Широкой грудью вдыхаешь въ себя ароматный воздухъ лѣса и полей, бодро и весело вглядываешься въ глубь обширной картины.

Вообще, въ Поволожьѣ удивительно много красивыхъ видовъ. Берега самой Волги и очень многихъ правыхъ ея притоковъ въ такой мѣрѣ обильны поразительно красивыми и эфектными ландшафтами, что, при постоянныхъ поѣздкахъ по грунтовымъ дорогамъ, прямо устаешь отъ этой безпрерывной красоты.

— Да,—отвѣчалъ на мое замѣчаніе объ этомъ отецъ Павелъ—наша губернія очень красива. Это губернія—красивыхъ видовъ, озлобленныхъ помѣщиковъ и неуступающихъ имъ въ этомъ совершенно разоренныхъ крестьянъ.

Это была одна изъ самыхъ удачныхъ характеристикъ, слышанныхъ мною здѣсь.

— Красота эта—продолжалъ отецъ Павелъ—много зависитъ отъ сохранившихся еще у насъ владѣльческихъ лѣсовъ. Посмотрите сколько ихъ, и конца и краю не видно. А между тѣмъ, ни отъ чего такъ много не страдаетъ здѣсь народъ какъ отъ отсутствія своего собственнаго лѣса.

Помолчавъ немного, отецъ Павель сталъ развивать свою мысль.

— Когда я четырнадцать лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ въ наше село, здѣсь у очень многихъ крестьянъ были прекрасныя постройки. Просторныхъ хорошихъ

избъ, стоимостью, по теперешнимъ цѣнамъ, рублей въ 700, считалось около трети. Постройки подешевле — рублей въ 400 — преобладали, а избъ рублей въ сто — тогда такія избы считались плохенькими — было всего десятка два-три изъ трехсотъ.

— Но вотъ, лѣтъ десять тому назадъ, — продолжалъ священникъ — Господь посѣтилъ насъ пожаромъ. Выгорѣло почти все село. За годъ построились. Но достатки у крестьянъ были уже другіе, и тотъ, кто имѣлъ избу въ 700 р. могъ построить только въ 400, а кто имѣлъ избу въ 400 р., построился только въ 100. Самые же послѣдніе бѣдняки такія лачужки себѣ соорудили, какихъ у насъ раньше не было. Всѣ покрыли избы соломой и тѣмъ только бóльшую пожарную опасность создали. Но на этомъ дѣло не стало: четыре года тому назадъ наше село опять выгорѣло. Опять пошло на пониженіе. Лучшихъ избъ осталось всего съ десятокъ. Кто имѣлъ избы въ 400 р. построилъ въ 100, кто жилъ въ сторублевой переселился въ лачужку. И теперь село почти сплошь состоитъ изъ сторублевыхъ избъ да лачужекъ. А въ этомъ году уже два раза загоралось, — Господи, помилуй насъ, — прибавилъ онъ крестясь — да, слава Богу, тихо безвѣтренно было и народъ былъ дома, потому-то огню и не дали разойтись. Но что же будетъ, какъ жить будутъ мои прихожане, если еще случится большой пожаръ?

Отецъ Павелъ вопросительно смотрѣлъ на меня своими большими грустными глазами. Не дождавшись отвѣта, онъ продолжалъ.

— Конечно, великое благодѣяніе это земское страхованіе. Но оно и половины убытковъ не возвращаетъ, а если принять въ разсчетъ, что у погорѣльцевъ и хлѣба не бываетъ, что имъ приходится на страховую премію и кормиться, то остается только землянки рыть. Такъ оно и будетъ, если не принять предупредительныхъ мѣръ противъ пожаровъ.

— Но что же можно сдѣлать?—спросилъ я.

— А вотъ вы помогите намъ вотъ эту дѣлянку лѣсу купить—отвѣчалъ отецъ Павелъ.—Мы тесу надѣлаемъ, да перекроемъ наши крыши тесомъ. Это хоть и не то, что желѣзная крыша, но все таки, какъ пишутъ, втрое при пожарахъ безопаснѣе соломенныхъ

Отецъ Павелъ, какъ оказалось, обдумалъ это въ подробностяхъ. По его мнѣнію, помощь крестьянамъ въ этомъ дѣлѣ не должна быть благотворительной. Лучше всего организовать ее въ формѣ вещнаго кредита.

— Мы образуемъ здѣсь небольшое общество или кружокъ—развивалъ онъ свою мысль—и купимъ дѣлянку-двѣ лѣсу. Раздѣлывать ею будутъ бѣднѣйшіе крестьяне за обычную плату. Цѣны назначимъ среднія или даже ниже среднихъ, ибо и въ такомъ случаѣ изрядная выгода будетъ. Кто побогаче—на наличные купитъ. Такихъ, правда, немного, но все же найдутся: вѣдь на тесовую крышу не Богъ знаетъ сколько средствъ требуется. Большинству будемъ въ кредитъ давать на льготныхъ условіяхъ изъ 4% росту. Черезъ годъ-два мы весь заемъ возвратимъ вамъ и еще сами кое-что заработаемъ на продолженіе дѣла. Ну, а если вы и еще на годикъ—два оставите намъ ссуду, то мы и кирпичный заводъ откроемъ и отъ тесовыхъ крышъ къ огнестойкимъ постройкамъ перейдемъ.

— Словомъ,—закончилъ онъ,—у насъ будетъ и помощь трудомъ при раздѣлкѣ лѣса, и кредитное учрежденіе для бѣднѣйшихъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, впервые возникла у насъ мысль объ особыхъ кассахъ въ цѣляхъ организаціи простѣйшихъ формъ кредита.

Въ сущности, чуть ли не каждое селеніе давало много поводовъ для открытія такихъ кассъ. Особенно много было ихъ въ селеніяхъ, занятыхъ кустарными промыслами.

Въ с. Н. Б., напримѣръ, очень развитъ промыселъ выдѣлки грубыхъ оконныхъ рамъ для избъ. Стоимость рамъ невелика—приблизительно рублей 15 за сотню. Для продажи ихъ кустари, по окончаніи полевыхъ работъ, везутъ рамы на югъ, въ отдаленныя мѣста, внѣ которыхъ сбыта почти нѣтъ. Сбытъ, такимъ образомъ, пріурочивается только къ одному сроку въ году. Лѣсъ для рамъ кустари пріобрѣтаютъ по мелочамъ у промышленниковъ, или въ кредитъ за весьма и весьма высокіе проценты или на наличныя деньги, которыя, въ свою очередь, можно добыть только путемъ займа у богатыхъ односельчанъ подъ залогъ тѣхъ же рамъ. Закладывая сотню ихъ за 8 руб., кустарь обычно принимаетъ обязательство уплатить 12 руб.. Передъ временемъ продажи, выдавшій ссуду возвращаетъ рамы на слово кустарю, который и везетъ ихъ за свой счетъ на продажу. Выручка отъ послѣдней, какъ видно изъ приведенныхъ цѣнъ, почти цѣликомъ передается кустаремъ кредитовавшему его кулаку, въ пользу же работника остаются однѣ крохи.

Въ интересахъ кустарей насъ и здѣсь просили организовать складъ лѣса и стекла для рамъ съ тѣмъ, чтобы выдавать этими матеріалами ссуды работникамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывали на необходимость оставить здѣсь небольшой денежный фондъ для выдачи ссудъ подъ залогъ изготовленныхъ рамъ. По разсчетамъ мѣстныхъ людей, этими мѣрами сберегалось бы кустарямъ отъ каждой продажи на 15 р., по крайней мѣрѣ, 5—6 лишнихъ рублей.

Въ селеніи М.-С. и нѣсколькихъ прилегавшихъ деревняхъ мѣстные крестьяне заняты выдѣлкой ободьевъ. Они всецѣло находятся въ рукахъ кулаковъ, ссужающихъ крестьянъ за огромные проценты матеріалами для производства и деньгами. Здѣсь, въ свою очередь, просили насъ устроить такую же организацію, какъ и въ другихъ двухъ указанныхъ выше селеніяхъ.

Наконецъ, съ подобными же ходатайствами обратились къ намъ и еще нѣсколько крестьянскихъ обществъ.

Годъ спустя подобная же организація возникла совсѣмъ въ другой мѣстности—въ Херсонской губерніи. Здѣсь одному священнику—отцу Василію В.—были предоставлены маленькія средства для выдачи во время неурожая 1900 г. ссудъ крестьянамъ подъ изготовляемые ими молотильные катки изъ дикаго камня. Въ слѣдующемъ году, снова неурожайномъ, опытъ былъ повторенъ. Насколько онъ былъ удаченъ, видно изъ данныхъ, сообщенныхъ отцомъ Василіемъ о селеніи А. Здѣсь ссудами воспользовалось 32 семьи, при чемъ въ ссуду выдавалось всего по 1—2 рубля на катокъ. Между тѣмъ, въ это же время скупщики покупали катки у крестьянъ, непользовавшихся ссудами, по 75 к. за катокъ и никакъ не свыше 1 р. Въ іюлѣ же и августѣ, т. е. черезъ 7—8 мѣсяцевъ, они продавали тѣ же катки по 3 р. 60 к. Ту же приблизительно цѣну выручили лѣтомъ и крестьяне, заложившіе катки у отца Василія по 1—2 р. за штуку.

Какъ только началась дѣятельность отца Василія, скупщики увеличили цѣны и стали покупать катки отъ крестьянъ уже по 1 р. 50 к. и даже по 2 рубля.

Одинъ изъ нихъ открылъ въ декабрѣ мѣсяцѣ выдачу ссудъ подъ залогъ катковъ, выдавая за каждый катокъ по 1 р. на срокъ 9 мая и взимая по 50% съ рубля. Нѣсколько крестьянъ успѣли сдать этому оборотистому кулаку по два-три десятка катковъ и когда, съ открытіемъ дѣятельности отца Василія, выдававшаго за катки такого же качества по 2 р. ссуды, пожелали въ январѣ мѣсяцѣ выкупить заложенные у скупщика катки, то онъ взыскалъ съ нихъ за мѣсячную ссуду по 15% съ рубля.

Для руководства въ дѣятельности открытыхъ нами кредитныхъ учрежденій, получившихъ названіе *కассъ*

трудовой помощи, были выработаны простыя и несложныя правила.

Организація имъ была предана та именно, какую указывалъ отецъ Павелъ и которая примѣнялась уже нами при устройствѣ постоянныхъ яслей и общественныхъ работъ. Согласно этой организаціи, дѣло поручалось небольшому самоуправляющемуся кружку лицъ, принимавшему сокращенный уставъ обычныхъ благотворительныхъ обществъ, причемъ однако особаго правленія не было, а дѣло велось предсѣдателемъ кружка и общимъ собраніемъ его членовъ. Относительно самой выдачи ссудъ было установлено слѣдующее:

а) ссуды выдаются преимущественно наиболѣе недостаточнымъ лицамъ; кустарямъ же и ремесленникамъ—спеціально тѣмъ, которые не держатъ наемныхъ рабочихъ;

б) ссуды не должны превышать 25—50 р. (смотря по мѣстности) на семью и предназначаются исключительно на хозяйственныя, производительныя надобности;

в) ссуды подлежатъ возврату преимущественно въ годичный срокъ; при чемъ по нимъ взимается 4% росту въ годъ;

г) ссуды должны выдаваться подъ росписку получателя, засвидѣтельствованную сельскимъ старостою, съ обозначеніемъ срока уплаты, и

д) лица, невозвратившія своевременно ссуды, но имѣвшія къ тому возможность, навсегда лишаются кредита въ кассѣ трудовой помощи.

Въ такой простѣйшей организаціи, кассы трудовой помощи оказываются особенно полезными для самыхъ бѣднѣйшихъ крестьянъ. Въ обычныхъ условіяхъ мелкаго кредита, послѣдній оказывается лицамъ имѣющимъ извѣстную кредитоспособность (или паевой взносъ въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, или удостовѣреніе надежныхъ лицъ въ платежеспособности, или круговое ручательство въ кредитныхъ товарище-

ствахъ, или, наконецъ, цѣнное имущество). Чѣмъ бѣднѣе лицо, желающее получить ссуду, тѣмъ меньше для него шансовъ дѣйствительно получить ее. Въ дѣятельности кассъ трудовой помощи должно наблюдаться какъ разъ обратное явленіе: ихъ помощь должна имѣть своимъ объектамъ самыхъ бѣдныхъ лицъ, „законная" кредитоспособность которыхъ можетъ даже равняться нулю. Кредитъ этими кассами долженъ оказываться такъ сказать, подъ обезпеченіе трудоспособности кредитующагося и имѣть своей цѣлью спасеніе и поддержаніе его самостоятельной трудовой дѣятельности. Нужды просителей, если только онѣ вызываютъ какое-либо сомнѣніе, должны обслѣдоваться членами кружковъ, завѣдующихъ кассами и удовлетворяться въ зависимости отъ степени бѣдности ищущаго помощи и возможности достигнуть ссудой указанной цѣли.

Разумѣется, если благосостояніе членовъ сельскаго общества позволяетъ дѣлать паевые взносы, тогда лучше всего устроить ссудо-сберегательное товарищество. Если круговая порука, необходимая для устройства кредитнаго товарищества можетъ быть распространена на бѣднѣйшихъ членовъ сельскаго общества, тогда есть резонъ устраивать такое именно товарищество. Эти учрежденія имѣютъ крупныя достоинства; особенно желательны первыя изъ нихъ, хотя бы уже потому, что они представляютъ собой кооперативныя учрежденія, имѣющія огромное воспитательное значеніе. Но въ дѣйствительности, почти всегда такъ бываетъ, что и ссудо-сберегательныя и кредитныя товарищества не охватываютъ своей дѣятельностью именно тѣ, обычно, бѣднѣйшіе слои крестьянскаго населенія современной деревни, которые болѣе всего нуждаются въ поддержаніи или возстановленіи ихъ хозяйственной трудовой дѣятельности. Это тѣ именно бѣдняки, которые только въ разсрочку могутъ купить лошадь, или покрыть тесомъ избу, которые только при ссудѣ могутъ добиться относительно

сноснаго, въ современныхъ условіяхъ экономической жизни, заработка, которые могутъ окрѣпнуть въ своемъ хозяйствѣ, только при поддержкѣ общеполезныхъ учрежденій, не разсчитывающихъ на барыши и наживу. Такихъ кліентовъ всегда много и тамъ, гдѣ учреждены уже ссудо-сберегательныя товарищества и даже тамъ, гдѣ дѣйствуютъ кредитныя товарищества. Поэтому для кассъ трудовой помощи вездѣ есть достаточно мѣста и простора. Особенно же нужны онѣ въ мѣстностяхъ, лишенныхъ какихъ бы то ни было учрежденій мелкаго кредита.

Разумѣется, кассы трудовой помощи, какъ всѣ кредитныя учрежденія, — лишь палліативъ отъ бѣдствій трудящейся массы въ современныхъ условіяхъ экономической жизни. Онѣ—не учрежденія будущаго строя, а лишь одно изъ средствъ въ остромъ періодѣ этихъ бѣдствій, средство продержаться на уровнѣ человѣческаго существованія, средство спасенія отъ полнаго разоренія, отъ духовнаго оскудѣнія, физическаго вырожденія, а иногда и прямо отъ голодной смерти. Этого достаточно, чтобы прибѣгать въ нуждѣ и къ этому средству. Но, давая возможность существовать, а иногда болѣе или менѣе и укрѣпиться въ позиціи трудового хозяйства, средство это вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ такую же возможность нуждающимся труженикамъ обратиться къ насажденію и развитію въ своей средѣ и такихъ формъ производительной дѣятельности и такихъ организацій, которыя будутъ построены уже на иныхъ началахъ, въ той или иной мѣрѣ заключающихъ въ себѣ дѣйствительные зачатки лучшаго будущаго, болѣе разумнаго и справедливаго строя. Культурная работа нынѣшнихъ активныхъ силъ страны должна направляться къ созданію именно этихъ формъ и организацій, и если для подготовки ихъ, такъ сказать, попутно, приходиться останавливаться и на другихъ видахъ этой работы, то унывать отъ этого не

слѣдуетъ, такъ какъ и она расчищаетъ пути къ этому лучшему будущему и подготовляетъ почву для его формъ и организацій.

Объ этихъ послѣднихъ мы надѣемся говорить съ нашими читателями въ ближайшемъ будущемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

